

**ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР**

КОНЕЦ — ДЕЛУ ВЕНЕЦ

МЕРА ЗА МЕРУ

ТРОИЛ И КРЕССИДА

ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

WILLIAME SHAKESPEARE

**complete works
in 14 volumes**

ALL'S WELL THAT ENDS WELL

MEASURE FOR MEASURE

TROILUS AND CRESSIDA

**МОСКВА
«ТЕППА»—«TERRA»
1994**

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

полное
собрание сочинений
том 9

КОНЕЦ — ДЕЛУ ВЕНЕЦ

МЕРА ЗА МЕРУ

ТРОИЛ И КРЕССИДА

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1994

ББК 84.4 (Вл)

Ш 41

Внешнее оформление художника
А.Машезерской

В оформлении издания использованы рисунки
Джона Джильберта (J. Gilbert), p.1817,
Бэйама Шоу (Wyam Shaw) p.1887, Альбрехта Дюрера (A.Durer),
Ганса Милиха, Генри Рамберга, Жана Лемара, p.1829,
Ф.Тэнхема, Ганса Буркмайера, Ганса Гольбейна Младшего
и других художников начала XVII — конца XIX веков,
а также материалы археологических раскопок

Издание подготовлено
АО «ФОРМИКА» (Санкт-Петербург)

Шекспир Вильям

Ш 41 Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 9/ Художник А.Машезерская. Примечания А.Смирнова.— М.: ТЕРРА, 1994. — 624 с.: ил.

ISBN 5—85255—301—8 (т.9)

ISBN 5—85255—192—9

В девятый том собрания сочинений включены “циничные” комедии Шекспира — “Конец — делу венец”, “Мера за меру”, а также пьеса “Троил и Крессида”. Тексты примечаний составлены А.Смирновым.

Ш 4703010300—059 Подписное
А30(03)—94

ББК 84.4(Вл)

ISBN 5—85255—301—8 (т.9)

ISBN 5—85255—192—9

© Издательский центр «ТЕРРА», 1994

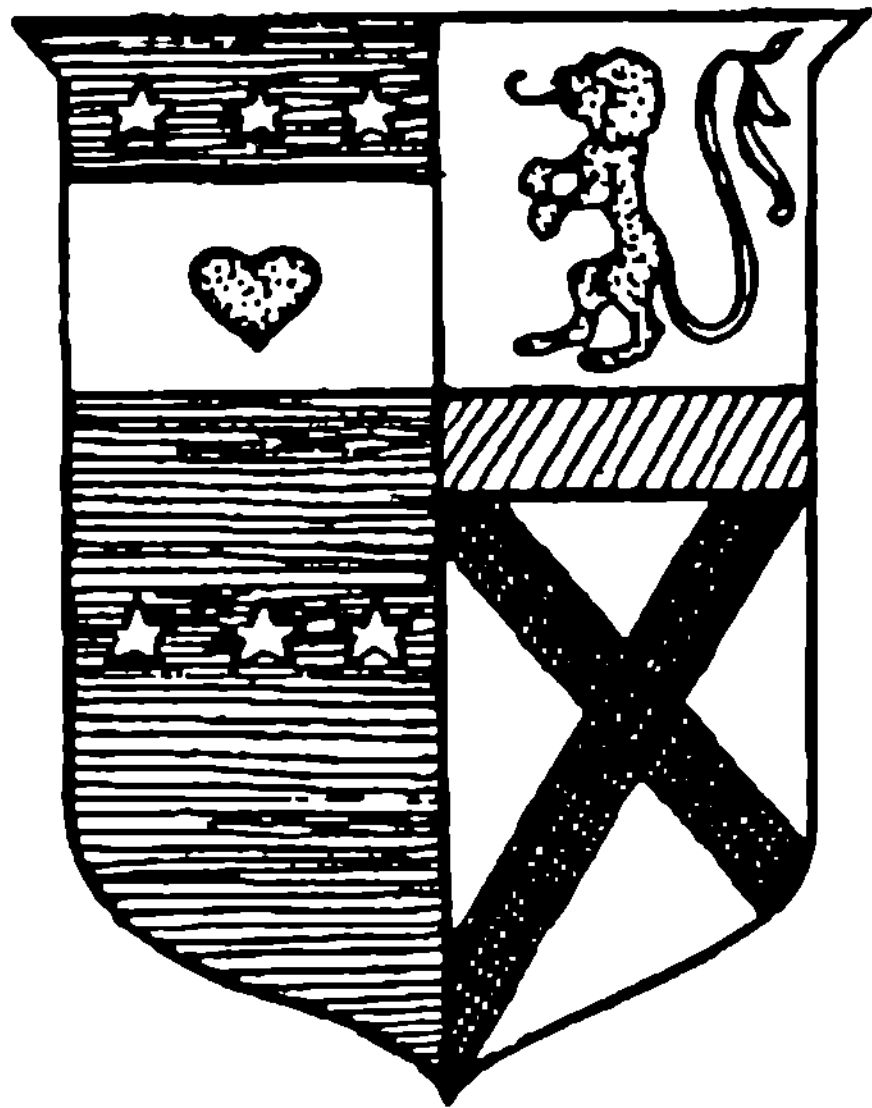

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Конец — делу венец

комедия в V актах

Перевод Мих. Донского

Действующие лица

К о р о л ь ф р а н ц у з с к и й.

Г е р ц о г ф л о р е н т и й с к и й.

Б е р т р а м, граф Руссильонский.

Л а ф ё, старый вельможа.

П а р о л ь, приближенный Бертрама.

П е р в ы й д в о р я н и н		соратники Бертрама
В т о р о й д в о р я н и н		по Тосканской войне.

Д в о р е ц к и й графини Руссильонской.

Ш у т графини Руссильонской.

П а ж.

Г р а ф и н я Р у с с и л ь о н с к а я, мать Бертрама.

Е л е н а, воспитанница графини.

С т а р а я в д о в а, флорентийка.

Д и а н а, дочь вдовы.

М а р и а н н а, соседка и приятельница вдовы.

Ф р а н ц у з с к и е и ф л о р е н т и й с к и е д в о р я н е, офицеры,
с о л д а т ы и п р о ч.

Место действия — Фр^анция и Тоскана.

АКТ I

Сцена 1

Руссильон. Комната в замке графини.

Входят Бертрам, графиня Руссильонская,
Елена и Лафё, они в трауре.

Графиня. Разлучаясь с сыном, я как бы вторично хоро-
ню супруга.

Бертрам. И я, матушка, покидая вас, заново оплакиваю
отца. Но мой долг повиноваться воле его величества короля,
тем более что он теперь и опекун мой.

Лафё. Вместо супруга король будет вашим защитником,
графиня; вам, граф, он заменит отца. Он, кто всегда так добр,
несомненно окажет вам свое особое благоволение: ваши досто-
инства скорее могли бы встретить доброту там, где ее нет, чем
не найти ее там, где она есть в избытке.

Графиня. Каковы надежды на исцеление его величества?

Лафё. Он отказался от врачей, графиня. Своим лечением
они заставляли его тратить время на надежды, а результат
был лишь тот, что с течением времени он и надежды утратил.

Графиня (*указывая на Елену*). У этой девушки был

отец — увы, сколько скорби в слове “был”! — его ученость почти равнялась величию его души. Если бы первая ни в чем не уступала последнему, то он мог бы сделать жизнь вечной и смерти пришлось бы сидеть сложа руки. О, если бы, на счастье монарха, он был еще в живых! Я уверена, что он нанес бы смертельный удар недугу короля.

Л а ф ё. Как звали того, о ком вы говорите, графиня?

Г р а ф и н я. Он был знаменитым врачом, мессир, и был вполне достоин своей славы. Его звали Жерар Нарбоннский.

Л а ф ё. Да, это был искуснейший врач. Совсем еще недавно государь вспоминал о нем с хвалою и сокрушением. Если бы наука могла противостоять смерти, то он, с его познаниями, был бы жив и посейчас.

Б е р т р а м. А чем же, скажите, болен государь?

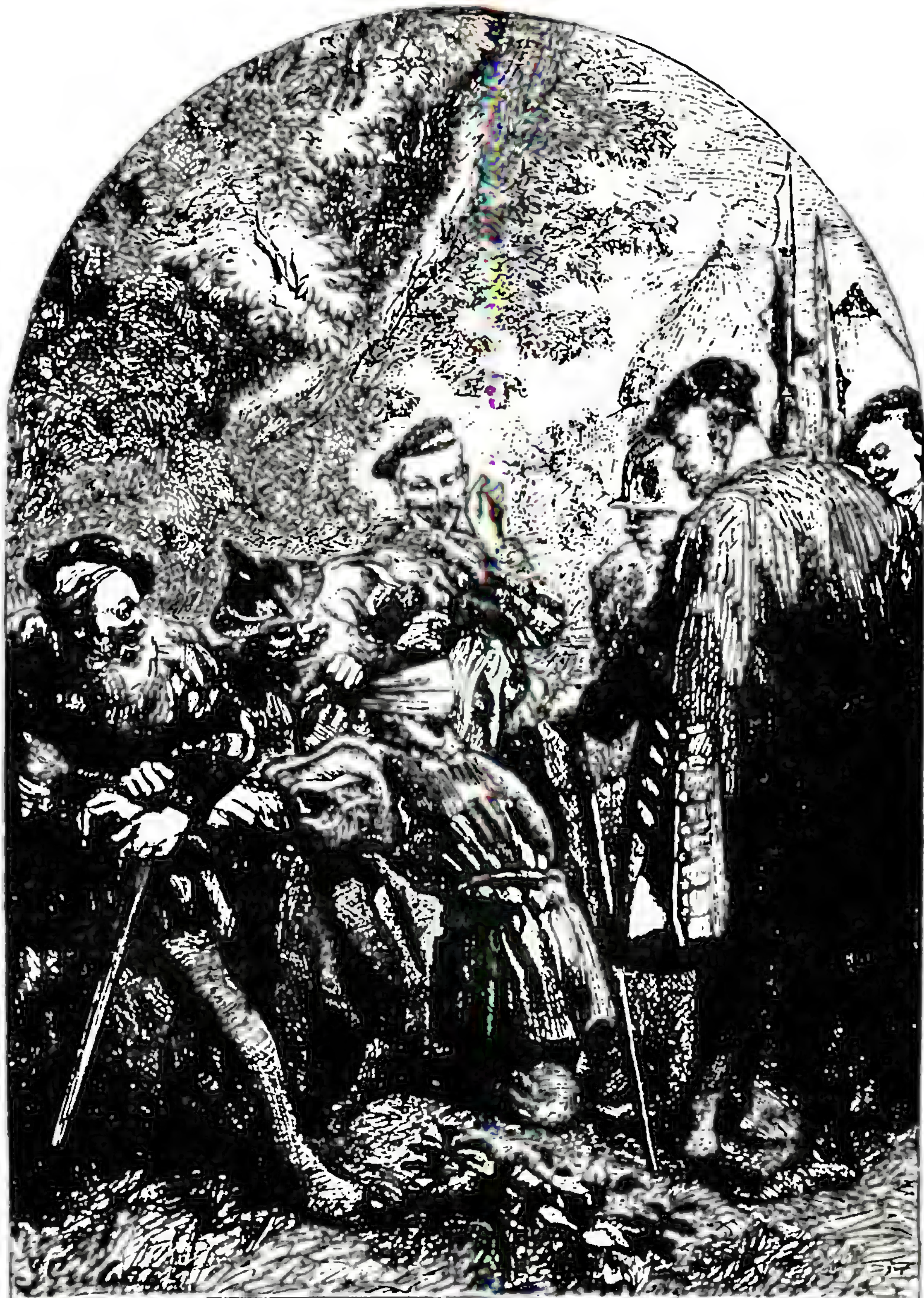
Л а ф ё. У него незаживающий свищ.

Б е р т р а м. Я и не слыхивал о такой болезни.

Л а ф ё. Желал бы я, чтобы и никто о ней не слышал. Так эта девушка — дочь Жерара Нарбоннского?

Г р а ф и н я. Единственное его дитя; и он поручил ее моему попечению. Ее прекрасное воспитание позволяет мне возлагать на нее самые смелые надежды. Унаследованные ею душевные свойства таковы, что придают еще большую цену ее дарованиям. Ибо если хорошими качествами наделен человек дурной, то похвалы им смешаны с сожалением; это добродетели, вводящие в обман. Ее же достоинства подкупают своей естественностью. Она унаследовала чистоту души и усовершенствовала свои добродетели.

Титульный лист. Рисунок Джона Джильберта

Л а ф ё. Ваши похвалы, графиня, вызвали слезы на ее глаза.

Г р а ф и н я. Слезы — это рассол, в котором лучше всего сохраняются похвалы девушкам. Всякий раз как воспомина-
ние об отце сжимает ее сердце, рука скорби стирает румянец с
ее щек.— Полно, Елена, полно, не плачь. Не то еще подума-
ют, что ты больше выказываешь горе, чем чувствуешь его.

Е л е н а. Да, я выказываю горе, но лишь потому, что чув-
ствую его.

Л а ф ё. Сдержанная печаль — дань усопшим, излишняя
скорбь — враг живых.

Г р а ф и н я. Да, живые враждуют со скорбью и, быть мо-
жет, доводят ее до излишеств, дабы скорей ее умертвить.

Л а ф ё. Как это следует понимать?

Б е р т р а м. Матушка, я жду от вас напутствия.

Г р а ф и н я

Прими, Бертрам, мое благословенье.
Не только видом — духом будь в отца.
Пускай равно и кровь твоя и доблесть
Тобою управляют. Будь достоин
Высокого рожденья своего.
Будь добр со всеми, доверяй немногим
И ни к кому не будь несправедлив.
Врагов спокойной мощью устрашай,
Не яростью. Друзей храни, как жизнь.
И лучше пусть немым тебя считают,
Чем станут за болтливость порицать.

Да ниспошлет тебе благое небо
Все милости свои. Прощай, сын мой!

(К Лафё.)

Несведущ он в обычаях придворных,
Прошу не отказать ему в советах.

Л а ф ё

Вся опытность моя к его услугам.

Г р а ф и н я

Пусть небеса его благословят.—
Прощай, Бертрам!

(Уходит.)

Б е р т р а м (Елене). Чего бы ни пожелали вы для себя,
пусть ваши мечты исполнятся. Утешайте мою мать, госпожу
вашу, заботьтесь о ней.

Л а ф ё. Прощайте, красавица. Надеюсь, вы окажетесь до-
стойной своего отца.

Бертрам и Лафё уходят.

Е л е н а

Отец!.. Нет, я печалюсь не о нем.
Чужие слезы больше, чем мои,
Приличествуют памяти отцовской.
Каков он был? Его забыла я.
Воображение мое хранит
Одно лицо, одни черты — Бертрама.

Теперь погибну я. Уехал он,
И жизнь ушла. Любить Бертрама — то же,
Что полюбить звезду и возмечтать
О браке с ней, — так он недосыгаем.
Его лучи издалека ловлю,
Но не могу взнестись к его орбите.
В своей любви я слишком дерзновенна:
Ведь если лань стремится к льву — ей смерть.
О, боль и радость ежечасных встреч,
Когда могла я на страницах сердца,
Страницах, красоте его открытых,
Запечатлеть и соколиный взор,
И полукружия бровей, и кудри!
Уехал он — и память лишь о нем
Боготворить любви моей осталось...
Но вот один из тех, кто едет с ним,
И рада я ему из-за Бертрама,
Хоть мне известен он как лгун бесстыдный,
Пустейший скоморох и жалкий трус.
Пороки эти так ему к лицу,
Что теплое гнездо себе в нем свили,
Оставив доблесть дрогнуть на ветру.
Ах, часто видим мы, как зябнет ум,
А глупость нежится в тепле и холе.

Входит П а р о л ь.

П а р о л ь. Да хранит вас бог, моя королева.
Е л е н а. И вас, мой король.

П а р о л ь. Я разве король?

Е л е н а. А я разве королева?

П а р о л ь. Вы размышляете? Наверное, о девственности?

Е л е н а. Вот именно. Вы с виду такой бравый воин. Позвольте задать вам один вопрос. Мужчина — враг девственности. Как же нам, девушкам, оборонять ее от врага?

П а р о л ь. Не впускайте его в свою цитадель.

Е л е н а. Но он идет на приступ. А девственность, как бы отважно она ни защищалась, так слаба. Посоветуйте, как нам отбить атаку.

П а р о л ь. Ничто не поможет. Мужчина осадит вашу крепость, подведет подкоп и пробьет брешь.

Е л е н а. Да сохранит господь нашу девственность от этих ужасов! Неужели нет такой военной хитрости, чтобы женщины могли одержать верх?

П а р о л ь. Чем раньше мужчина окажется сверху, тем скорее женщина одержит верх. Не забудьте, что, отбив атаку, вы сами останетесь в накладе. Не в сохранении девственности мудрость природы. Наоборот, потеря девственности приумножает ее достоинство: ведь ни одна новая девственница не может появиться на свет без того, чтобы ради этого не была утрачена девственность. То, из чего вы созданы, — это материал для изготовления девиц. Единожды утратив девство, можешь приобрести дюжину девиц; если же будешь сквалыжничать, то останешься на бобах. Что в ней толку, в девственности? К черту ее!

Е л е н а. И все же я буду оберегать ее от посягательств, пусть даже мне из-за того придется умереть девственницей.

П а р о л ь. Стоит ли оберегать такой пустяк? Это значит идти против самой природы. Восхвалять девственность — все равно что осуждать собственную мать, а это уже просто срам. Девственницы ничем не лучше самоубийц, и их надлежало бы хоронить за церковной оградой как закоренелых преступниц против законов природы. Девственность, подобно сыру, порождает червей, которые разъедают ее; она гибнет, пожирая сама себя. Не говорю уже о том, что девственность отличается сварливостью, высокомерием, ленью, а более всего себялюбием, каковое есть страшнейший из смертных грехов. Что вы носитесь со своей девственностью? Тут и думать нечего: отделаться от нее, и все. И тогда через десять лет у вас будет десять девственниц — процент изрядный. Да и самый капитал от того не станет хуже. К черту девственность!

Е л е н а. Но как сделать, чтобы отдать ее тому, кто ей мил?

П а р о л ь. Сейчас подумаем. Дело, правду сказать, трудное: как девственности может быть мил тот, кому она не по вкусу? А ведь этот товар быстро портится: чем дольше его хранить, тем он меньше стоит. Надо его сбыть, пока на него есть спрос; не упускайте времени. Девственность — это престарелая щеголиха, разряженная в пух и прах, в прическе, каких уже давно не носят: она вертится при дворе, да не ко двору пришлась. Девственность вышла из моды так же, как вышли из моды броши и зубочистки. С возрастом улучшается только вино, но не девичьи щечки. Перезрелая девственность похожа на французскую сушеную грушу: ни вида, ни вкуса. Ей-богу, ни дать ни взять — сушеная груша. Когда-то была

она, может, хороша, а нынче — сушеная груша, да и только.
На что она годится?

Е л е н а

Оставим это.— Графа при дворе
Ждут тысячи привязанностей новых.
Он будет звать их множеством имен,
Причудливых, любовных, нежных прозвищ,
Нашептанных незрячим Купидоном:
“Владычица”, “возлюбленная”, “друг”,
“Губительница”, “госпожа”, “царица”,
“Изменница”, “волшебница”, “богиня”,
“Святая гордость”, “гордое смирение”,
“Согласье злое”, “сладостный разлад”,
“Пленительная мука”, “упование”...
И станет он... Ах, кем же станет он?
Храни его господь!.. Но научиться
Нетрудно при дворе... А он такой...

П а р о л ь

Какой?

Е л е н а

Он тот, кому желаю я добра.
Но жаль...

П а р о л ь

Чего вам жаль?

6.33489

Е л е н а

Жаль, что у наших добрых пожеланий
Нет плоти. Жаль, что нам, низкорожденным,
Позволено не больше чем желать.
О, если бы, облекшись в плоть и кровь,
Помчались пожеланья вслед за другом,
Чтобы ему открыть мечты, которым
Не сбыться никогда!

Входит п а ж.

П а ж. Господин Пароль, граф прислал меня за вами. (*Уходит.*)

П а р о л ь. Прощай, малютка. При дворе, если только я тебя не забуду, непременно стану о тебе вспоминать.

Е л е н а. Вы, господин Пароль, родились под звездой милосердия.

П а р о л ь. Я родился под звездой войны, под Марсом.

Е л е н а. Под звездой войны? Несомненно.

П а р о л ь. Почему — несомненно?

Е л е н а. Даже самые незаметные военные светила так высоко стоят над вами, что вы всегда оказываетесь под звездой войны.

П а р о л ь. Я родился под Марсом, когда он был в зените.

Е л е н а. Пожалуй, скорее когда он скрывался за горизонт.

П а р о л ь. Почему?

Е л е н а. На войне вы тоже норовите скрыться от противника.

П а р о л ь. Только по соображениям тактики.

Е л е н а. Когда страх подает свой голос на военном совете, то лучшая тактика — бегство. Но сочетание отваги и трусости поистине придает вам крылья, и я с удовольствием наблюдаю птиц вашего полета.

П а р о л ь. У меня дел по горло, и состязаться с тобой в остро словии некогда. погоди, вот вернусь настоящим придворным и смогу просветить тебя насчет кой-чего. Тогда уж ты будешь более податлива и дашь себе вдолбить здравые мысли. Не то, смотри, невежество доведет тебя до гибели и ты так в неблагодарности и помрешь. Прощай. Будет у тебя досуг — читай молитвы, не будет — вспоминай своих дружков. А лучше раздобудь-ка себе супруга и постарайся выжать из него столько же, сколько сможешь дать сама. И на том — прощай. (Уходит.)

Е л е н а

Когда помочь себе ты можешь сам,
Зачем взывать с мольбою к небесам?
Нам выбор дан. Те правы, кто посмели;
Кто духом слаб, тот не достигнет цели.
Любимый так высок, я так низка,
Взираю на него издалека.
Но большие, чем скромность и величье,
Природа может сочетать различья.
“Несбыточно!” — так говорит лишь тот,
Кто мешкает, колеблется и ждет.
Возможно ль, чтоб любовь не победила,

Когда в ней есть и мужество и сила?
Болезнь монарха... Ошибусь ли я?
Но я решилась. Мысль тверда моя!

(Уходит.)

Сцена 2

Париж. Зал в королевском дворце.

Трубы. Входят король с письмами в руке и свита.

К о р о л ь

Сиена и Флоренция в раздоре,
Они воюют с переменным счастьем.

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Да, государь, прошел об этом слух.

К о р о л ь

Он достоверен. Нам кузен австрийский
Об этом пишет, сообщая также,
Что флорентийский герцог за поддержкой
Намерен к нам прибегнуть. Добрый друг
Нас предостерегает; видно, хочет,
Чтоб в этой просьбе отказали мы.

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Свою любовь к вам, государь, и мудрость

Он проявлял так часто, что они
Велят прислушаться к его совету.

К о р о л ь

Он дал за нас ответ. И флорентийцу —
Отказ, еще до получения просьбы.
Но мы не возбраняем тем дворянам,
Что захотят Тоскане послужить,
Примкнуть к любой из двух сторон враждебных.

В т о р о й в е л ь м о ж а

Да, это может быть отличной школой
Для юношей, мечтающих о битвах,
О ратных подвигах...

К о р о л ь

Кто к нам явился?

Входят Бертрам, Лафё и Пароль.

П е р в ы й в е л ь м о ж а

Бертрам, граф Руссильонский, государь.

К о р о л ь

Как ты похож, мой мальчик, на отца!
Не поскупилась щедрая природа,
Когда тебя любовно созидала.
Так будь в отца и благородством духа.
Добро пожаловать сюда, в Париж.

Б е р т р а м

Я вашему величеству принес
И преданность мою и благодарность.

К о р о л ь

Вернуть бы вновь мне силу и здоровье
Тех дней, когда с твоим отцом, два друга,
Отправились мы в первый наш поход.
Он, ученик храбрейших, был знаток
Тогдашнего военного искусства.
Он времени сопротивлялся долго.
Но ведьма-старость подобралась к нам
И силы отняла. Мне так отрадно
О друге вспомнить, о твоём отце.
Любил он в молодости пошутить;
Не то же ль мы и нынче наблюдаем
Средь молодых дворян? Но их остроты,
Отскакивая, ранят их самих,
Поскольку в одеянье благородства
Они облечь насмешку не умеют.
Он резок был, но он не оскорблял,
Был горд, но не бывал высокомерен,
Лишь с равным иногда, в ответ на вызов.
И честь его тогда была часами:
По ним он точно узнавал минуту,
Когда дать слово гневу; и язык
Лишь стрелке тех часов повиновался.

А к низшим относился он как к людям
Иным по должности, но не породе.
Величие свое он к ним склонял,
Их возвышая скромностью своею
И скромность черпая в их похвалах.
Вот муж — для наших юношей пример.
Сравнив его с собой, они бы знали,
Как сыновьям далеко до отцов.

Б е р т р а м

Воспоминанья ваши, государь,
Щедрей, чем надпись на могильном камне.
И строки эпитафии бледнеют
Перед хвалой монарха.

К о р о л ь

О, если бы и я был там, где он!
Он говорил (я слышу как сейчас
Его слова; он не бросался ими,
Но сеял семена, чтоб дали всходы):
“Пусть я не доживу... — так начинал он
Задумчиво в конце веселых пиршеств, —
Пусть я не доживу до тех времен,
Когда сгорит в моей лампаде масло.
Зачем мне жить посмешищем для юных,
Которые чтут только новизну,
Беседуют лишь о покрое платья,

Меняют мненья чаще, чем наряды”.
Такой судьбы хотел он для себя,
И я, вослед за ним, хочу того же.
Раз я уже ни меда и ни воска
Для улья своего не приношу —
Пора уйти и место уступить
Другим рабочим пчелам.

В т о р о й в е д ь м о ж а

Государь,
Вас любят все. И кто молчит об этом —
Сильней других потерю ощутит.

К о р о л ь

Напрасно занимаю я престол.—
Скажите, граф, давно ли умер врач,
Что вашего отца лечил когда-то?
Он так молвой прославлен.

Б е р т р а м

Государь,
Тому полгода, как скончался он.

К о р о л ь

Будь жив он, я к нему бы обратился.—
Граф, я на вашу руку обопрусь.—
А эти лекари своим леченьем

Измучили меня. Пускай теперь
Болезнь с природой спорят без помехи.
Я рад вам, граф. Вы для меня отныне
Как сын.

Б е р т р а м

Благодарю вас, государь.

Трубы. Все уходят.

Сцена 3

Руссильон. Комната в замке графини.

Входят графиня, дворецкий и шут.

Г р а ф и н я (дворецкому). Теперь я могу вас выслушать.
Что вы намереваетесь сказать мне об этой девушке?

Д в о р е ц к и й. Ах, если бы усердие, с которым я стараюсь
угадать желания вашей светлости, значилось уже в перечне
моих былых заслуг! Ведь, распространяясь о чистоте своих
побуждений, мы заставляем в ней усомниться и грешим про-
тив скромности.

Г р а ф и н я (замечая шута). Зачем здесь этот плут? Сту-
пай вон. Счастье твое, что я верю не всем жалобам на тебя, —
потому что скучно в них разбираться. Мне-то известно, что ты
достаточно глуп, чтобы решиться на любую пакость, и доста-
точно хитер, чтобы выпутаться из нее.

Ш у т. Ваша светлость знает, что я бедняк.

Г р а ф и н я. Ну хорошо, хорошо.

Ш у т. Не так уж это хорошо, что я бедняк, хотя многих богачей и ждет преисподняя. Но если бы ваша светлость позволили мне жениться, то мы с моей невестой Изабеллой уж как-нибудь да свели концы с концами.

Г р а ф и н я. Ты что же, хочешь стать вовсе нищим?

Ш у т. Неужели я уйду от вас вовсе ни с чем?

Г р а ф и н я. В каком смысле?

Ш у т. В смысле Изабеллы. Служба хорошо, а счастье лучше. И сдается мне, что не будет у меня счастья, пока не будет потомства. Ведь, как говорится, дети — благословение божие.

Г р а ф и н я. Так, значит, тебя тянет жениться?

Ш у т. Ваша светлость, этого требует мое брренное тело. Плоть тянет меня, а уж если дьявол тянет — плачешь, да идешь.

Г р а ф и н я. И это единственная причина?

Ш у т. Клянусь вашей светлости, есть и другие, притом самые благочестивые.

Г р а ф и н я. А можно о них узнать?

Ш у т. Я грешил, как и вы, ваша светлость, как всякий, кто создан из плоти. А уж если я женюсь, то, конечно, стану каяться.

Г р а ф и н я. Каяться, что женился, но не каяться в грехах.

Ш у т. Кроме того, у меня нет друзей. И я надеюсь приобрести их через жену.

Г р а ф и н я. Такие друзья — твои враги, шут.

Ш у т. Вы плохо разбираетесь, ваша светлость, в том, что такое настоящие друзья. Эти молодцы будут выполнять за

меня работу, которая мне наскучила. Тот, кто возделывает мое поле, бережет мою рабочую скотинку, а урожай-то все равно достанется мне. Если я для него рогоносец, то он для меня — батрак. Жена — плоть и кровь моя. Кто ублажает мою жену, ублажает мою плоть и кровь; кто ублажает мою плоть и кровь, тот любит мою плоть и кровь; кто любит мою плоть и

Костюм шута. Средневековая миниатюра

кровь, тот мне друг; следственно, тот, кто обнимается с моей женой, — мой друг. Если бы люди были согласны оставаться тем, что они есть на самом деле, им нечего было бы опасаться женитьбы. Ибо если даже у молодого пуританина Чарбона и у старого паписта Пойзама мозги устроены совсем по-разному в

смысле религии, то лбы у них украшены одинаково и бодаться друг с другом они могут ни дать ни взять, как два барана.

Г р а ф и н я. Ты, видно, так навсегда и останешься сквернословом и клеветником?

Ш у т. Пророком, ваша светлость. Послушайте истину из моих уст. (*Поет.*)

Судьба воистину щедра,
Воистину блага:
Уж если даст кому жену,
Добавит и рога.

Г р а ф и н я. Поди-ка, милейший, вон. Я еще с тобой поговорю.

Д в о р е ц к и й. Не угодно ли вашей светлости приказать, чтобы он позвал к вам Елену? Речь моя будет о ней.

Г р а ф и н я (*шуту*). Поди скажи моей воспитаннице, что мне надо с ней побеседовать. Ты понял, я имею в виду Елену.

Ш у т
(*поет*)

Она промолвила, вздохнув:

“Я правду вам открою.

Из-за Елениной красы

Сгубили греки Трою”.

Ах, стыд и срам!

Ах, стыд и срам!

Ах, бедный, бедный царь Приам!

“У жен,— прибавила она,—

Прескверные повадки:
На девять дряней лишь одна
Благопристойна и скромна,
Не дрянь — одна в десятке”.

Г р а ф и н я. Как! Только одна в десятке? Ты исковеркал песню, шут!

Ш у т. Разве что исправил, ваша светлость: подумайте, все-таки одна порядочная в десятке. Хоть бы господь посылал нам каждый год такой урожай! Будь я священником, я не стал бы жаловаться на такую жено-десятину. Одна из десяти! Да ведь если бы всякий раз, когда появляется комета или случается землетрясение, на свет рождалось по одной порядочной женщине, — и то у мужчин были бы какие-то виды на выигрыш в лотерее. Пока что мужчина раньше протянет ноги, чем вытянет счастливый жребий.

Г р а ф и н я. Иди-ка, иди, любезный, да исполни то, что я тебе приказала.

Ш у т. Итак, ничего не поделаешь, — мужчина должен выполнять приказания женщины. Ничего не поделаешь, — служба не пуританка, и придется ей натянуть белый стихарь смирения на черную рясу строптивости. Иду, спешу. Стало быть, требуется послать сюда Елену. (*Уходит.*)

Г р а ф и н я. Так что же?

Д в о р е ц к и й Я знаю, ваша светлость, как горячо вы любите вашу воспитанницу.

Г р а ф и н я. Да, это правда. Отец Елены поручил ее моим заботам. К тому же она и заслуживает самой нежной любви.

Она достойна большего, чем получает, и получит больше, чем потребует.

Д в о р е ц к и й. Ваша светлость, случилось мне на днях войти в зал, где была Елена, но она меня не заметила. Думая, что она одна, она разговаривала сама с собой. Могу поручиться, что ни к кому другому она не обращалась. Она говорила о своей любви к вашему сыну. “Фортуна,— воскликнула она,— ты не богиня, если не можешь преодолеть различия между его и моим положением! Купидон, ты не бог, если властвуешь только там, где люди равны друг другу! Диана, ты не царица девственниц, если можешь допустить, чтобы бедная воительница из твоего воинства была захвачена в плен при первой же стычке и не была ни отбита, ни выкуплена”. И в словах ее была такая скорбь, такая горечь, каких я не мог ожидать от юной девушки. И я почел своим долгом уведомить вас об этом, ибо вам следует все знать,— как бы не случилось какого несчастья.

Г р а ф и н я. И вы хорошо поступили. Держите это в тайне. Я по многим признакам давно уже обо всем догадывалась, но чаши весов колебались, и я не знала — верить или не верить. Прошу вас, оставьте меня. Итак, никому ни слова; благодарю за вашу преданность. Я еще вернусь к этому разговору.

Дворецкий уходит.

Г р а ф и н я

Я и сама все это испытала.

Ведь розе юности шипы любви

Даны земной природой изначально:
Кипит в нас кровь, и страсть кипит в крови.
Противиться любви в молодые годы —
То значило б восстать против природы.
И мы грешили в наши дни, любя,
Но не считали грешными себя.

Входит Е л е н а.

Ее недуг в глазах ее читаю.

Е л е н а

Что приказать изволит ваша светлость?

Г р а ф и н я

Дитя, ты знаешь, что тебе я мать?

Е л е н а

О госпожа!

Г р а ф и н я

Не госпожа, а мать.
Зачем тебя пугает это слово?
Ты вздрогнула, его услышав, будто
Увидела змею. Но почему?
Хочу тебя я числить между теми,
Кто мной рожден; тебе я, значит, мать.
Родство по выбору не уступает
Родству по крови. Можно ведь навек

Привить к стволу чужой ему побег.
Хоть мне ты не дала мук материнства,
По-матерински я тебя люблю...
Но что с тобой? Как будто слово "мать"
В тебе оледенило кровь. Я вижу,
Что радуга, предвестница дождя,
Уже блеснула на твоих ресницах.
Из-за чего же плачешь ты, скажи?
Из-за того, что дочь мне?

Е л е н а

Что не дочь.

Г р а ф и н я

Тебе я мать.

Е л е н а

Простите, ваша светлость.
Граф Руссильон не может быть мне братом.
Я незнатна, мои безвестны предки,
Его же род высок, в веках прославлен.
Он добрый повелитель мой; а я
Его служанка; вот судьба моя.
Нет-нет, не брат он мне!

Г р а ф и н я

И я не мать?

Е л е н а

Вы? Нет, вы мать. О, если б можно было
Вам быть мне матерью, но без того,
Чтобы ваш сын мне приходился братом!
Могу ли стать вам дочерью родной,
Но так, чтобы не быть ему сестрой?

Елена. Рисунок неизвестного художника

Г р а ф и н я

Да, ты могла бы стать моей невесткой.
Не это ли имеешь ты в виду?
О боже, как тебе все эти речи
Волнуют кровь. Ты побледнела снова.
Моя тревога, значит, разгадала

Твою любовь. Теперь понятно мне
Твое пристрастие к уединенью,
И вижу я источник слез твоих.
Мне ясно все: ты влюблена в Бертрама.
Не отрицай: когда призналось сердце,
То незачем притворствовать устам.
Итак, скажи мне правду. Тайну эту
Твои глаза и щеки выдают,
И лишь язык еще грешит упрямством.
Скажи, ведь это правда? Если правда,
То нелегко такой клубок распутать.
А если я ошиблась, — поклянись,
Но, чтобы небеса тебе послали
Во мне помо́гу, ты должна открыть
Всю истину.

Е л е н а

Простите, ваша светлость.

Г р а ф и н я

Ты любишь сына моего, Елена?

Е л е н а

Простите, госпожа.

Г р а ф и н я

Его ты любишь?

Е л е н а

А разве вы не любите его?

Г р а ф и н я

Оставь. Моя любовь — любовь по крови,
Ее нельзя оспорить. Ну, смелей,
Поверь мне тайну чувства своего,
Которую ты скрыть уже не в силах.

Е л е н а

Да будет так. И, преклонив колени,
Я признаюсь пред богом и пред вами,
Что больше вас и первым после бога
Бертрама я люблю.
Хотя мой род и небогат, — он честен.
Так и моя любовь. И оскорбить
Того, кто мной любим, она не может.
Назойливо преследовать его
Я не пыталась. Ждать любви ответной
Не стану я, пока не заслужу;
А чем мне заслужить ее — не знаю.
Люблю его напрасно, без надежды:
Неиссякающий поток любви
Лью в решето, его не наполняя.
Я, как индеец, поклоняюсь солнцу,
Которое, взирая с высоты,
Меня не замечает. Госпожа,

Вы вправе гневаться, что я посмела
Того же полюбить, кто дорог вам.
Но если вас, чья благостная старость
О юности свидетельствует чистой,
Сжигал когда-то пламень тех же чувств —
Стыдливость и томленье, страсть и нежность —
И если иногда была для вас
С Венерою тождественна Диана, —
Вы сжалитесь над той, кому в удел
Дано мучительное наслажденье:
Дарить, не получая возмещения;
Над той, пред кем один лишь путь открыт:
Там жизнь искать, откуда смерть грозит.

Г р а ф и н я

Скажи мне откровенно, — ты решилась
Отправиться в Париж?

Е л е н а

Да, госпожа.

Г р а ф и н я

А для чего? Будь искренна со мною.

Е л е н а

Я буду с вами искренна — клянусь!
Вы знаете — отец мне завещал
Немало чудодейственных рецептов,

Которые для блага всех людей
Открыл он знаньем, опытом проверил.
Он мне велел их бережно хранить
Как средства, чья целительная сила
Намного превосходит их известность.
Меж них испытанное есть лекарство
И от того смертельного недуга,
Который убивает короля.

Г р а ф и н я

И только потому — скажи мне правду —
Ты собралась в Париж?

Е л е н а

Ваш сын меня о том заставил вспомнить.
Не то Париж, король и врачеванье
Мне, верно, и на ум бы не пришли.

Г р а ф и н я

Но все ли ты обдумала, Елена?
А вдруг тобой предложенную помощь
Король отвергнет? Он в одном как будто
С врачами согласился — что они
Его не в состоянье излечить.
Как неученой девушке поверят,
Когда наука, истощив все средства,
Давно уж отказалась от борьбы?

Е л е н а

Предчувствие мне большая порука,
Чем все познания моего отца —
А он из всех врачей был величайшим, —
Что средство, им завещанное мне,
Благословят счастливые созвездья.
И если ваша светлость мне позволит, —
Своей ненужной жизнью поручась,
Пообещаю исцелить монарха
В назначенный им день.

Г р а ф и н я

Ты в это веришь?

Е л е н а

Я это знаю.

Г р а ф и н я

Что же, если так, —
Тебя, Елена, отпущу с любовью
И денег дам тебе и провожатых.
Ты отвезешь поклон моим друзьям.
А я останусь за тебя молиться.
Твоим намереньям помочь я рада
Всем, чем могу. И завтра поутру
Отправиться должна ты ко двору.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Париж. Зал в королевском дворце.

Трубы. Входят король в сопровождении
двух молодых дворян, отправляющихся во Флоренцию,
Бертрам, Пароль и свита.

К о р о л ь
(*прощаясь с отъезжающими
дворянами*)

Прощай, мой юный рыцарь. Не забудь,
Что я сказал про воинский обычай.—
Прощай и ты.— Прошу вас разделить
Советы, мною данные, меж вами.
От дележа мой дар не уменьшится.

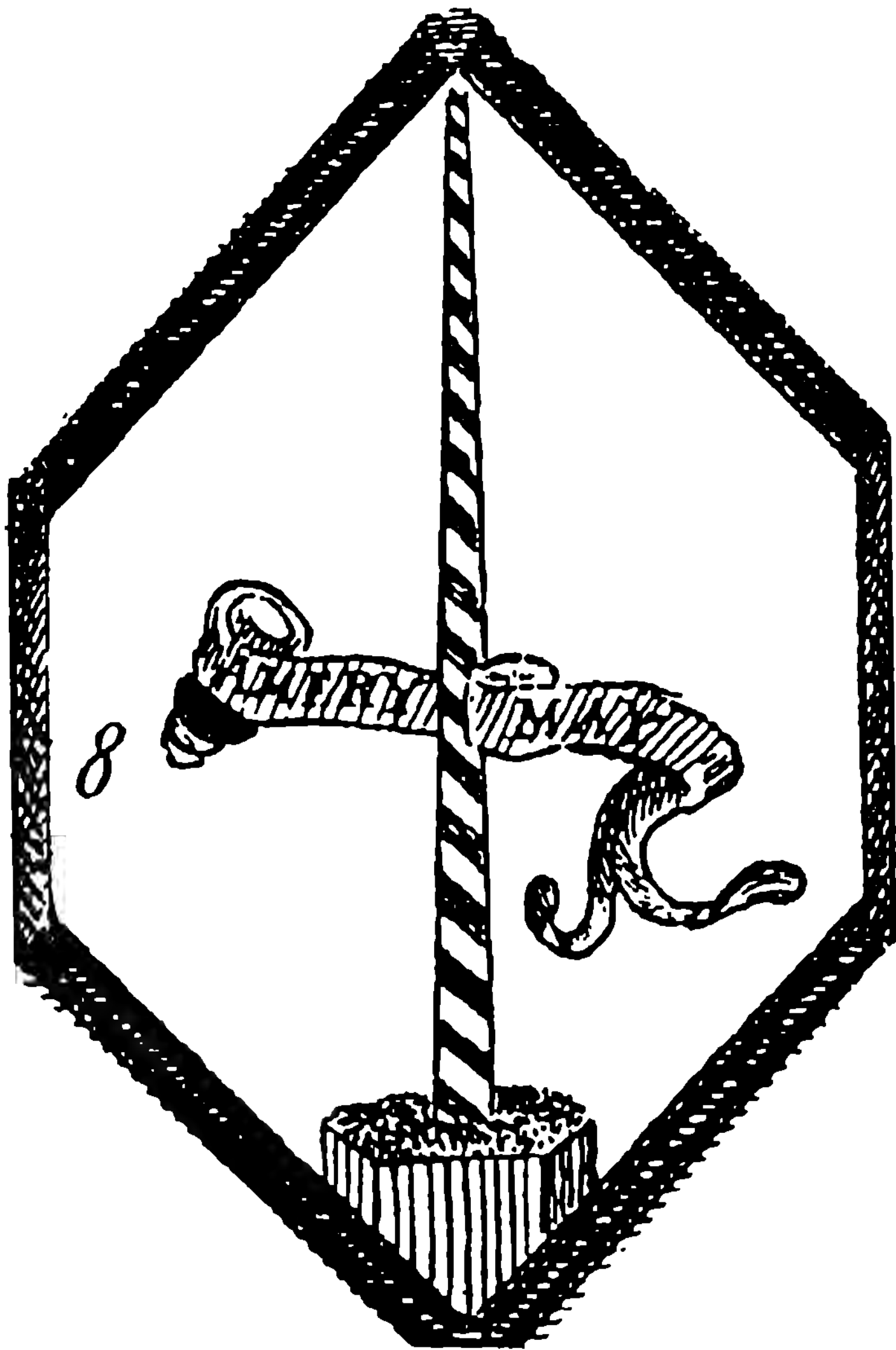
П е р в ы й д в о р я н и н

Мы, государь, надеемся найти
Вас в добром здравии, когда вернемся,
Обогадившись опытом войны.

К о р о л ь

Нет, не бывать тому, хотя душа
Мириться с безнадежностью не хочет.
Итак, прощайте, юноши мои!

Средневековая миниатюра

Умру я или нет, не забывайте,
Что вы потомки доблестных французов.
И пусть Италия, которой Рим
Упадок лишь в наследие оставил,

Увидит, что французские дворяне
Явились не заигрывать со славой,
Но с нею обвенчаться. И когда
Храбрейшие отступят, стойте твердо, —
И прогремит о вас молва. Прощайте.

Второй дворянин
Желаю вам здоровья, государь.

Король
Смотрите, опасайтесь итальянок.
Как говорят, на просьбу итальянки
Француз досель не отвечал отказом;
Так до войны не попадитесь в плен.

Первый и второй дворяне
(вместе)
Советы ваши в сердце сохраним.

Король
Итак, прощайте!
(Слугам.)
Помогите мне.

Король и свита отходят в глубину сцены. Король опускается на ложе.

Первый дворянин
(Бертраму)
Как жаль нам, граф, что едем мы без вас.

П а р о л ь

Не по его вине: ведь он храбрец!

В т о р о й д в о р я н и н

Война! Вот счастье!

П а р о л ь

Счастья нету выше!

Уж я, поверьте, всласть повоевал.

Б е р т р а м

Со мною нянчатся, мной помыкают:

“Ты слишком молод!”, “Позже!”, “Через год!”

П а р о л ь

Уж если так приспичило, сынок,—

Чего бояться, удери без спросу.

Б е р т р а м

Лощить полы я должен башмаками

И гарцевать среди придворных юбок,

А там пока всю славу расхватают,

И шпаги будут годны лишь для танцев.

О нет! Клянусь, я убегу тайком.

П е р в ы й д в о р я н и н

Такое бегство — подвиг.

П а р о л ь

Граф, решайтесь.

В т о р о й д в о р я н и н

Рассчитывайте на меня во всем.

Прощайте.

Б е р т р а м

В нашей дружбе мы срослись;

Разлука разрывает нас на части.

П е р в ы й д в о р я н и н (Паролю). Капитан, прощайте.

В т о р о й д в о р я н и н. Прощайте, любезнейший господин Пароль.

П а р о л ь. Доблестные герои, ваши шпаги сродни моему мечу. Вы благородные и блестящие удальцы, словом — благородный металл! В Спинийском полку вы найдете некоего капитана Спурио; у него на левой щеке шрам, зарубка войны, сделанная вот этим самым мечом. Передайте ему, что я жив, и намотайте себе на ус все, что он обо мне порасскажет.

В т о р о й д в о р я н и н. Непременно, доблестный капитан.

П а р о л ь. Пусть Марс примет вас в число своих любимчиков.

Дворяне уходят.

П а р о л ь. Что же вы собираетесь делать?

Король поднимается с ложа.

Б е р т р а м. Тсс!.. Король...

П а р о л ь. Вам бы не мешало проститься с этими господами более пространно и торжественно. Вы ограничились довольно холодным прощанием, а надо бы употребить побольше красноречия. Ведь они — самоновейшие побрякушки, которые Время прицепило к своему колпаку. Они задают тон и определяют, как надо ходить, есть и разговаривать, причем следуют предначертаниям надежнейших из небесных светил. И если даже сам дьявол управляет этой музыкой, все равно надо плясать под их дудку. А потому догоните-ка их и проститесь с ними покудрявее.

Б е р т р а м. Ну что ж, пожалуй.

П а р о л ь. Они молодцы хоть куда и, сдастся мне, будут славными вояками.

Бертрам и Пароль уходят. Король выходит на авансцену.
Входит Л а ф ё.

Л а ф ё
(преклоняя колени)

Прощенье, добрый государь! И мне
И моему известью!

К о р о л ь
Встань с колен,
И это будет выкуп за прощенье.

Л а ф ё
(вставая)

Итак, я за прощенье внес вам выкуп.
О, если б, государь, могли и вы

С такой же легкостью стать на колени
И встать с колен по моему приказу!

К о р о л ь

Ах, если бы! Тогда б я с плеч твоих
Снес голову и попросил прощенья.

Л а ф ё

И я безропотно бы это снес.
Но, добрый государь, вот речь о чем:
Угодно ль вам с недугом распрощаться?

К о р о л ь

Нет.

Л а ф ё

Как! Виноград лисице неуютен?
Ну, этот виноград угоден будет,
Лишь бы достался царственной лисе!
Я лекаря такого раздобыл,
Который может в камень жизнь вдохнуть,
Скалу расшевелить и вас заставить,
Мой добрый государь, пуститься в пляс.
Довольно одного прикосновенья
Того врача, чтобы король Пипин
Восстал из гроба, чтобы Карл Великий
Вновь взял перо и написал бы ей
Любовное признание.

К о р о л ь

Ей? Кому же?

Л а ф ё

Да дело в том, что этот врач — она.
Она предстанет здесь, лишь позовите.
Нет, шутки в сторону, клянусь вам честью;
Я познакомился с одной особой
И так был удивлен в ней сочетаньем
Девичьей прелести, и красноречья,
И твердости, и знаний, и ума,
Что не виню себя за легкоеверье.
Угодно ль вам (она об этом просит)
Ее принять, а там уж надо мною
И посмеяться?

К о р о л ь

Что ж, Лафё мой добрый,
Позволь нам поглядеть на это диво,
Чтоб мы с тобой делили удивленье
Или рассеяли его, дивясь,
Что ты так удивлен.

Л а ф ё

Да будет так.
Откладывать на завтра мы не станем.

(Уходит.)

К о р о л ь

Он так всегда: большие предисловья
К ничтожным пустякам.

Возвращается Л а ф ё с Е л е н о й.

Л а ф ё
(Елене)

Прошу сюда.

К о р о л ь

Его усердие летит на крыльях!

Л а ф ё

Пожалуйте сюда.

Вот государь. Ему все расскажите.

Вы смущены, как будто бы повинны

В крамоле; но крамольников таких

Король не опасается. А я

Оставляю вас наедине — как сводник.

(Уходит.)

К о р о л ь

Красавица, я слышал, что у вас

Есть дело к нам.

Е л е н а

Да, добрый государь.

Отец мой был искусный врачеватель
Жерар Нарбоннский.

К о р о л ь

Я его знавал.

Е л е н а

И, значит, мне не надо тратить слов,
Чтоб восхвалять его. На смертном ложе
Он передал мне разные лекарства;
Одно из них — венец его искусства
И опыта его ценнейший перл —
Велел хранить он как зеницу ока.
И я храню. Недавно я узнала
О том, что вас терзает, государь,
Мучительный недуг, недуг тот самый,
Который может быть излечен средством,
Оставленным мне в дар моим отцом.
И я пришла смиренно предложить
Лекарство это и свои услуги.

К о р о л ь

Благодарю, красавица. Но как
Поверить я могу в выздоровленье,
Когда ученейшие доктора,
Мудрейшие светила медицины
Признали, что наука здесь бессильна?

Прилично ль нам рассудок наш унизить,
Бессмысленной надеждой обольстясь,
И наш недуг отдать на поруганье

Костюм знатного французского вельможи
Слепому знахарству? Величье наше
Нам подает единственный совет:
Отвергнуть помощь, раз в ней смысла нет.

Е л е н а

Своих услуг навязывать не смею.
Так пусть я буду вознаграждена
Сознанием исполненного долга.

О, если б я могла уйти и думать,
Что вспомнит государь меня добром!

К о р о л ь

Каким же был бы я неблагодарным,
Когда бы в этой просьбе отказал.
Благодарю за то, что ты хотела
Вновь жизнь вдохнуть в мертвеющее тело.
Не знаешь ты того, что знаю я:
Близка, неотвратима смерть моя.

Е л е н а

Раз вы уже не верите в спасенье,
То принесет ли вред мое лечение?
Пусть я слаба; но часто небеса
Творят руками слабых чудеса.
Ведь если провиденье соизволит,
Уста младенцев истину глаголят.
Порой из маленького ручейка
Рождается могучая река;
Порою же и море высыхает,
Когда владыкам веры не хватает.
Бывает, что ошибочен расчет,
А там, где нет надежд, — спасенье ждет.

К о р о л ь

О нет, дитя. Напрасные старанья!

Благодарю тебя за состраданье.
Лишь этим я могу тебе воздать.

Е л е н а

Не отвергайте божью благодать!
Желаем мы все взвесить, все измерить,
Когда творец повелевает верить,
И то, чем мы обязаны ему,
Хотим людскому приписать уму.
Быть может, оттолкнув мое усердье,
Вы оскорбите божье милосердье.
Не самозванка я, я вам не лгу,
Не обещаю больше, чем могу.
Я знаю твердо, нет в душе сомненья:
Бальзам целебен, ждет вас исцеленье!

К о р о л ь

Так веришь ты? И страждущую плоть
Когда ж излечишь?

Е л е н а

Если даст господь,
То ранее, чем колесница Феба
Двукратно пересечь успеет небо,
И раньше, чем вечерняя звезда
Двукратно в сумрак канет без следа.
Лишь склянка кормчего перевернется

Двадцать четыре раза, — как вольется
Здоровье в вас и вы поймете вдруг,
Что жизнь воскресла, умер злой недуг.

К о р о л ь

А если лживо это обещанье?

Е л е н а

Тогда снесу любое наказание:
Пусть на меня падут позор и стыд,
Пусть в песнях непристойных заклеят
Меня народ как шлюху, ведьму, лгунью,
Пусть казнь меня постигнет, как колдунью.

К о р о л ь

Ужели правда, что твои слова —
Внушение благого божества?
И то, что ум людской счел безнадежным,
Верховный разум признает возможным?
Дитя, ты жизнью дорожить должна;
Все лучшее дала тебе она.
Есть у тебя все мыслимые блага:
Ум, красота, и юность, и отвага.
И ты рискуешь всем! Одно из двух:
Иль ты мудра, или в тебе злой дух!
Что ж, милый врач, лечи! И будь что будет,
Но смерть моя тебя на смерть осудит.

Е л е н а

Коль в должный срок я вас не излечу,
Да буду отдана я палачу,
Но если принесу вам исцеленье,
Какое ждет меня вознаграждение?

К о р о л ь

Проси — получишь дар любой.

Е л е н а

Любой?

К о р о л ь

Клянусь своей короной и душой.

Е л е н а

Тогда в награду за мои услуги,
Кого скажу, посватай мне в супруги.
Свой низкий род связать я б не могла
С побегами монаршего ствола
И не дерзну, поймав тебя на слове,
Просить о принце королевской крови,
Но из своих вассалов мне в мужья
Отдай того, кого назначу я.

К о р о л ь

Что ж, вот моя рука. Твое желанье

Исполню я, сдержи лишь обещанье.
Тебе вполне я вверился, мой врач;
Сама, что нужно, прикажи, назначь.
Испытывать тебя я мог бы дольше,
Но больше знать — не значит верить больше.
Кто ты, зачем, откуда держишь путь —
Не все ль равно? Благословенна будь!

(Свите.)

Пойдемте.

(Елене.)

Нанеси удар недугу —
И я воздам услугой за услугу.

Уходят.

Сцена 2

Руссильон. Комната в графском замке.

Входят графиня и шут.

Г р а ф и н я. Продолжай, любезный; посмотрим, каково-то ты воспитан.

Ш у т. Каково у вас питание, таково и воспитание. Но я-то лучше откормлен, чем выучен. А значит, я только на то и гожусь, чтобы меня отправили к королевскому двору.

Г р а ф и н я. “К королевскому двору”! Если о нем ты говоришь с таким презреньем, то где же ты мог бы ужиться? Скажи на милость, “к королевскому двору”!

Ш у т. По чести, ваша светлость, если господь бог одарил

кого учтивостью, тот при дворе и уживется и наживется. А ежели у тебя нет умения шаркать ножкой, посылать воздушные поцелуи, болтать вздор и с вывертом снимать шляпу, то ты там останешься без ног, без рук, без языка, да и без шляпы. Нет, такому молодцу, верно вам говорю, при дворе делать нечего. А я не пропаду, я-то знаю одно словцо, которое может служить ответом на любой вопрос.

Г р а ф и н я. Неужели? Какой же должен быть ответ, чтобы годился для всякого вопроса?

Ш у т. Да уж вроде как стул брадобрея, который впору любому задю. На нем умещается и острозадый, и плоскозадый, и толстозадый, и какой-хотите-задый.

Г р а ф и н я. Так твой ответ подходит ко всякому вопросу?

Ш у т. Так же подходит, как взятка — стряпчему, как дурная болезнь — расфуфыренной потаскушке, как тростниковое колечко Тибби — указательному пальцу Томми, как блин — масленице, как танец моррис — майскому празднику, как гвоздь — к своей дыре, как рога — рогоносцу, как сварливая баба — драчливому мужику, как монашкины губы — к поповскому рту и как к колбасной кишке ее начинка.

Г р а ф и н я. Так, стало быть, у тебя есть ответ на всякий вопрос?

Ш у т. На любой вопрос, кто б его ни задал — от вельможи до стражника.

Г р а ф и н я. Но если это ответ на все вопросы, то какого же исполинского размера он должен быть!

Ш у т. Да ничуть; если бы ученые высказались на этот

счет, они признали бы, что это сущий пустяк. Сейчас вы получите его в наиполнейшем виде. Спросите-ка меня: “Вы придворный?” Вам тоже полезно поучиться.

Г р а ф и н я. Став для этого снова молодой? Ах, если бы это было возможно. Я задам тебе дурацкий вопрос в надежде поумнеть от твоего ответа. Скажите, пожалуйста, сударь, вы придворный?

Ш у т. Ах боже мой, сударь! — Чего проще? Вот я от вас и отделался. Валяйте, валяйте, хоть сотню таких вопросов.

Г р а ф и н я. Сударь, знаете ли вы, что я смиренный ваш друг и люблю вас?

Ш у т. Ах боже мой, сударь! — Похлеще, похлеще, не щадите меня.

Г р а ф и н я. Я полагаю, сударь, вы не станете есть столь грубую пищу?

Ш у т. Ах боже мой, сударь! — Ну, задавайте же вопросы потруднее, не стесняйтесь.

Г р а ф и н я. Вас, сударь, кажется, недавно высекли?

Ш у т. Ах боже мой, сударь! — Похлеще, не щадите меня.

Г р а ф и н я. Значит, во время порки ты кричишь: “Ах боже мой!” и “Похлеще, не щадите меня!” Поистине твое “Ах боже мой!” очень подходит к порке. Если случится, что тебя высекут, твой ответ подойдет к порке как нельзя лучше.

Ш у т. Впервые в жизни у меня вышла осечка с моим “Ах боже мой, сударь!” Как видно, вещь может служить долго, но не может служить всегда.

Г р а ф и н я

Я слишком щедро расточаю время
На балагурство со своим шутом.

Ш у т

“Ах боже мой!” — ответ мой снова к месту.

Г р а ф и н я

Ну, хватит. К делу. Вот письмо Елене.
Пусть тотчас же ответит мне она.
Да кланяйся моим родным и сыну.
Немного это.

Ш у т

Кланяться немного?

Г р а ф и н я

Немного поручила я тебе,
Ты понял ли?

Ш у т

Как не понять? Все понял.
Сейчас же ноги в руки и — бегом.

Г р а ф и н я

И сразу же назад.

Уходят.

Сцена 3

Париж. Зал в королевском дворце.

Входят Б е р т р а м, Л а ф ё и П а р о л ь.

Л а ф ё. А говорят, что время чудес миновало! У нас разве-
лись философы, которые все сверхъестественное и загадочное
объявляют простым и обыденным. А из этого проистекает, что
мы отгораживаемся мнимым знанием от мира и потрясающие
явления считаем пустяками, тогда как следовало бы испыты-
вать священный ужас.

П а р о л ь. Вот-вот. Это самое удивительное из чудес, ка-
кие только случались в наше время.

Б е р т р а м. Да, бесспорно.

Л а ф ё. Подумать, что от него отказались знаменитейшие
врачи...

П а р о л ь. Я о том и говорю: последователи и Галена и
Парацельса.

Л а ф ё. ...ученейшие светила медицины...

П а р о л ь. Верно. Я это и говорю.

Л а ф ё. ...признав его неизлечимым...

П а р о л ь. Вот именно. И я это говорю.

Л а ф ё. ...безнадежным...

П а р о л ь. Совершенно правильно. Приговоренным... мм...

Л а ф ё. ...к верной смерти.

П а р о л ь. Вы справедливо заметили. Я так и собирался
сказать.

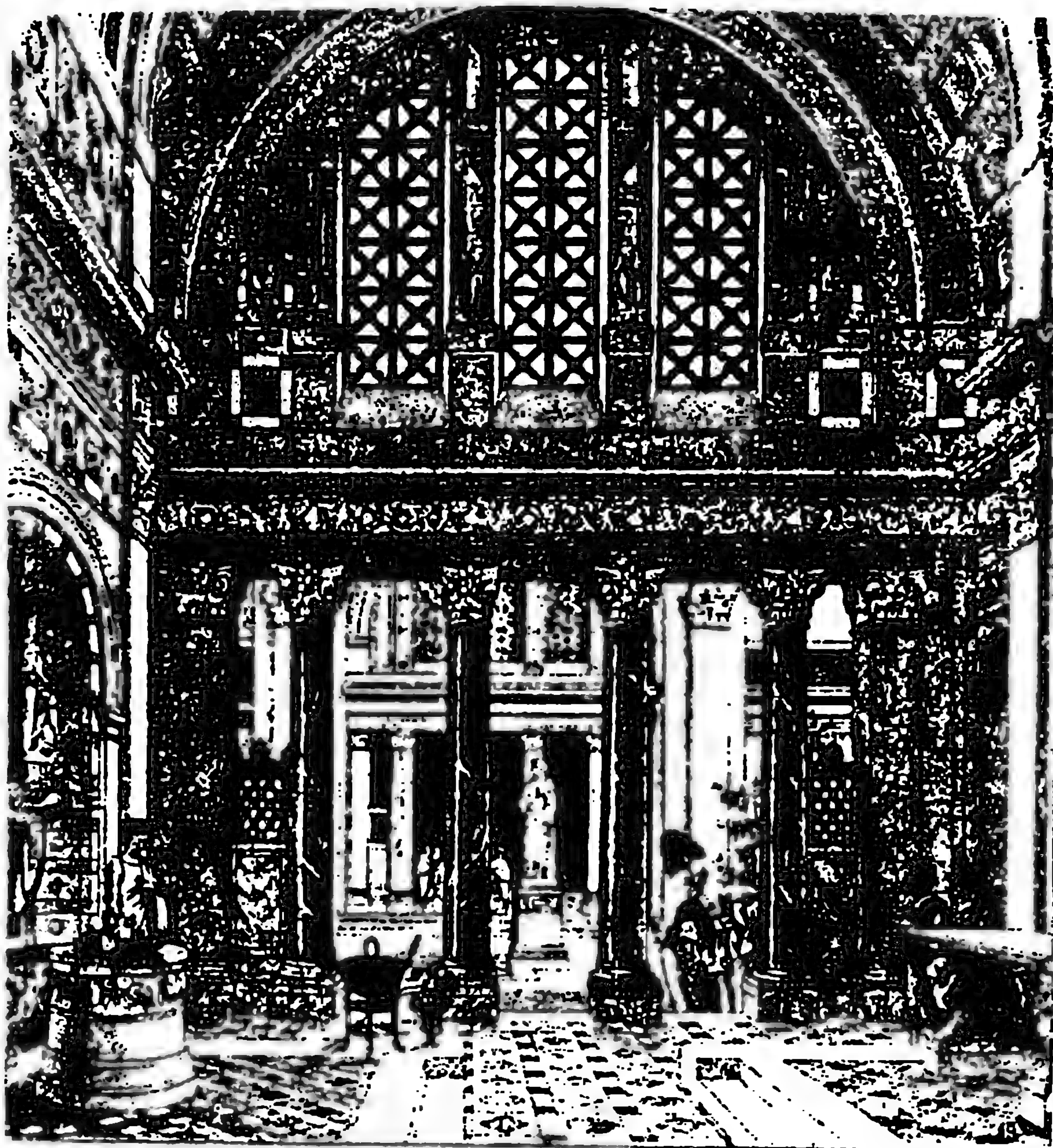
Л а ф ё. Смело могу утверждать: это нечто небывалое!

П а р о л ь. Так оно и есть. Я еще видел такое представление... Как бишь оно называется... мм...

Л а ф ё. Мы получили представление о том, как небесное могущество проявляется в земном существе.

П а р о л ь. Вот это самое я и собирался сказать. Именно это.

Интерьер королевского дворца

Л а ф ё. Ведь он теперь прыгает от радости, как дельфин на волнах, — да не упрекнут меня в непочтительности.

П а р о л ь. Нет, это просто удивительно. Тут нечего и размазывать — удивительно, да и только. Лишь тот, в ком нет ни стыда, ни совести, не признает, что здесь видна... мм...

Л а ф ё. Десница божья.

П а р о л ь. Ну да, это я и говорю.

Л а ф ё. Подумать, что в столь слабом...

П а р о л ь. ...и хрупком создании воплотилась великая сила, великая мощь, каковая не только излечила короля, но и пробудила в нас сверх того... мм...

Л а ф ё. Чувство благодарности.

П а р о л ь. Именно это я и хотел заметить. Метко сказано. — Но вот и король.

Входят король, Елена и свита.

Л а ф ё. “Lustick!”¹ — как сказал бы голландец. Теперь я буду вовсю ухаживать за девушками, пока у меня во рту будет хоть один зуб. Королю, видать, даже в танце с ней пройтись, так и то впору.

П а р о л ь. Mort du vinaigre!² Да ведь это Елена!

Л а ф ё. Бог свидетель, это она.

К о р о л ь

Созвать немедленно всех моих дворян.

1 “Веселье, радость!” (Голланд.)

2 Одна из форм божбы, дословно — “Смерть от ужаса!”. (Франц.)

Один из придворных уходит.

Пусть рядом с исцеленным врач мой сядет.
Клянусь вторично этою рукой,
Которой ты чувствительность вернула, —
Получишь дар, желаемый тобою,
Лишь назови его.

Входят молодые дворяне.

Красавица, взгляни на цвет дворянства,
На юношей отважных, благородных,
Которым я монарх и опекун.
Бери себе в мужья из них любого —
И ни один не возразит ни слова.

Е л е н а
(молодым дворянам)

Пускай любовь позволит вам самим
Избрать невест прекрасных и достойных,
Но одному судьбу назначу я.

Л а ф ё
Я отдал бы коня со всею сбруей,
Чтоб средь мальчишек этих оказаться,
Чтоб у меня зубов был полон рот
И молодой пушок на подбородке.

К о р о л ь
(Елене)

Все — отпрыски стариннейших родов.

Е л е н а

О рыцари!

Мне бог позволил исцелить монарха.

Д в о р я н е

Благословен творец, тебя пославший.

Е л е н а

Я только девушка простого званья,
И все мое богатство лишь в одном:
Что девушкой могу себя назвать я...—
Нет, государь, прости, я откажусь!..
Мне шепчут щеки, заливаясь краской:
“Мы оттого краснеем, что решилась
Ты выбирать; когда ж отказ ты встретишь,—
Зальемся смертной бледностью навек”.

К о р о л ь

Нет, выбирай! Ответивший отказом
Сердца обоих нас отвергнет разом.

Е л е н а

Союз со мной, Диана, разорви!
Служу отныне божеству любви.

(Подходя к первому дворянину.)

Кто ж мой избранник? Рвусь к нему незримо.

Первый дворянин

Я рад быть им.

Елена

Благодарю. Но — мимо.

Первый дворянин отступает с поклоном.

Лафё. Быть на его месте немногим приятнее, чем поставить на кон свою жизнь и выбросить на двух костях два очка.

Елена

(подходя ко второму дворянину)

Ваш взор так горделив и так суров,
Что я ответ читаю в нем без слов.
Меня любить я вас не приневолю.
Пусть лучшее вам выпадет на долю.

Второй дворянин

Вы — лучшая!

Елена

Желаю вам найти
Достойнее, а нам — не по пути.

Второй дворянин отступает с поклоном.

Лафё. Что ж, они так-таки и отступятся от нее? Будь эти молодцы моими сыновьями, я бы их высек или отправил к туркам, чтобы те взяли их к себе евнухами.

Е л е н а

(подходя к третьему дворянину)

Не бойтесь, вам не предложу я руку;
Вам не придется отвергать доuku.
Пусть небеса ваш брак благословят
С женой прекраснее, чем я, стократ.

Третий дворянин отступает с поклоном.

Л а ф ё. Да эти мальчишки сделаны изо льда! Так легко отказываться от нее! Не иначе, как матери прижили их от англичан: у французов не может быть таких сыновей.

Е л е н а

(подходя к четвертому дворянину)

Вы юны, счастливы, добры,— и все же
Я не взойду женою к вам на ложе.

Ч е т в е р т ы й д в о р я н и н

Но почему, красавица, скажи!

Л а ф ё. Все-таки нашлась во Франции виноградная гроздь! Видно, что хоть твой отец не был трезвенником. Впрочем, мне хорошо известно, ты — набитый дурак; это так же верно, как то, что мне не четырнадцать лет.

Е л е н а

(подходя к Бертраму)

Боюсь сказать, что вас я выбираю,

Но и себя и все, чем обладаю,
Вручаю вам.— Вот он, избранник мой!

К о р о л ь

Итак, Бертрам, она твоя жена.

Б е р т р а м

Моя жена? Молю вас, государь,
Позвольте поступить мне в этом деле
По разуменью моему.

К о р о л ь

Бертрам,
Ты знаешь ли, чем я обязан ей?

Б е р т р а м

Я знаю, государь, но почему
На ней жениться должен я — не знаю.

К о р о л ь

Со смертного одра я поднят ею.

Б е р т р а м

Но если, государь, вы поднялись,
То нужно ли ронять меня за это?
Я с ней знаком, она росла у нас.

Дочь лекаря моей женою станет?
Бесчестье и позор!

К о р о л ь

Гнушаешься ты низким ее званьем?
Но я могу ее возвысить. Странно,
Что принято людей ценить по крови.
Ведь если нашу кровь налить в сосуд, —
Ни теплотой, ни густотой, ни цветом
Одну не отличите от другой.
Вот девушка, она полна достоинств,
Но ты “дочь лекаря” в ней презираешь.
Ты имя ценишь, не дела. Напрасно!
Кто подвигом себя прославить смог, —
Пусть низок родом, духом он высок.
А кто гордится пышностью убранства
Да званьем, тот раздут водянкой чванства.
Под именем любым зло будет злом,
Как и добро останется добром.
Делами люди ценятся своими,
В вещах лишь сущность нам важна, не имя.
Взгляни на эту девушку: юна,
Умом и красотой наделена, —
Вот честь, которую дала природа.
Но если кто, твердя о чести рода,
Прославленными предками кичась,
Ничтожен сам, тот честь роняет в грязь.

Что значит слово “честь”? Как раб бессильный
Приковано к любой плите могильной,
Оно костям неблагодарным льстит,
Тогда как честный прах молвой забыт.
Люби же это милое создание;
Дана ей добродетель в достоянье —
На свете нет приданого ценней.
А я дам имя и богатство ей.

Б е р т р а м

Любить ее не стану, не хочу.

К о р о л ь

Себе же ты вредишь своим упрямством.

Е л е н а

Я счастлива, что мой король здоров, —
И мне другой не надобно награды.

К о р о л ь

Теперь уже моя задета честь,
И власть моя ей на защиту встанет. —
Возьми Елену за руку, ты слышишь,
Гордец, мальчишка дерзкий, недостойный
Такого дара! Ты посмел презреть
Ее и с ней — мое благоволение.
Кто тяжелее — взвешиваешь ты.

Но знай, положим мы свое величье
На чашу, где она,— и, как пушинка,
Взлетишь ты к перекладине весов.
Иль ты забыл, что честь твоя возрастет
Лишь там, где мы решим ее посеять?
Смири гордыню, повинуйся нам;
Тебе на благо наши повеленья.
Высокомерья своего не слушай,
Но подчинись судьбе, как указуют
Тебе твой долг и вместе наша власть,
Иначе отрекись я от тебя,—
Пускай невежество и безрассудство
Тебя затянут в свой водоворот;
И на тебя, во имя правосудья,
Обрушу я свой гнев, свое возмездье,—
И жалости не жди! Ну, выбирай.

Б е р т р а м

Простите, государь, я подчиняю
Свои влеченья взору короля.
Я понял, что благоволенье ваше
Почет дарует, облакает честью,
И вижу я, что ту, кого считал
Я в горделивых мыслях слишком низкой,
Взыскал своею милостью монарх,
И, стало быть, он дал ей благородство,
Которого рождение не дало.

К о р о л ь

Дай руку ей и назови женою.
Ее приданое уравновесит
Твое богатство; даже превзойдет.

Б е р т р а м

Я дам ей руку.

К о р о л ь

Ваш союз Фортуна
И милость короля благословляют.
Мы нынче ж договор, сейчас рожденный,
Скрепим обрядом бракосочетанья,
А свадебное торжество отложим
Впредь до прибытья близких и друзей.
Любезен будешь мне, ее любя,
А если нет, — пеняй уж на себя.

Король, Бертрам, Елена, вельможи и свита уходят.

Л а ф ё (Паролю). Послушайте-ка. На одно слово.

П а р о л ь. К вашим услугам, мессир.

Л а ф ё. Ваш покровитель и господин хорошо сделал, что пошел на попятный.

П а р о л ь. На попятный?.. Мой покровитель? Мой господин?

Л а ф ё. Ну да. Разве я говорю не на родном нашем языке?

П а р о л ь. На грубом языке. И если я пойму его как следует, то прольется кровь. Какой такой мой господин?

Л а ф ё. А что же, вы родня графу Руссильонскому? Товарищ?

П а р о л ь. Любому графу. Всем графам на свете. Любому из людей.

Л а ф ё. Любому из графских людей — пожалуй. А сам граф из другого теста.

П а р о л ь. Вы, сударь, слишком стары. Вот вам: вы слишком стары.

Л а ф ё. Заруби себе на носу, любезный, что я зовусь Человек, а тебе этого звания, сколько бы лет ты ни прожил, не заслужить.

П а р о л ь. Того, что так легко получить, я получать не собираюсь.

Л а ф ё. Разделив дважды с тобою трапезу, я было счел тебя неглупым малым: ты разглагольствовал о своих странствиях, и это было довольно забавно. Однако пестрые ленты, которыми ты украшен, как праздничная барка, наглядно меня убедили, что у этой посуды не бог весть какое водоизмещение. Теперь я тебя раскусил; не жалко и выплюнуть. Можно было бы взять тебя в оборот, да браться противно.

П а р о л ь. Ну, если бы у тебя не было привилегий дряхлости...

Л а ф ё. Не переусердствуй в своем гневе, не то как раз нарвешься на поединок, а уж тогда... да пощадит тебя господь, цыплячья душа! Прощай, решетчатое окно: мне не надо открывать твои створки, я и так вижу все насквозь. Давай руку.

П а р о л ь. Вы, мессир, нанесли мне жесточайшую обиду.

Л а ф ё. И с превеликим удовольствием. Ты того стоишь.

П а р о л ь. Я этого не заслужил, ваша милость.

Л а ф ё. Клянусь, что заслужил, заслужил на полновесный червонец. А уж я тебе не дам спуска ни на грош...

П а р о л ь. Я постараюсь быть умнее.

Елена и Бертрам. Рисунок неизвестного художника

Л а ф ё. Старайся изо всех сил, тем более что ты сильно крепишься в противоположную сторону. Если когда-нибудь тебя свяжут твоими собственными лентами и высекут, ты узнаешь, что значит гордиться своими связями. Я не прочь продолжать с тобой знакомство, вернее, изучать тебя, чтобы, когда поймают тебя с поличным, я мог заявить: “Мне этот прохвост известен”.

П а р о л ь. Мессир, ваши издевательства просто нестерпимы.

Л а ф ё. Я бы хотел, чтобы это были адские муки и чтобы я мог потешаться над тобой вечно. Ведь для мужской потехи я уже слишком стар, как ты изволил заметить. (*Уходит.*)

П а р о л ь. погоди, твой сын заплатит мне за это унижение, ты, паршивый, дряхлый, мерзкий дворянишка!.. Ничего-ничего, главное — выдержка: истинное достоинство недолго терпит унижения. Клянусь жизнью, я его изобью, только бы подвернулся удобный случай, — будь он хоть дважды, четырежды дворянин! Уж тогда я не пощажу его преклонного возраста, нет уж... Я его изобью! Только бы с ним повстречаться снова!

Возвращается **Л а ф ё.**

Л а ф ё. Эй ты, твой покровитель и господин женился. Могу сообщить новость: у тебя есть молодая госпожа.

П а р о л ь. Осмелюсь со всем чистосердечием умолять вашу светлость, чтобы вы обратили внимание на свою ошибку: граф — мой добрый покровитель, но господин, коему я служу, он там, наверху.

Л а ф ё. Кто? Бог?

П а р о л ь. Да, мессир.

Л а ф ё. Дьяволу ты служишь, вот кто твой господин. Чего это ты на рукава нацепил ленты? Решил их сделать штанами? Разве кто-нибудь еще из слуг так носит? Уж тогда переставь и зад на место носа. Клянусь честью, будь я моложе хотя бы на два часа, я бы тебя отлупил. Ты всеобщее позорище, и всем и каждому следовало бы тебя лупить. Я полагаю, что ты и сотворен только для того, чтобы люди пробовали на тебе свои кулаки.

П а р о л ь. Жестоко и незаслуженно, ваша милость.

Л а ф ё. Полно, любезный. В Италии ты был бит за то, что украл какую-то мелочь. Какой ты путешественник? Ты бродяга. Ты держишься куда нахальнее со знатными и почтенными людьми, чем тебе позволяют твоё рождение, звание и заслуги. Не стоит тратить на тебя слова, а то бы я назвал тебя канальей. Прощай. (*Уходит.*)

П а р о л ь. Хорошо!.. Отлично!.. Так-так... Хорошо!.. Отлично!.. Ничего, дай срок.

Входит Б е р т р а м.

Б е р т р а м

Теперь погиб я! Связан навсегда!

П а р о л ь

Мой мальчик, что стряслось?

Б е р т р а м

Хоть я и дал обет пред алтарем,
Но ложа с ней не разделю вовеки.

П а р о л ь

О чем ты говоришь? О чем, сынок?

Б е р т р а м

Пароль! Ах, мой Пароль, меня женили!
Я убегу в Тоскану, на войну!
Я никогда не разделю с ней ложа!

П а р о л ь

Да! Франция — собачья конура,
В ней жить противно. Едем на войну!

Б е р т р а м

От матушки пришло письмо, но я
Еще не знаю, что она мне пишет.

П а р о л ь

Успеется! В поход, сынок! В поход!
Бесплодно держит честь свою под спудом,
Кто дома обнимается с бабенкой
И тратит с нею мужественный пыл,
Который лучше бы употребил он,
Пришпоривая скакуна войны.
В чужие страны! Франция — конюшня,
В ней прозябать пристало только клячам.
А посему — в поход!

Б е р т р а м

Да, решено. Ее ж домой отправлю
И матушку немедля извещу
О том, как ненавистна мне жена,
Причина бегства. Также государю
Все напишу, чего сказать не смею.
А свадебный подарок короля
Поможет снарядиться для похода
В Италию, где храбрецы воюют.
Поход не труден, не страшна война,
Когда в дому постылая жена.

П а р о л ь

Надолго ли, скажи, такая прихоть?

Б е р т р а м

Пойдем, мне твой совет необходим.
Ее я тотчас отошлю, а завтра
И мы с тобою в путь. Ей суждена
Скорбь одиночества, а мне — война.

П а р о л ь

Итак, вперед, под пули! Дай мне руку.
Все, поженившись, пожидают скуку.
Мужайся! В путь! Оставь ее одну.
Король тебя обидел. На войну!

Уходят.

Сцена 4

Там же. Другой зал во дворце.

Входят Е л е н а и ш у т.

Е л е н а. Матушка шлет мне душевный привет. Как она поживает?

Ш у т. Не совсем хорошо. Впрочем, она совершенно здорова. Она в прекрасном расположении духа, и все же ей нехорошо. Благодарение богу, она поживает отлично и ни в чем не нуждается, но все же ей не совсем хорошо.

Е л е н а. Но если она поживает отлично, то почему же ей не совсем хорошо?

Ш у т. Ей было бы совсем хорошо, если бы не две вещи.

Е л е н а. Какие же?

Ш у т. Во-первых, то, что она еще не в раю, да возьмет ее туда поскорее господь. А во-вторых, то, что она еще на земле, откуда господь да возьмет ее поскорее.

Входит П а р о л ь.

П а р о л ь. Благослови вас бог, счастливейшая госпожа!

Е л е н а. Надеюсь, сударь, вы радуетесь моему счастью.

П а р о л ь. Я молился о том, чтобы вы его получили, и теперь молюсь, чтобы вы его удержали при себе...— А, это ты, приятель! Как поживает моя старая госпожа?

Ш у т. Если бы вам отдать ее морщины, а мне — ее деньги, то она бы поживала именно так, как вы сказали.

П а р о л ь. Да я же ничего не сказал.

Ш у т. Именно поэтому вы истинный мудрец. Ибо язык

человеческий болтает, как правило, в ущерб своему владельцу. Ничего не говорить, ничего не делать, ничего не понимать и ничего не иметь за душой — вот главнейшие из ваших достоинств, сумма которых мало отличается от нуля.

Костюм шута. Средневековая миниатюра

П а р о л ь. Пошел вон! Ты прохвост.

Ш у т. Вам бы, сударь, следовало сказать так: “Для прохвоста ты прохвост”. То есть: “Для меня ты прохвост”. Это было бы вернее, сударь.

П а р о л ь. Пошел ты к... премудрый дурак! Я дурака сразу вижу.

Ш у т. Может быть, в зеркале? Или вы видели, как кто-то

на вас показывал пальцем? Полезное признание, сударь. В зеркале вы можете увидеть большого дурака: всем людям будет чем позабавиться и смеха достанет на всех.

П а р о л ь

Пройдоха ты! Зажравшийся пройдоха! —
Сударыня, сегодня на закате
Граф должен ехать: срочные дела.
Права любви, супружества права,
Что вам принадлежат, он уважает,
Однако вынужден просить отсрочки.
Но сладкий есть нектар и в промедленье:
Тугой уздой придержанное время
Удвоит вашу будущую радость,
Наполнит кубок счастья до краев.

Е л е н а

Так что же мне супруг повелевает?

П а р о л ь

Чтоб тотчас вы простились с королем,
Своим желаньем объяснив отъезд
И благовидный подыскав предлог
Для этого поспешного решения.

Е л е н а

Что приказал еще он?

П а р о л ь

**Чтобы вы
Дальнейших повелений ожидали.**

Е л е н а

Во всем его желаньям я послушна.

П а р о л ь

Так и скажу.

Е л е н а

Пожалуйста.

(Шуту.)

Идем.

Уходят.

Сцена 5

Там же. Другая комната во дворце.

Входят Лафё и Бертрам.

Лафё. Не может быть, ваша светлость, чтобы вы считали его настоящим воином.

Бертрам. Разумеется, да, мессир; притом испытанным храбрецом.

Лафё. Вам об этом известно от него самого?

Бертрам. Ну да, и от заслуживающих доверия свидетелей.

Л а ф ё. Значит, у меня слабое зрение: я принял этого сокола за ворону.

Б е р т р а м. Уверяю вас, мессир, что это человек огромных познаний и не меньшего мужества.

Л а ф ё. Ну, если так, то, стало быть, я содеял грех против его многоопытности и совершил кощунство против его отваги. И положение мое отчаянное, ибо я не нахожу раскаяния в своей душе. Да вот и он. Прошу, помирите нас. Я мечтаю с ним подружиться.

Входит П а р о л ь.

П а р о л ь (*Бертраму*). Ваша светлость, все будет исполнено, как вы велели.

Л а ф ё. Соблаговолите сообщить, сударь, кто ваш портной?

П а р о л ь. Мессир...

Л а ф ё. О, конечно, он мне известен! Как же, сударь! Он превосходный мастер, он, сударь, преискуснейший портной.

Б е р т р а м (*тихо, Паролю*). Она пошла к королю?

П а р о л ь (*тихо, Бертраму*). Пошла.

Б е р т р а м (*тихо, Паролю*). И к вечеру уедет?

П а р о л ь (*тихо, Бертраму*). Как вы ей приказали.

Б е р т р а м

Написаны все письма, а казна —
В ларце, и лошадей седлать велел я.
И до начала нашей ночи брачной
Наступит ей конец.

Л а ф ё. Бывалого путешественника почему бы и не послушать после обеда; но если кто, сказав три слова, три раза соврет и вместе с одной избитой истиной сбывает вам тысячу вздорных небылиц, такого молодца достаточно однажды выслушать, чтобы трижды отколотить. Да помилует вас бог, капитан.

Б е р т р а м. Не вышло ли у вас с мессиром какой неприятности, Пароль?

П а р о л ь. Не знаю, почему я попал в немилость у мессира.

Л а ф ё. Да, вы ухитрились попасть в нее, с головой, и с сапогами, и со шпорами, и со всеми потрохами, как тот молодец, который прыгает в праздничный пирог. И выбраться из этой немилости вам будет не легче, чем ответить на вопрос, зачем вы туда залезли.

Б е р т р а м. Вы, мессир, должно быть, не так его поняли, он порядочный человек.

Л а ф ё. Я понял, что он дрянь порядочная, даже когда читает молитвы. Прощайте, ваша светлость. Поверьте мне, что он пустой орех, без ядра. У этого человека нет ничего за душой, кроме его платья. Не полагайтесь на него в трудную минуту. Мне случалось иметь дело с такими господами, и я знаю им цену. (*Паролью.*) Прощайте, сударь. Я отозвался о вас лучше, чем вы того стоите или впредь будете стоить. Но, так и быть, надо проявлять великодушие. (*Уходит.*)

П а р о л ь. Вот, ей-богу, пустейший старик.

Б е р т р а м. Пожалуй.

П а р о л ь. А что, разве он вам не известен?

Б е р т р а м

Известен, как же. И могу сказать:
Хвалу ему возносят все.— Но вот
Колодка, что надета мне на шею.

Входит Е л е н а.

Е л е н а

Как вы мне повелели, мой супруг,
Я говорила с королем, он дал
Согласие на мой отъезд. Но прежде
Он хочет видеть вас наедине.

Б е р т р а м

Его приказ я выполняю... Елена,
Не удивляйтесь моему решению,
Хотя оно с обычаем в разладе
И к положенью моему нейдет.
Застигнут я врасплох всем происшедшим,
И выбит я совсем из колеи,—
Вот почему уехать вас прошу;
А если вам угодно удивляться,
То хоть не задавайте мне вопросов:
Причины важные таятся здесь.
Дела, которые меня зовут,
Значительней, чем могут показаться

На первый взгляд тому, кто их не знает.

(Протягивая ей письмо.)

Вот — матушке отдайте. На два дня
Мы расстаемся. Будьте же разумны.

Е л е н а

Супруг мой, вам отвечу лишь одно:
Во всем я покоряюсь вашей воле...

Б е р т р а м

Ступайте же.

Е л е н а

...и приложу все силы,
Чтоб заслужить вниманьем и заботой
Высокий жребий, на который права
Мне скромное рожденье не дает.

Б е р т р а м

Достаточно об этом. Я спешу.
Прощайте. В путь.

Е л е н а

Супруг мой...

Б е р т р а м

Что еще?

Е л е н а

Сокровища того, что мне досталось,
Не стою я. Не смею я сказать:
“Оно мое!” — хоть это так и есть.
И то, что мне вручил закон, хочу я
Украсть, как вор трусливый.

Б е р т р а м

Что же это?

Е л е н а

Немного... даже меньше... так, ничто.
Чего хочу, сказать я не хочу...
Супруг мой! Лишь чужие и враги
Друг друга на прощанье не целуют.

Б е р т р а м

Не медлите. Скорей. Заждались кони.

Е л е н а

Я повинуюсь, добрый мой супруг.

Б е р т р а м
(Паролю)

Все люди собраны мои?

(Елене.)

Прощайте.

Елена уходит.

Ступай, и сидя дома, дожидайся.
Туда я больше не вернусь. Милей
Мне барабанный бой и стук мечей!

(Паролю.)

Бежим!

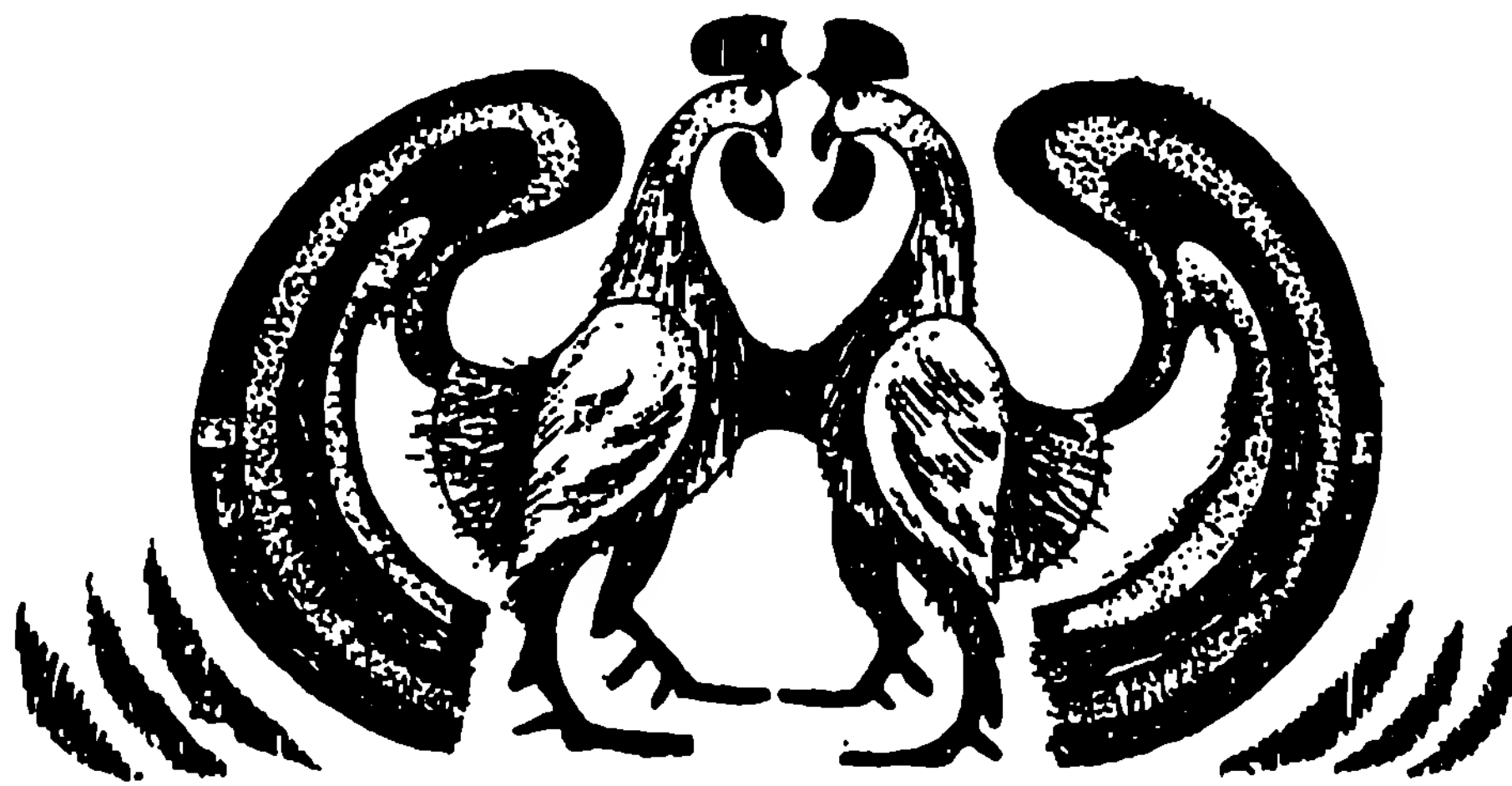
П а р о л ь

Не бойся ничего. Coraggio!¹

Уходят.

¹ Смелей! (Итал.)

АКТ III

Сцена 1

Флоренция. Зал в герцогском дворце.

Трубы. Входят герцог флорентийский
со свитой, двое французских дворян
и солдаты.

Герцог

Итак, мы вам подробно изложили
Главнейшие причины той
войны,
Что столько уже крови поглотила,
Но жажды не умерила своей.

Первый дворянин

На вашей стороне добро и правда,
На стороне противной — ложь и зло.

Герцог

И потому весьма нас удивляет,

Что наш кузен, король французский, сердце
Для наших просьб о помощи замкнул.

Второй дворянин

Я вашему высочеству признаюсь,
Что в государственных делах не смыслю.
Я человек простой, неумудренный;
В руках у государственных мужей
Я лишь марионетка. Так могу ли
Вам домыслы высказывать свои?
Легко на скользкой почве оступиться.

Герцог

В своих решеньях волен он, конечно.

Второй дворянин

Но я уверен: юные французы,
Больные праздностью, к вам поспешат
Искать лекарства.

Герцог

Мы им будем рады,
Их всем, чем можем, щедро наградим.
Свои места вы знаете в сраженье;
Коль старшие падут — вам повышение.
Итак, до завтра. Свидимся в бою.

Трубы. Все уходят.

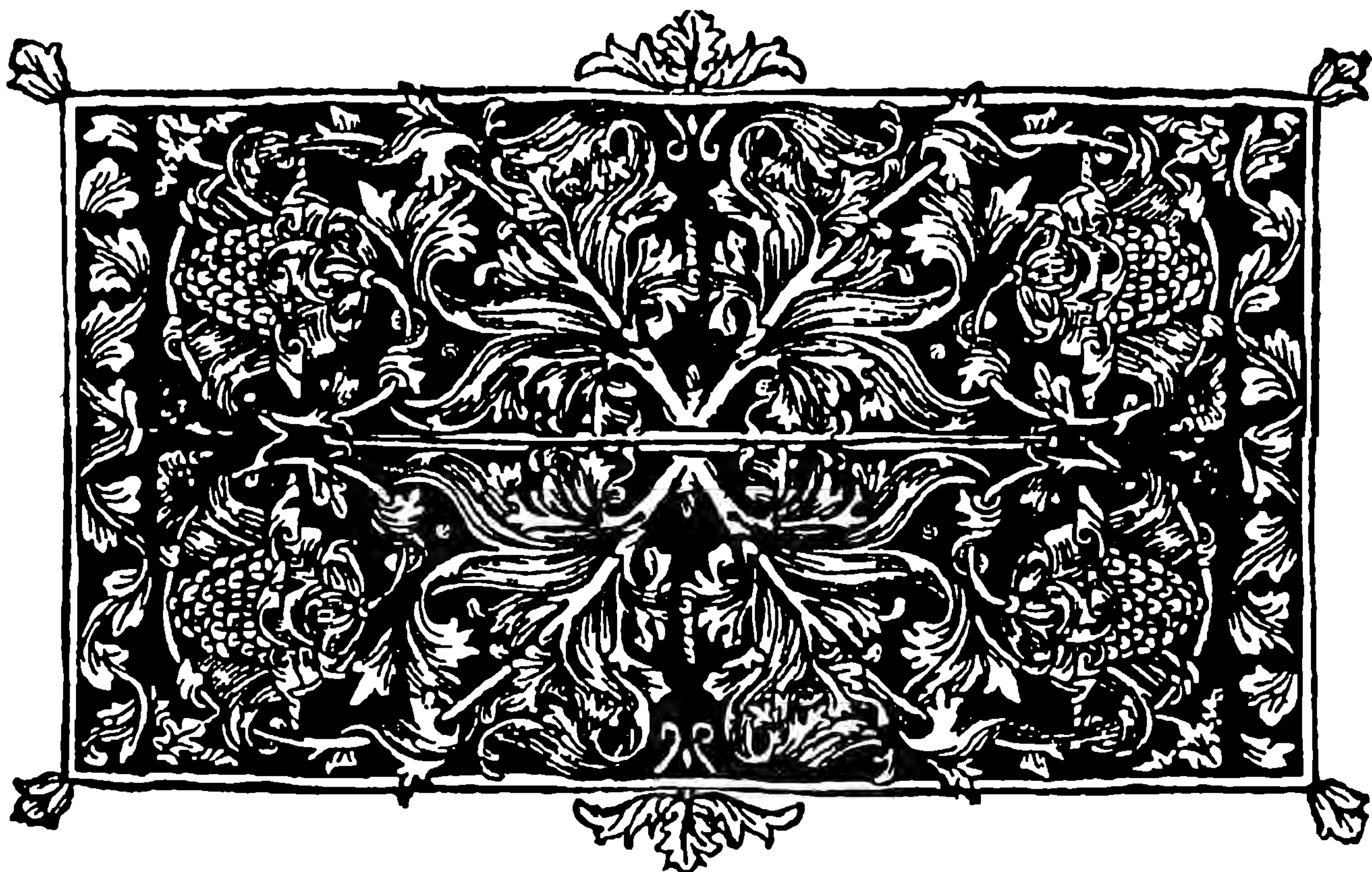
Сцена 2

Руссильон. Комната в замке графини.

Входят графиня и шут.

Г р а ф и н я. Все случилось, как я желала; но почему же он не приехал с ней вместе?

Ш у т. По совести сказать, я полагаю, что молодой граф человек весьма меланхолического склада.

Старопечатный орнамент в стиле Ренессанса

Г р а ф и н я. Из чего это следует? Вот вздор!

Ш у т. А как же? Он смотрит на свой сапог — и насвистывает, поправит на нем отворот — и насвистывает, спросит

что-нибудь — и насвистывает, ковыряет в зубах — и насвистывает. Я знал одного меланхолика, который так любил музыку, что просвистал все родовое имя.

Г р а ф и н я (*распечатывая письмо*). Посмотрим, я хочу узнать, что он пишет и когда собирается приехать.

Ш у т. А я, побывав при дворе, разочаровался в своей Изабелле. Наша деревенская соленая треска и наши Изабеллы в подметки не годятся придворной соленой треске и придворным Изабеллам. Теперь у моего Купидона мозги сдвинулись набекрень, и я начинаю относиться к любви, как старик к деньгам: мне жалко ее тратить.

Г р а ф и н я. Что я вижу!

Ш у т. Ровнехонько то самое, на что вы глядите. (*Уходит.*)

Г р а ф и н я (*читает*). “Я отправляю к вам вашу невестку. Она спасла короля, а меня погубила. Я с ней обвенчан, но она не стала моей женой; и я поклялся, что этого не случится вовеки. До вас дойдет слух о том, что я бежал из Франции. Узнайте же это раньше от меня. Если мир достаточно велик, то я буду держаться на большом расстоянии от дома. Почтительно приветствую вас. Ваш несчастный сын Бертрам.”

Нехорошо, строптивый мой гордец!
Бежал ты от добрейшего монарха,
Его немилость на себя навлек —
И чем же? Тем, что пренебрег невестой,
Такой, которой даже император
Стыдиться бы не стал.

Ш у т возвращается.

Ш у т. Ах, ваша светлость, прибыли дурные вести в сопровождении двух солдат. Они направляются к вам вместе с молодой графиней.

Г р а ф и н я. Что случилось?

Ш у т. Правда, в новостях есть и кое-что утешительное: ваш сын уцелеет дольше, чем я предполагал.

Г р а ф и н я. Как уцелеет?

Ш у т. Вот именно, ваша светлость, раз он сбежал,— по крайней мере до меня дошел этот слух. Не так опасно бежать, как лежать: хотя второе занятие и умножает количество младенцев, но зато мужчинам сокращает век. Вот они сами идут сюда и расскажут вам все подробности. А я слышал только одно — что ваш сын сбежал. (*Уходит.*)

Входят Елена и два офицера.

П е р в ы й о ф и ц е р

Храни вас бог, графиня.

Е л е н а

Ваша светлость,
Уехал он! Уехал навсегда!

В т о р о й о ф и ц е р

Не говорите так.

Г р а ф и н я
(*Елене*)

Терпение!

(Офицерам.)

Вам, господа, я рада.

(Елене.)

Мне в жизни испытать пришлось так много
Смен радости и горя, что ничем
Нельзя меня согнуть.— Ну, где мой сын?

В т о р о й о ф и ц е р

Уехал к флорентийскому двору.
Мы повстречались с ним на полдороге.
Депеши из Флоренции в Париж
Доставим мы и вновь туда вернемся.

Е л е н а

Взгляните, вот письмо — теперь вольна я
На все четыре стороны идти.

(Читает.)

“Когда ты завладеешь кольцом, которое я не снимаю со своего пальца, когда ты сможешь показать мне свое дитя, зачатое от меня,— только тогда можешь называть меня своим мужем. Но такое *тогда* означает *никогда*...”

Вот он, мой приговор!

Г р а ф и н я
(офицерам)

Вы привезли письмо?

Первый офицер

Да, ваша светлость.
Но каемся теперь, узнав, что в нем.

Графиня

О дочь моя, не сокрушайся так.
Все это горе взяв себе одной,
Меня лишишь моей законной доли.
Он был мне сыном, но теперь исторгну
Из сердца имя самое его.
Отныне только ты мое дитя.—
Итак, он во Флоренцию уехал?

Второй офицер

Да, ваша светлость.

Графиня

Чтобы там сражаться?

Второй офицер

Да, с этим благородным побуждением.
И смею вас уверить, что с почетом
Его там встретит герцог.

Графиня

Вы туда
Вернетесь скоро?

Первый офицер

Полетим на крыльях.

Елена (*читает*). “У меня во Франции, пока там есть жена, нет ничего”.

Как это горько!

Графиня

Так он пишет?

Елена

Да.

Первый офицер

Но, может статься, дерзкая рука
Писала то, с чем сердце не согласно.

Графиня

“Пока там есть жена, нет ничего!”
Да по сравнению с ней он сам — ничто.
Она бы стоила такого мужа,
Какому двадцать таких мальчишек
Почли б за честь служить и называли б
Ее тогда смиренно госпожой.
Кто был при нем?

Первый офицер

Всего один слуга
Да некий капитан. Я с ним знаком.

Г р а ф и н я

Его зовут Пароль?

П е р в ы й о ф и ц е р

Да, ваша светлость.

Г р а ф и н я

**Дряннейший малый, с грязною душой.
Все доброе в себе мой сын погубит,
Водя знакомство с ним.**

П е р в ы й о ф и ц е р

Да, ваша светлость.

**Чего-то слишком много в этом малом,
Что заставляет легковверных верить,
Как будто в нем и вправду что-то есть.**

Г р а ф и н я

**Вы, господа, желанные здесь гости,
А сыну моему вы передайте,
Что не добудет он вовек мечом
Той чести, от которой сам отрекся.
Все остальное изложу в письме,
Которое вручу вам для него.**

В т о р о й о ф и ц е р

Мы счастливы служить вам, ваша светлость.

Г р а ф и н я

Служить? О нет! Лишь дружеской услуги
Прошу от вас. Пожалуйста за мной.

Графиня и офицеры уходят.

Е л е н а

“Пока там есть жена, нет ничего”.
Нет ничего во Франции, пока
Там есть жена! Ну что ж, ее не будет,—
И все вернется к вам, граф Руссильон.
Супруг мой бедный! Неужели я
Из родины твоей тебя изгнала,
Отдав твоё прекраснейшее тело
Превратностям безжалостной войны?
И неужель, из-за меня покинув
Веселый двор, где ты мишенью был
Для женских взглядов, станешь ты теперь
Мишенью для дымящихся мушкетов?
О вы, свинцовые посланцы смерти,
Летающие на огненных крылах,
Промчитесь мимо! Воздух рвя со свистом,
Не трогайте супруга моего!
Кто бы в него ни целил — мной подослан,
И, кто бы в грудь ни выстрелил ему,—
Подвигнут на убийство мной, злодейкой.
Не я убью, но я причина смерти.
О нет! Уж лучше встретиться бы мне

С голодным львом, что вышел на добычу.
Уж лучше бы на голову мою
Все бедствия обрушила природа.
Вернись домой, Бертрам! Вернись оттуда,
Где честь в награду может получить
Одни рубцы, но чаще — все теряет.
А я уйду. Ты там, пока я здесь, —
Так смею ль я здесь дольше оставаться?
Нет, ни за что, хотя бы в этом доме
Благоуханье райское лилось
И ангелы служили вместо слуг.
Да, я уйду, и пусть утешит слух твой
Известье о моем уходе горьком.
Мой день окончен, — ночь в друзья возьму.
Как жалкий вор, скрываюсь я во тьму.

(Уходит.)

Сцена 3

Флоренция. Перед герцогским дворцом.

Трубы. Входят герцог флорентийский, Бертрам,
Пароль, дворяне, офицеры, солдаты
и другие.

Герцог

Начальником тебя мы назначаем
Над конницею нашей. И с надеждой
Мы доверяемся твоей звезде.

Б е р т р а м

О государь! Такое бремя тяжело,
Но, если таково желанье ваше,
Его приму и с этой ношей ринусь
Опасностям навстречу.

Г е р ц о г

Мчись же в бой,
И пусть Фортуна, возлюбив тебя,
Сияет на твоём победном шлеме!

Б е р т р а м

Великий Марс, тебе служу отныне.
О, дай моим мечтам осуществиться,
И докажу я миру, что во мне
К любви презренье и любовь — к войне!

Уходят.

Сцена 4

Руссильон. Комната в замке графини.

Входят графиня и дворецкий.

Г р а ф и н я

Зачем вы взяли у нее письмо?
Могли бы догадаться, что она
Мне пишет неспроста. Прочтите снова.

Д в о р е ц к и й
(*читает*)

“Я оскорбила гордую любовь.
Паломницей к Иакову Святому,
Босая, ноги раздирая в кровь,
Замаливать свой грех уйду из дому.
Пускай ваш сын, кого я так люблю,
Узнав о том, вернется с поля брани.
Всем сердцем я его благословлю,
Влачась по горестной стезе скитаний.
Пусть он меня простит за то, что я,
Подобная безжалостной Юноне,
Его послала на труды в края,
Где рыщет смерть за храбрыми
в погоне.

Смерть пощадит его, как я щажу:
Сдружившись с ней, его освобожу”.

Г р а ф и н я

Ах, сколько острых жал в словах столь мягких!
Как вы неосмотрительно, Ринальдо,
Уйти ей дали. Если б я успела,
Ее отговорить бы я могла.
Но поздно уж.

Д в о р е ц к и й

Простите, ваша светлость.

Когда б я ночью вам вручил письмо,
Ее могли б еще догнать, хотя
Скорей всего она бы не вернулась.

Г р а ф и н я

Где ангела-хранителя найдет
Супруг заблудший? Нет ему спасенья, —
Вот разве та, кому так внемлет небо,
Всевышнего умолит судию
Смягчить свой гнев! — Пишите же,
Ринальдо,
Дурному, недостойному супругу.
В словах высоких оцените ту,
Кого так низко сам он оценил.
Поведайте, как я скорблю глубоко,
Хоть сам он мелок, чтоб меня понять.
Письмо с гонцом надежным отошлите.
Услышав, что она ушла из дому,
Вернется он. Надеюсь, что тогда,
Ведомая своей любовью чистой,
Она сюда обратно поспешит.
Кто мне из них дороже, разум мой
Не знает. — Снарядите же гонца! —
Покая старость хочет и молчанья, —
Но скорбь ждет слез, слов требует страданье.

Уходят.

Сцена 5

Перед стенами Флоренции.

Вдали раздается звук трубы.

Входят старая вдова, Диана, Марианна
и другие горожане.

В д о в а. Да ну же, поторопитесь! Ведь когда они подойдут к самому городу, мы уже ничего не увидим.

Д и а н а. Говорят, этот французский граф совершил славные подвиги.

В д о в а. Рассказывают, будто он взял в плен неприятельского военачальника и собственной рукой убил брата их герцога... Ну вот, мы только понапрасну спешили: они проходят через другие ворота. Слышите? Трубы удаляются.

М а р и а н н а. Пойдемте. Ничего не поделаешь, вернемся домой и хоть послушаем, что другие расскажут. А ты, Диана, смотри остерегайся этого французского графа. Честь девушки в ее добром имени, и целомудрие дороже всяких богатств.

В д о в а. Я уже рассказывала соседке, как к тебе приставал один из его приближенных.

М а р и а н н а. Знаю я его, негодяя. Пароль его зовут. Он гнусный пособник молодого графа во всех этаких делах. Берегись их, Диана. Все их посулы, обещания, клятвы, знаки внимания и прочие средства, измышляемые похотью, ничего не стоят. Многих уже девушек они совратили. Но беда в том, что, как бы ни были ужасны примеры, сколько бы девушек ни погибало, это не мешает другим бедным пташкам лететь прямо в силки. Тебе-то, я надеюсь, мои предостережения не нуж-

ны. Тебя будет охранять твоя чистота, хотя бы опасность угрожала всего лишь твоей скромности.

Д и а н а. За меня вам не нужно бояться.

В д о в а. Я думаю.— Смотрите, вот идет паломница. Должно быть, она захочет остановиться на моем постоялом дворе: пилигримы посылают ко мне друг друга. Спрошу-ка ее.

Входит Е л е н а в одежде паломницы.

В д о в а

Храни вас бог. Куда лежит ваш путь?

Е л е н а

К Иакову Святому.

Скажите, где живут здесь пилигримы?

В д о в а

Близ городских ворот, в “Святом Франциске”.

Е л е н а

Так прямо мне идти?

В д о в а

Да-да, конечно.—

Вдали слышна военная музыка.

Прислушайтесь! Они идут сюда.—

Вы подождите. Вот пройдут войска —

И я сама туда вас провожу,

Тем более что я хозяйку знаю,
Как самое себя.

Е л е н а
Не вы ли это?

В д о в а
Да, это я и рада вам служить.

Е л е н а
Спасибо. Я вас подожду охотно.

В д о в а
Вы не из Франции ли?

Е л е н а
Да, оттуда.

В д о в а
Здесь одного из земляков своих
Увидите сейчас. На поле брани
Он славно отличился.

Е л е н а
Кто же он?

Д и а н а
Граф Руссильонский. Знаете такого?

Е л е н а

Слышать слыхала: он молвой прославлен;
Но видеть не случилось.

Д и а н а

Кто б он ни был, —
Его здесь все считают храбрецом.
Он, говорят, из Франции бежал
Из-за того, что должен был жениться
По воле короля на нелюбимой.
Не знаю, правда ли?

Е л е н а

Да, это правда.
С его женой знакома я.

Д и а н а

О ней

С пренебреженьем крайним отзывался
Один из графской свиты.

Е л е н а

Кто же это?

Д и а н а

Его зовут Пароль.

Е л е н а

Я с ним согласна.

В сравнении с высокородным графом
Она низка настолько, что не стоит
И имени ее упоминать.

Но есть у ней достоинство одно:
Смиренная, безропотная верность,
В которой невозможно усомниться.

Д и а н а

Несчастливая! Уж лучше быть рабой,
Чем быть женой, супругу ненавистной.

В д о в а

И правда. Где она сейчас, не знаю,
Но, верно, ей, бедняжке, нелегко.

(Указывая на Диану.)

Вот кто бы мог, когда б желанье было,
Ей причинить немало зла.

Е л е н а

Но чем же?

Быть может, граф влюблен и предлагает
Ей связь преступную?

В д о в а

Вы угадали.

На все готов, чтоб своего добиться
И оскорбить девическую честь.
Но дочь моя атаки отбивает
И не сдается.

М а р и а н н а

Бог ее храни!

Входят с барабанным боем
и развернутыми знаменами флорентийские войска,
Бертрами Пароль.

В д о в а

Идут! Идут! Смотрите же: вот этот —
Сын герцога, Антонио, а тот —
Эскал.

Е л е н а

А где же здесь французский граф?

В д о в а

Вон тот красавец с перьями на шлеме.
Как жаль, что он жене своей неверен:
Будь он честней, он был бы лучше всех.
А вам он тоже нравится?

Е л е н а

Да, очень!

Д и а н а

Да, жаль, что он испорчен. А вон там —
Тот негодяй, что завлекает графа
В дурное общество. Будь я графиней, —
Велела б я мерзавца отравить.

Е л е н а

Который? Не пойму.

Д и а н а

Вон та мартышка,
Что лентами обвита. Это странно...
Он что-то приуныл.

Е л е н а

Быть может, ранен?

П а р о л ь (в сторону). Проморгать барабан! Вот так история!

М а р и а н н а. Что с ним? Он словно бы не в себе. Смотрите, он нас заметил.

В д о в а. Чтоб тебя черт побрал!

М а р и а н н а. Вместе с твоими льстивыми речами и ужимками, паршивый сводник!

Бертрам, Пароль, офицеры и солдаты уходят.

В д о в а

Войска прошли. Паломница, пойдемте

Со мной в мой дом. И вы найдете там
Еще пять-шесть таких же пилигримов,
Что держат путь к Иакову Святому.

Е л е н а

Благодарю смиренно. Может быть,
Вы с вашей милой дочкой согласитесь
Со мной поужинать? Само собою,
Я с благодарностью плачу за всех.
И кой-какие ценные советы
Я этой девушке могла бы дать.

В д о в а и Д и а н а
(вместе)

Охотно принимаем приглашение.

Уходят.

Сцена 6

Лагерь близ Флоренции.

Входят Бертрам и двое французских дворян.

П е р в ы й д в о р я н и н. Прошу вас, любезный граф, выведите этого Пароля на чистую воду. Не мешайте ему сделать то, что он задумал.

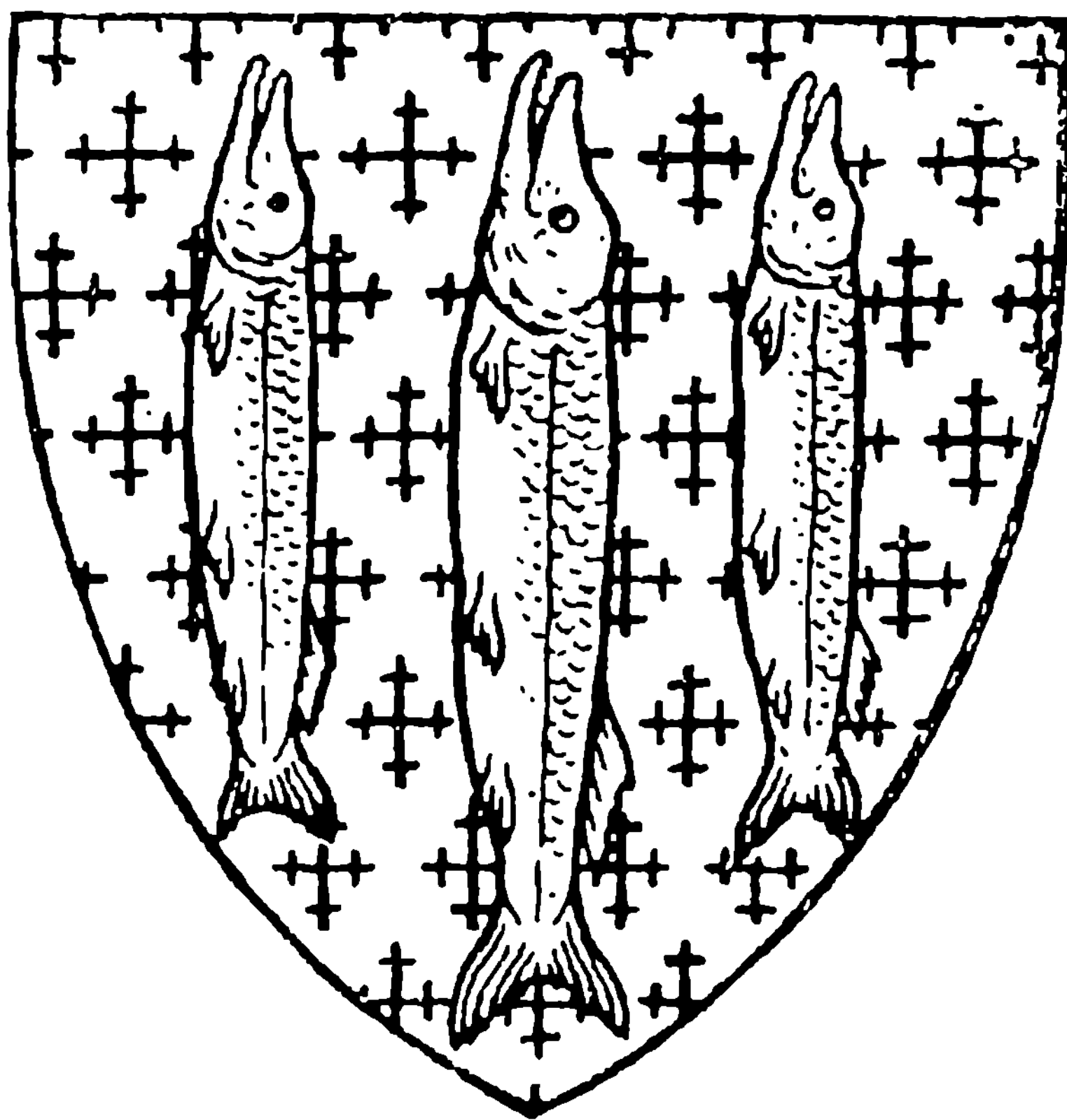
В т о р о й д в о р я н и н. Если ваша светлость не убедится, что он — полное ничтожество, вы можете лишить меня своего уважения.

Первый дворянин. Клянусь жизнью, граф, это мыльный пузырь.

Бертрам. Вы полагаете, что я в нем ошибаюсь?

Первый дворянин. Уверяю вас, граф. Я говорю только то, что хорошо знаю, без всякого предубеждения. Будь он даже моим родичем, я не мог бы не признать, что он отъявлен-

Герб флорентийского дворянина

ный трус, безудержный хвастун, бесстыдный клятвопреступник и что нет за ним ни одного из достоинств, которое могло бы объяснить ваше к нему расположение.

Второй дворянин. Вам бы надо подвергнуть его испытанию. Иначе может случиться, что в каком-нибудь важ-

ном и секретном предприятии вы положитесь на его доблесть, которой на деле нет, а в решительную минуту он вас предаст.

Б е р т р а м. Надо придумать, на чем бы его испытать.

В т о р о й д в о р я н и н. Чего же лучше, — дайте ему случай вернуть потерянный барабан. Ведь он хвастал, что для него это сущий пустяк.

П е р в ы й д в о р я н и н. А тут я с отрядом флорентийцев и схвачу его. Возьму с десятков незнакомых ему солдат — и он не отличит нас от неприятеля. Мы свяжем его по рукам и ногам, завяжем глаза — и он, очутившись в нашем собственном лагере, вообразит, что его притащили во вражеский стан. Пусть только ваша светлость будет при его допросе. Ручаюсь, что он, побуждаемый подлым страхом, ради сохранения жизни решится на предательство и разболтает врагу все, что ему известно о ваших планах, не устыдясь нарушения воинской присяги. А если нет, то не верьте после этого ни единому моему слову.

В т о р о й д в о р я н и н. Хотя бы для потехи пошлите его на поиски барабана! Он уверяет, что разработал для этого хитроумный план. Когда ваша светлость увидит плоды его стараний и убедится, что при переплавке из этой глыбы руды выйдет только комок грязи, то или вы прикажете выбивать барабанную дробь на его собственной спине, или придется признать, что слабость ваша к нему непреодолима... А вот и он.

П е р в ы й д в о р я н и н. О, хотя бы для смеха не препятствуйте ему в осуществлении столь славной задачи: пусть он выручает свой барабан.

Входит П а р о л ь.

Б е р т р а м. Ну как, Пароль? Мысль о барабане все не дает тебе покоя?

В т о р о й д в о р я н и н. Да чтоб он лопнул! Ну его! Подумаешь, барабан!

П а р о л ь. “Подумаешь, барабан”! Разве только в барабане дело? Лишиться барабана таким дурацким образом! Нечего сказать, славные отдаются приказы: наша конница врезалась в наш собственный фланг и смяла своих же пехотинцев!

В т о р о й д в о р я н и н. Приказы тут ни при чем. Произошла несчастная случайность, которой не мог бы предвидеть даже сам Цезарь, если бы он командовал в этом бою.

Б е р т р а м. Однако не приходится жаловаться на исход сражения. Правда, потеря барабана уронила нашу воинскую честь, но что пропало, того не вернешь.

П а р о л ь. Можно было вернуть.

Б е р т р а м. Можно было. Но этого не случилось.

П а р о л ь. Барабан нужно вернуть. Жаль только, что награда за подвиг редко достается тому, кто ее заслужил, а то бы я вернул этот барабан или захватил какой-нибудь другой, или... “hic jacet...”¹.

Б е р т р а м. Ну, если уж тебе так нейдет и ты уверен, что достаточно искушен в военных хитростях, чтобы вернуть утраченный символ воинской славы, то ступай и соверши чудеса храбрости. Я почту доблестным подвигом твою попытку. А буде она увенчается успехом, — сам герцог похвалит тебя и

1 Здесь покоится... (Лат.)

вознаградит с подобающей ему щедростью за каждую крупинку проявленного тобой героизма.

П а р о л ь. Клянусь моей рукой воина, я совершу этот подвиг!

Б е р т р а м. Но тогда надо поторапливаться.

П а р о л ь. Займусь этим делом нынче же вечером. Сейчас я составлю диспозицию, вдохновлюсь уверенностью в успехе операции, отдам распоряжения на случай своей смерти, — и можете рассчитывать на то, что к полуночи обо мне кое-что услышите.

Б е р т р а м. Могу ли я взять на себя смелость доложить его высочеству о твоём замысле?

П а р о л ь. Не знаю, что получится, но попытаться попытаюсь и в том даю клятву.

Б е р т р а м. Мне известно, как ты храбр, как искусен в военном деле, я готов поручиться за успех. Счастливого пути!

П а р о л ь. Я не люблю бросать слова на ветер. (Уходит.)

П е р в ы й д в о р я н и н. Так-то вот и рыба не любит плавать. Ну не чудак ли? С какой самонадеянностью он берется за дело, которое, как он хорошо знает, невыполнимо. Кричит: “Будь я проклят, если не совершу подвига!” — а сам скорее даст себя проклясть, чем отважится на подвиг.

В т о р о й д в о р я н и н. Вы его не знаете, ваша светлость, как знаем мы. Спору нет, он способен вкрась в доверие и продержаться с неделю, пока его не раскусят. Но достаточно однажды понять, что он за птица, и он уж вас больше не обманет.

Б е р т р а м. Вы и в самом деле считаете, что он не исполнит ничего из того, за что берется с таким жаром?

П е р в ы й д в о р я н и н. Ровным счетом ничего. Он вернется, выдумав какую-нибудь историю, и преподнесет вам с десяток небылиц, могущих сойти за правду. Но мы его выследили и, вот увидите, этой ночью затравим. Вы убедитесь, что он не заслуживает уважения вашей светлости.

В т о р о й д в о р я н и н. Мы славно потешим вас травлей, прежде чем сдерем шкуру с этой лисы. Первым испугнул ее старик Лафё. Когда личина будет сорвана, — а это произойдет нынче ночью, — вы сами признаете, что под ней скрывается жалкая тварь.

П е р в ы й д в о р я н и н

Пойду-ка я проверю западню.

Б е р т р а м

А брат ваш пусть останется со мною.

П е р в ы й д в о р я н и н

Как вам угодно. Я прощаюсь с вами.

(Уходит.)

Б е р т р а м

Пойдемте. Я хочу вам показать
Ту девушку.

В т о р о й д в о р я н и н

Но мне от вас известно,
Что будто к ней не подступиться!

Б е р т р а м

И в том её единственный изъян.
Всего лишь раз я с нею говорил —
На редкость холодна. Я посылал ей
Записки и подарки через франта,
Которого отслеживаем мы.
Вернула их! Вот все мои успехи.
Она красавица. Угодно вам
Пойти со мной взглянуть?

В т о р о й д в о р я н и н

Я буду счастлив.

Уходят.

Сцена 7

Флоренция. Комната в доме вдовы.

Входят Елена и вдова.

Е л е н а

Но если вы не верите, что я
Его жена, то как мне убедить вас,
Не погубив при этом весь свой план?

В д о в а

Мы люди бедные, но мы честны,
И дел таких я отроду не знала.

Сомнительным поступком не хочу
Себя позорить.

Е л е н а

Нет о том и речи!
Сперва поверьте мне, что граф мой муж,
Что все, рассказанное мною вам, —
А вы его клялись не разглашать —
От слова и до слова только правда.
Тогда поймете: оказав мне помощь,
Которой я прошу, не ошибетесь.

В д о в а

Я верю вам. Я вижу по всему,
Что вы, конечно, знатная сеньора.

Е л е н а

Возьмите этот кошелек в обмен
На дружескую помощь, а в дальнейшем
Я награжу еще вас и еще.
Влюбленный в вашу дочь, решился граф
Взять крепость красоты ее осадой.
Пускай она смягчится — лишь для вида;
Что делать дальше, мы ее научим.
Пылая страстью, граф ей не откажет
Ни в чем. На пальце носит он кольцо.
Оно из поколения в поколение

Уж сотни лет в роду их переходит.
Кольцо ему дороже всех сокровищ.
Однако же, томим голодной страстью,
Для достиженья цели он отдаст
И то кольцо, хоть пожалеет после.

В д о в а

Теперь ваш план становится понятным.

Е л е н а

Судите сами — за меня закон.
Дочь ваша, графу уступив притворно,
Потребует кольцо и согласится
Свидание назначить, а тогда
Ее я тайно подменю; она же
Останется чиста. И от меня
Пять тысяч крон в приданое получит,—
Сверх раньше данного.

В д о в а

Ну, хорошо.

Вы объясните дочке, что ей делать,
Назначьте час и выберите место,
Чтоб честный наш обман осуществить.
А ваш супруг-то, что ни вечер,— здесь,
Под окна к нам приводит музыкантов,
Слагает песни девушке безродной.

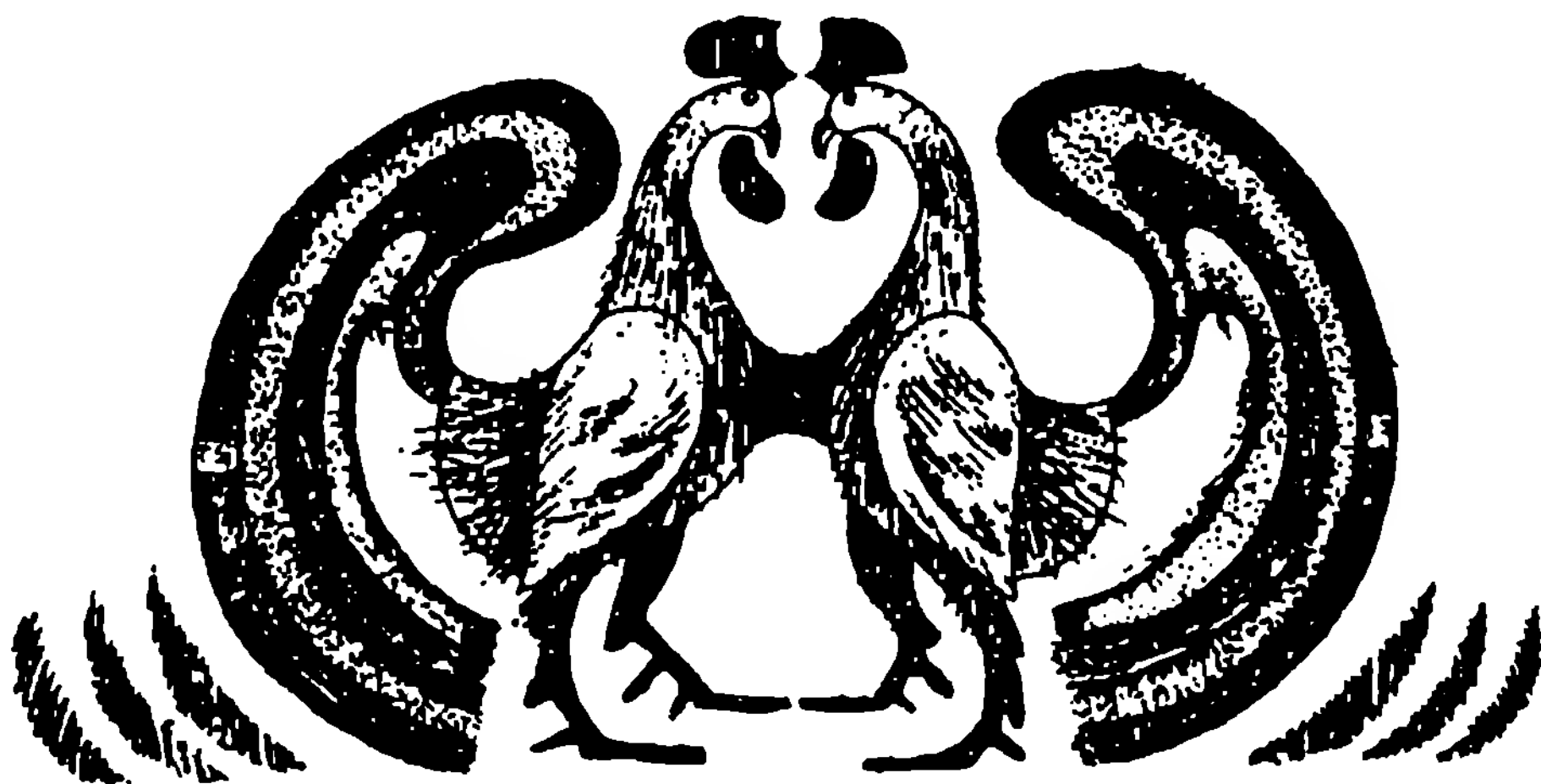
Мы гоним — где тут! Так настойчив, будто
О жизни и о смерти речь идет.

Е л е н а

Итак, сегодня мы раскинем сети.
Коль будет нам сопутствовать успех, —
Добру послужим, поощряя грех.
Закону беззаконием поможем;
Постель порока станет брачным ложем.

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Близ флорентийского лагеря.

Входит первый французский дворянин
в сопровождении нескольких солдат.

Они прячутся в засаду.

Первый дворянин. Иначе как вдоль этой изгороди, ему дороги нет. Напав на него, болтайте всякую тарабарщину, и не беда, если сами себя не будете понимать. Надо сделать вид, что его языка не знает никто из нас, кроме одного, который будет разыгрывать роль толмача.

Первый солдат. Можно, капитан, я буду толмачом?

Первый дворянин. А ты незнаком с ним? Он не узнает тебя по голосу?

Первый солдат. Нет, капитан.

Первый дворянин. На каком же тарабарском наречии ты будешь с нами изъясняться?

Первый солдат. Да на том же, что и вы со мной.

Первый дворянин. Он должен принять нас за отряд иноземцев, наемных солдат противника. А так как он малость

смыслит в языках, похожих на его родной язык, то каждому из нас придется изобретать что-нибудь свое, не обращая внимания на то, что бормочут остальные. При этом надо только делать вид, что мы отлично понимаем друг друга. Галдите как сороки, и чем больше будет трескотни, тем лучше.— Что же касается тебя, толмач, то держи ухо востро.— Но вот и он. Прячьтесь! Он, видно, собирается продрыхнуть тут полночи и вернуться с каким-нибудь враньем, подкрепляя его клятвами и божбой.

Входит Пароль.

П а р о л ь. Десять часов! Часика через три можно будет и восвояси отправиться. Что бы им такое наплести? Надо выдумать что-нибудь правдоподобное, а то не поверят. Они о чем-то пронюхали, и за последнее время насмешка стала частенько стучаться в мои двери. Пожалуй, язык мой чересчур храбр. А сердце робеет перед лицом Марса и его слуг. Вот почему и нет согласия между речами и поступками.

П е р в ы й д в о р я н и н (в сторону). Это первое правдивое слово, которое изрек твой язык.

П а р о л ь. Какой дьявол подбил меня пуститься на розыски этого барабана? Я же отлично знал, что его не вернуть, что я и пробовать не стану. Придется самому себя поранить и сказать, что получил увечья в бою. Но легкие раны не убедят их. Они скажут: “Из-за такой-то малости ты повернул назад?” А нанести себе серьезную рану я не решаюсь. Ну как тут быть? Что придумать? Язык мой, за то, что твоя болтовня так меня подвела, я подарю тебя торговке маслом, а себе куплю язык у немого.

Первый дворянин (в сторону). Как это может быть, чтобы он, зная себе цену, оставался таким как есть?

Пароль. А может, будет достаточно, если я искромсаю свою одежду? Или сломаю свой испанский меч?

Первый дворянин (в сторону). Ну нет, этим ты от нас не отделаешься.

Пароль. Или сбрею бороду и заявлю, что враги надо мной так надругались?

Первый дворянин (в сторону). И это не пройдет.

Пароль. Или брошу одежду в воду и скажу, что враги раздели меня донага?..

Первый дворянин (в сторону). И этого маловато.

Пароль. А если поклянусь, что выпрыгнул из окна крепости?..

Первый дворянин (в сторону). С какой высоты?

Пароль. ...с высоты в тридцать сажен?

Первый дворянин (в сторону). Хоть трижды поклянись, — все равно не поверят.

Пароль. Эх, найти бы мне неприятельский барабан! Тогда бы я поклялся, что выручил собственный.

Первый дворянин (в сторону). Тебе нужен барабан? Изволь.

За сценой барабан бьет тревогу.

Пароль. Ой! Вражеский барабан!

Первый дворянин и солдаты выскакивают из засады.

Первый дворянин. Трока мовезус! Карго, карго, карго!

С о л д а т ы. Карго, карго! Вилианда пар корбо! Карго!

Хватают Пароля и завязывают ему глаза.

П а р о л ь

Я выкуп дам! Повязку развяжите!

П е р в ы й с о л д а т. Боскос тромульдо боскос.

П а р о л ь

А, понял я,— вы из отряда Муско!

Неужто вы убьете человека

За то, что ваш язык ему неведом?

Есть между вами немец иль

датчанин,

Голландец, итальянец иль француз?

По-своему со мной пусть потолкует.

Я вам открою все, и флорентийцев

Вы победите.

П е р в ы й с о л д а т

Боскос ваувадо! —

Я знаю твой язык.—Корелибонто!

Подумай о душе: к твоей груди

Приставлены две дюжины кинжалов.

П а р о л ь

Ой-ой! Ой-ой!

П е р в ы й с о л д а т

Молись! Молись! Молись!
Манка реванья дульче!

П е р в ы й д в о р я н и н

Оскорби дульчос воливорко.

П е р в ы й с о л д а т

Наш генерал пока тебя щадит.
Сейчас ты будешь так как есть, с повязкой,
Отправлен на допрос. И если ты
Дашь сведенья полезные, тебе
Оставят жизнь.

П а р о л ь

О дайте мне пожить!
Я тайны вам военные открою,
О наших силах расскажу, о планах!
Такие сведенья могу я дать,
Что вас ошеломлю.

П е р в ы й с о л д а т

А не соврешь?

П а р о л ь

Клянусь душою, нет!

П е р в ы й с о л д а т**Акордо линта,—****Пойдем. Пока тебя никто не тронет.****Пароль под конвоем и первый солдат уходят.****П е р в ы й д в о р я н и н**
(второму солдату)**Ты графу Руссильонскому скажи
И брату моему, что в наши сети
Попался этот гусь. До их прихода
Глаза ему развязывать не будем.****В т о р о й с о л д а т****Я понял, капитан.****П е р в ы й д в о р я н и н****И сообщи,****Что нас он хочет нам самим предать.****В т о р о й с о л д а т****Я так и доложу.****П е р в ы й д в о р я н и н****А он покамест****Пускай сидит в потемках под замком.****Уходят.**

Сцена 2

Флоренция. Комната в доме вдовы.

Входят Бертрам и Диана.

Бертрам

Я слышал, ваше имя — Фонтибель?

Диана

Меня зовут Дианой.

Бертрам

Как богиню!

И этого достойны вы вполне.

Но почему же ваша красота

Чуждается любви? Ведь если юность

Своим огнем не зажигает вас,

Вы статуя, не девушка из плоти!

Когда лежать вы будете в гробу,

Не будете ни холодней, ни строже.

Пример возьмите с матери своей:

Узнав любовь, она дала вам жизнь.

Диана

Ее любовь была чиста.

Бертрам

А ваша?

Д и а н а

Нет. Мать любила своего супруга,
Как вы должны любить свою жену.

Б е р т р а м

Молчи! Не поминай о ней, Диана.
Я с нею скован цепью, а к тебе
Любви меня привязывают узы.
Тебе я буду угождать всегда!

Д и а н а

Да, как же! Вы нам рады угождать,
Пока мы вам угодны. А когда
Все розы оборвете, нам оставив
Лишь тернии, — с насмешкой говорите,
Что нет у нас цветов.

Б е р т р а м

Но я клянусь...

Д и а н а

Для истины не нужно стольких клятв;
Один обет ей нужен, но правдивый.
Мы, в чем бы ни клялись, взываем к небу.
Скажите же мне сами: если б я
Величьем громовержца поклялась,
Что вас люблю, поверили бы вы,

Когда б моя любовь была преступной?
Такие клятвы оскорбляют небо.
А потому все ваши обещанья —
Слова, не подкрепленные ничем,
Пустые речи. Так по крайней мере
Мне кажется.

Б е р т р а м

Не надо, чтоб казалось!
Не будь жестокой в святости своей.
Любовь — святыня. И моя правдивость
Чужда тому, в чем ты винишь мужчин.
Не уклоняйся же! Я болен страстью,
Отдайся ей — и ты меня излечишь.
Тебя любить вовеки буду я,
Как в этот миг! Скажи, что ты — моя!

Д и а н а

Как вижу я, находчивы мужчины;
Их красноречье побеждает нас.
Вы не подарите мне этот перстень?

Б е р т р а м

Любимая, возьми его на время,
А подарить — не смею.

Д и а н а

Не хотите?

Б е р т р а м

В нем — родовая честь. Передается
Оно из поколения в поколение.
Его утрата для меня — позор.

Диана

Но честь моя — такое же кольцо,
Наш родовой алмаз. Передается
Она из поколения в поколение.
Ее утрата для меня позор.
Смотрите, ваша собственная
мудрость
В защиту мне от ваших настояний
Призвала честь на сторону мою.

Б е р т р а м

**Возьми кольцо! Мой род, и честь, и жизнь
Одной тебе принадлежат. Я твой.**

Диана

Так в полночь стукните в мое окно.
Мать не услышит, я уж позабочусь.
Но если вправду любите меня,—
Завоевав мое девичье ложе,
Вы от меня уйдите через час
И говорить со мною не пытайтесь.
Причину вы узнаете тогда,

Когда кольцо вернется к вам обратно.
А ночью я надену вам на палец
Кольцо другое. Будет вам оно
Напоминать о том, что свершено.
Я жду. Во мне жену вы обретете,
Хоть смерть моим надеждам принесете.

Б е р т р а м

Рай на земле я обрету с тобой!

(Уходит.)

Д и а н а

Живите долго и благодарите
Меня и небеса! —
Мне матушка все точно предсказала, —
Не побывала ль в сердце у него?
Мужчины, по ее словам, клянутся
Все на один манер. Он поклялся
На мне жениться, как умрет жена.
Но я с ним лягу разве лишь в могилу.
Коль все мужья — как этот вот
француз,
Пускай вовек не знать мне брачных уз.
И обмануть того мы можем смело,
Кто сам решился на дурное дело.

Уходят.

Сцена 3

Флорентийский лагерь.

Входят двое французских дворян и солдаты.

Первый дворянин. Ты передал ему письмо от матери?

Второй дворянин. Передал, час тому назад. Что-то в письме его очень задело: читая, он изменился в лице.

Первый дворянин. Он достоин самого большого порицания за то, что отверг такую достойную жену, такую прелестную женщину.

Второй дворянин. Чем и заслужил на веки вечные королевскую немилость. А король уж настроил было свою щедрость на такой лад, чтобы она спела графу песенку о счастье. Я скажу тебе одну вещь, но это должно остаться строжайшей тайной.

Первый дворянин. Все, что ты скажешь, тотчас же умрет и будет во мне погребено.

Второй дворянин. Он соблазнил здесь, во Флоренции, одну юную девушку с незапятнанным доселе именем. Нынче ночью он насытит свою похоть на погибель ее чести. Он отдал ей свое кольцо — фамильную драгоценность — и весьма доволен этой постыдной сделкой.

Первый дворянин. От такого падения да сохранит нас господь. Ибо, если бы мы были предоставлены своим порокам, чем бы мы стали?

Второй дворянин. Предателями по отношению к самим себе. Обычно предатель изобличает себя, еще не достиг-

нув своей гнусной цели. Так и предательство графа по отношению к его собственному благородству не может оставаться тайной.

Первый дворянин. Не отвратительно ли, что люди сами трубят о своих дурных умыслах? Значит, сегодня вечером он с нами не будет?

Второй дворянин. Он придет после полуночи. Ему для свидания отпущен один лишь час.

Первый дворянин. Ждать уже недолго. А я хотел бы, чтобы мы вывели его приспешника на чистую воду при нем: пусть-ка граф убедится, как ошибается в людях. Превозносить такую шельму!

Второй дворянин. Мы без него не начнем. Ведь и для того плута присутствие графа будет, как наказание плетьюми.

Первый дворянин. А пока не расскажешь ли, что нового слышно об этой войне?

Второй дворянин. Да говорят, что идут переговоры о мире.

Первый дворянин. Могу тебе сказать больше — мир уже заключен.

Второй дворянин. Что же будет тогда делать граф Руссильонский? Будет продолжать свои скитания или вернется во Францию?

Первый дворянин. По твоему вопросу видно, что он поверяет тебе не все свои намерения.

Второй дворянин. И слава богу. Не то пришлось бы мне отвечать за все его поступки.

Первый дворянин. Месяца два назад его жена покинула Руссильонский замок, чтобы совершить паломничество к Святому Иакову. Этот благочестивый замысел она и осуществила. Но когда она добралась туда, ее хрупкость пала жертвой испытанных ею страданий; словом, она испустила последний вздох и теперь приобщилась к хору ангелов.

Второй дворянин. Откуда все это известно?

Первый дворянин. Большая часть — из ее собственного письма. Там рассказано все, что предшествовало ее смерти. О самой же смерти, которую она, конечно, не могла описать, имеется достоверное свидетельство приходского священника.

Второй дворянин. И граф это знает?

Первый дворянин. Да, во всех подробностях; он во всеоружии истины.

Второй дворянин. Меня безмерно печалит, что эта новость должна его радовать.

Первый дворянин. Подумать, как порою нас веселят наши утраты!

Второй дворянин. И как иной раз мы топим в слезах наше счастье. Великая слава, которую он стяжал здесь своей доблестью, на его родине сменится таким же позором.

Первый дворянин. Ткань человеческой жизни сплетена из двух родов пряжи — хорошей и дурной. Наши добродетели преисполнили бы нас гордыней, если бы их не бичевали наши грехи; а наши пороки ввергли бы нас в отчаяние, если бы их не искупали наши достоинства.

Входит слуга.

Ну что? Где твой господин?

С л у г а. Он повстречался на улице с герцогом, который отпустил его с почетом. Завтра утром его сиятельство уезжает во Францию. Герцог обещал дать ему рекомендательное письмо к королю.

В т о р о й д в о р я н и н. Такое письмо ему крайне необходимо; и если похвалы будут даже преувеличены, то тем лучше.

Слуга уходит.

П е р в ы й д в о р я н и н. Король испытал такую горечь, что ее никакими похвалами не подсластишь. А вот и граф.

Входит Б е р т р а м.

Ну как, ваша светлость? Ведь уже далеко за полночь.

Б е р т р а м. Я успел сегодня сделать добрых полтора десятка дел, на каждое из которых был бы нужен месяц. Редкая удача! Я простился с герцогом, раскланялся с его приближенными, овдовел, оплакал покойную жену, написал матери о своем возвращении, подобрал себе спутников. А между этими важными делами завершил еще несколько других, более приятных. Последнее из них было важнейшим, но с ним я еще не совсем покончил.

В т о р о й д в о р я н и н. Если это дело не из легких, а уезжаете вы утром, то вашей светлости нужно поторопиться.

Б е р т р а м. Я не покончил с этим делом в том смысле, что мне, боюсь, еще придется впоследствии о нем услышать... Ну, а как же наш веселый диалог между шутом и солдатом? Пусть

приведут сюда этот поддельный образчик всех совершенств. Он ввел меня в обман, как двусмысленный оракул.

Второй дворянин. Ведите его сюда.

Несколько солдат уходят.

Он всю ночь просидел в колодках, несчастный герой.

Бертрам. И поделом: колодки к его ногам подходят лучше, чем шпоры, которые он так долго носил незаслуженно. Как он себя держит?

Первый дворянин. Я уже сказал вашей светлости: он себя — никак, а вот колодки его держат. Но если уж говорить всю правду, то он ревет, как девка, пролившая молоко. Он исповедовался Моргану, которого принял за монаха, во всем, что с ним случилось с младенчества до того злополучного дня, когда он угодил в колодки. Как вы думаете, что он рассказал на исповеди?

Бертрам. Надеюсь, не про меня что-нибудь?

Второй дворянин. Его исповедь записана и будет прочитана в его присутствии. И если о вашей светлости там упоминается, в чем я не сомневаюсь, то вам придется выслушать терпеливо все до конца.

Возвращаются солдаты с Паролем.

Бертрам. Чтоб ему провалиться! Как, с завязанными глазами! Но обо мне он ничего не посмеет сказать. Тсс... Тсс...

Первый дворянин. Начинается игра в жмурки.— Порто тартаросса.

Первый солдат. Приказано принести орудия пытки. Что ты скажешь, пока тебя не начали пытать?

П а р о л ь. Я все скажу, что мне известно, вам не придется меня принуждать. Если вы даже сотрете меня в порошок, я не смогу ничего добавить.

Наказание в армии. Рисунок неизвестного художника

П е р в ы й с о л д а т. Боско чимуро.

В т о р о й д в о р я н и н. Боблибиндо чикурмурко.

П е р в ы й с о л д а т. Вы милостивы, генерал. (*Паролю.*)
Наш генерал приказывает тебе ответить на вопросы, которые у меня здесь записаны.

П а р о л ь. Я буду отвечать чистую правду, клянусь своей надеждой остаться в живых.

Первый солдат (*читает*). “Во-первых, спросить у него, какова численность конницы у флорентийского герцога?” Что ты на это скажешь?

Пароль. Пять-шесть тысяч. И то народ вовсе негодный. Солдаты одна дрянь, да и командиры — людишки самые никудышные, клянусь моей доброй славой и честью. Если лгу, пусть не быть мне живым.

Первый солдат. Так, значит, и записать?

Пароль. Пишите. Если надо, я могу присягнуть на чем угодно.

Бертрам (*тихо*). Ему все нипочем! Какой закоренелый мерзавец!

Первый дворянин (*тихо*). Что вы, ваша светлость! Это же ваш Пароль, отважнейший воин. По его собственным словам, в одной пряжке его перевязи вся стратегия войны, и вся тактика — в ножнах его кинжала.

Второй дворянин (*тихо*). Нет уж, больше я не стану доверять человеку только потому, что он умеет начищать до блеска свой меч, и не буду считать его совершенством только за то, что он щеголяет нарядами.

Первый солдат. Так, записано.

Пароль. Я сказал: “пять-шесть тысяч всадников”. Но я хочу говорить чистейшую правду. Поэтому припишите: “или около того”. Я буду говорить правду.

Первый дворянин (*тихо*). Тут он, действительно, весьма близок к истине.

Бертрам (*тихо*). Но я за это не собираюсь его благодарить: не в таких случаях надо говорить правду.

П а р о л ь. Не забудьте записать: “людишки никудышные, дрянцо”.

П е р в ы й с о л д а т. Ладно, записал.

П а р о л ь. Покорнейше вас благодарю. Начистоту так уж начистоту: на редкость никудышные.

П е р в ы й с о л д а т (*читает*). “Спросить его о численности пехоты”. Что ты ответишь на это?

П а р о л ь. Поверьте, мессир, пусть это будет последний час моей жизни, если я не скажу всю правду. Сейчас соображу: у Спурио полторы сотни, у Себастьяна столько же, столько же у Корамбуса, столько же у Жака... У Гильтиана, Космо, Лодовико и Грацио по две с половиной сотни... В моем собственном отряде, у Читофера, Вомона, Бенцо — по две с половиной сотни... Общим счетом по спискам, если считать строевых и обозных, не наберется, клянусь жизнью, и пятнадцати тысяч голов. Да и то, добрая половина из них не отважится стряхнуть снег со своих плащей, чтобы тут же и самим не рассыпаться.

Б е р т р а м (*тихо*). Что с ним делать?

П е р в ы й д в о р я н и н (*тихо*). Ничего, сказать ему спасибо.— Спроси-ка у него, что я за человек и на каком счету у герцога?

П е р в ы й с о л д а т. Так, записано. (*Читает*.) “Спросить — имеется ли в лагере некий француз, капитан Дюмен? На каком счету он у герцога? Что известно о его храбрости, честности и воинском искусстве? Нельзя ли подкупить его и подбить на измену?” Что ты скажешь на это? Известно тебе что-нибудь?

П а р о л ь. Покорнейше вас прошу, позвольте мне ответить на вопросы по порядку. Спрашивайте.

П е р в ы й с о л д а т. Знаешь ли ты некоего капитана Дюмена?

П а р о л ь. Как же, знаю. Он был подмастерьем у одного портняжки в Париже. Потом его оттуда выгнали и отстегали плетьюми за то, что он сделал ребенка одной слабоумной девке, содержащейся на казенный счет, — немой дурочке, которая не умела сказать “нет”.

Первый дворянин в гневе замахивается.

Б е р т р а м (*тихо*). Прошу вас, удержите руку! Хотя я и знаю, что по его башке плачет первая черепица, которой суждено сорваться с крыши.

П е р в ы й с о л д а т. Значит, упомянутый капитан служит в войсках герцога?

П а р о л ь. Конечно, этот паршивец там.

П е р в ы й д в о р я н и н (*тихо*). Что вы на меня так смотрите? Дайте срок, мы кое-что услышим и о вашей светлости.

П е р в ы й с о л д а т. На каком счету он у герцога?

П а р о л ь. Герцог знает его как самого никчемного из моих подчиненных и написал мне на днях, чтобы я выгнал его из отряда. Постойте, кажется, это письмо у меня в кармане.

П е р в ы й с о л д а т. Да ну? Сейчас мы тебя обыщем.

П а р о л ь. Впрочем, по правде говоря, я не помню: то ли оно при мне, то ли осталось в моей палатке, среди других писем герцога.

П е р в ы й с о л д а т. Вот оно, — тут какая-то бумага. Прочесть его тебе?

Б е р т р а м (*тихо*). Наш толмач хорошо играет роль.

П е р в ы й д в о р я н и н (*тихо*). Просто молодец.

П е р в ы й с о л д а т (*читает*). “Диана, граф набитый дурак, но набит он золотом...”

П а р о л ь. Это не то, мессир. Это предостережение одной флорентийской красотке, некой Диане, чтобы она остерегалась некоего графа Руссильонского, безмозглого и никчемного молокососа, притом отчаянного развратника. Прошу вас, мессир, положите письмо обратно.

П е р в ы й с о л д а т. Сперва, с твоего позволения, я его прочту.

П а р о л ь. Уверяю вас, что у меня были самые лучшие намерения по отношению к девице. Уж я-то знаю, что молодой граф — зловредный сластолюбивый мальчишка, который прямо-таки глотает девушек, словно кит мелкую рыбешку, — целыми косяками.

Б е р т р а м (*тихо*). Проклятый двуличный негодяй!

П е р в ы й с о л д а т
(*читает*)

“Не верь его признаниям в любви:

Не клятвы, золото пускай он тратит.

Торгуйся с ним и не продешеви.

Бери вперед: потом он не заплатит.

Тебе я дам еще совет один, —

Гони мальчишек прочь, ласкай мужчин:

Граф и в своей любви — поверь солдату! —

Щедрее на авансы, чем на плату.

Твой, как тебе шепнул я на ушко,
Пароль”.

Б е р т р а м (*тихо*). Ему надо бы вырезать эти вирши на лбу и прогнать сквозь строй!

В т о р о й д в о р я н и н (*тихо*). Но ведь это же, граф, ваш преданный друг. Прославленный знаток языков и бесстрашный воитель!

Б е р т р а м (*тихо*). Я до сих пор относился терпимо ко всякой твари, кроме кошек. Но эта тварь для меня теперь хуже кошки.

П е р в ы й с о л д а т. По выражению лица нашего генерала вижу я, что нам придется тебя повесить.

П а р о л ь. Ради всего святого, оставьте мне жизнь, мессир! Не то чтобы я боялся смерти, но поскольку я много грешил, то хотел бы остаток моих дней употребить на покаяние. Дайте мне пожить, мессир! Хотя бы в темнице, в колодках, как угодно, только бы жить!

П е р в ы й с о л д а т. Посмотрим, нельзя ли будет что-нибудь сделать, если ты все чистосердечно расскажешь. Итак, вернемся к капитану Дюмену. Ты ответил на вопросы касательно его репутации, отношения к нему герцога и его храбрости. Что ты скажешь о его честности?

П а р о л ь. Да для него нет ничего святого: из монастыря яйцо украдет. По части похищения и насилования чужих жен он не уступит Нессу. Клятвы он ставит ни во что, и рядом со списком его клятвопреступлений бледнеют подвиги Геракла.

Солдаты у костра. Рисунок неизвестного художника

Лжет он, мессир, с таким красноречием, что способен одурачить самую истину. Лучшее из его качеств то, что он пропойца, ибо когда он пьян в стельку, то дрыхнет и не причиняет вреда никому, кроме своей простыни. Но его повадки всем известны, поэтому его кидают на солому. К сказанному мной об его честности остается прибавить немного: он обладает всем, чего не должно быть у честного человека; из того, чем должен обладать честный человек, у него нет ничего.

Первый дворянин (*тихо*). Он начинает мне нравиться.

Бертрам (*тихо*). Чем? Отзывом о твоей честности? Язва ему в глотку! Для меня он, ни дать ни взять, кошка.

Первый солдат. Что ты знаешь о его познаниях в воинском искусстве?

Пароль. Сказать правду, об его воинском искусстве мне известно, что в Англии он хаживал во главе отряда странствующих комедиантов и бил в барабан. Не хочу возводить на него напраслину — других воинских успехов за ним не знаю. Вот разве что, говорят, он в той же стране заслужил офицерское звание тем, что обучал инвалидную команду вздваивать ряды на плацу, называемом Майл-Энд. Как видите, я рад упомянуть и о его заслугах, хоть и не могу поручиться, что это было на самом деле.

Первый дворянин (*тихо*). Он настолько переподличал самую подлость, что вызывает восхищение как истинная диковинка.

Бертрам (*тихо*). Язва ему в пасть! Кошка, да и только!

П е р в ы й с о л д а т. Раз уж он такой дрянной человек, то нечего и спрашивать, можно ли его подкупить.

П а р о л ь. Мессир! Да за четверть экую он продаст вам свою бессмертную душу и откажется от райского блаженства за себя самого и всех своих потомков на веки вечные.

П е р в ы й с о л д а т. А что такое его брат, другой капитан Дюмен?

В т о р о й д в о р я н и н (*тихо*). Зачем он спрашивает обо мне?

П е р в ы й с о л д а т. Ну, каков он?

П а р о л ь. Два сапога пара. Он несколько уступает своему брату в достоинствах, зато намного превосходит его в пороках. Он еще трусливее брата, который слывет отчаянным трусом. При отступлении он обгоняет любого скорохода; зато, когда надо идти в атаку, у него трясутся поджилки.

П е р в ы й с о л д а т. Если тебе сохранят жизнь, возьмешься ты выдать флорентийского герцога?

П а р о л ь. Возьмусь. А также начальника его конницы графа Руссильонского.

П е р в ы й с о л д а т. Я доложу генералу и узнаю его решение.

П а р о л ь (*в сторону*). Хватит с меня барабанного боя! Чтоб их разнесло, все эти барабаны! Попасть в такую передрагу, и ради чего? Чтобы показать, будто я храбрец, и рассеять подозрения этого графа, похотливого мальчишки! Но кто бы мог подумать, что меня ждет засада?

П е р в ы й с о л д а т. Ничего не поделаешь: тебя казнят.

Генерал говорит, что тот, кто так предательски выдал все тайны своего войска и гнусно оклеветал почтеннейших людей, не годен ни на что путное. Поэтому тебя казнят.— Эй, палач! Голову ему долой!

П а р о л ь. Ради самого господа, мессир! Пощадите меня! Развяжите хоть глаза перед смертью.

П е р в ы й с о л д а т. Так и быть. Простись со всеми своими друзьями. (*Снимает с него повязку.*) Ну, погляди вокруг. Не узнаешь ли кого-нибудь?

Б е р т р а м. Здравствуйте, благородный капитан.

В т о р о й д в о р я н и н. Благослови вас бог, капитан Пароль.

П е р в ы й д в о р я н и н. Спаси вас господь, благороднейший капитан.

В т о р о й д в о р я н и н. Капитан, не прикажете ли передать привет мессиру Лафё? Я еду во Францию.

П е р в ы й д в о р я н и н. Доблестный капитан, не перепишете ли вы для меня сонет, сочиненный вами для Дианы в честь графа Руссильонского? Не будь я таким трусом, я бы заставил вас это сделать. Счастливо оставаться.

Бертрам и оба дворянина уходят.

П е р в ы й с о л д а т. Ну, вот, капитан, вы и разоблачили себя. Можно сказать, вы разделись донага; одни только ленты и остались.

П а р о л ь. Кого бы не погубил такой заговор?

П е р в ы й с о л д а т. Если бы вам посчастливилось найти страну, где водятся настолько же покрытые позором девки, вы

могли бы стать родоначальником племени бесстыжих. Прощайте. Я тоже еду во Францию. Мы уж там о вас порасскажем.
(Уходит.)

П а р о л ь

Однако же спасибо и на том.
А будь я сердцем горд, — оно б разбилось.
Мне капитаном больше не бывать.
Но разве я не буду наслаждаться
Едой, питьем и сном, как капитаны?
Я и такой как есть не пропаду.
А хвастуны пускай остерегутся:
Кто хвастает, не избежит никак,
Чтоб где-нибудь да не попасть впросак.
Меч, ржавей! Стыд, умри! К чему тут вздохи?
Осмеян? Что ж, дела не так уж плохи:
Я проживу, — живут же скоморохи.
Во Францию, за прочими вослед!

Уходит.

Сцена 4

Флоренция. Комната в доме вдовы.

Входят Елена, вдова и Диана.

Е л е н а

Порукой правоты моей вам будет
Один из величайших государей

В крещеном мире. Чтобы завершился
Мой замысел, склонюсь к его стопам.
В былые дни ему я помогла,
И, может быть, он мне обязан жизнью.
Будь он татарин с сердцем, как кремень, —
И то нашлась бы в сердце благодарность.
Известно мне, что государь в Марселе,
И в этот город мы направим путь.
Вы знаете, меня считают мертвой.
Войска распустят, граф домой поедет,
И мы туда же с помощью небес,
С соизволенья доброго монарха,
Нежданно явимся.

В д о в а

О, ваша светлость,
Слуги верней, чем я, не знали вы.

Е л е н а

А вы во мне нашли такого друга,
Который помышляет лишь о том,
Чем отплатить вам за любовь. И разве
Не сам творец послал меня сюда,
Чтоб наделить приданым вашу дочь
И чтобы в ней помощницу нашла я
Для возвращения моего супруга?
О странные мужчины! Как они

Способны наслаждаться ненавистным,
Когда обмануты мечтой распутной,
Чернящей черную ночную тьму.
Коль милое далеко, — с тем же пылом
Разврат способен тешиться немилым.
Но полно... — Вас, Диана, я прошу,
Уж вы еще немного потерпите.

Д и а н а

Хотя бы вы мне умереть велели,
Я ваша, — ради вас на все пойду.

Е л е н а

Прошу вас потерпеть. Настанет лето,
Когда шиповник колкий зацветет
И тернии закроются цветами.
В путь! Ждет карета. Время нас торопит.
Как говорят, конец венчает дело,
И если даже горько мне — ну что ж,
Все хорошо, когда конец хорош!

Уходят.

Сцена 5

Руссильон. Комната в замке графини.

Входят графиня, Лафё и шут.

Лафё. Нет, нет и нет. Вашего сына сбил с пути этот расфуфыренный молодчик. Того количества шафрана, которое

он употребляет на окраску своих воротничков и манжет, хватило бы, чтобы всю нашу зеленую молодежь перекрасить в его цвета. Ах, если бы ваша невестка была жива, если бы сын ваш находился под отчим кровом и пользовался благоволением короля, а не этого краснохвостого трутня, о котором я говорю...

Г р а ф и н я. ...и о котором мне лучше бы вовеки не слышать! Подумать только, что умерла благороднейшая из женщин, которую когда-либо создавала природа. Если бы она была плотью от плоти моей и стоила бы мне материнских мук, я не могла бы привязаться к ней крепче.

Л а ф ё. Это была славная женщина, славная женщина. Переберешь не одну тысячу салатов, пока найдешь такую травку, как она.

Ш у т. И правда, мессир, она была как душистый левкой в салате, скорее даже как резеда.

Л а ф ё. Дурень, эти травы не кладут в салат, это душистые растения.

Ш у т. Откуда мне разбираться в растениях? Не считайте, мессир, что я какой-нибудь Навуходоносор.

Л а ф ё. Сам-то ты кем себя считаешь: пройдохой или дураком?

Ш у т. Когда служу мужчине, то пройдохой, а когда женщине — дураком.

Л а ф ё. А в чем же разница?

Ш у т. Служа мужчине, я его обманываю с его женой, значит, присваиваю себе его права.

Л а ф ё. Поистине ты служишь ему, как пройдоха.

Ш у т. А на службу его жене я ставлю свой дурацкий жезл.

Л а ф ё. Да ты и впрямь и дурак и пройдоха.

Ш у т. Рад вам служить.

Л а ф ё. Ну уж нет.

Ш у т. Если нельзя служить вам, то придется служить одному князю, который еще почище вас.

Л а ф ё. Кто же он? Француз?

Ш у т. У него есть название на любом языке, хотя морда у него на французский манер.

Л а ф ё. Что же это за князь?

Ш у т. Князь тьмы, мессир. Сиречь — дьявол.

Л а ф ё. Вот тебе мой кошелек, держи. Даю его не для того, чтобы переманить тебя от твоего князя. Служи ему, как служил.

Ш у т. Я родом из лесных краев, ваша светлость, у нас не жалеют дров, а у этого князя тоже огонек на славу. И все-таки, раз он князь мира, пусть сильные мира сего толпятся при его дворе. Мне больше по душе домик с узкой калиткой, куда спеси никак не протиснуться. Немногие, кто согласен смириться, туда попадут, но благородные люди большей частью такие привередливые и изнеженные, что предпочитают идти по пути, усыпанному цветами, который заканчивается широкими воротами и жарким пламенем.

Л а ф ё. Ладно, ступай-ка отсюда тем путем, который тебе больше по душе, ты мне что-то надоел. Я тебя нарочно предупреждаю об этом, чтобы нам не поссориться. Ступай. Скажи, чтобы позаботились о моих лошадях, да смотри, без этих твоих шуток.

Ш у т. Ну, а если и с шутками? Лошади над ними поржут, но ведь им-то велит ржать закон природы. (*Уходит.*)

Л а ф ё. Он себе на уме и за словом в карман не лезет.

Г р а ф и н я. Что верно, то верно. Мой покойный муж очень смеялся его шуткам. Потому-то дурака этого отсюда и не гонят, и он уверен, что ему любое непотребство сойдет с рук. В самом деле, он совсем распустился и переходит всякие границы.

Л а ф ё. Он мне нравится: малый не промах. Но вот что я хотел вам сказать: когда я прослышал об ее кончине и о том, что ваш сын возвращается домой, я обратился с просьбой к нашему государю, чтобы он замолвил слово о моей дочери. Еще когда граф и моя дочь были детьми, его величество сам заговаривал об этом браке. Государь обещал мне возобновить это сватовство, и нет лучшего средства для того, чтобы вернуть его милостивое расположение вашему сыну. Как вы на это смотрите, графиня?

Г р а ф и н я. Очень благосклонно, мессир. И желаю, чтобы ваш план счастливо осуществился.

Л а ф ё. Его величество едет сюда из Марселя. Он так бодр, как если бы ему было тридцать лет. Если верить человеку, который обычно бывает хорошо осведомлен, — государя следует ждать здесь завтра.

Г р а ф и н я. Я почту себя счастливой, увидав его прежде, чем умру. Я получила письмо о том, что сын мой приедет сегодня к вечеру. Прошу вас, мессир, остаться у меня и присутствовать при встрече его с государем.

Л а ф ё. Я именно и думал, как бы получить эту возможность.

Г р а ф и н я. Вам стоит только воспользоваться принадлежащими вам правами.

Л а ф ё. Я широко пользовался ими, ваша светлость; но, благодарение богу, они еще сохранили свою силу.

Входит ш у т.

Ш у т. Ах, ваша светлость! Там прибыл молодой граф, ваш сын, с бархатной повязкой на лице. То ли под ней рубец, то ли нет, одному бархату известно. Но бархатная повязка выглядит превосходно. Это, верно, особый форс: на левой щеке — черный ворс; зато правая щека у него без ворса, голая.

Л а ф ё. Рубец, приобретенный в честном бою, благородный шрам — почетное украшение. Таков, верно, и этот.

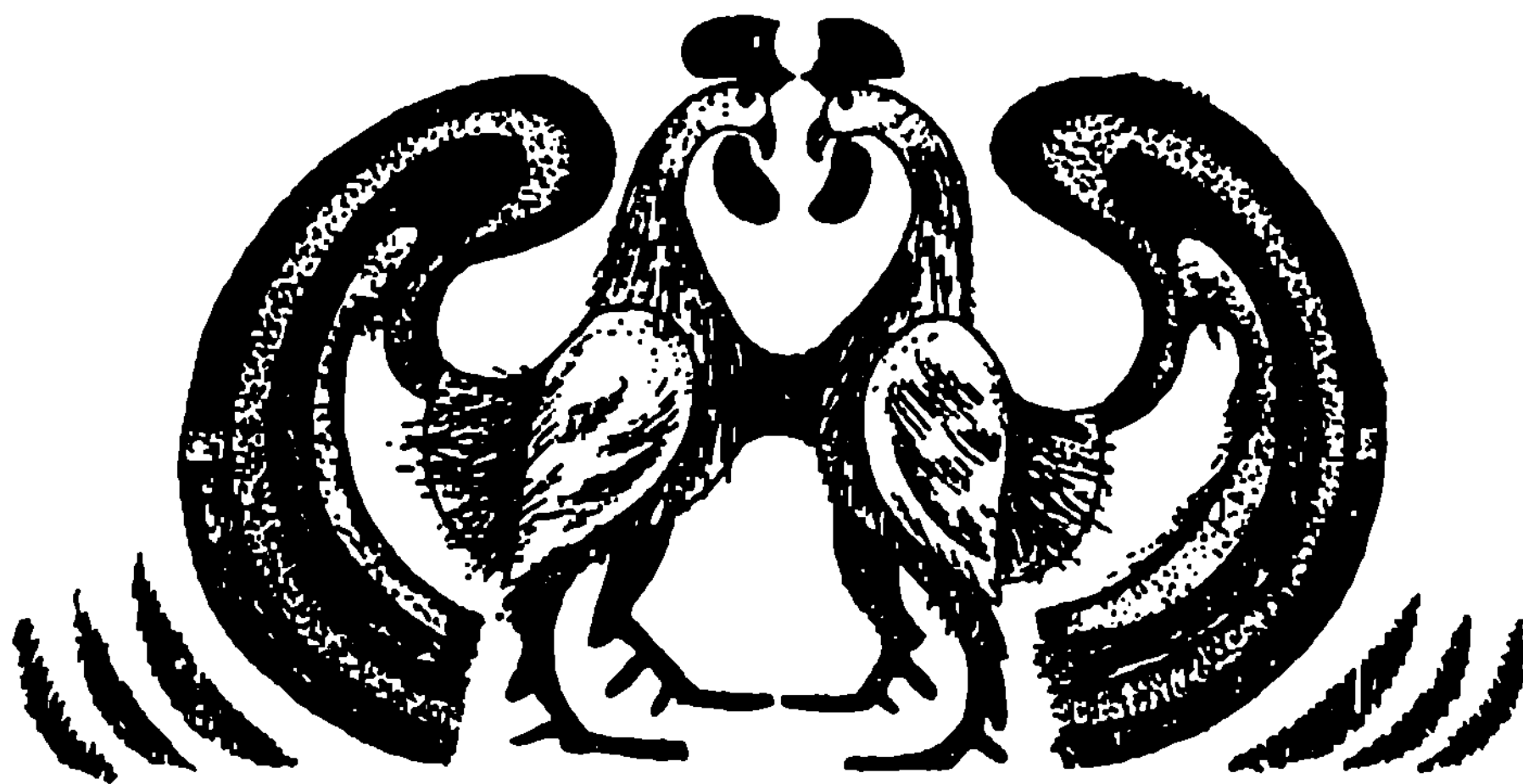
Ш у т. Так-то так, но лицо у него словно нашпиговано.

Л а ф ё. Пойдемте навстречу вашему сыну. Мне не терпится потолковать с юным героем.

Ш у т. Да их там целая дюжина. И все в деликатных шляпах с учтивыми перьями, которые кивают и раскланиваются с каждым встречным и поперечным.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Марсель. Улица.

Входят Елена, вдова, Диана и двое слуг.

Е л е н а

Мы гнали лошадей и день и ночь.
Устали вы, конечно. Что же делать!
Но знайте, — изнузив себя дорогой,
С ночами дни смешав из-за меня,
Мне в сердце крепко вы пустили корни,
И вас ничто не вырвет из него.
И если счастье...

Входит дворянин, королевский сокольничий.

Вот кто мне поможет
Увидеть короля, лишь захотел бы, —
Благослови вас бог, мессир.

Д в о р я н и н

И вас.

Е л е н а

Я вас, мессир, встречала при дворе.

Д в о р я н и н

Да, это может быть.

Е л е н а

Надеюсь я, что общая молва
О вашем добром сердце справедлива.
Гонимая нуждой своей великой,
Приличья все отбрасывая прочь,
Я прибегаю к вашей доброте
И буду благодарна беспредельно.

Д в о р я н и н

Чего же вы хотите?

Е л е н а

Чтобы вы

Мое прошение королю вручили
И всем своим влияньем помогли
Увидеться мне лично с государем.

Д в о р я н и н

Но короля здесь нет.

Е л е н а

Как — нет?..

Д в о р я н и н

Уехал.

Еще вчера собрался он внезапно.

В д о в а

О боже мой! Так, значит, все напрасно!

Е л е н а

И все-таки конец венчает дело,
Хотя судьба как будто против нас.—
Скажите мне, куда же он уехал?

Д в о р я н и н

Насколько мне известно, в Руссильон.
И я туда же еду.

Е л е н а

Ах, мессир,
Вы короля нагоните скорее,—
Вручите же ему посланье это.
Оно не навлечет на вас опалы;
Ваш труд заслужит только благодарность.
А я за вами следом поспешу.
Мне хватит средств, чтоб средства
отыскать
Для достиженья цели.

Д в о р я н и н

Вашу просьбу

Исполню я.

Е л е н а

И, что бы ни случилось,
Об этом вы не будете жалеть.—
А мы должны продолжить нашу скачку.
Скорей! Скорее — в путь!

Уходят.

Сцена 2

Руссильон. Двор графского замка.

Входят шут и Пароль.

П а р о л ь. Добрейший господин Лаваш, передайте это письмо мессире Лафё. В прошлые времена, когда я был в дружбе с нарядным платьем, вы меня узнавали. А теперь нечистый окунул меня в нечистоты, и от меня разит разительными превратностями судьбы.

Ш у т. Видно, судьба порядочная грязнуля, если от ее неблаговоления так неблаговонно разит, как ты говоришь. Отныне я отказываюсь есть варево, которое она мне приготовит на своей кухне. Послушай-ка, стань с подветренной стороны.

П а р о л ь. Не бойтесь, сударь, не зажимайте нос. Я выразился фигурально.

Ш у т. Ну и что ж, что фигурально. Если от твоей фигуры

воняет, то почему бы мне и не зажать нос? Я зажимаю нос при виде любой вонючей фигуры. Честью тебя прошу, отойди подальше.

П а р о л ь. Пожалуйста, сударь, возьмите у меня эту бумагу.

Ш у т. Фу! Отойди-ка подальше. Чтобы я вручил бумагу из ночного горшка судьбы дворянину? Да, кстати, вот и он сам.

Входит Л а ф ё.

Тут, ваша милость, к вам пришла помурлыкать драная кошка Фортуны, а может, это ободранная крыса Фортуны (только уж наверняка не мускусная крыса, запах тут другой). Это животное плюхнулось в грязную лужу превратностей судьбы и, по собственным его словам, выкупалось в нечистотах. Прошу вашу милость выудить эту рыбину из лужи и использовать по назначению, ибо она смахивает на жалкого, замызганного, продувного, дурашливого, бессовестного бродягу. Я соболезную его несчастьям с высоты собственного благополучия и препоручаю его вашей милости. (*Уходит.*)

П а р о л ь. Мессир, перед вами человек, жестоко исцарапанный Фортуной.

Л а ф ё. Что же я могу сделать? Подстричь ей когти? Так все равно, уж слишком поздно. Какую же пакость учинил ты Фортуне, что она так исцарапала тебя? Она ведь, в общем, порядочная женщина и не позволяет, чтобы пакостникам долго везло. Возьми четверть эку на бедность. Пусть мировой судья примирит тебя с Фортуной, а у меня есть дела поважнее.

П а р о л ь. Умоляю вашу милость выслушать еще одно слово.

Л а ф ё. Тебе нужен еще один медяк? На, бери и не трать лишних слов.

П а р о л ь. Мессир, меня зовут Пароль.

Л а ф ё. Вот так словцо! Да тут и пароль и отзыв. Страсти господни! Вашу руку. Ну, как поживает ваш барабан?

Шут на лошади. Средневековая миниатюра

П а р о л ь. Ах, мессир! Ведь это вы первый раскусили меня.

Л а ф ё. Да ну? И, значит, меня первого стошнило.

П а р о л ь. Мессир! От вас зависит меня спасти, ибо вы меня погубили.

Л а ф ё. Стыда в тебе нет! Ты хочешь, чтобы я был зараз и сатаной и богом? И вверг тебя в погибель и был твоим спасителем?

За сценой трубы.

Это король: я узнаю звуки труб. Ладно, наведайся попозже. Я еще вчера тебя вспоминал. Ты дурак и мошенник, но не помирать же тебе с голоду. А пока убирайся.

П а р о л ь. Вечно буду за вас бога молить!

Уходят.

Сцена 3

Там же. Комната в графском замке.

Трубы. Входят король, графиня, Лафё и свита.

К о р о л ь

Сокровище утратили мы в ней
И стали оттого бедней намного.
А сын ваш, ослеплен своим безумьем,
Не смог ее как должно оценить.

Г р а ф и н я

Былого не вернешь, мой государь.
Считите это вспышкой безрассудства.—
Богата ими пламенная юность;
Не может разум справиться с огнем,
В который юность подливает масло.

К о р о л ь

Я все ему простил, я все забыл,
Хоть был уже натянут лук возмездья,
И мига ждал я, чтоб стрелу пустить.

Л а ф ё

Прошу прощенья,— должен я сказать,
Что юный граф тяжелую обиду
Нанес монарху, матери, супруге,
Но самого себя сильней обидел:
Лишился он жены, чья красота
Пленяла и пресыщенные взоры,
Чьи речи зачаровывали слух,
Чьи совершенства признавал смиренно
Любой гордец и рад был ей служить.

К о р о л ь

Когда мы хвалим то, что потеряли,
Еще больней утрату вспоминать.
Зовите же его. Мы примирились,
И первый взгляд попреки умертвит.
Просить у нас прощенья он не должен;
Раз умерла причина прегрешенья,
И головни дымящиеся гнева
Забвеньем я засыплю. Пусть войдет
Не как преступник он,— как незнакомец.
Скажите: наша воля такова.

П р и д в о р н ы й

Да, государь.

(Уходит.)

К о р о л ь
(к Лафё)

Беседовал ты с ним
О дочери своей? Что он ответил?

Л а ф ё
Что предает себя монаршей воле.

К о р о л ь
Поженим их. О нем весьма хвалебно
Мне пишут.

Входит Б е р т р а м.

Л а ф ё
У него довольный вид.

К о р о л ь
Ни с летним днем, ни с зимним я не схож:
Во мне одновременно можешь встретить
И солнца свет и тучу снеговую.
Но пусть лучи разгонят облака.
Так подойди же. Небо снова ясно.

Б е р т р а м
О государь возлюбленный, простите
Мою вину! Я каюсь горько в ней.

К о р о л ь

Забыто все. Ни слова о прошедшем,
Но будем настоящим дорожить.
Я стар и не могу в решеньях медлить,
Иль времени бесшумная стопа
Меня опередит. Скажи, ты помнишь
Дочь этого вельможи?

Б е р т р а м

Государь,

Я с ней знаком. Ее уже давно
Избрал я сердцем, но оно не смело
Язык мой взять в глашатаи свои.
В глазах запечатлелся этот образ,
И тут свою подзорную трубу
Дала мне гордость. Все иные лица
Представились мне в искаженном виде:
Слиняли краски и черты сместились,
Уродством показалась красота.
Вот отчего случилось, что Елена, —
Которую все люди восхваляли,
Которую и сам я полюбил,
Когда навек утратил, — для меня
Была тогда попавшей в глаз пылинкой.

К о р о л ь

Ты хорошо сказал. И часть вины

Загладил тем, что полюбил Елену.
Однако запоздалая любовь,
Как и помилованье после казни,
Нас наполняет горечью, твердя:
“Прекрасно было то, чего уж нет”.
Чтоб мы как должно ценное ценили,
Оно должно покоиться в могиле.
Жестокостью друзей своих губя,
Потом мы слезы льем, корим себя;
Рыдает, пробудясь, любовь у гроба,
И, устыдившись, засыпает злоба.
Вот по Елене погребальный звон.
Мир ей. Теперь шли свадебный подарок
Красавице Мадлен. Ты с ней сосватан.
А мы здесь остаемся до конца:
До новой свадьбы юного вдовца.

Г р а ф и н я

Дай бог, чтоб новая была счастливей,
Иль пусть я до нее не доживу!

Л а ф ё

О сын мой, в ком продолжится мой род,
Пошли невесте обручальный перстень,
Чтоб он ее сиянием своим
Привел сюда...

Бертрам снимает с пальца перстень и дает ему.

Покойная Елена,
Клянусь моей седою бородой,
Была прелестным существом. Я помню,
Заметил я, когда прощались мы,
Вот этот перстень у нее на пальце.

Б е р т р а м

Нет, этот перстень не ее.

К о р о л ь

Постой!

Дай мне взглянуть. Пока мы говорили,
Мой взор к нему все время обращался.—
Я этот перстень подарил Елене
В залог того, что к ней приду на помощь,
Когда она окажется в беде.
Как выманить сумел ты у нее
Ценнейшее из всех ее сокровищ?

Б е р т р а м

Мой государь, вы гневаться вольны,
Но этот перстень не ее.

Г р а ф и н я

Мой сын!

Клянусь, она носила этот перстень
И так же дорожила им, как жизнью.

Л а ф ё

Ручаюсь — это самое кольцо.

Б е р т р а м

О нет, мессир, вы, право же, ошиблись.
Однажды во Флоренции был брошен
Мне этот перстень из окна. Он был
Завернут в лист бумаги, на котором
Стояло имя благородной дамы.
Она считала, что свободен я.
Когда ж я все ей о себе поведал,
Сказав, что ей ответить не могу
Взаимностью, она смирилась грустно,
Но перстень отказалась взять назад.

К о р о л ь

Сам Плутос, обладающий секретом,
Как в золото металлы превращать,
Знаком не больше с тайнами природы,
Чем с этим перстнем я. Он был моим,
И, кто бы ни вручил его тебе, —
Я дал его Елене. Признавайся,
Коль ты еще рассудка не утратил,
Какое совершил над ней насилье,
Чтобы отнять кольцо? Она клялась,
Что не расстанется с кольцом, — вот разве
Отдаст его тебе на брачном ложе

(Но ложа с нею ты не разделил)
Иль мне, случись беда, его пошлет.

Б е р т р а м

Нет, перстень не ее.

К о р о л ь

Клянусь, ты лжешь

И пробуждаешь этим подозренье,
Которое прогнать бы я хотел.
Ужель ты мог быть так бесчеловечен...
Не может быть... И все-таки... Как знать!
Ее возненавидел ты смертельно,
И вот она мертва. Увидев перстень,
Я в этом более не сомневаюсь,
Как если бы ей сам закрыл глаза.—
Эй, взять его!

Стража окружает Бертрама.

Пока я только знаю,
Что не без основания я боялся
И что бояться больше должен был.—
В тюрьму его! — Произведем дознание.

Б е р т р а м

Коль вы докажете, что от Елены
Я взял кольцо, то будет не трудней
Вам доказать, что с ней делил я ложе

Там, во Флоренции, где никогда
Она и не бывала.

Стража уводит Бертрама.

К о р о л ь

Я угнетен печалью.

Входит дворянин-сокольничий.

Д в о р я н и н

Государь,

Не гневайтесь, взялся я передать
Прошение вам от некой флорентийки,
Которая, вас не застав в Марселе,
Вручить его сама вам не могла.
Я согласился передать письмо,
Равно плененный красотой и речью
Просительницы. Здесь она теперь
И ждет ответа. По ее лицу
Могу судить, что дело очень важно.
А на словах добавила она,
Что жалоба касательство имеет
И к вашему величеству и к ней.

К о р о л ь (*читает, сначала про себя, потом вслух*). "...щедро расточая уверения в том, что женится на мне, если умрет его жена,— я краснею от стыда, признаваясь в этом,— он овладел мною. Теперь граф Руссильонский овдовел и нарушил свои клятвы, положившись на которые я принесла ему в

жертву свою девическую честь. Он скрылся из Флоренции, не простясь со мною, и я последовала за ним на его родину в поисках правосудия. Я ищу его у вас, государь! Где же иначе

Старопечатный орнамент в стиле Ренессанса

я его найду? Неужели же соблазнитель останется безнаказанным, а бедная девушка погибнет? Диана Капилетти”.

Л а ф ё. Нет, уж лучше я куплю себе зятя на ярмарке и заплачу за него наличными деньгами; а такого мне даром не надо.

К о р о л ь

Лафё, тебя спасают небеса,

Послав известье это.— Позовите
Просительницу.— Приведите графа.

Сокольничий и несколько придворных уходят.

Мне кажется, графиня, что Елена
Предательски убита.

Г р а ф и н я

Если так,
Убийц да покарает правосудье.

Стража вводит Бертрама.

К о р о л ь

Я удивляюсь одному, мессир:
Считая жен исчадиями ада,
От них спасаясь бегством в тот же день,
Как в верности навек им поклялись,
Вы все еще мечтаете жениться!

Возвращается сокольничий, за ним вдова и Диана.

Кто эта женщина?

Д и а н а

О государь,
Я обещенная флорентийка,
Несчастный отпрыск рода Капилетти.
Известно вам, о чем я вас прошу,
А стало быть, известно и о том,
Насколько я достойна сожаленья.

В д о в а

Я, государь, ей мать. Уязвлены
И честь моя и годы оскорбленьем.
Без вас конец как чести, так и годам.

К о р о л ь

Что скажешь, граф? Ты знаешь этих женщин?

Б е р т р а м

Я, государь, не стану отрицать,
Что знаю их. Но в чем же обвиненье?

Д и а н а

Как на свою жену ты странно смотришь!

Б е р т р а м

Она жена? Уж только не моя!

Д и а н а

Как — не твоя? Ведь если б ты женился,
Ты руку б отдал, — но она моя!
Ты клятвы дал бы, — но они мои!
Ты отдал бы себя, — но весь ты мой!
С тобой душой и телом мы едины,
И та, что стала бы тебе супругой,
Тем самым сочеталась бы со мной,
Взяла б обоих нас, иль никого.

Л а ф ё (Бертраму). Вы так запятнали свое имя, что моей дочери не пристало его носить. Не бывать вам ее мужем.

Б е р т р а м

Не слушайте безумную, мессир.
Я с ней однажды... пошутил, и только.
Мой государь, как вы могли поверить,
Что честь мою я мог так уронить?

К о р о л ь

Поверить мог? Ты веру заслужи,—
Тогда уж я и в честь твою поверю.

Д и а н а

Пусть, государь, он скажет под присягой,
Похитил ли невинность у меня.

К о р о л ь

Ответь.

Б е р т р а м

Она бесстыдна, государь,
И в лагере была солдатской девкой.

Д и а н а

О, клевета! Но если так,— он мог
Меня купить за мелкую монету.

Не верьте, государь. Взгляните лучше
На этот перстень, — нет ему цены.
Зачем же он сокровище такое
Решился подарить солдатской девке?

Г р а ф и н я

Он покраснел! Я узнаю кольцо:
Оно шесть раз уже в семействе нашем
Переходило к сыну от отца.
Она его жена. В том нет сомненья:
Одно кольцо — мне тысяча свидетельств.

К о р о л ь
(Диане)

А нет ли здесь кого, кто подтвердил бы
Правдивость ваших слов?

Д и а н а

Есть, государь,
Хоть прибегать к свидетельству такому
Противно мне. Его зовут Пароль.

Л а ф ё

Здесь был сегодня этот человек, —
Коль назван быть он может человеком.

К о р о л ь

Найти его и привести.

Один из придворных уходит.

Б е р т р а м

К чему?

Как знают все, он вероломный раб,
Отмеченный печатью всех пороков:
Для этой твари слово правды — яд.
Кто может утверждать, что я таков,
Как скажет он? Сказать же все он может.

К о р о л ь

Твой перстень у нее.

Б е р т р а м

Да, признаю.

Она мне приглянулась. И ее
Я с юным пылом начал домогаться.
Она меня к себе не подпускала,
Чтоб, раззадоренный сопротивленьем,
Попался я, как рыба на крючок:
Препятствия ведь разжигают страсть.
Она своей красою заурядной
И редкостною хитростью своей
Заставила меня пойти на сделку.
Я отдал ей кольцо, а от нее
Я получил лишь то, что первый встречный
Купить бы мог по рыночной цене.

Д и а н а

Что ж, я стерплю. Раз вы отвергли прежде
Такую благородную супругу,
Чего ждать мне? Еще одна лишь просьба:
Возьмите этот перстень и верните
Мое кольцо.

Б е р т р а м

Нет у меня его.

К о р о л ь

Кольцо? Какое?

Д и а н а

Государь, оно
Точь-в-точь такое, как у вас на пальце.

К о р о л ь

Знаком вам перстень? Он с его руки.

Д и а н а

Ему я перстень отдала на ложе.

К о р о л ь

Так, стало быть, не бросили кольцо
Вы из окна?

Д и а н а

Я вам сказала правду.

Возвращается придворный, за ним — Пароль.

Б е р т р а м

Кольцо ее, я каюсь, государь.

К о р о л ь

Я вижу, ты запутался во лжи;
Тебя нетрудно сбить.

(Указывая на Пароля.)

Свидетель — он?

Д и а н а

Да, государь.

К о р о л ь

Скажи, но только правду!
Не бойся господина своего,
Тебя я защищу, но будь правдивым, —
Все расскажи, что знаешь ты о нем
И женщине, которая пред нами.

П а р о л ь. Пусть ваше величество не прогневается, мой господин всегда был благороднейшим дворянином. Любил он и поразвлечься, как все истые дворяне.

К о р о л ь. Ну, ближе к делу. Любил он эту женщину?

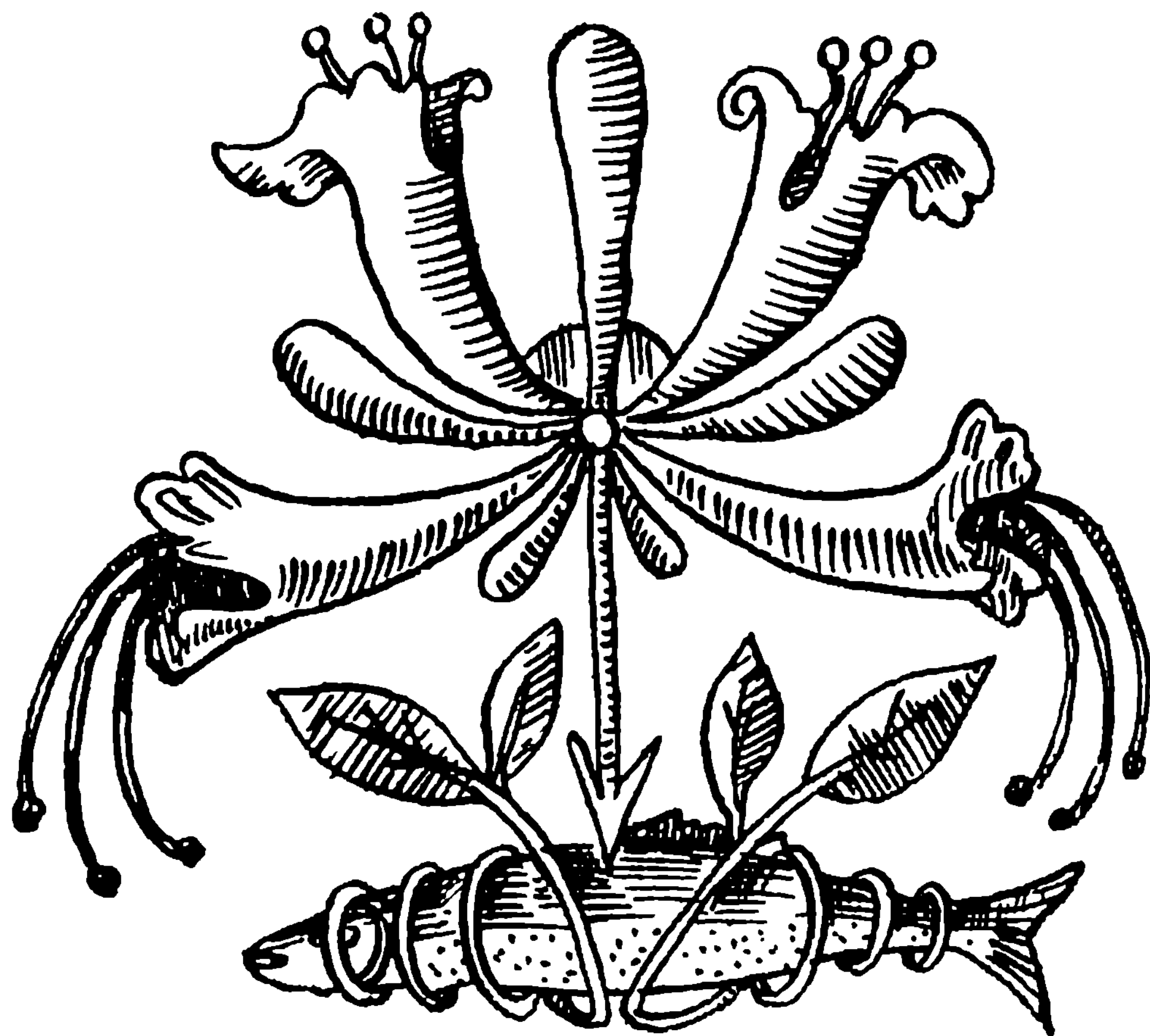
П а р о л ь. Любить-то любил, государь. Но как?

К о р о л ь. Что значит — как?

П а р о л ь. Он любил ее по-дворянски.

К о р о л ь. Как же это?

П а р о л ь. Государь, он ее любил и в то же время не любил.

Старопечатный орнамент эпохи Ренессанса

К о р о л ь. Точно так же, как ты плут и в то же время не плут? Ну и скользкий же малый!

П а р о л ь. Я неимущий человек и весь к услугам вашего величества.

Л а ф ё. Он искусный барабанщик, государь, но никудышный оратор.

Д и а н а. Вы знаете, что граф обещал на мне жениться?

П а р о л ь. По совести, я знаю больше, чем могу говорить.

К о р о л ь. Но разве ты не хочешь говорить все, что знаешь?

П а р о л ь. Хочу, если так угодно вашему величеству. Я, как бы сказать, был между ними посредником. Но он не только, чтобы так... Нет, он действительно любил ее, — был просто без ума. Толковал о Вельзевуле, о преисподней, об адских фуриях и прочих высоких материях. В ту пору они еще мне вполне доверяли, и я знал, когда они отправились в постель и многое другое, вроде того, что он обещал на ней жениться и всякие там тонкости, так что расскажи я это — худо бы мне пришлось. А потому знать-то я знаю, но ничего не расскажу.

К о р о л ь. Ты уже все рассказал, если только не можешь добавить, что они обвенчаны. Но ты в своих показаниях лукавишь. Отойди.

(Диане.)

Так этот перстень ваш?

Д и а н а

Да, государь.

К о р о л ь

Где куплен он? Иль, может быть, подарен?

Д и а н а

О нет, он не подарен и не куплен.

К о р о л ь

Но кто же вам его ссудил?

Д и а н а

Никто.

К о р о л ь

Тогда его нашли вы?

Д и а н а

Не нашла.

К о р о л ь

Но как могли вы, им не обладая,
Его отдать?

Д и а н а

Его не отдавала.

Л а ф ё. Показания этой женщины, государь, что просторная перчатка: так же легко снимается, как надевается.

К о р о л ь

Но перстень мой. Я дал его Елене.

Д и а н а

Быть может, он ее; быть может, ваш.

К о р о л ь

Эй, взять ее! Я на нее разгневан.
В тюрьму ее! Да и его туда же!

(Диане.)

Когда не скажешь, где взяла
кольцо,
Ты через час умрешь!

Д и а н а

Я не скажу.

К о р о л ь

Эй, увести ее!

Д и а н а

О государь,
Меня вы на поруки отпустите!

К о р о л ь

Ты кажешься и мне публичной девкой.

Д и а н а

Клянусь вам небом, я мужчин не знала.

К о р о л ь

Так почему же графа ты винишь?

Д и а н а

Он виноват и все же невиновен.
Я девушка, поклясться в том могу,
Хотя он присягнет, что я вам лгу.
Я не распутница, избави боже!
Скорей...

(указывая на Лафё)
жена вот этого вельможи.

К о р о л ь

Она обманывает нас. В тюрьму!

Д и а н а

О матушка, где ж поручитель мой?

Вдова уходит.

Постойте, государь! Владелец перстня
Сейчас войдет, чтоб оправдать меня.
А тот, которым я обольщена,
Как он считает, но который все же
Не сделал мне вреда, — не нужен мне.
От той обиды, что нанес он деве,
Его жена дитя несет во чреве.
Прошу мою загадку разгадать:
Кто и мертва и будущая мать?
А вот вам и разгадка.

Входят вдова и Елена.

К о р о л ь

Что за чудо!
Иль волшебством отводят нам глаза?
Его супруга ты иль тень ее?

Е л е н а

Да, государь, я тень его супруги:
Он дал мне имя, но не дал любви.

Б е р т р а м

Возьми то и другое! И прости!

Е л е н а

О мой супруг! Как ты со мной был нежен
В ту ночь, когда считал, что я — она!
Твой перстень у меня. А вот письмо,
В котором ты писал мне: “Лишь тогда,
Когда моим кольцом ты завладеешь,
Когда ты от меня зачнешь дитя...”.
Я выполнила эти два условия.
Итак, двукратно завоеван мной,
Согласен ты признать меня женой?

Б е р т р а м

Я твой навек. Не преступлю обета.
Но как же, расскажи, случилось это?

Е л е н а

Всю истину узнаешь, все поймешь.
Разводом покарай меня за ложь.—
О матушка!

Г р а ф и н я

Тебя живой я вижу!

Л а ф ё

Тут лук натертый что ли, не пойму:
С чего это глаза мне щипало?

(Пароллю.) Эй ты, пустой барабан, дай-ка мне платок. Спасибо. Поступай ко мне в шуты. Да хватит кланяться, ты это делаешь очень противно.

К о р о л ь

(Елене)

Мы знаем, что правдивый твой рассказ
Растрогает и усладит всех нас.—

(Диане.)

А ты, цветок, еще никем не смятый,
В приданое получишь дар богатый.
Оставшись девушкой, как ясно мне,
Женою стать ты помогла жене.
Когда найдем досуг и час удобный,
Мы твой рассказ послушаем подробный.

Все счастливы. К союзу двух сердец
Был горек путь. Тем сладостней конец.

Трубы.

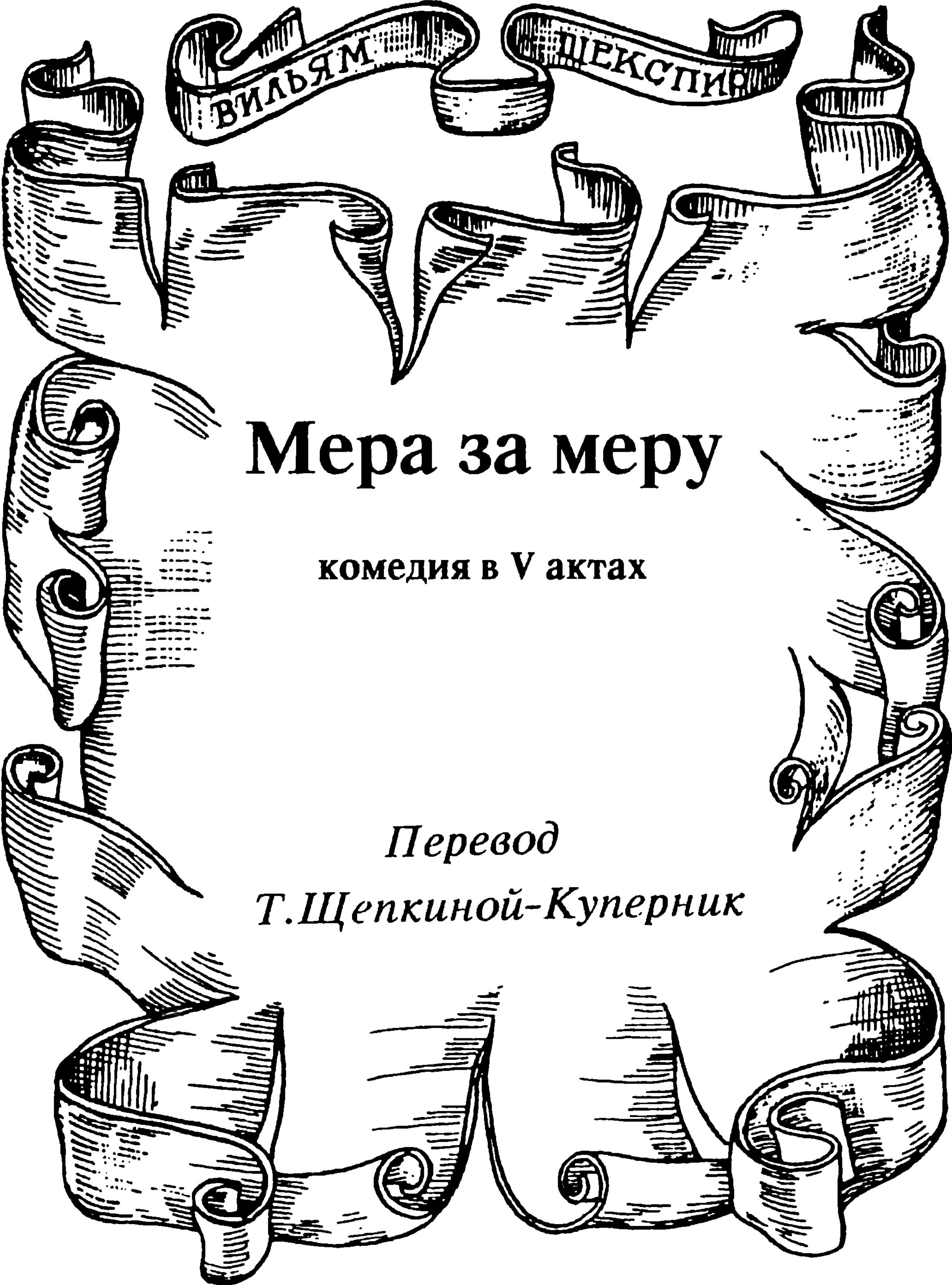
ЭПИЛОГ

(произносится актером, играющим короля)

Спектакль окончен. Я уж не король,
Я лишь бедняк, игравший эту роль.
Но будем мы считать конец счастливым,
Коль представленьем угодить смогли вам.
А если и похлопать вам не лень, —
Мы рады вам играть хоть каждый день.

Все уходят.

A decorative border composed of various scrolls and ribbons, some with hatching for shading, framing the central text.

ВИАЛЯМ

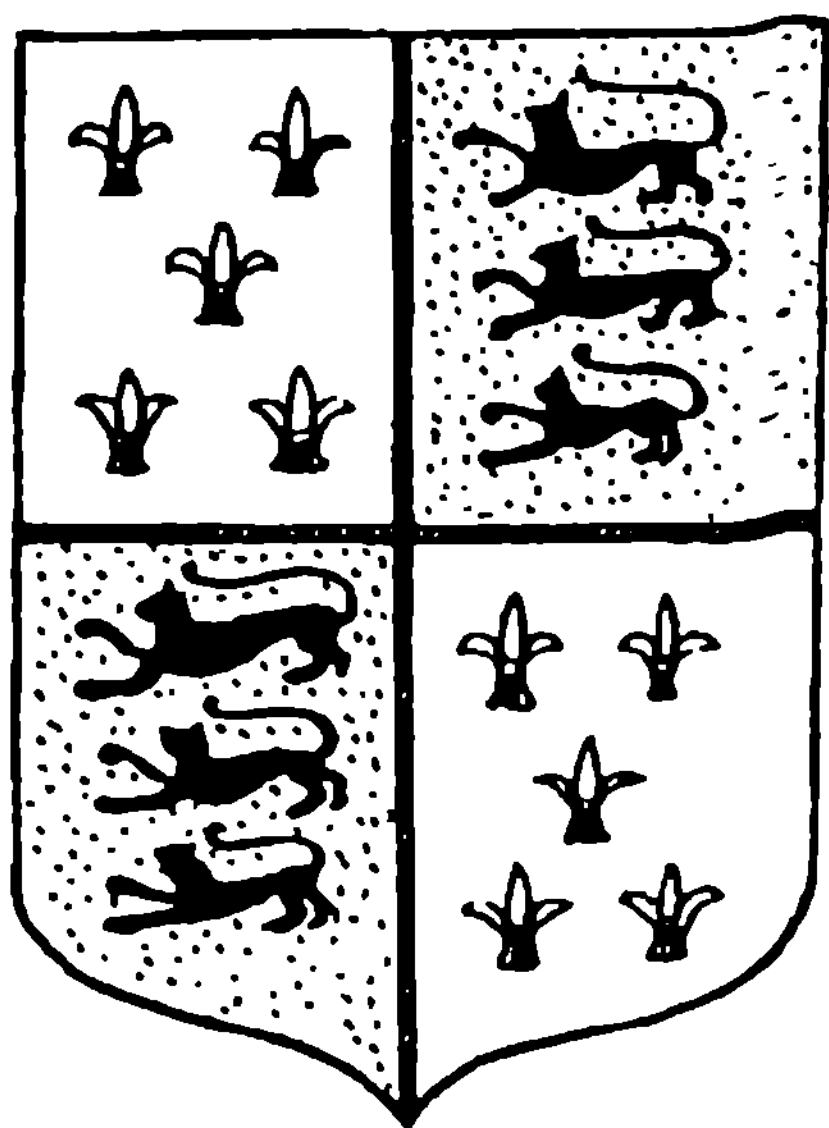
ШЕКСПИР

Мера за меру

комедия в V актах

Перевод

Т.Щепкиной-Куперник

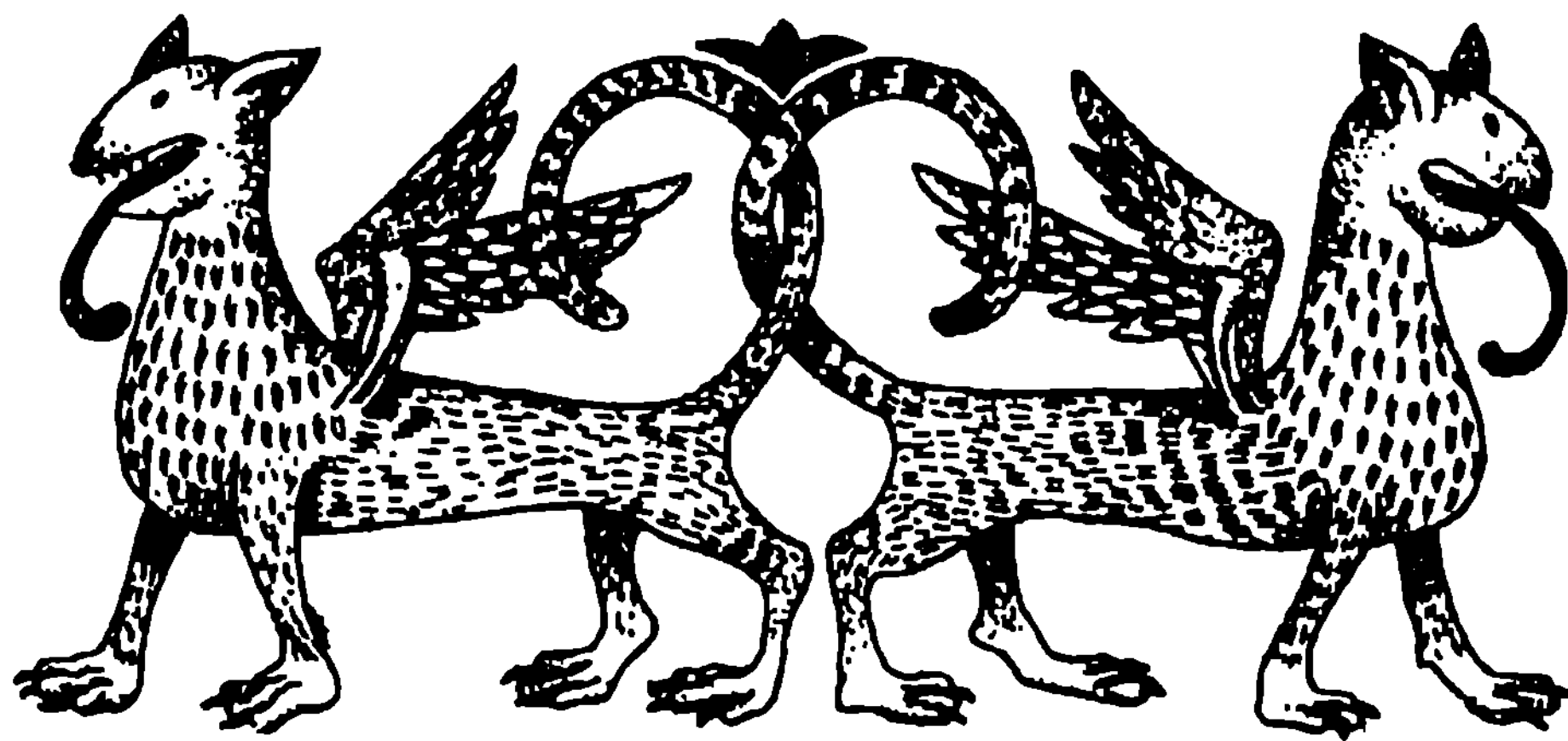

Действующие лица

В и н ч е н ц и о, герцог венский.
А н д ж е л о, наместник герцога в его отсутствие.
Э с к а л, пожилой вельможа.
К л а в д и о, молодой дворянин.
Л у ц и о, щеголь.
Первый дворянин.
Второй дворянин.
В а р р и й, дворянин, приближенный герцога.
Б р а т Ф о м а | монахи.
Б р а т П е т р |
С у дья.
Л о к о т ь, простак-констебль.
П е н а, ветреный дворянин.
П о м п е й, слуга Переспелы (шут).
С т р а ш и л о, палач.
Б е р н а р д и н, распутный арестант.
Т ю р е м щ и к.
И з а б е л л а, сестра Клавдио.
М а р и а н н а, невеста Анджело.
Д ж у л ь е т т а, возлюбленная Клавдио.
Ф р а н ц и с к а, монахиня.
П е р е с п е л а, сводня.

Вельможи, стража, горожане, мальчик, слуги.

Место действия — Вена.

АКТ I

Сцена 1

Зала во дворце герцога.

Входят герцог, Эскал, вельможи, свита.

Герцог

Эскал!

Эскал

Мой государь?

Герцог

Вам пояснять, в чем сущность управления,
Считал бы я излишней тратой слов,
Раз мне известно, что познания ваши
Намного превосходят все советы,
Которые я мог бы дать. Осталось
Облечь нам только этой властью ваши
Высокие достоинства и — к делу
Их применить. Дух нашего народа,

Уставы государства и язык
Законов наших знаете вы лучше,
Богаче вы и опытом и знаньем,
Чем кто-либо на памяти моей.
Вот полномочье! Следуйте ему.—

(Дает ему полномочие.)

Просите Анджело прийти сюда.

Один из свиты уходит.

Г е р ц о г

Как, думаете вы, он нас заменит?
Его по воле сердца мы избрали,
Чтобы, пока отсутствовать мы будем,
Он мог достойно здесь нас представлять.
Ссудив ему наш гнев и нашу милость,
Всей нашей власти полноту ему
Вручили мы! Как смотрите на это?

Э с к а л

О! Если в Вене кто-нибудь достоин
Такую честь и милость оправдать,
То это Анджело.

Г е р ц о г

Да, вот и он!

Входит А н д ж е л о.

Титульная рамка эпохи Ренессанса. Художник Ганс Милих

А н д ж е л о

Всегда покорен вашей воле, герцог,
Прошу сказать — чем я могу служить?

Г е р ц о г

Есть в жизни у тебя черты такие,
Что наблюдателю по ним легко
Прочесть всю будущность твою.

И сам ты

И качества твои не таковы,
Чтоб ты на одного себя их тратил:
Себе не вправе ты принадлежать.
Как факелы, нас небо зажигает
Не для того, чтоб для себя горели.
Когда таим мы доблести свои —
Их все равно что нет. Высокий ум
Стремится к высшей цели! Ведь без пользы
Природа, бережливая богиня,
Даров своих не даст ни капли в рост,
Но с должника желает получить
И благодарность и процент. Однако
Я говорю тому, кто знает сам
Все то, что я могу ему сказать.
Итак, мой Анджело!
В отсутствие мое будь за меня!
И смерть и милость в Вене пусть живут
В твоих устах и в сердце. Хоть и старше

Дѣйствующія лица:

Винчаччио, герцогъ вѣнскій.
 Анджело, наместникъ герцога въ его отсутствіе.
 Эскаль, пожилой вельможа, помощникъ Анджело.
 Клавдіо, молодой дворянинъ.
 Луціо, гуляка.
 Два молодыхъ дворянина, друзья Луціо.
 Варрій, дворянинъ изъ свиты герцога.
 Профосъ.
 Братья Тома } монахи.
 Братья Петръ }
 Варрій.
 Судья.
 Локотъ, глуповатый констебль.
 Панка, безалаберный молодой человекъ.
 Помпей, шутъ, слуга Переспізмъ.
 Гонимъ.
 Мертвело, палець.
 Бернардинъ, распутный арестантъ.
 Ивеккела, сестра Клавдіо.
 Маріамма, невѣста Анджело.
 Джульетта, любовница Клавдіо.
 Франциска, монахиня.
 Переспізма, шлюбка.

Книжная рамка эпохи немецкого Ренессанса.
 Художник Альбрехт Дюрер

Эскал — тебе помощником он будет.
Вот полномочье!

(Дает ему полномочие.)

А н д ж е л о

Добрый государь!

Прошу вас испытать металл мой, прежде
Чем лик такой прекрасный, благородный
На нем чеканить!..

Г е р ц о г

Возраженья брось.

Наш выбор сделан тщательно и тонко.
Ты избран: так прими же эту честь.
Не терпит отлагательств наш отъезд,
И много нерешенных важных дел
Оставит он! Тебе писать мы будем,
Как только время и дела позволят,
И ждать известий будем от тебя.—
Прощайте же. Надеюсь на успех
Моих желаний.

А н д ж е л о

Государь, позвольте
Хотя бы вас немного проводить?

Г е р ц о г

Нет, слишком я спешу!

И пусть тебя сомненья не смущают:
По чести, власть твоя равна моей,
Усиливай иль изменяй законы,
Как ты захочешь! Дай же руку мне.
Уеду тайно я. Народ люблю я,
Но выставляться напоказ ему
Я не люблю; пусть это от души —
Мне не по вкусу громкие восторги
И возгласы, а тех, кто это любит,
Я не считаю умными. Прощайте.

А н д ж е л о

Пусть небеса удачу вам пошлют!

Э с к а л

И счастливо вас приведут обратно!

Г е р ц о г

Благодарю. Прощайте!

(Уходит.)

Э с к а л

Позвольте, граф, просить вас уделить
Мне время для беседы: я хотел бы
Исследовать до дна мою задачу.
Даны мне полномочья, но какие —
Еще мне неизвестно.

А н д ж е л о

Так как и мне. Пойдемте же со мною.
И, верно, скоро выясним совместно
Вопросы эти.

Э с к а л

Следую за вами!

Уходят.

Сцена 2

Улица.

Входят Луцио и два дворянина.

Л у ц и о. Если наш герцог со всеми другими герцогами не придет к соглашению с венгерским королем, то все герцоги соединятся и нападут на короля.

П е р в ы й д в о р я н и н. Пошли господь нам мир с любым монархом, кроме одного — монарха Голода!

В т о р о й д в о р я н и н. Аминь!

Л у ц и о. Ты отвечаешь вроде того набожного морского разбойника, который вышел в море со всеми десятью заповедями и только одну из них соскоблил с таблицы.

В т о р о й д в о р я н и н. “Не укради”?

Л у ц и о. Вот именно эту он вычеркнул.

П е р в ы й д в о р я н и н. А как же иначе? Ведь эта заповедь заставила бы капитана и всю его шайку отказаться от своего занятия — они-то как раз и шли на грабеж. Да и среди

Луцио и два дворянина. Рисунок Дж.Джилберта

нас не найдется солдата, которому бы нравилось в предобеденной молитве то место, где просят о мире.

Второй дворянин. А я ни от одного солдата не слышал, чтобы оно ему не нравилось.

Луцио. Охотно верю: ты, я полагаю, никогда вообще этой молитвы и не слыхивал.

Второй дворянин. Нет, раз с дюжину по крайней мере.

Первый дворянин. Чего доброго, в стихах?

Луцио. И в стихах, и в прозе, и на разных языках.

Первый дворянин. И самых разнообразных религий, пожалуй?

Луцио. Почему бы нет? Молитва остается молитвой, несмотря ни на какие религиозные разногласия, как ты остаешься отъявленным мерзавцем, несмотря ни на какие молитвы.

Первый дворянин. Ну, да мы с тобой из одного материала.

Луцио. Согласен. Как бархат с кромкой. Ты — кромка!

Первый дворянин. А ты бархат. Изрядный бархат тройного ворса, ручаюсь в этом. Но я предпочел бы быть кромкой английского сукна, чем французским бархатом с таким облезлым ворсом, как ты. Понятно я говорю?

Луцио. Чего понятней! Верно, по себе судишь? После такого признания я начинаю пить за тебя, только уж, извини, — не после тебя... Очевидно, за твое здоровье пить необходимо, но из твоего стакана пить не безопасно.

Первый дворянин. Я, кажется, сам себе напортил, не правда ли?

Второй дворянин. В обоих случаях — заразился ты или нет?

Луцио. Смотрите-ка, смотрите, сюда шествует госпожа, наша утолительница.

Первый дворянин. Немало болезней подхватил я под ее кровлей, которые мне стоили...

Второй дворянин. Чего, чего, скажи?

Луцио. Оцени сам.

Второй дворянин. Тысячи три долларов в год. А может быть, столько же язвочек?

Первый дворянин. Побольше трех тысяч! Вымотали у меня все деньги и оставили меня с носом.

Луцио. Хорошо, что с носом, а если без носа...

Первый дворянин. Ты все намекаешь на какие-то мои болезни, но это заблуждение — я здоров и крепок.

Луцио. Не то чтобы здоров, но крепок, как бывают полые внутри вещи: в тебе и кости-то пустые, твое распутство съело тебя!

Входит госпожа Переспела.

Первый дворянин. А! Как поживаете? В каком бедре у вас теперь прострел?

Переспела. Ладно, ладно. Сейчас там арестовали и в тюрьму повели человека, который стоит дороже, чем пять тысяч таких молодцов, как вы.

Второй дворянин. Кого же это, скажи, пожалуйста?

Переспела. Кого, кого!.. Клавдио, синьора Клавдио!

Первый дворянин. Клавдио... в тюрьму? Не может быть!

Переспела. А вот и может: я своими глазами видела, как его повели. Да еще хуже того: через три дня ему голову отрубят.

Луцио. После всех наших дурачеств — не хочется этому верить!.. Ты в этом убеждена?

Переспела. Слишком хорошо. И все это из-за того, что госпожа Джульетта ждет от него ребенка.

Луцио. Боюсь, что это так и есть, он обещал прийти ко мне еще два часа тому назад и не пришел. А он необыкновенно точно исполняет свои обещания.

Второй дворянин. Кроме того, это как раз близко касается того, о чем мы говорили.

Первый дворянин. А главное, совпадает с новым указом.

Луцио. Пойдем скорее разузнать, в чем дело.

Луцио и два дворянина уходят.

Переспела. Вот так-то: кого на войну, кого в больницу, кого на виселицу, кого в долговое. Этак скоро у меня ни одного клиента не останется.

Входит Помпей.

Ну что, узнал что-нибудь новое?

Помпей. Повели его в тюрьму.

Переспела. Да чем же он попользовался?

Помпей. Женщиной.

Переспела. Но в чем же его преступление?

Помпей. Удил форелей в запретном пруду.

Переспела. Значит, оставил девочку с ребенком?

Помпей. Нет, оставил женщину с девочкой. Вы о новом указе ничего не слышали?

Переспела. О каком указе, милый?

Помпей. Все веселые дома в предместьях Вены будут снесены.

Переспела. Что? А те, что в городе?

Помпей. Те остаются на развод. Их было тоже хотели снести, да один благоразумный гражданин вступился за них.

Переспела. Неужто и все дома свиданий в предместьях снесут?

Помпей. До основания, хозяйка.

Переспела. Вот так перемена в государстве! Что же со мной-то будет?

Помпей. Полноте. Не бойтесь за себя. Хорошие адвокаты в клиентах недостатка не терпят. Хотя вы адрес перемени-те, но профессию менять не обязаны! Я останусь по-прежнему вашим служающим. Не робейте, вас пожалеют. Ведь вы на этой работе, можно сказать, все зубы проели. К вам отнесутся с уважением.

Переспела. Что ж тут будешь делать, Томас? Пойдем-те-ка отсюда.

Помпей. Вот синьор Клавдио... его ведут в тюрьму. И Джульетта с ним.

Входят тюремщик, Клавдио, Джульетта и стража.

К л а в д и о

Зачем же напоказ меня водить?
Пойдем в тюрьму, к которой присужден я.

Т ю р е м щ и к

Да я ведь это делаю не назло:
Граф Анджело так приказал особо.

К л а в д и о

Власть... Этот полубог... Как тяжело
Платиться за вину нас заставляет.
В писанье сказано: кого захочет —
Того помилует, кого захочет —
Того ожесточит. Таков закон!

Входят Луцио и два дворянина.

Л у ц и о

Как! Клавдио в цепях!.. За что же цепи?

К л а в д и о

За лишнюю свободу, милый друг.
Как следует за пресыщением пост,
Так и за неумеренной свободой
Нас цепи ждут. Томимы грешной жаждой,
Как крысы, что отравы обожрались,
Мы жадно пьем — и, выпив, умираем.

Л у ц и о. Если б я умел так мудро рассуждать под арестом, я бы послал за некоторыми из моих кредиторов. И, однако, сказать по правде, я предпочитаю быть глупым на свободе, чем умным в тюрьме.— В чем же твое преступление, Клавдио?

К л а в д и о

Назвать его — уж будет преступленьем.

Л у ц и о

Убийство?

К л а в д и о

Нет.

Л у ц и о

Разврат?

К л а в д и о

Зови хоть так!

Т ю р е м щ и к

Пора, пойдемте, сударь.

К л а в д и о

Минуту, друг! Мой Луцио, два слова.

Л у ц и о

Хоть сотню, коль они тебе на пользу.

(Вот как берут распутство под надзор!)

К л а в д и о

Вот дело в чем: я обручен с Джульеттой,
Но с ней до свадьбы ложе разделил,
Ее ты знаешь. Мне она жена.
Нам не хватает внешнего обряда,
Мы медлили из-за ее родных,
Не расстающихся с ее приданым,
Что в сундуках они своих хранят.
От них свою любовь мы скрыть хотели,
Пока на брак согласия не получим,
Но тайных ласк взаимных наших след
Начертан слишком ясно на Джульетте.

Л у ц и о. Ручаюсь, что это так. И голова твоя так плохо держится на плечах, что любая влюбленная девчонка может сдуть ее одним своим вздохом. Пошли к герцогу, подай ему просьбу о помиловании...

К л а в д и о

Я посылал: его нельзя найти.
И вот тебя прошу я об услуге:
Сестра моя сегодня в монастырь
Послушницей должна была вступить.
Найди ее, скажи, что мне грозит,
И за меня моли, чтоб попыталась
Жестокого наместника смягчить
И упросить: в ней вся моя надежда.
У юности ее, быть может, свой,

Немой, но выразительный язык,
Что трогает людей; к тому ж сестра,
Когда захочет, разумом и речью
Умеет убеждать.

Л у ц и о. Дай бог, чтоб ей это удалось и ради тех, кто в таком тяжелом положении, как ты, и ради того, чтоб ты еще насладился жизнью. Обидно мне будет, если ты ее проиграешь в такую глупую игру трик-трак. Что ж, я отправлюсь к ней.

К л а в д и о

Мой добрый Луцио, благодарю...

Л у ц и о

И через два часа...

К л а в д и о
(тюремщику)

Иду за вами.

Уходят.

Сцена 3

Монастырь.

Входят герцог и брат Фома.

Г е р ц о г

О нет, святой отец, не думай так:
Бессильная стрела любви не может

Пронзить в броню закованную грудь.
И если я пришел у вас просить
Дать тайно мне приют в монастыре,
То цель моя и строже и важнее,
Чем цели пылкой юности!

Б р а т Ф о м а

Скажите,

В чем эта цель?

Г е р ц о г

Вы знаете, отец мой,
Как я всегда любил уединенье,
Как мало придавал цены собраньям,
Где юность, роскошь и разгул пируют.
И вот я графу Анджели вручил
(Он человек воздержанный и строгий)
Всю власть мою и все права здесь в Вене.
Он думает, что я уехал в Польшу;
Сам этот слух я распустил в народе,
И верят все ему, святой отец!
Вы спросите, зачем я это сделал?

Б р а т Ф о м а

Да, государь.

Г е р ц о г

У нас суров закон, уставы строги

(Узда нужна для лошадей упрямых),
Но вот уже почти пятнадцать лет,
Как мы из виду упустили их,—
Как устаревший лев, что из пещеры

Книжная виньетка эпохи Ренессанса. Художник Альбрехт Дюрер

Не хочет на добычу выходить,
Как баловник-отец подчас ребенку
Показывает розги, чтобы ими
Не наказать, а только напугать,
И постепенно делаются розги
Предметом не боязни, а насмешки,—
Так если мы закон не соблюдаем,
То сам собою отмирает он.

Свобода водит за нос правосудье.
Дитя бьет мамку. И идут вверх дном
Житейские приличья.

Б р а т Ф о м а

Но от вас
Зависело вернуть законам силу:
От вас страшней бы это было, чем
От Анджело.

Г е р ц о г

Боюсь, что слишком страшно.
Моя вина — я дал народу волю.
Тиранством было бы его карать
За то, что я же разрешал им делать:
Ведь не к а р а я, мы уж п о з в о л я е м.
Вот почему я это возложил
На Анджело: он именем моим
Пускай карает, я же в стороне
Останусь и злословью не подвергнусь.
А чтоб следить за ним, порой под видом
Монаха буду навещать и власти
И мой народ. А потому, прошу,
Монашеское платье мне достаньте
И научите, как себя вести,
Чтоб настоящим иноком казаться.
Еще причины есть, о них потом
Я сообщу, но главное скажу:

Граф Анджело и строг и безупречен,
Почти не признается он, что в жилах
Кровь у него течет и что ему
От голода приятней все же хлеб,
Чем камень. Но когда достигнет власти —
Как знать? Увидим, как себя явит
Тот, кто безгрешным кажется на вид.

Уходят.

Сцена 4

Женский монастырь.

Входят Франциска и Изабелла.

Изабелла

И прав других у вас, монахинь, нет?

Франциска

Тебе прав наших мало?

Изабелла

О нет, я б не желала больших прав:
Скорей хотела б я устава строже
Для общины сестер блаженной Клары.

Луцио
(снаружи)

Мир этим стенам!

Изабелла

Кто-то нас зовет.

Франциска

Мужчина! Дорогая Изабелла,
Открой ему. Спроси, чего он хочет.
Ты можешь говорить с ним. Мне нельзя.

Изабелла и Франциска. Художник Дж.Джилберт

Послушница ты только, а когда
Ты примешь полный постриг, то с мужчиной
При старшей только сможешь говорить,
И то закрыв лицо, а если будешь

С лицом открытым, то должна молчать.
Опять зовет! Прошу, ответь ему.

(Уходит.)

Входит Луцио.

Изабелла

И вам да будет мир! Что надо вам?

Луцио

Привет вам, дева! Если только, впрочем,
Вы — дева (как легко предположить
По этим розам на щеках). Скажите,
Нельзя ли повидать мне Изабеллу?
Она в монастыре на послушанье.
Несчастный Клавдио — ей брат.

Изабелла

Несчастный?

Скажите, почему же он несчастен?
Я Изабелла. Я его сестра.

Луцио

Прекрасная и кроткая, ваш брат
Вам шлет привет. Но я хочу быть краток:
Ваш брат в тюрьме.

Изабелла

О горе! Но за что?

Л у ц и о

За то, за что, будь я его судьей,
Я б наказаньем сделал благодарность:
Подруге он ребенка подарил.

И з а б е л л а

О, сударь, не шутите!

Л у ц и о

Я не шучу. Хоть мой грешок любимый
С девицами дурачиться, шутить
И вздор болтать... но не со всякой стал бы
Я так себя вести. Вы для меня
Святое и небесное создание,
Бесплотный дух, отрекшийся от мира,
И с вами говорю чистосердечно,
Как со святой.

И з а б е л л а

Насмешкой надо мной гневите бога!

Л у ц и о

Не думайте! Вот вкратце вам вся правда:
Ваш брат с своей возлюбленной сошелся.
Как тот, кто ест, полнеет, как весна
Цветущая из брошенных семян,

Из борозды выводит пышность жатвы,—
Так лоно отягченное подруги
Несет, как урожай, его ребенка.

И з а б е л л а

Ребенок от него... Ужель сестра
Джюльетта...

Л у ц и о

Как — сестра?

И з а б е л л а

Названная сестра. Так часто в школе
В своей горячей, хоть бесплодной, дружбе
Меняются подруги именами.

Л у ц и о

Она!

И з а б е л л а

Так пусть он женится на ней!

Л у ц и о

Вот в этом-то и суть. Наш герцог странно
Исчез (и многих, в том числе меня,
Он обманул надеждой на войну.
Но знаем мы теперь от тех, кому
Известны все пружины государства,
Что все его поступки далеки

От истинных намерений). Оставил
Наместником и с безграничной властью
Он Анджело, а это человек,
В чьих жилах вместо крови снежный студень,—
Он никогда не чувствовал биенья
И жара чувств сердечных, но природу
Смирят трудом, наукой и постом.
Чтоб устрашить обычай и свободу,
Которые до сей поры бесстрашно,
Как мыши возле львов, сновали смело
Близ гнусного закона, воскресил он
Закон жестокий тот, под чьим ударом
Жизнь брата вашего погибнуть может.
Его он приказал арестовать
И хочет применить на нем всю силу
Ужасного закона для примера.
И нет надежды, если не удастся
Вам Анджело смягчить мольбою нежной.
Вот сущность порученья, что просил
Ваш бедный брат меня вам передать.

И з а б е л л а

Он хочет жизнь его отнять?

Л у ц и о

Его

Приговорил он к смерти, и тюремщик
Уж получил приказ его казнить.

Знаменитая английская актриса Сиддонс в роли Изабеллы.
Художник Генри Рамберг

И з а б е л л а

**О! Чем же я, несчастная, могу
Помочь?**

Л у ц и о

Вы попытайте ваши силы.

И з а б е л л а

Увы! Какие силы? Сомневаюсь...

Л у ц и о

**Сомнения — предатели: они
Проигрывать нас часто заставляют
Там, где могли б мы выиграть, мешая
Нам попытаться. К Анджело ступайте!
Пусть он узнает: там, где просят девы,
Дают мужчины щедро, точно боги.
А если уж, склонив колени, девы
Начнут рыдать, — о, их мольбы тогда
Свершаются, как собственная воля.**

И з а б е л л а

Я постараюсь!

Л у ц и о

Только поскорее.

И з а б е л л а

Пойду туда немедля.
Я лишь игуменье должна сказать,
Зачем иду. Благодарю смиренно.
Привет снесите брату. Я до ночи
Ему пришлю сказать, чего добилась.

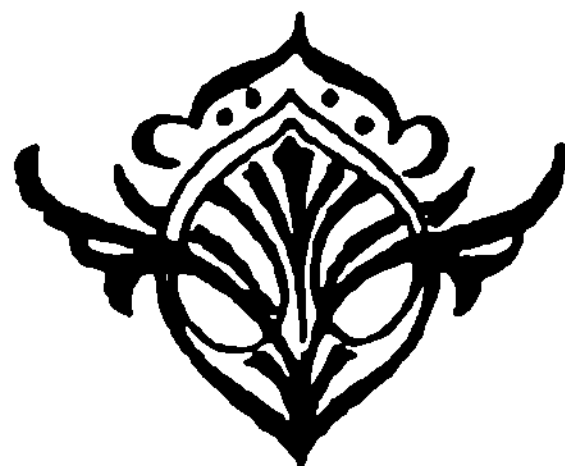
Л у ц и о

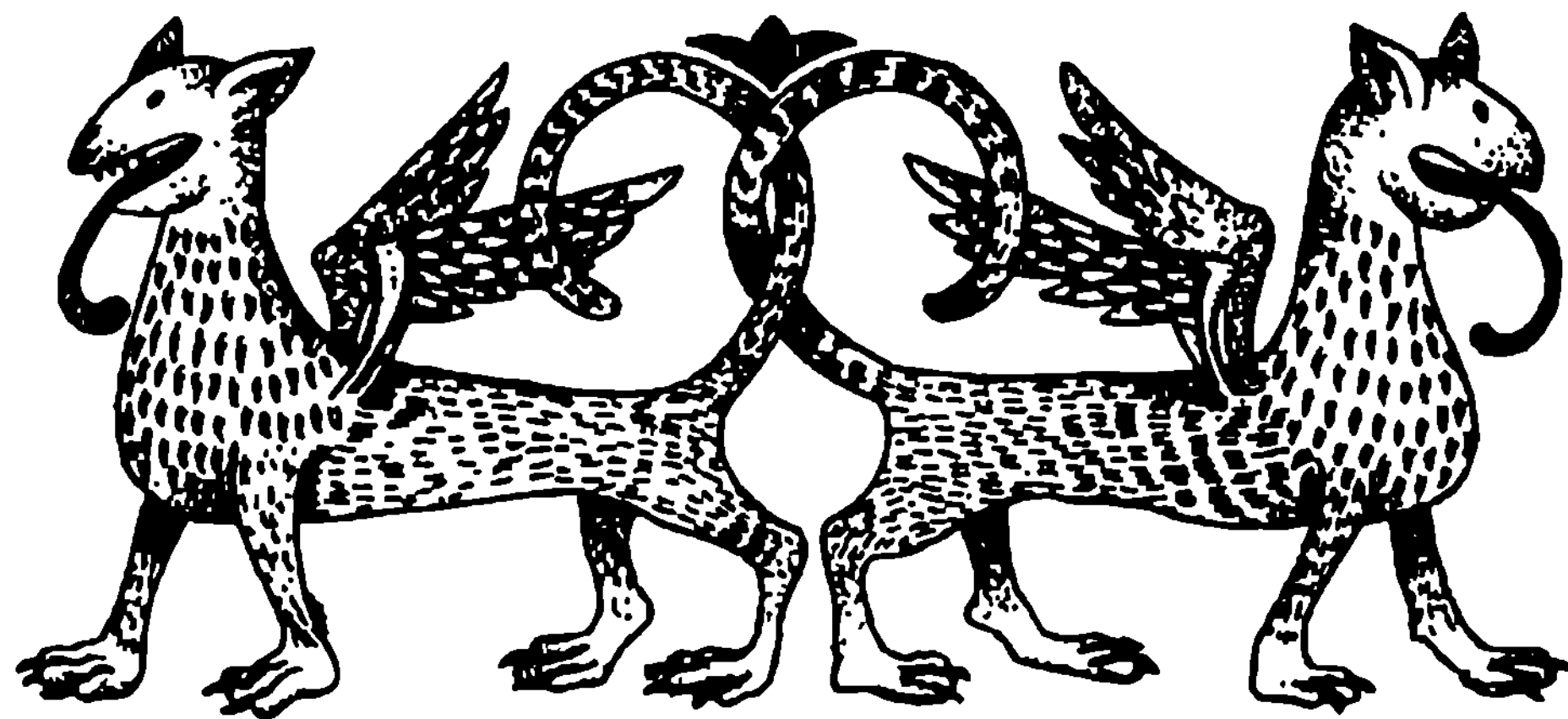
Имею честь.

И з а б е л л а

Благодарю вас, сударь!

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Зала в доме Анджело.

Входят Анджело, Эскал, судья, тюремщик,
полицейские, стража.

А н д ж е л о

Но ведь нельзя же из закона делать
Нам пугало воронье, что стоит,
Не двигаясь, пока, привыкнув, птицы
Не обратят его в насест.

Э с к а л

Пусть так:

Но лучше в гневе нам слегка поранить,
Чем насмерть зарубить. Хотел бы я
Спасти его... Я знал его отца:
Он благороднейший был человек...
Подумайте, достойный граф
(Хоть я и знаю вашу добродетель),

Неужли вы в волнении страстей,
Когда б согласовалось время с местом,
А место отвечало бы желанью,
Или когда б кипенье вашей крови
Могло достичь венца своих стремлений, —
Неужли вы хоть раз единый в жизни
Не погрешили сами так, как тот,
Кого теперь вы судите так строго,
И сами не нарушили закона?

А н д ж е л о

Изведать искушение — одно,
Но пасть — другое. Я не отрицаю,
Что часто средь двенадцати присяжных,
Произносящих смертный приговор,
Есть вор иль два виновней, чем преступник...
Те преступления, что суду известны,
Карают суд! Не все ли нам равно,
Что вора вор осудит. Очевидно,
Когда мы на полу брильянт увидим,
То мы нагнемся, чтоб его поднять.
Но если мы чего-нибудь не видим,
То мимо, не задумавшись, проходим.
Вы не должны оправдывать его
Тем, что и я грешил; скорей скажите,
Что если я, судья его, свершу
Такое преступленье, пусть тогда

Мой приговор послужит образцом:
Меня приговорите тоже к смерти!
Без жалости! Он должен умереть.

Э с к а л

Как хочет ваша мудрость.

А н д ж е л о

Где тюремщик?

Т ю р е м щ и к

К услугам вашим!

А н д ж е л о

Завтра к девяти
Часам утра казнен быть должен Клавдио.
Пусть духовник придет к нему сегодня;
Последний час пути его настал.

Тюремщик уходит.

Э с к а л

Прости его, господь, и нас прости,
Добро сгубить нас может, грех — спасти.
Кто невредим из дебрей зла выходит,
Кто за проступок легкий смерть находит.

Входят Локоть, стража, Пена и Помпей.

Австрийский правитель XV-XVI веков. Художник Ганс Буркмайер

Л о к о т ь. Ведите их сюда. Если порядочные люди только и делают что беспорядки в общественных домах, так я не знаю, что такое законы. Ведите их сюда!

А н д ж е л о. Что тут еще? Кто ты такой? В чем дело?

Л о к о т ь. С разрешения вашей чести, вы видите пред собой бедного герцога констебля. Зовут меня Локоть. Я, так сказать, опираюсь на юстицию, ваша честь. И вот привел к вашей милости двух отъявленных добродеев.

А н д ж е л о. Добродеев? Какие такие добродеи? Уж не лиходеи ли?

Л о к о т ь. С разрешения вашей чести, я толком не знаю, кто они такие; одно мне доподлинно известно — что они сущие негодяи и нет в них никакой профанации, которая должна быть у доброго христианина.

Э с к а л. Замечательно сказано! Вот так мудрый констебль!

А н д ж е л о. Но к делу. Что это за люди? Тебя зовут Локоть? Чего же ты молчишь, Локоть? Говори!

П о м п е й. Он не может говорить, сударь, этот локоть совсем износился!

А н д ж е л о. А ты кто такой?

Л о к о т ь. Он, ваша милость? Услужаящий он, а наполовину сводник! Он служит у скверной бабы: у нее был публичный дом в предместье, его снесли, говорят, так теперь она открыла банное заведение в городе — тоже, полагаю, подзрительное место.

Э с к а л. Откуда ты это знаешь?

Л о к о т ь. Мне сказала жена моя, ваша честь, а она — проклятый враг всякой неправды и лжи.

Э с к а л. Как, твоя жена?

Л о к о т ь. Да, ваша милость, она благодаря богу честная женщина.

Э с к а л. Почему же ты называешь ее проклятой?

Л о к о т ь. Потому что мы с ней оба проклятые враги всякой неправды и лжи, можете ей верить, как мне самому. Если это заведение не сводня содержит, — убей ее бог, — это непотребный дом!

Э с к а л. Но почему ты в этом уверен?

Л о к о т ь. Да как же, ваша милость! От моей жены знаю: не будь она похотливой женщиной, ее бы там непременно совратили на разврат, прелюбодеяние и всякие непотребства.

Э с к а л. По вине той женщины?

Л о к о т ь. Да, по вине этой госпожи Переспелы. Но жена плюнула ему прямо в лицо — так его и отшила.

П о м п е й. С позволения вашей милости, дело было не так.

Л о к о т ь. Так докажи это перед лицом этих мошенников. Честный ты человек, а ну-ка, докажи!

Э с к а л. Слышите, как он путает слова?

П о м п е й. Ваша милость, его жена пришла к нам на сносях — ей, с позволения вашей милости, вареного черносливу захотелось. А у нас во всем доме нашлись только две черносливины, и лежали они на тарелке: такая тарелка, за три пенса — верно, ваша милость, видали такие тарелки; конечно, это не китайский фарфор, но тарелка хоть куда!

Э с к а л. Брось ты тарелки: не в тарелках дело.

П о м п е й. Верно, ваша милость. Тарелки тут ни при чем, это правильно, но вот в чем суть. Мадам Локоть-то, как уже было сказано, была не в своей тарелке; она ведь на сносях была, вот и потянуло ее на чернослив — вынь да положь; а у нас всего-навсего две черносливины остались, как уже было сказано, потому что господин Пена — вот этот самый человек — съел все, что было, как уже было сказано, и заплатил за все сполна и щедро, потому что — помните, господин Пена? — у меня еще не хватило трех пенсов сдачи.

П е н а. Да, не хватило, верно.

П о м п е й. Ну вот видите! Вы еще как раз в то время разгрызали косточки от вышеупомянутого чернослива.

П е н а. Да, так и было, верно.

П о м п е й. Ну вот видите! Я еще тогда говорил вам, что вот такой-то и такой-то никогда не вылечатся — от чего, вы сами знаете, — если не будут соблюдать строжайшей диеты.

П е н а. Все это верно.

П о м п е й. Ну вот видите!

Э с к а л. Ты скучнейший дурак. Перейдем к делу: что сделали жене Локтя? На что она жалуется? Когда я доберусь до того, что ей сделали?

П о м п е й. До этого, ваша милость, не скоро можно добраться!

Э с к а л. Да я и не собираюсь.

П о м п е й. Но в конце концов вы и до этого доберетесь, с разрешения вашей милости. Покорнейше прошу вас: взгляни-

те на господина Пену. У человека восемьдесят фунтов годового дохода, отец его недавно скончался, в день всех святых. В день всех святых, господин Пена, так ведь?

П е н а. Вечером, накануне дня всех святых.

П о м п е й. Ну вот видите! Правда всегда скажется. А он, ваша милость, сидел в низеньком кресле, ваша милость, в комнате, что называется “Виноградная кисть”, где вы любите сидеть, сударь, верно? Любите?

П е н а. Верно. Люблю. Комната, где тепло зимой.

П о м п е й. Ну вот видите, ваша милость: правда свое возьмет.

А н д ж е л о

Все это тянется, как ночь в России,
Когда она всего длиннее там...
Я уйду. Вы выслушайте их.
Надеюсь, повод выдрать всех найдете.

Э с к а л

И я надеюсь также, граф. Прощайте.

Анджело уходит.

Ну, сударь, в последний раз: что сделали с женой Лок-
тя?

П о м п е й. В последний раз, ваша милость? В последний раз ничего с ней не делали.

Л о к о т ь. Покорнейше прошу вас, ваша милость, вы спросите его, что этот человек сделал моей жене.

Локоть, Помпей и Пена перед Эскалом. Рисунок Дж.Джилльберта

П о м п е й. Покорнейше прошу, ваша милость, спросите меня.

Э с к а л. Ну так что же этот господин ей сделал?

П о м п е й. Умоляю вас, ваша милость, взгляните этому человеку в лицо. Любезный господин Пена, посмотрите на его милость; я это говорю для вашего же добра. Ваша милость, рассмотрели его лицо?

Э с к а л. Ну, рассмотрел.

П о м п е й. Умоляю вас, взгляните в него хорошенько.

Э с к а л. Гляжу. Ну и что же?

П о м п е й. Видите вы что-нибудь плохое в его лице?

Э с к а л. Как будто нет...

П о м п е й. А я готов присягнуть, что его лицо самое плохое в нем! Ну вот видите. А если самое плохое в нем его лицо, так как же он мог бы что-нибудь плохое сделать жене констебля, желал бы я узнать от вашей милости?

Э с к а л. Он прав. Что ты на это скажешь, констебль?

Л о к о т ь. Во-первых, с разрешения вашей милости, этот дом заслуживает только решпекта; во-вторых, этот малый тоже ничего, кроме решпекта, не заслуживает; и, в-третьих, хозяйка его — женщина, которая тоже ничего, кроме полного решпекта, не заслуживает.

П о м п е й. Так если на то пошло, его жена заслуживает решпекта больше, чем мы все!

Л о к о т ь. Что, что? Лжешь ты, мерзавец, лжешь, злостный мерзавец! Еще не пришло такое время, чтобы моя жена заслужила решпект от кого бы то ни было, будь то мужчина, женщина или малый ребенок!

П о м п е й. Но к ней, еще пока он не женился на ней, все с решпектом относились.

Э с к а л. Кто здесь умнее — Правда или Кривда? Верно ли это?

Л о к о т ь. Ах ты, злодей! Ах ты, негодяй! Ах ты, нечестивый Ганнибал! До свадьбы — с решпектом. Да если к ней или ко мне кто-нибудь с решпектом относился, так не считайте меня больше за бедного герцога констебля. Докажи это, злобный Ганнибал, или я предъявлю к тебе иск за оскорбление действием.

Э с к а л. А если он тебя по уху съездит, так ты можешь предъявить ему обвинение в клевете?

Л о к о т ь. Вот, благодарю вашу милость за совет! Что же ваша милость прикажет делать с этим злостным негодяем?

Э с к а л. Видишь ли, поскольку ты подозреваешь его в разных проделках, которые хотел бы вывести на чистую воду, так ты оставь его плыть по течению и последи за ним, — тогда ты и узнаешь, какие за ним грехи.

Л о к о т ь. Вот, благодарю вашу милость за совет! Видишь ты, негодяй ты этакий, чего ты дождался? Придется тебе плыть по течению. Слышишь, мерзавец, плыть по течению!

Э с к а л. Где вы родились, приятель?

П е н а. В Вене, сударь.

Э с к а л. Так. И у вас восемьдесят фунтов дохода?

П е н а. Да, с вашего позволения, сударь.

Э с к а л. Так. А ты, любезный, чем занимаешься?

П о м п е й. Я — служающий... вина разливаю... служу у бедной вдовы.

Э с к а л. Как имя твоей хозяйки?

П о м п е й. Госпожа Переспела.

Э с к а л. Что же, у нее один муж был или больше?

П о м п е й. Девять, ваша милость. По последнему-то она и Переспела.

Э с к а л. Девять? Пожалуйста сюда, господин Пена! Господин Пена, я бы не советовал вам вести дружбу с разливальщиками вина: они скоро выцедят вас до дна, а вы можете довести их до веревки... Ступайте. И чтобы я больше о вас не слыхал!

П е н а. Благодарю вашу милость; но что до меня, так ведь я попадаю в распивочную, только если меня туда втянут.

Э с к а л. Ну, хорошо. Довольно. Прощайте.

Пена уходит.

Пожалуйте-ка сюда, господин служающий... Как твое имя, господин служащий?

П о м п е й. Помпей.

Э с к а л. Фамилия?

П о м п е й. Огузок.

Э с к а л. Да, по правде сказать, эта часть у тебя самая выдающаяся, так что сзади ты — Помпей великий. Итак, Помпей, ты, в сущности, сводник, хоть ты и перекрасился в разливальщика. Так ведь это? Говори правду, для тебя же будет лучше.

П о м п е й. Правду, ваша милость? Я бедный человек, которому тоже жить хочется.

Э с к а л. Как же тебе хочется жить, Помпей? Быть сводником? Что ты сам думаешь об этом ремесле? Законное это ремесло?

П о м п е й. Раз закон его терпит...

Э с к а л. Но закон его не терпит, Помпей! Оно будет запрещено в Вене.

П о м п е й. Неужто ваша милость собирается охолостить всех молодых людей в городе?

Э с к а л. Нет, Помпей!

П о м п е й. Ну, тогда, ваша милость, они без нас не обойдутся. Если ваша милость примут меры против непотребных женщин да распутников, тогда сводников бояться не придется.

Э с к а л. Меры уже приняты, можешь мне поверить: топор и виселица.

П о м п е й. Если вы будете головы рубить и вешать в течение десяти лет всех, кто в этом деле провинится, то придется вам откуда-нибудь новые головы выписывать. И если этот закон продержится в Вене десять лет, так я вам самый лучший дом в Вене найму за три пенса. Если вы до этого доживете, попомните тогда, что вам это Помпей предсказал.

Э с к а л. Спасибо, любезный Помпей, и в награду за твое предсказание слушай: чтоб больше на тебя никаких жалоб ко мне не поступало, да брось тот дом, где служишь, иначе я тебя до самых твоих шатров погоню, как Цезарь великого Помпея, и буду для тебя строгим Цезарем. Проще говоря, я велю тебя выпороть. А пока, Помпей, прощай.

П о м п е й. Благодарю вашу милость за совет, но воспользуюсь им постольку, поскольку решит плоть моя и судьба.

Пороть меня? Пусть возчик клячу лупит.
Кто сердцем смел — и порке не уступит.

(Уходит.)

Э с к а л. Пожалуйте сюда, господин Локоть, пожалуйста, господин констебль. Сколько лет, как вы состоите в этой должности?

Л о к о т ь. Семь с половиной.

Э с к а л. Судя по вашей опытности в исполнении ваших обязанностей я так и думал, что вы не новичок в этом деле. Семь лет, говорите вы?

Л о к о т ь. С половиной, ваша милость.

Э с к а л. Каких же вам это трудов стоило, должно быть! Вас напрасно так обременяют. Неужели в вашем участке недостаточно людей и без вас?

Л о к о т ь. Люди-то есть, ваша милость, но, по правде сказать, немногие в этих делах толк знают. Их выберут, а они рады-радехоньки свалить все на меня: вот за небольшую плату я их всех и заменяю! И за всех работаю.

Э с к а л. Доставьте мне завтра список работников — человек шесть-семь, кто там у вас поспособнее.

Л о к о т ь. К вам на дом доставить прикажете?

Э с к а л. Ко мне на дом. Прощайте.

Локоть уходит.

Который час?

Су д ь я

Одиннадцать уже.

Э с к а л

Прошу вас, отобедайте со мной.

С у д ь я

Благодарю покорно.

Э с к а л

Как горько думать мне о смерти Клавдио.
Но тут нельзя помочь.

С у д ь я

Граф Анджело суров.

Э с к а л

Но так и нужно.
И милостью порою не бывает,
Что милостью нам кажется на вид.
Прощенье новую вину родит.
Все ж бедный Клавдио!.. Тут не поможешь,
Идемте, сударь!

Уходят.

Сцена 2

Другая комната там же.

Входят тюремщик и слуга.

С л у г а

Он слушает доклад, но скоро выйдет.
Я доложу ему о вас.

Т ю р е м щ и к

Прошу вас.

Слуга уходит.

Спрошу его: быть может, он смягчится...
Несчастный... согрешил он как во сне.
Все возрасты... все люди в этом грешны.
И — умереть за это!..

Входит А н д ж е л о.

А н д ж е л о

Что вам надо?

Т ю р е м щ и к

Вам завтра Клавдио казнить угодно?

А н д ж е л о

Но разве же я вам не говорил?
Приказа не дал? Так к чему ж опять
Такой вопрос?

Т ю р е м щ и к

Я поспешить боялся.

Я, с позволенья, видывал не раз,
Как после казни в строгости своей
Раскаивался суд.

А н д ж е л о

Моя забота!

Исполните ваш долг иль уходите
В отставку: справимся без вас.

Т ю р е м щ и к

Простите...

А как с Джульеттой быть? Она уж стонет
И разрешенья ждет...

А н д ж е л о

Ее устройте

Вы в надлежащем месте, да скорей.

Входит слуга.

С л у г а

Сестра приговоренного вас просит
Принять ее.

А н д ж е л о

А! У него сестра?

Т ю р е м щ и к

Да, редких добродетелей девица:
На днях она вступает в монастырь,
Коль не вступила.

А н д ж е л о

Так. Принять ее!

Слуга уходит.

(Тюремщику.)

Прелюбодейку вы переведите.

Дать все, что нужно, ей, но без излишка.

Приказ я дам.

Входят Луцио и Изабелла.

Т ю р е м щ и к

(собираясь уйти)

Спаси бог вашу честь!

А н д ж е л о

Останьтесь здесь.

(Изабелле.)

Прошу вас. Что угодно?

И з а б е л л а

Пришла я в горе умолять вас, граф...

Молю вас выслушать меня.

А н д ж е л о

В чем просьба?

И з а б е л л а

Есть грех... Он больше всех мне ненавистен.

Строжайшей кары больше всех достоин.

Я за него не стала бы просить —
И вот должна просить... и не должна бы...
Но борются во мне мое желанье
И нежеланье.

А н д ж е л о

Так... Но в чем же дело?

И з а б е л л а

Мой брат... Он вами осужден на смерть.
Я умоляю вас: пускай не брат мой,
Но грех его умрет!

Т ю р е м щ и к
(в сторону)

Пошли ей небо дар его растрогать!

А н д ж е л о

Как! Грех — карать, а грешника щадить?
Но каждый грех еще до совершенья
Уж осужден. Обязанность свою
Я обратил бы в нуль, когда бы стал
Карать вину и отпускать свободным
Преступника!

И з а б е л л а

О! Справедлив закон,

Но строг. Так у меня нет больше брата,
Спаси вас бог.

(Хочет уйти.)

Л у ц и о
(Изабелле)

Не отступайтесь так!
К нему! Просите, киньтесь на колени.
Хватайте за полы его, молитесь!
Вы слишком холодны! Просить так вяло
Нельзя ведь и булавки. Попробуйте!

И з а б е л л а
Он должен умереть?

А н д ж е л о
Спасенья нет.

И з а б е л л а
Нет, есть! Ведь вы могли б его простить?

А н д ж е л о
Я не прощу.

И з а б е л л а
Могли б, коль захотели?

А н д ж е л о
Раз не хочу, то, значит, не могу.

И з а б е л л а

Но вы могли б, и мир не стал бы хуже...
Когда б его вы сердцем пожалели
Вот так, как я...

А н д ж е л о

Он осужден: уж поздно.

Л у ц и о
(тихо, Изабелле)

Вы слишком холодны!

И з а б е л л а

Ужели поздно?

О нет! Ведь если я сказала слово,
То и назад я взять его могу.
Поверьте мне: все украшенье власти —
Корона, меч наместника, и жезл
Вождя, и тога судии — ничто
Не может озарить таким сияньем,
Как милость. Если бы на вашем месте
Был брат, а вы на месте брата были, —
И вы могли бы пасть, как он; но он,
Он не был бы так строг, как вы.

А н д ж е л о

Довольно!

И з а б е л л а

О, если б я имела вашу власть!
О, если бы вы были Изабеллой!
Ужели было б так? О нет! Понять
Сумела б я, что значит быть судьей,
А что — приговоренным.

Л у ц и о
(*тихо, Изабелле*)

Славно! Дальше!

А н д ж е л о

Ваш брат законом осужден, и даром
Вы тратите слова.

И з а б е л л а

О горе, горе!

Но люди были все осуждены,
Однако тот, чья власть земной превыше,
Нашел прощенье? Что же будет с вами,
Когда придет верховный судия
Судить вас? О, подумайте об этом —
И милости дыхание повеет
Из ваших уст, и станете тогда
Вы новым человеком.

А н д ж е л о

Покоритесь,
Прекрасная девица: ведь ваш брат

Не мною, а законом осужден.
Будь он родным мне братом или сыном,
С ним было б то же: завтра он умрет.

И з а б е л л а

Как? Завтра? О, как скоро! Пощадите!
О, пощадите! Не готов он к смерти.
Ведь и цыплят на кухне мы не бьем
До времени. Так неужели небу
Служить мы будем с меньшею заботой,
Чем собственной утробе? Добрый граф,
Мой добрый граф, подумайте: ну кто же,
Кто умирал за это преступленье?
А многие грешили так.

Л у ц и о
(тихо, Изабелле)

Прекрасно.

А н д ж е л о

Закон не умирал, он только спал.
Не многие посмели б так грешить,
Когда бы первый, кто закон нарушил,
Наказан был! Теперь закон проснулся,
Взглянул и увидал, как предсказатель,
В стекле волшебном сразу все грехи —
И новые и продолженье старых,

Допущенных небрежностью и ныне
Уже готовых вывестись на свет.
Но больше им теперь не размножаться:
В зародыше умрут.

И з а б е л л а

Явите милость!

А н д ж е л о

Я милостив, являя правосудье:
Жалею даже тех, кого не знаю,
Которым я потворством повредил бы;
Спасаю многих, одного карая.
Я прав пред тем, кто за один свой грех
Ответит — он не совершит другого.
Довольно. Он умрет. Покорны будьте.

И з а б е л л а

Так. Первый приговор вы изрекли —
И первой жертвой будет брат несчастный.
Счастлив, кто великана мощь имеет,
Но тот жесток, кто пользуется ею
Как грозный великан.

Л у ц и о

(тихо, Изабелле)

Так, так! Прекрасно!

И з а б е л л а

О, если б все имеющие власть
Громами управляли, как Юпитер,—
Сам громовержец был бы оглушен.
Ведь каждый жалкий, маленький чиновник
Гремел бы в небесах,
И все громил бы. Небо милосердней:
Оно своею грозною стрелой
Охотней дуб могучий поражает,
Чем мирту нежную. Но человек,
Но гордый человек, что облечен
Минутным, кратковременным величием
И так в себе уверен, что не помнит,
Что хрупок, как стекло,— он перед небом
Кривляется, как злая обезьяна,
И так, что плачут ангелы над ним,
Которые, будь смертными они,
Наверно бы до смерти досмеялись.

Л у ц и о
(тихо, ей)

Еще, еще, девица; он сдается.
Он тронут, видно!

Т ю р е м щ и к
(в сторону)

Дай ей бог удачи!

И з а б е л л а

Нельзя своею мерой мерять ближних.
Пусть сильные глумятся над святыней —
В них это остроумье; но для низших
Кощунством это будет!

Л у ц и о
(тихо, ей)

Ты верный путь нашла; еще, еще!

И з а б е л л а

Что слово гневное для полководца,
То для солдата будет богохульством!

Л у ц и о
(тихо, ей)

Откуда это знаешь ты? Но дальше!

А н д ж е л о

При чем же я в подобных рассуждениях?

И з а б е л л а

При том, что власть, хоть может ошибаться,
Как все другие, все ж в себе таит
Противоядье против дел своих.
Вы в собственное сердце постучитесь,
Его спросите: знало ли оно

Такой же грех, как брата; если только
Сознается оно вам в грешных мыслях —
О, пусть тогда язык ваш не посмеет
Произнести над братом приговор.

А н д ж е л о
(в сторону)

Ее слова полны такого чувства,
Что пробуждают чувства и во мне.

(К ней.)

Прощайте!

И з а б е л л а

О, постойте, добрый граф!

А н д ж е л о

Ну, я подумаю. Придите завтра.

И з а б е л л а

Постойте, я хочу вас подкупить!

А н д ж е л о

Как? Подкупить меня?

И з а б е л л а

Дарами, что разделит с вами небо.

Луцио
(тихо, ей)

Испортили вы все.

Изабелла

Не жалким золотом и не камнями,
Которых цену изменяет прихоть,
Но искренней молитвою святою,
Которая стремится к небесам,
Пока еще не восходило солнце, —
Молитвой чистых душ, смиренных дев,
Что от земного отреклись навеки.

Анджело

Ну, хорошо, придите завтра утром.

Луцио
(тихо, ей)

Так! Все отлично! Но теперь пойдем.

Изабелла

Спаси вас небо, граф!

Анджело

Аминь, аминь!

(Я на пути к такому искушенью,
Которое молитва отвращает.)

И з а б е л л а

Когда мне завтра можно к вам прийти?

А н д ж е л о

В любое время утром до полудня.

И з а б е л л а

Пусть небеса спасут вас!

Изабелла, Луцио и тюремщик уходят.

А н д ж е л о

От тебя!

От самой добродетели твоей!

Что ж это? Что? Ее вина — моя ли?

Кто тут грешнее? Та, кто искушает,

Иль тот, кто искушаем? Нет, о нет:

Она не искушала, это я.

Я, точно пададь около фиалки,

Лежу на солнце, заражая воздух...

Иль целомудрие волнует больше,

Чем легкость, в женщине? Когда у нас

Так много места, неужли нам надо

Разрушить храм, чтоб свой вертеп построить?

Стыд, Анджело, стыд, стыд! И что с тобою?

Ты ль это? Неужли ее греховно

Желаешь ты за чистоту ее?

Пусть брат ее останется в живых!

Разбойники имеют право грабить,
Когда воруют судьи. Что со мной?
Ужели я люблю, что так хочу
Опять ее услышать? Так хочу
Налюбоваться вновь ее глазами?
О чем мечтаю я? О, хитрый бес!
Святого ловишь ты, надев святую
Приманку на крючок. Но нет соблазна
Опаснее того, что нас ведет
На путь греха, пленив нас чистотою...
Распутнице еще не удавалось
Ни чарами природы, ни искусства
Хотя б немного взволновать мне кровь,
Но побежден я девушкой невинной.
А раньше над любовью я смеялся
И глупости влюбленных удивлялся!

(Уходит.)

Сцена 3

Помещение в тюрьме.

Входят с разных сторон герцог в одежде монаха и тюремщик.

Герцог

Мир вам! Я не ошибся — вы тюремщик?

Тюремщик

Да, это я. Что вам, отец, угодно?

(Джюльетте.)

Я все устроил: подождите здесь —
Вас скоро увезут.

Г е р ц о г

Красавица! Раскаялись ли вы
В своем грехе?

Д ж у л ь е т т а

Раскаялась, отец мой,
И терпеливо свой позор несу.

Г е р ц о г

Хочу я научить вас, дочь моя,
Как совесть испытать и как проверить,
Действительно раскаяние ваше
Иль мнимо.

Д ж у л ь е т т а

О, готова я учиться.

Г е р ц о г

Вы любите того, кто был виною
Несчастий ваших?

Д ж у л ь е т т а

Да, люблю не меньше,

Чем ту, что для него была виною
Его несчастий.

Герцог
Значит, по согласью
Вы оба согрешили?

Джюльетта
По согласью.

Герцог
Тогда ваш грех тяжелее, чем его.

Джюльетта
Я в этом сознаюсь вполне и каюсь.

Герцог
Так, дочь моя. Но если вы скорбите
Не о самом грехе, а о позоре,
Который следствием греха явился,
Такая скорбь — не достоянье неба:
Она — о нас самих и указывает,
Что мы хотим повиноваться небу
Не от любви, а только из боязни!

Джюльетта
Нет, каюсь я, что совершила грех,
И рада стыд терпеть!

Г е р ц о г

Вот так и надо.

Сообщник ваш, я слышал, завтра должен
Идти на смерть. Сейчас пройду к нему.
Будь мир над вами. Benedicte¹.

(Уходит.)

Д ж у л ь е т т а

Пойдет на смерть!.. Закон бесчеловечный!
Зачем ты мне даруешь жизнь, когда
В ней ужас хуже смерти для меня?

Т ю р е м щ и к

Как жаль его!

Уходят.

Сцена 4

Комната в доме Анджело.

Входит А н д ж е л о.

А н д ж е л о

Хочу ль молиться или размышлять,
Молитвы, мысли — все идет вразброд...
Слова пустые небу говорю:
Не слыша их, мое воображение

1 Будь благословенна. (Лат.)

На якоре у Изабеллы стало...
И я жую, как жвачку, имя божье,
А в сердце — ядовитый грех желаний...
Наука государственного дела
Сухой и скучной стала мне, подобно
Полезной, но давно прочтенной книге.
И всю мою прославленную важность,
Которой я горжусь, — не при других
Будь сказано, — я выгодно сменял бы
На перышко, которым на свободе
Играет ветер. О почет! О внешность!
Как часто ты своею оболочкой
Не только на глупцов наводишь страх,
Но мудрых ложным блеском увлекаешь!
Страсть остается страстью. Пусть напишут
У черта на рогах: “вот добрый ангел”, —
То будет ложный герб.

Входит слуга.

Что там еще?

С л у г а

Монахиня одна

Желает видеть вас.

А н д ж е л о

Веди сюда.

Слуга уходит.

Иллюстрация Бэйама Шоу к “Мере за меру”

О боже!
Зачем же кровь так к сердцу прилила,
Что и оно собою не владеет
И остальные члены все лишило
Необходимых сил?..
Вот так теснится глупая толпа
Кругом того, кто в обморок упал:
Помочь ему желая, отнимает
Тот воздух, что его бы оживил.
Так чернь бежит к любимому монарху,
Кругом толпится ревностно и льстиво,
И грубая и шумная любовь
Скорей на бунт похожа.

Входит Изабелла.

Что скажете, прекрасная девица?

Изабелла

Решенье ваше я пришла узнать.

Анджело

Приятней было б мне, когда его
Уже вы знали бы. Ваш брат умрет.

Изабелла

Так. Что ж, храни вас бог.

(Хочет уйти.)

А н д ж е л о

А мог бы жить,
Как вы и я. Но должен умереть.

И з а б е л л а

Так вы решили?

А н д ж е л о

Да.

И з а б е л л а

Когда? Скажите, умоляю вас,
Чтоб в этот срок — пусть в долгий иль короткий —
Душа его очиститься успела.

А н д ж е л о

О, гнусный грех! Одно и то же будет
Простить того, кто отнял у природы
Жизнь человека, и простить того,
Кто в низком сладострастье беззаконно
Чеканит, как фальшивую монету,
Подобье божие. Да. Ведь не хуже
Отнять уже сложившуюся жизнь,
Чем влить металл в прибор неразрешенный
И жизнь фальшивую создать.

И з а б е л л а

Так судят в небесах — не на земле.

А н д ж е л о

Ага, вот как! Я вас ловлю на слове:
Что предпочли бы вы — дать брату
Пасть жертвой справедливого закона
Или ценою собственного тела
Спасти его, отдавшись на позор,
Как та, что обесчестил он?

И з а б е л л а

Поверьте!
Скорее жизнь свою отдам, чем душу.

А н д ж е л о

При чем душа тут? Вынужденный грех
Сочтется — не причтется.

И з а б е л л а

Что за речи?

А н д ж е л о

Я, впрочем, не ручаюсь. Сам себя
Могу я опровергнуть. Но ответьте:
Я именем закона произнес
Над вашим братом смертный приговор.
Но нет ли милосердия в грехе,
Которым можно жизнь его спасти?

И з а б е л л а

Спасите! Грех я на душу возьму.
Не будет это грех, а милосердье!

А н д ж е л о

Коль этот грех вы на душу возьмете —
Сравняются и грех и милосердье.

И з а б е л л а

Коль это грех — за жизнь его молить, —
Пусть небо даст мне сил на искупленье!
Коль это грех, что вы его простите, —
То я прибавлю к утренней молитве
Ваш грех к с в о и м грехам, и за него
Вы не ответите!

А н д ж е л о

Но вы меня

Не поняли. Что это? Простота
Иль хитрое притворство? Это хуже.

И з а б е л л а

Пусть я проста, пусть я во всем плоха,
Но лишь бы помнить мне, что я не лучше!

А н д ж е л о

Так ум лишь хочет ярче ослепить,
Когда себя скрывает. В черной маске

Сильней нас привлекает красота,
Чем без нее. Но... слушайте меня.
Чтоб быть ясней, заговорю я проще:
Ваш брат умрет.

И з а б е л л а

Так.

А н д ж е л о

И грех его таков, что за него
Закон карает только смертью.

И з а б е л л а

Знаю.

А н д ж е л о

Допустим, способ есть его спасти.
(Под этим я не мог бы подписаться,
Но предположим!) Вы — его сестра.
И кто-то к вам желаньем воспылал,
Кто б мог... своим влияньем на судей,
Своей ли властью... Клавдио спасти
От кары всемогущего закона,
И в мире не было б другого средства
Спасти его, как только лишь отдать
Сокровище девичьей красоты,
Чтоб выкупить его, иначе смерть...
Как поступили б вы?

И з а б е л л а

О... как для брата, так и для себя:
Будь даже я сама под страхом смерти,
Рубцы бичей носила б, как рубины,
С восторгом в гроб легла бы, как в постель,
Чем тело дать свое на поруганье!

А н д ж е л о

Тогда... ваш брат умрет.

И з а б е л л а

И легче этот путь!

Пусть лучше здесь умрет несчастный брат,
Чем чтоб сестра, спасая жизнь его,
Сама бы умерла для вечной жизни.

А н д ж е л о

Так чем же вы добрей того закона,
Что так хулите вы?

И з а б е л л а

Бесчестная, позорящая сделка
Свободной просьбе — не сродни.
Равнять нельзя с законным милосердьем
Позорный выкуп!

А н д ж е л о

Вот как? И, однако,
Давно ли упрекали вы закон

В жестокости и братняя вина
Казалась шуткой вам — не преступленьем?

И з а б е л л а

О граф, простите мне! Бывает часто,
Чтобы достичь того, чего желаем,
Противоречим мы самим себе.
Я извиняла грех мне ненавистный
Для выгоды того, кого люблю.

А н д ж е л о

Мы слабы все...

И з а б е л л а

Иначе — пусть умрет
Мой брат, раз только он один на свете
Виновен в общей слабости людской!

А н д ж е л о

Да-да, и женщины все тоже слабы.

И з а б е л л а

Как зеркала, в которые глядятся...
Что так же разбиваются легко,
Как и легко наш образ отражают.
Ах, женщины... Пусть небо нам поможет...
Мужчины, нами пользуясь во зло,

Свои создания портят. Да, зовите
Нас слабыми, затем что по природе
Мы нежны и доверчивы.

А н д ж е л о

Так, верно!

И раз вы сами в слабости признались
(Признаться, мы, мужчины, не сильнее,
И нас волнует грех...) — я буду смелым.
Ловлю вас на слове: вы будьте только
Тем, что вы есть. Да, женщиной, не больше —
Иначе вы не будете ничем.
Когда ж вы — женщина (а в этом мне
Порукой весь ваш облик), докажите,
Что это так: в наряд вы облекитесь,
Что волею судьбы вам предназначен.

И з а б е л л а

Граф! У меня один язык: молю вас,
И вы со мной, как прежде, говорите!

А н д ж е л о

Я просто вам скажу: я вас люблю.

И з а б е л л а

Мой брат любил Джульетту. Вы сказали,
Что он умрет за это.

А н д ж е л о

Он не умрет, коль ты меня полюбишь!

И з а б е л л а

О, поняла я: ваша добродетель
Имеет право притворяться худшей,
Чем есть, чтоб испытать других.

А н д ж е л о

Верь, честью
Клянусь тебе, я правду говорю!

И з а б е л л а

О правда гнусная! О лицемерье!
Но обличу тебя я — берегись!
А! Подпиши помилованье брату —
Или кричать я буду на весь мир,
Что ты за человек!

А н д ж е л о

А кто тебе поверит, Изабелла?
Ведь все — и незапятнанное имя,
И строгость жизни всей, и отрицанье
Своей вины, и сан мой в государстве
Так перевесят ваши обвиненья,
Что вы задохнетесь в своих словах,
Как в смраде клеветы. Теперь я начал

И со своих страстей узду снимаю.
Отдайся вожделенью моему.
Прочь сдержанность, долой стыда румянец,
Гонящий то, чего сама ты хочешь...
Спаси жизнь брата! Красоту свою
Отдай на волю мне. Иначе он
Не просто кончит жизнь на плахе,
Но в страшных пытках будет умирать
Из-за упрямства твоего. Ответ
Ты дашь мне завтра. Иль, клянусь я страстью,
Во мне кипящей, я сумею стать
Тираном! Говори все, что захочешь,
Но ложь моя — знай это наперед —
Над правдою твоею верх возьмет.

(Уходит.)

И з а б е л л а

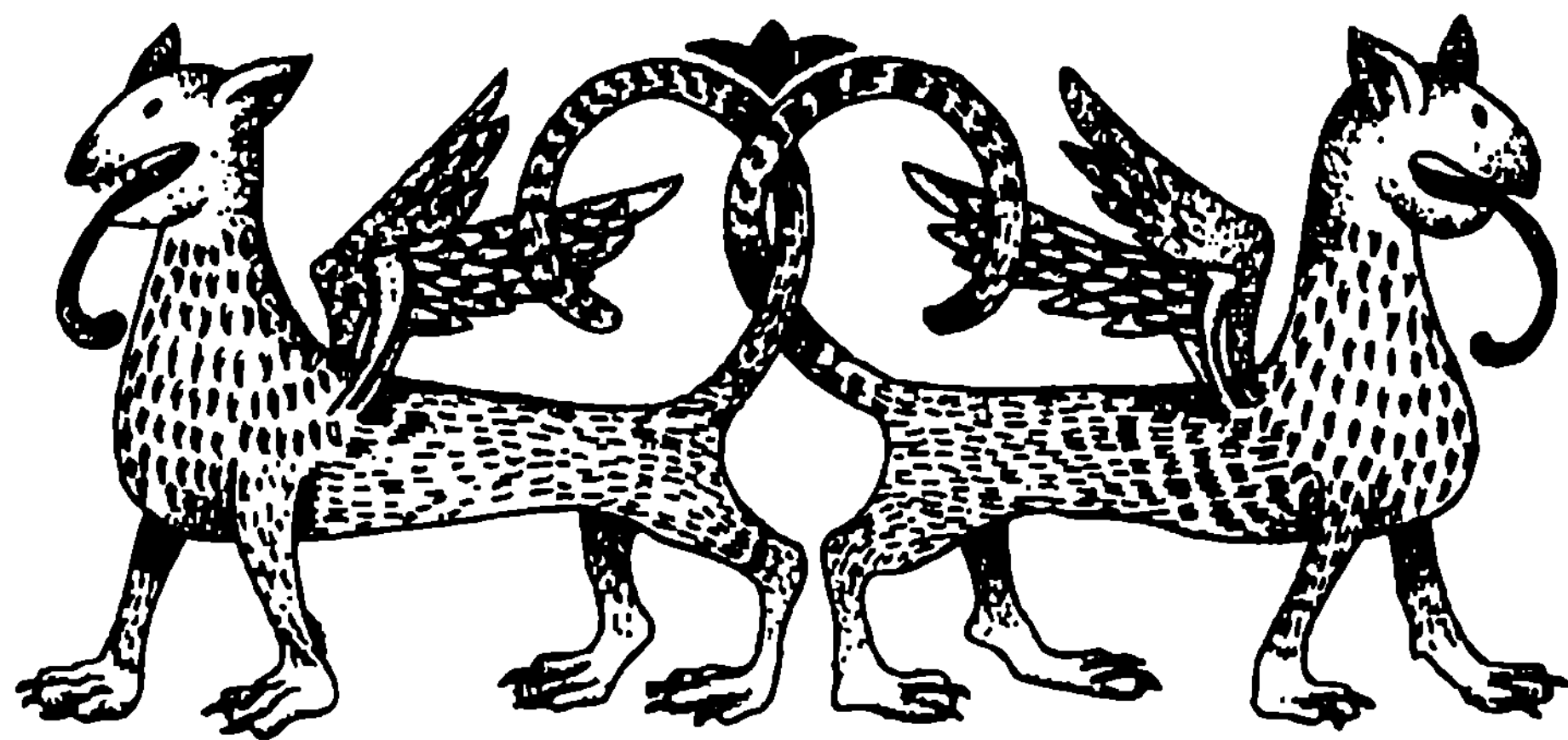
К кому бежать и где искать защиты?
Кто мне поверит, если все скажу?
О, лживые уста! Один и тот же
Язык что хочет может возвестить:
И смертный приговор и милосердье,
Закон склоняя пред своею волей,
И правдой и неправдою вертя
По прихоти своей. Пойду я к брату:
Хоть согрешил он из-за пылкой крови,
Но чести дух высокий в нем живет.

И если б двадцать он имел голов,
Чтоб их сложить на двадцать плах кровавых,
Он все бы отдал, чтоб его сестра
Не обрекла себя на поруганье!
Чтоб чистой жить, его на смерть предам.
Но чистота дороже брата нам.
Внушу ему — пусть встретит смерть достойно,
И пусть его душа уйдет спокойной!

(Уходит.)

АКТ III

Сцена 1

Помещение в тюрьме.

Входят герцог в монашеской одежде, Клавдио и тюремщик.

Герцог

Ты все ж надеешься на милость графа?

Клавдио

В несчастьи другого нет лекарства —
Одна надежда.

Надеюсь жить и умереть готов.

Герцог

Готовься к смерти, а тогда и смерть
И жизнь — что б ни было — приятней будет.
А жизни вот как должен ты сказать:
“Тебя утратив, я утрачу то,
Что ценят лишь глупцы. Ты — вздох пустой,
Подвластный всем воздушным переменам,

Которые твое жилище могут
Разрушить вмиг. Ты только шут для смерти,
Ты от нее бежишь, а попадаешь
Ей прямо в руки. Ты не благородна:
Все то, что делает тебя приятной, —
Плод низких чувств! Ты даже не отважна,
Тебя пугает слабым, мягким жалом
Ничтожная змея! Твой отдых — сон;
Его зовешь ты, а боишься смерти,
Которая не более чем сон.
Сама ты по себе не существуешь,
А создана из тысяч малых долек,
Рожденных прахом! Ты не знаешь счастья,
Гонясь за тем, чего ты не имеешь,
И забывая то, чем обладаешь.
Ты не надежна: с каждою луной
Меняется причудливо твой облик.
Ты если и богата, то бедна,
Как нагруженный золотом осел,
Под ношей гнешься до конца пути,
Покамест смерть не снимет этой ноши.
Нет у тебя друзей; твое же чадо,
Которое на свет ты породила,
Чресл собственных твоих же излиянье,
Клянет подагру, сыпь или чахотку.
Зачем с тобой скорее не кончают?
Ты, в сущности, ни юности не знаешь,

Ни старости: они тебе лишь снятся,
Как будто в тяжком сне, после обеда.
Сама твоя счастливейшая юность —
По-старчески живет, прося подачки
У параличной старости; когда же
Ты к старости становишься богатой,
То у тебя уж больше нет ни силы,
Ни страсти, ни любви, ни красоты,
Чтобы своим богатством наслаждаться.
Так где ж в тебе, что жизнью мы зовем?
Но в этой жизни тысячи смертей
Скрываются... А мы боимся смерти,
Что сглаживает все противоречья!”

К л а в д и о

Благодарю смиренно. Я все понял...
В стремленье к смерти нахожу я жизнь,
Ища же смерти — жизнь обрящу. Пусть же
Приходит смерть!

И з а б е л л а
(за сценой)

Открой мне, кто здесь!
Да будут с вами мир и благодать!

Т ю р е м щ и к

Кто там? Войдите: это пожеланье
Вполне достойно доброго приема.

Г е р ц о г

Мой сын, к тебе опять приду я вскоре...

К л а в д и о

Благодарю, отец мой!

Входит И з а б е л л а.

И з а б е л л а

Мне надо с Клавдио поговорить.

Т ю р е м щ и к
(Изабелле)

Пожалуйте.

(К Клавдио.)

Вот к вам сестра пришла.

Г е р ц о г
(тюремщику)

Прошу вас — на два слова!

Т ю р е м щ и к

И больше, коль угодно.

Г е р ц о г
(тихо, ему)

Меня вы спрячьте, чтоб я мог их слышать!

Герцог и тюремщик уходят.

К л а в д и о

Ну что, сестра? Какое утешенье?

И з а б е л л а

Как всякое, приятное для нас.
Все хорошо, о да, все хорошо.
У Анджело есть в небесах дела —
Тебя туда он спешно посылает,
Чтоб ты его послом навек остался.
Так приготовься же возможно лучше —
Назавтра в путь.

К л а в д и о

Ужели средства нет?

И з а б е л л а

Есть лишь одно: чтоб голову спасти,
То сердце надвое разбить.

К л а в д и о

Так есть?

И з а б е л л а

Да, брат, ты мог бы жить!
В судье проснулась дьявольская жалость.
Моли его. Он жизнь твою спасет,
Но скованным останешься до смерти.

К л а в д и о

Тюрьма пожизненная?

И з а б е л л а

Да, тюрьма

Пожизненно: такое заточенье,
Что, если б даже ты владел всем миром,
Ты был бы связанным.

К л а в д и о

Но как же так?

И з а б е л л а

А так, что если б ты пошел на это,
То честь с себя содрал бы, как кору,
И жил бы обнаженным.

К л а в д и о

Будь яснее!

И з а б е л л а

О, я боюсь тебя. Я трепещу.
Чтоб, суетную жизнь свою спасая,
Шесть-семь коротких зим не предпочел
Ты вечной чести. Ты боишься смерти?
Но ужас смерти — в страхе перед смертью.

Изабелла. С картины Ф.Тэпхема

Ничтожный жук, раздавленный ногой,
Такое же страданье ощущает,
Как с жизнью расстающийся гигант!

К л а в д и о

К чему меня стыдить? Иль полагаешь,
Что мужество я только почерпну
У девушки — у нежного цветка?
Верь, если суждено мне умереть,
То смерть я встречу, как мою невесту,
И радостно приму ее в объятья!

И з а б е л л а

Вот это говорит мой брат! Отец мой
Из гроба говорит! Да! Ты умрешь:
Ты слишком благороден, чтобы жизнь
Купить такою низкою ценою.
Святоша гнусный, кто суровым видом
И мудрой речью юность леденит
И убивает на лету безумство,
Как сокол — птицу. Это сущий дьявол!
Когда бы выкачали из него
Всю грязь, остался б, верно, пруд бездонный,
Как самый ад!

К л а в д и о

Как? Анджело святейший?

И з а б е л л а

Все это ложь! Все адское притворство,
Чтобы облечь презреннейшую плоть
В одежды царские! Подумай, Клавдио!
Когда б ему я отдала невинность,
Простил бы он тебя.

К л а в д и о

О, быть не может!

И з а б е л л а

Да, если б этот грех я совершила,
Грешить спокойно мог и ты бы дальше.
Сегодня ночью от меня он ждет
Того, чего я выполнить не в силах
Без отвращения. Иль ты умрешь.

К л а в д и о

Ты этого не сделаешь!

И з а б е л л а

О Клавдио!

Когда бы дело шло о жизни только,
Ее я кинула бы, как булавку,
Без размышленья, чтоб спасти тебя.

К л а в д и о

Благодарю, любимая сестра!

И з а б е л л а

Готовься, Клавдио, завтра умереть.

К л а в д и о

Да, так и в нем есть страсти: из-за них
Готов он дать пощечину закону,
Который только что хотел ввести?
Так грех мой уж не грех, а если грех,
То наименьший из семи грехов!

И з а б е л л а

Как — наименьший?

К л а в д и о

Когда бы этот грех был самым тяжким,
То неужли он в мудрости своей
Пошел бы из-за прихоти мгновенной
На ужас вечной кары? О сестра!

И з а б е л л а

Что скажет мне мой брат?

К л а в д и о

О, смерть ужасна!

И з а б е л л а

А жизнь позорная — еще ужасней.

К л а в д и о

Но умереть... уйти — куда, не знаешь...
Лежать и гнить в неподвижности холодной...
Чтоб то, что было теплым и живым,
Вдруг превратилось в ком сырой земли...
Чтоб радостями жившая душа
Вдруг погрузилась в огненные волны,
Иль утонула в ужасе бескрайнем
Непроходимых льдов, или попала
В поток незримых вихрей и носилась,
Гонимая жестокой силой, вокруг
Земного шара и страдала хуже,
Чем даже худшие из тех, чьи муки
Едва себе вообразить мы можем?
О, это слишком страшно!..
И самая мучительная жизнь:
Все — старость, нищета, тюрьма, болезнь,
Гнетущая природу, будут раем
В сравненье с тем, чего боимся в смерти.

И з а б е л л а

О горе, горе!

К л а в д и о

Милая сестра!

Дай, дай мне жить! Грех во спасенье брата
Природа не сочтет за преступленье,
А в добродетель обратит!

И з а б е л л а

О, зверь!

О, низкий трус, бесчестный, жалкий трус!
Моим грехом ты хочешь жизнь купить?
Не хуже ль это, чем кровосмешенье?
Жизнь сохранить свою ценой позора
Своей сестры? О, что должна я думать?
Иль мать моя была отцу неверной?
Не может же одной быть крови с ним
Такой презренный выродок! Так слушай:
Умри! Погибни! Знай, что, если б только
Мне поклониться стоило б, чтоб гибель
Твою предотвратить, — не наклонюсь!
Я тысячи молитв твердить готова,
Чтоб умер ты. Но чтоб спасти тебя —
Ни слова не скажу я!

К л а в д и о

Изабелла!

Но выслушай меня.

И з а б е л л а

О! Стыд, стыд, стыд!

Твой грех уж не случайность — ремесло,
И милость будет сводней для тебя.
Так лучше умереть тебе скорее.

(Хочет уйти.)

К л а в д и о

Я умоляю, выслушай меня...

Входит герцог.

Г е р ц о г

Позвольте, юная сестра, сказать вам
Одно лишь слово.

И з а б е л л а

Что угодно вам?

Г е р ц о г. Если у вас есть минута досуга, я хотел бы с вами поговорить. То, о чем я хочу просить вас, клонится и к вашей пользе.

И з а б е л л а. Досуга у меня нет; мне приходится отнимать время у других обязанностей, но я готова выслушать вас.

Г е р ц о г (к Клавдио, тихо). Сын мой! Я слышал весь ваш разговор с сестрой. Анджело никогда не имел намерения обольстить ее. Он сделал только вид, что покушается на ее добродетель, чтобы проверить свои наблюдения над натурой человеческой. Он встретил в ней истинную добродетель. Ее целомудренный отказ обрадовал его. Я — духовник Анджело и знаю, как это было. Не обольщай своего мужества ложными надеждами. Завтра ты должен умереть. Ступай преклони колени и приготовься к смерти.

К л а в д и о. Дайте мне испросить прощения у сестры. Жизнь так опостылела мне, что я буду рад отделаться или избавиться от нее.

Г е р ц о г. Оставайся при этих мыслях.

Клавдио уходит. Входит т ю р е м щ и к.

(Тюремщику.) У меня к вам два слова.

Т ю р е м щ и к. Что вам угодно, святой отец?

Г е р ц о г. Чтобы вы как пришли, так и ушли. Оставьте меня наедине с этой девушкой: мой образ мыслей и мое одеяние порукой, что ей нечего опасаться.

Т ю р е м щ и к. Ну что ж, извольте. (Уходит.)

Г е р ц о г. Десница, создавшая вас прекрасной, создала вас и добродетельной. Красота без добродетели быстро увядает. Но если душа ваша полна благодати, то вы всегда останетесь прекрасной. Случайно я узнал о том, что Анджело посягнул на вашу честь. Я бы удивился, не знай я слабости человеческой. Как же вам быть, чтобы спасти вашего брата? Подчиниться наместнику?

И з а б е л л а. Я сейчас иду к нему. Пусть лучше законно умрет мой брат, чем незаконно родится сын! Но, боже, как ошибается наш добрый герцог в своем отношении к Анджело! Если он только когда-нибудь вернется и я смогу к нему проникнуть, пусть я больше никогда рта не раскрою, если я не изобличу этого правителя!

Г е р ц о г. Это было бы полезно... Но так, как теперь обстоит дело, он отречется от вашего обвинения: скажет, что хотел вас только испытать. Поэтому склоните слух к моим советам. В моем желанье сделать доброе дело я нашел одно средство. Я уверен, что вы можете сразу оказать вполне заслуженное благодеяние одной несчастной девушке, спасти вашего брата от

смерти, ничем не запятнав своей чести, и доставить большое удовлетворение отсутствующему герцогу, если он только когда-нибудь вернется и узнает об этом деле.

И з а б е л л а. Говорите, говорите. У меня хватит духа на все, что только не оскорбит души моей.

Г е р ц о г. Добродетель смела, а чистота бесстрашна! Слышали ли вы когда-либо о Марианне, сестре Фредерика, героя, погибшего при кораблекрушении?

И з а б е л л а. Слыхала... И имя ее сопровождалось только добрыми словами.

Г е р ц о г. На ней должен был жениться Анджело. Они были помолвлены, уж и день свадьбы был назначен, но между помолвкой и венчаньем произошло это несчастье. Брат ее погиб в море, а с ним погибло и все приданое его сестры. Смотрите, как была безжалостна судьба к этой бедной девушке: она сразу лишилась своего благородного, славного брата, любившего ее нежно и горячо, затем своего приданого, в котором было все ее состояние, и, наконец, своего нареченного супруга, этого безупречного на вид Анджело.

И з а б е л л а. Может ли быть? И Анджело ее покинул?

Г е р ц о г. Покинул в слезах и ни одной слезинки не осушил своим поцелуем. Отрекся от всех своих обетов, да еще оклеветал ее, сказав, что имеет доказательства ее неверности. Словом, оставил ее в горе, в котором она пребывает до сих пор. А он перед ее слезами точно мрамор: они омывают, но не смягчают его.

И з а б е л л а. Смерть была бы милосердной, если бы взяла

эту бедную девушку... Как преступна жизнь таких людей! Но чем же я могу ей помочь?

Г е р ц о г. Ее рану вам легко излечить, а лечение это не только спасет вашего брата, но и сохранит вас от бесчестья.

И з а б е л л а. Научите меня — как, добрый отец.

Г е р ц о г. Эта несчастная девушка продолжает любить его. Его несправедливая жестокость должна бы по всем законам разума погасить эту любовь, но, как препятствие на пути потока, она только делает ее бурнее и стремительнее. Ступайте к Анджело, дайте ему ответ. Покорно согласитесь на все его требования, только поставьте ему некоторые условия: во-первых, что вы останетесь с ним недолго, во-вторых, что ваша встреча будет происходить ночью, в полном мраке и молчании, и, наконец, чтобы место было подходящим. Он, конечно, согласится на все. И тогда все уладится. Мы уговорим покинутую Марианну пойти вместо вас. Когда обнаружатся последствия этого свидания, ему придется пойти на уступки... Таким образом, брат ваш останется жив, несчастная Марианна получит должное, а гнусность наместника будет вскрыта, как нарыв! Девушке я все объясню и научу ее, как вести себя. Что вы на это скажете?

И з а б е л л а. Одна мысль об этом уже успокаивает меня: я надеюсь на полный успех!

Г е р ц о г. Все зависит от того, как вы будете действовать. Спешите к Анджело. Если он потребует, чтобы вы сегодня же ночью пришли к нему, — соглашайтесь. А я сейчас пойду в предместье святого Луки, где в уединенной усадьбе живет

покинутая Марианна. Приходите туда ко мне и вы. И поторопитесь все скорее уладить с Анджело.

И з а б е л л а. Благодарю вас за помощь. Прощайте, святой отец!

Уходят.

Сцена 2

Улица перед тюрьмой.

Входят герцог в одежде монаха, Локоть,
Помпей и стража.

Л о к о т ь. Нет, если с нами ничего поделать нельзя и вы желаете торговать людьми, как вьючным скотом, так во всем мире останутся только беспощлинные вина и незаконные дети.

Г е р ц о г. О господи! Что еще тут за дрянь?

П о м п е й. Эх, ничего-то на свете веселого не осталось. Были два лихоимца — сводник и ростовщик, — из них упразднили как раз самого веселого, а небось тому, кто похуже, закон разрешает теплую шубу носить. Да еще какую! Сверху лисий мех, а подбито овчиной, чтобы, значит, всем понятно было, что хитрость над невинностью всегда возьмет верх!

Л о к о т ь. Иди-иди, не рассуждай. Спаси вас бог, брат-отче!

Г е р ц о г. И тебя также, отче-брат! Чем тебя оскорбил этот человек?

Л о к о т ь. Он закон оскорбил, сударь, да еще к тому же он

и вор, сударь, как мы предполагаем: мы при нем нашли престранную отмычку, сударь, которую мы и препроводили наместнику.

Г е р ц о г

Стыдись, стыдись ты, сводник, гнусный сводник!
Ты помогаешь страшный грех свершать
И этим хочешь жить? Подумай только:
Что значит набивать свою утробу
И спину прикрывать таким преступным
И грязным ремеслом? Скажи себе:
Благодаря позорным скотским ласкам
Я ем, пью, одеваюсь — я живу!
И это-то зловонное житье
Ты называешь ж и з н ь ю? Кайся! Кайся!

П о м п е й. По правде сказать, тут пованивает отчасти, но все-таки докажу...

Г е р ц о г

Докажешь, если черт тебе поможет, —
Без наказанья и без увещанья
Нельзя исправить этого скота...

Л о к о т ь. Его сперва надо свести к наместнику, ваше преподобие. Ему уже делали два предостережения. Наместник терпеть не может таких распутников: если кто занимается таким ремеслом, не попадайся ему на глаза. Ох, лучше тому человеку быть от него в нескольких милях.

Г е р ц о г

О, если б каждый свят был, как на вид,
А грех — обманом не был бы прикрыт!

Л о к о т ь. Будет с его шеей, что и с вашим животом, ваше
преподобие: стянут ее веревкой!

Входит Л у ц и о.

П о м п е й. А вот и помощь. Я представляю поручителя.
Вот идет дворянин, он мне друг!

Л у ц и о. А! Здравствуй, благородный Помпей! Как, ты за
колесницей Цезаря? Где же твои куколки — женщины, кото-
рых ты создаешь так же легко, как Пигмалион? Обыкновенно
это они за тебя запускают лапки в наши карманы. Что ты
можешь на это ответить, а? Что ты скажешь, маэстро, на эту
песню? Или ты утопил все ответы в последнем ливне? Да, что
ты скажешь, старая ты сводница? Ответ уж не таков, как
раньше, а? Каков он стал, а? Загрустил, замолчал. Каков его
обычай, а?

Г е р ц о г. А этот все тот же, даже хуже?

Л у ц и о. Как поживает мой лакомый кусочек, твоя хозя-
юшка, а? По-прежнему сводничает, а?

П о м п е й. Что же, сударь, свою говядинку всю поела, так
сама в чан и попала.

Л у ц и о. И отлично и правильно: пока свеженькая — рабо-
тай, поседеешь — других заставляй. Неизбежное следствие.
Так и должно быть. Так ты отправляешься в тюрьму, а? Пом-
пей?

Немецкий солдат XVIII века. Рисунок неизвестного художника

П о м п е й. Вот именно, сударь.

Л у ц и о. Это очень тебе полезно, Помпей, прощай. Скажи там, что это я тебя прислал. За долги, Помпей, или за что другое, а?

Л о к о т ь. За сводничество, за сводничество.

Л у ц и о. Ну, так засадите его спокойно. Если за сводничество полагается тюрьма, так это его право. Он сводник несомненно, и с глубокой древности: он еще во чреве матери был сводником. Прощай, любезный Помпей! Кланяйся от меня тюрьме, Помпей! Теперь ты станешь хорошим мужем, Помпей! Не будешь больше из дому бегать.

П о м п е й. Я надеюсь, сударь, ваша милость возьмет меня на поруки!

Л у ц и о. О нет, Помпей, не надейся, это теперь не в моде. Я буду просить, чтобы тебя побольше подержали, Помпей! Если ты не будешь относиться терпеливо к этому, значит, у тебя есть темперамент. Прощай, почтенный Помпей! Спаси вас бог, отец!

Г е р ц о г. И вас.

Л у ц и о. А Бригитта все красится, Помпей, а?

Л о к о т ь. Ну, иди-иди, не задерживайся.

П о м п е й. Тогда, значит, вы не возьмете меня на поруки?

Л у ц и о. Ни тогда, ни когда, Помпей! Какие вести, святой отец?

Л о к о т ь. Идем-идем.

Л у ц и о. Ступай, Помпей, ступай в свою конуру.

Локоть, Помпей и стража уходят.

Нет ли каких-нибудь известий о герцоге?

Г е р ц о г. Я ничего не слышал. А вы?

Л у ц и о. Одни говорят, что он у русского императора, другие уверяют, что он в Риге. А вы как думаете, где он?

Г е р ц о г. Не знаю. Но где бы он ни был, желаю ему всего лучшего.

Л у ц и о. Что за нелепая причуда была — тайком выбраться из своего государства и приняться за бродяжничество, как будто он для этого рожден! Граф Анджело тем временем исправно герцогствует за него: всех подтянул.

Г е р ц о г. И прекрасно делает.

Л у ц и о. Не мешало бы немного более снисходительности к любовным делишкам, в этом вопросе он уж чересчур строг, отец мой.

Г е р ц о г. Распущенность стала слишком велика: только строгостью можно искоренить порок.

Л у ц и о. Да, это правда, семья у порока большая, родственники в лучших домах. Но совсем искоренить его невозможно, святой отец, пока не запретят людям есть и пить. Говорят, что Анджело не произошел от мужчины и женщины по старому, испытанному способу. Как вы полагаете, это правда, а?

Г е р ц о г. Как же он мог иначе явиться на свет?

Л у ц и о. Кто говорит, что его народила морская русалка, кто утверждает, что его выметали две вяленые трески; но одно достоверно: когда он выпускает лишнюю жидкость, она сейчас же замерзает. Это я доподлинно знаю. И вообще он автомат, неспособный производить себе подобных.

Г е р ц о г. Шутник вы, сударь! Что вы болтаете!

Л у ц и о. Ну, да разве это не безжалостно — лишать человека жизни за то, что у него взбунтовались брюки? Неужели отсутствующий герцог поступил бы так? Раньше чем он повесил бы человека за то, что тот произвел на свет сотню незаконных ребят, он должен был бы из своего кармана заплатить за прокорм целой тысячи. Он эти забавы понимает: сам хорошо послужил этому делу, потому склонен к милости.

Г е р ц о г. Я никогда не слышал, чтобы герцога упрекали в чрезмерном увлечении женщинами. Он к этому не имел склонности.

Л у ц и о. О, отец мой, как вы заблуждаетесь!

Г е р ц о г. Это невозможно!

Л у ц и о. Он-то? Герцог! Да как же! Тут была пятидесятилетняя нищенка, так он даже в ее чашечку постоянно опускал свой червонец. Да, за ним водятся грешки. Он, например, пьет запоем — могу вас уверить в этом.

Г е р ц о г. Вы на него клеветеете, без сомненья.

Л у ц и о. Отец мой, да я же был его лучшим другом! Он был подозрительный малый, этот герцог, и я полагаю, что знаю причины его бегства.

Г е р ц о г. Какая же это может быть причина?

Л у ц и о. Нет, уж простите, это тайна — тут надо держать язык за зубами. Одно могу вам сказать: большая часть его подданных считала его умным человеком, а он...

Г е р ц о г. Но, кажется, в его уме сомневаться нельзя?

Л у ц и о. Он был поверхностный, невежественный, незначительный малый.

Г е р ц о г. В вас говорят зависть, глупость или заблуждение. Вся жизнь герцога, его образ правления могут быть для него лучшей порукой. Если его станут судить только по его делам, то даже завистники должны будут согласиться, что он и выдающийся ученый, и полководец, и государственный человек. Так что вы говорите наобум; а если вы его действительно знаете, то ваше суждение искажено злобой.

Л у ц и о. Нет, я знаю герцога и люблю его.

Г е р ц о г. Любовь должна лучше знать, а знание больше любить.

Л у ц и о. Да уж поверьте — я знаю то, что знаю.

Г е р ц о г. Трудно этому поверить, раз вы не знаете, что говорите. Но если герцог вернется — о чем мы все молим бога, — позвольте мне вас просить тогда ответить перед ним за ваши слова. Если вы говорите правду, то должны иметь мужество подтвердить ее. Мой долг вас вызвать на это. Как ваше имя?

Л у ц и о. Меня зовут Луцио, и герцог хорошо меня знает.

Г е р ц о г. Он еще лучше узнает вас, сударь, если я доживу до встречи с ним.

Л у ц и о. Я вас не боюсь.

Г е р ц о г. Вы надеетесь, что герцог не вернется, или считаете меня слишком безопасным противником? Но и то правда: как я могу вам повредить? Вы поклянетесь, что ничего подобного не говорили.

Л у ц и о. Пусть меня раньше повесят, если это так. Ты ошибаешься во мне, монах! Но довольно об этом. Скажи мне, не знаешь ли ты — умрет завтра Клавдио или нет?

Г е р ц о г. За что же он должен умереть, сударь?

Л у ц и о. За что? За то, что наливал бутыль через воронку. Хотел бы я, чтобы герцог вернулся. Этот импотентный наместник обезлюдит весь наш край благодаря воздержанию. Воробьи не смеют вить гнезда в его застрехах, потому что это сладострастные птицы! Герцог-то уж не стал бы выводить на свет то, что делается в потемках! О, если бы он возвратился! Несчастный Клавдио осужден за то, что расстегнулся не вовремя! Прощай, добрый отец. Помолись обо мне, прошу тебя. И верь мне: герцог отлично ест баранину в постные дни. Теперь его время миновало, и то он не прочь даже с нищенкой полюбезничать, хотя бы от нее несло черным хлебом и чесноком. Скажи ему, что я так и сказал! Прощай! (*Уходит.*)

Г е р ц о г

Ни мощь, ни сан — ничто нас не спасает.
Святым нож в спину клевета вонзает!
И где король — чья власть так велика,
Чтоб удержать язык клеветника?
Но кто идет?

Входят Э с к а л, тюремщик и стража с Переспелой.

Э с к а л. В тюрьму ее, в тюрьму!

П е р е с п е л а. Добрый господин, сжальтесь надо мной! Ваше милосердие всем известно. Добрый господин...

Э с к а л. Второе и третье предостережение, а ты упорствуешь в своих преступлениях? Да тут само милосердие взбесится и возьмет на себя роль злодея.

Т ю р е м щ и к. Вот уж одиннадцать лет, как она занимается своим ремеслом, с позволенья вашей милости.

П е р е с п е л а. Ваша милость, это верно. Некий Луцио меня оговорил. Он еще при герцоге сделал ребенка девице Кетти Навзничь. Он ей обещал жениться на ней... Ребенку в Филиппов день уж год с четвертью минет. Я его вскормила сама. А он что со мной делает?

Э с к а л. Это человек очень вольного поведения... Приведите-ка его ко мне. Но ее — в тюрьму. Ступай, ни слова больше!

Переспела и полицейские уходят.

(Тюремщику.) Мой соправитель Анджело неумолим. Клавдио должен завтра умереть. Пошлите к нему духовника: пусть ему будет доставлено всякое духовное утешение. О, если бы Анджело разделял мое сострадание, этого не случилось бы с Клавдио.

Т ю р е м щ и к. С вашего разрешения, вот этот монах уже был у него и напутствовал его перед смертью.

Э с к а л. Добрый вечер, почтенный отец!

Г е р ц о г. Мир вам и благословение.

Э с к а л. Откуда вы?

Г е р ц о г

Нездешний я, мне по делам на время
Пришлось сюда приехать. Я монах
Святого братства, прибыл с порученьем
Я от его святейшества из Рима.

Э с к а л. Что нового на белом свете?

Г е р ц о г. Ничего, кроме разве того, что у добродетели сильнейшая лихорадка, такая, которая пройдет только со смертью. Только на новое спрос. Сейчас прямо опасно до старости идти по одному пути, и постоянство считается чем-то удивительным. Правды едва хватает, чтобы поручиться за безопасность общества, а поручителей достаточно, чтобы проклясть все общество. Вокруг этой загадки вертится вся мудрость мира. Это все стары́е новости, тем не менее они всегда остаются новостями. Скажите мне, пожалуйста, каков был образ мыслей у вашего герцога?

Э с к а л. Больше всего он старался познать самого себя.

Г е р ц о г. Какие удовольствия он предпочитал?

Э с к а л. Скорее радовался, видя других веселыми, чем веселился сам, когда его хотели чем-нибудь порадовать. В высшей степени умеренный человек. Но предоставим его своей судьбе с искренним пожеланием ему всяких преуспеваний, и разрешите мне спросить вас, нашли ли вы Клавдио достаточно подготовленным. Мне сказали, что вы посетили его.

Г е р ц о г. Он говорит, что приговор не был слишком жестоким и что он смиренно подчиняется решению правосудия. Однако слабость душевная обольщала его обманчивой надеждой на помилование... Я рассеял эти надежды, и теперь он готов к смерти.

Э с к а л. Вы исполнили свою обязанность перед небом и свой долг перед заключенным... Я до последней возможности ходатайствовал за бедного юношу, но мой собрат по правосу-

дию оказался невероятно суровым, и мне пришлось ему сказать, что он действительно воплощение сурового закона.

Г е р ц о г. Если его жизнь отвечает строгости его поступка, благо ему. Но если он случайно впадет в грех, то он произнесет самому себе смертный приговор.

Э с к а л. Я пройду к заключенному. Прощайте! (*Уходит.*)

Г е р ц о г

Мир вам!

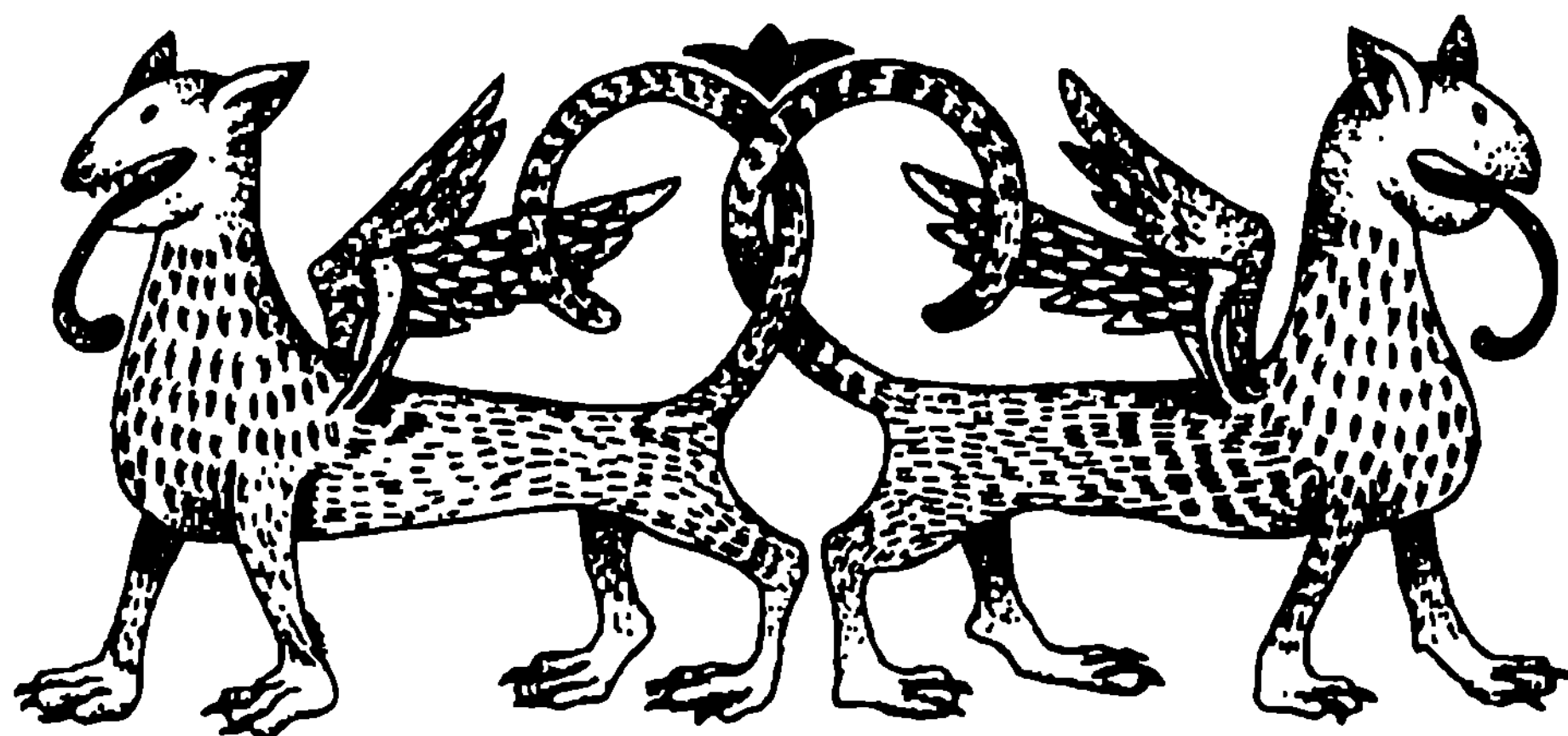
Кому свой меч вручает бог,
Быть должен так же свят, как строг:
Собою всем пример являть,
В чем чистота и благодать,
И мерить мерою одною
Свою вину с чужой виною.
Позор злодею, что казнит
За грех, что в нем самом сокрыт!
Втройне стыдиться должен тот,
Кто ближнего пороки рвет,
Как сорную траву на поле,
А свой порок растит на воле!
Как часто грешника скрывает,
Кто с виду ангелом бывает,
Как часто лицемерный вид
Преступный замысел таит
И, как паук, способен в сети
Завлечь все сильное на свете!

Направлю хитрость против зла,
Чтоб нынче с Анджело легла
Им позабытая Марьяна.
Так! Прочь обман — путем обмана.
За ложь сочтемся ложью с ним
И их союз возобновим!

(Уходит.)

АКТ IV

Сцена 1

Окруженная рвом ферма у церкви св.Луки.

Входят М а р и а н н а и м а л ь ч и к.

М а л ь ч и к
(поет)

“Прочь уста — весенний цвет,
Что так сладостно мне лгали.
Прочь глаза — небесный свет,
Что мне утро затмевали.
Но поцелуй молю отдать:
То была любви печать,
Любви печать”.

М а р и а н н а

Довольно петь — скорее уходи:
Сюда идет мой мудрый утешитель,
Смирал он часто горький ропот мой.

Мальчик уходит. Входит г е р ц о г.

Простите, мой отец! Мне очень жаль,
Что вы меня за музыкой застали,
Но верьте — это не для развлечения,
А только чтоб смягчить тоски мученья.

Г е р ц о г

Я верю. Но у музыки есть дар:
Она путем своих волшебных чар
Порок способна от греха спасти.
Но добродетель может в грех ввести.

Скажите, дочь моя, меня никто не спрашивал сегодня?
Именно в это время я назначил здесь встречу.

М а р и а н н а. Нет, никто не спрашивал вас. Я весь день
была дома.

Г е р ц о г. Верю вам, как всегда. Но сейчас как раз насту-
пило время. Я попрошу вас пока удалиться. Может быть, я
скоро вас позову, чтобы сообщить вам кое-что приятное для
вас.

М а р и а н н а. Я вам всем обязана. (*Уходит.*)

Входит И з а б е л л а.

Г е р ц о г

А, в добрый час! Привет! Ну как, скажите,
Прошел ваш разговор с достойным графом?

И з а б е л л а

Он показал мне сад свой, обнесенный
Высокою оградой. Этот сад

Марианна. Художник Бэйам Шоу

На западе выходит в виноградник,
В него ведут дощатые ворота,
Их отпирает этот ключ, побольше,
А этот вот, поменьше, от калитки,
Из виноградника ведущей в сад.
Туда прийти я обещала в полночь.

Г е р ц о г

Найдете ли дорогу вы туда?

И з а б е л л а

Я в точности заметила ее.
Таинственно шепча, в волненье грешном,
Все в точности указывая мне,
Он сам по ней прошел со мною дважды.

Г е р ц о г

Какие же еще у вас условия,
Которые Марьяна знать должна?

И з а б е л л а

Нет никаких. Одно лишь: полный мрак...
Еще ему сказала я, что долго
Остаться не смогу, и объяснила,
Что мне служанку взять с собой придется.
И будет ждать она, предполагая,
Что я пошла о брате хлопотать.

Г е р ц о г

Так, хорошо. Но я еще с Марьяной
Не говорил.

(Зовет.)

Придите к нам, Марьяна!

Входит М а р и а н н а.

Вот, познакомьтесь с этою девицей:
Она желает вам помочь.

И з а б е л л а

Всем сердцем.

Г е р ц о г

Вы верите в мое расположение?

М а р и а н н а

Да, верю, и его я испытала.

Г е р ц о г

Возьмите ж за руку ее, как друга,
И ей найдется, что вам рассказать.
Я подожду вас здесь. Но торопитесь.
Уж скоро ночь туманная настанет.

М а р и а н н а

Угодно ль вам пройтись?

Марианна и Изабелла уходят.

Г е р ц о г

О власть! О сан! Мильоны глаз фальшивых
Следят за вами; тьма неверных слухов,
Противоречий вслед ползут за вами;
И тысячи присяжных остроумцев
В вас пищу выдумкам своим находят
И вымыслом терзают злобно вас.

Входят Марианна и Изабелла.

А вот и вы! Ну что же? Сговорились?

И з а б е л л а

Отец, она на все готова, если
Согласны вы.

Г е р ц о г

Не только соглашаюсь —
Прошу!

И з а б е л л а

С ним говорить вам не придется,
Лишь, расставаясь, шепотом скажите:
“Так помните о брате!”

М а р и а н н а

О, не бойтесь.

Г е р ц о г

И вы не бойтесь, дорогая дочь.

Он нареченный ваш супруг, и, значит,
Грехом не будет вас соединить.
Законность ваших прав и притязаний
Украсит ваш обман! Теперь — идем.
Сперва посеем, а потом пожнем.

Уходят.

Сцена 2

Помещение в тюрьме.

Входят тюремщик и Помпей.

Т ю р е м щ и к. Пойди-ка сюда, малый! Скажи, можешь ты отрубить человеку голову?

П о м п е й. Если он холостой, могу, сударь. Но если он женат, так ведь он голова своей жене, а я не возьмусь рубить голову женщине.

Т ю р е м щ и к. Полно, любезный, брось свои увертки, отвечай прямо. На завтра назначена казнь Клавдио и Бернардина. При тюрьме есть палач, но ему необходим помощник при исполнении обязанностей. Если ты берешься ему помогать, с тебя снимут кандалы. А нет, так отсидишь полный срок, да еще перед выпуском получишь изрядную порку за то, что ты известный сводник.

П о м п е й. Верно, сударь. Был я с давних пор беззаконным сводником, но теперь я готов сделаться законным палачом. Только я хотел бы получить кое-какие указания от моего товарища по работе.

Т ю р е м щ и к. Эй, Страшило! Да где же Страшило?

Входит Страшило.

С т р а ш и л о. Изволили звать, ваша милость?

Т ю р е м щ и к. Вот этот малый будет тебе помощником при завтрашней казни. Если ты найдешь его подходящим, найми его на год и оставь при себе, а нет, так воспользуйся им на этот раз и отпусти его. Особенно церемониться с ним тебе не надо: он был сводником.

С т р а ш и л о. Сводником! Тьфу! Он позорит наше искусство.

Придворный шут императора Максимилиана. С гравюры Д.Токрера

Т ю р е м щ и к. Ладно уж, оба друг друга стойте: неизвестно, кто перетянет. (*Уходит.*)

П о м п е й. Сделайте милость, сударь! У вас ведь очень милостивый вид, не напоминай вы о виселице. Неужто вы называете свою профессию искусством?

С т р а ш и л о. Конечно, искусством.

П о м п е й. Слыхивал я, сударь, что живопись, например, — вот это искусство. Так вот, те красоточки, которыми я занимаюсь, всегда имеют дело с живописью: раскрашивают себя. Потому мое ремесло скорее сродни искусству. Но какое же искусство вешать людей? Хоть повесьте меня — не понимаю.

С т р а ш и л о. Сударь, это искусство.

П о м п е й. А доказательства?

С т р а ш и л о. Порядочный человек должен так делать свое дело, чтобы каждому вору петля приходилась как раз впору. Если она будет вору тесновата, то порядочному человеку она как раз придется впору; а если она будет вору широка, то он как раз найдет ее подходящей. Значит, доброму вору всякая петля впору.

Входит т ю р е м щ и к.

Т ю р е м щ и к. Ну как, поладили?

П о м п е й. Я готов ему служить, ваша милость: ведь палачу гораздо легче стать раскаявшимся грешником, чем своднику; ему, при своем деле, приходится каждый раз просить прощения и каяться.

Т ю р е м щ и к (*Страшиле*). Заготовь плаху и топор на завтрашний день к четырем часам утра.

Страшило. Пойдем, сводник! Я обучу тебя моему ремеслу. За мной!

Помпей. Готов учиться со всем усердием, сударь! Надеюсь, если вам придется на себе проверить мои успехи, вы останетесь довольны моей ловкостью. Право, сударь, вы ко мне так добры, что я должен вам отплатить доброй услугой.

Тюремщик

Позвать ко мне Клавдио и Бернардина.

Помпей и Страшило уходят.

Жаль Клавдио. Убийцу же ничуть
Я б не жалел, хоть он мне братом будь!

Входит Клавдио.

Вот, Клавдио, твой смертный приговор!
Сейчас уж полночь. Утром — ровно в восемь —
Бессмертным станешь ты. Где Бернардин?

Клавдио

Так крепко спит, как утомленный путник,
Здоровою усталостью сраженный.
Его никак не могут добудиться.

Тюремщик

Да! Кто бы мог к добру его направить?
Ступай — и приготовься.

Стук в дверь.

Что за шум?

Дай небо сил тебе!

Клавдио уходит.

Иду. Иду!

Быть может, это милость иль отсрочка
Для Клавдио?

Входит герцог.

Привет, святой отец!

Герцог

Прекраснейшие духи мирной ночи
Да охранят вас, добрый человек!
Был кто-нибудь еще здесь?

Тюремщик

Никого

С тех пор, как пробил час тушить огни.

Герцог

А Изабелла?

Тюремщик

Нет.

Герцог

Еще придет.

Т ю р е м щ и к

Что доброго для Клавдио?

Г е р ц о г

Надежда.

Т ю р е м щ и к

Жесток наместник наш!

Г е р ц о г

Не то, не то.

Вся жизнь его идет, как и правленье,
Путями справедливости и долга;
Смиряет он в священном воздержанье
В себе самом то, что смирять в других
Имеет право; если б сам он грешен
Был в том, что так преследует в других,
Тогда б он был тираном, но теперь —
Он только справедлив.

Стук в дверь.

Вот и идут.

Тюремщик уходит.

Он очень добр. В надсмотрщиках тюрьмы
Встречаем редко к людям милость мы.

Снова стук в дверь.

Но что за шум?.. Кто одержим так спешкой,
Что сотрясает толщу стен тюремных?

Т ю р е м щ и к возвращается.

Т ю р е м щ и к
(в дверь)

Пусть подождет, пока привратник встанет.
Чтобы его впустить. За ним пошли.

Г е р ц о г

Что? Не было отмены приговора,
И Клавдио умрет?

Т ю р е м щ и к

Нет, нет отмены!

Г е р ц о г

Хоть и близка заря, но до рассвета
Вы новости услышите.

Т ю р е м щ и к

Быть может
Вам что-нибудь известно? Но, боюсь,
Мы не должны помилованья ждать.
Еще таких примеров не бывало.
Притом наместник сам предупредил

Во всеуслышанье, с судейских кресел,
Что и не будет их.

Входит посланный.

Его гонец.

Г е р ц о г

И с ним — прощенье Клавдио!

П о с л а н н ы й (*вручая бумагу*). Граф посылает вам эту записку, а на словах приказал мне передать вам, чтобы вы ни в одном пункте не отступили от его приказа касательно времени, предмета поручения и других обстоятельств. Затем желаю вам доброго утра. Кажется, уже рассвело...

Т ю р е м щ и к. Исполню все в точности.

Посланный уходит.

Г е р ц о г
(*в сторону*)

Итак, прощенье получил несчастный,
Но куплено оно ценой ужасной.
Легко и просто в преступленье впасть,
Когда ему защитой служит власть.
Да, у порока милость растяжима:
Он всем готов простить свой грех любимый.
Что ж пишет он?

Т ю р е м щ и к. Я говорил вам: граф Анджело, верно, боится, чтобы я не оказался неисполнительным, и решил подбод-

рить меня таким необычным способом. Очень странно, раньше он этого не делал.

Г е р ц о г. Прочтите, прошу вас.

Т ю р е м щ и к (*читает*). “Какие бы вы ни получили в дальнейшем противоречащие этому приказания, имейте в виду, что Клавдио должен быть казнен в четыре часа утра, а Бернардин — после полудня. Чтобы я вполне был уверен, что мой приказ был исполнен, ровно в пять часов пришлите мне голову Клавдио. Сделайте все в точности и помните, что от этого зависит больше, чем я могу вам сказать. Не отступайте от исполнения своего долга под страхом собственной гибели”. Что вы скажете на это, отец мой?

Г е р ц о г. Что это за Бернардин, который должен быть казнен после полудня?

Т ю р е м щ и к. Цыган родом, но живет и кормится здесь: он у нас сидит уже девять лет.

Г е р ц о г. Как же случилось, что ваш герцог не велел или освободить его, или казнить? Я слышал, что он обыкновенно так поступает.

Т ю р е м щ и к. Друзья заключенного все время выхлопывают ему отсрочки, да к тому же самый факт его преступления окончательно был установлен только теперь, во время правления графа Анджело.

Г е р ц о г. Преступление его доказано?

Т ю р е м щ и к. С несомненностью: он сам больше не отрицается.

Г е р ц о г. Как он вел себя в тюрьме? Выказывал ли раскаяние?

Т ю р е м щ и к. Это человек, для которого смерть не страшнее пьяного сна. Он ко всему равнодушен, беззаботен, бестрашен, не думает ни о прошлом, ни о настоящем, ни о будущем, совершенно равнодушен к смерти, хотя безнадежно обречен на смерть.

Г е р ц о г. Он нуждается в наставлениях!

Т ю р е м щ и к. Да он их и слушать не желает. В тюрьме он чувствует себя как дома, дайте ему возможность бежать отсюда — он не убежит. Напивается по нескольку раз на дню, а иногда пьян целый день. Его иногда нарочно будили будто бы затем, чтобы вести на казнь, даже показывали фальшивый приговор, но это не производило на него никакого впечатления.

Г е р ц о г. Ну, о нем поговорим после. У вас на лице написано, что вы человек честный и надежный. Если я читаю неверно, значит, мой многолетний опыт обманывает меня. Но я смело полагаюсь на свою проницательность и решаюсь рискнуть. Клавдио, приговоренный к казни, не больший преступник против закона, чем тот, который приговорил его. Я могу вполне доказать это, мне нужно только четыре дня сроку. А до того времени вы должны оказать мне немедленно довольно опасную услугу.

Т ю р е м щ и к. Какую же, отец мой?

Г е р ц о г. Отложить казнь его.

Т ю р е м щ и к. Увы, как же я могу это сделать? Ведь мне указан точный час казни и приказано под страхом ответственности доставить наместнику голову казненного. Уклонившись от исполнения приказа, я могу только разделить участь Клавдио.

Г е р ц о г. Клянусь вам уставом моего ордена, я ручаюсь за вашу безопасность, если только вы беспрекословно последуете моим указаниям. Казните утром Бернардина и отошлите его голову наместнику.

Т ю р е м щ и к. Наместник видел обоих и узнает Бернардина в лицо.

Г е р ц о г. О, смерть основательно умеет изменять человека... а вы прибавьте к этому: обрейте ему голову, подвяжите бороду, скажите, что раскаявшийся грешник сам пожелал обриться перед смертью, это ведь часто бывает. Если вы за это получите что-либо кроме благодарности и награды, клянусь моим святым угодником, что я вас защищу своей жизнью.

Т ю р е м щ и к. Добрый отец! Простите мне, ведь это будет с моей стороны нарушением присяги.

Г е р ц о г. Кому вы присягали — герцогу или его наместнику?

Т ю р е м щ и к. Герцогу и тем, кто его замещает.

Г е р ц о г. Ну, а если сам герцог одобрит ваш поступок, вы не поступите против своей присяги?

Т ю р е м щ и к. Какое же в этом может быть вероятие?

Г е р ц о г. Не вероятие, а достоверность. Но если уж вы так боязливы, что ни мой сан, ни моя одежда, ни мои убеждения не действуют на вас, — я пойду дальше, чем хотел. Вот подпись и печать герцога. Вы знаете его почерк, полагаю? И печать его вам неизвестна?

Т ю р е м щ и к. Знаю и то и другое.

Г е р ц о г. В этом письме герцог извещает о своем скором

возвращении. Прочтите его потом, на досуге: вы увидите, что герцог будет здесь через два дня. Анджело этого не подозревает. Напротив, он сегодня получил письма другого содержания, не то с известием о смерти герцога, не то о его уходе в монастырь... Но, к счастью, все это неверно. Смотрите, утренняя звезда уже будит пастухов. Не раздумывайте долго: все трудности покажутся вам легкими, когда вы узнаете, как было дело. Позовите палача: пусть падет голова Бернардина. Я исповедую его и напутствую в лучшую жизнь. Вы все еще в недоумении? Но это (*показывает на письмо*) должно вас подвигнуть на решительные действия. Идем, почти рассвело.

Уходят.

Сцена 3

Другое помещение в тюрьме.

Входит Помпей.

Помпей. Я здесь так освоился, как у себя в борделе! Можно подумать, что мы в доме у госпожи Переспелы, столько здесь ее старых знакомцев. Во-первых, молодой господин Шустряга сидит за тюк оберточной бумаги и имбиря, навязанный ему ростовщиком за сто девяносто семь фунтов, из которых он получил наличными марок пять... черт возьми! Верно, на имбирь не было спроса, так как все старухи, которые его так любили, перемерли. Потом сидит здесь господин Попрыгун. Засадил его торговец шелками Трехворсый: за четыре куска красного атласа приходится ему теперь краснеть за свою ни-

щету. Тут же и молодой господин Ветрогон, и молодой господин Ругатель, и господин Медношпор, и господин Слугомор — рыцарь кинжала и шпаги, и молодой господин Прощелыга, который убил пригожего Пудинга, и господин Напрямик — знаменитый фехтовальщик, и господин храбрый Башмачный Шнур, известный путешественник, и полоумный господин Полуштоф, который прикончил бедного Шкалика, да с ним, наверно, еще тьма народа. Все это, можно сказать, столпы нашего ремесла, и вдруг попали сюда — и теперь Христа ради просят!

Входит Страшило.

Страшило. Эй ты, малый, приведи сюда Бернардина!

Помпей. Господин Бернардин! Вставайте да пожалуйста всшаться. Господин Бернардин!

Страшило. Эй, Бернардин!

Бернардин (за сценой). Чума на ваши глотки! Что вы так разорались? Кто там такой?

Помпей. Ваш друг, сударь, палач! Будьте любезны, сударь, вставайте, пожалуйста, на казнь.

Бернардин. К черту, мерзавцы! Я спать хочу.

Страшило. Скажи ему, чтобы вставал, да живее.

Помпей. Прошу вас, сударь, проснитесь, вставайте. Вас только казнят, а там и спите себе дальше.

Страшило. Пойди да приведи его сюда!

Помпей. Да он сам идет: я слышу, под ним солома зашуршала.

Страшило. Топор на плахе, малый?

П о м п е й. Все в полной готовности, сударь.

Входит Б е р н а р д и н.

Б е р н а р д и н. Здорово, Страшило! Что у вас тут такое?

С т р а ш и л о. А вот что, сударь: сотворите-ка молитву, приговор получен.

Б е р н а р д и н. Ах ты, мошенник, да я всю ночь пропьянствовал и совсем к смерти не готов.

П о м п е й. Тем лучше, сударь: если кто всю ночь пропьянствовал, а наутро его повесят, так у него по крайней мере будет время проспать.

С т р а ш и л о. Смотрите-ка, вот и ваш духовник идет. Вы видите, что на этот раз мы не шутим?

Входит г е р ц о г в монашеском одеянии, как прежде.

Г е р ц о г. Я узнал, что ты скоро покидаешь этот мир. Мое милосердие повелевает мне напутствовать тебя, утешить и помолиться вместе с тобой.

Б е р н а р д и н. Брось, монах! Я всю ночь пропьянствовал, и мне нужно время, чтобы приготовиться к смерти как следует. Да пусть мне хоть мозги из головы дубинами вышибут — не согласен я сегодня помирать, и дело с концом.

Г е р ц о г

Смерть неизбежна. Я молю тебя —
Ты о пути подумай предстоящем.

Б е р н а р д и н. Клятву даю: никому не удастся меня уговорить, чтобы я согласился умереть сегодня.

Г е р ц о г

Но выслушай...

Б е р н а р д и н: И не подумаю. Если вам нужно мне что-нибудь сказать — милости прошу ко мне в нору; я сегодня из нее ни шагу не сделаю. (*Уходит.*)

Г е р ц о г

Такой, как он, ни к жизни не годится,
Ни к смерти. Это каменное сердце.
За ним, и отвести его на плаху.

Помпей и Страшило уходят, входит т ю р е м щ и к.

Т ю р е м щ и к

Как вы нашли преступника?

Г е р ц о г

В грехе

Он закоснел. Не подготовлен к смерти.
Таким его отправить в мир иной
Преступно было б.

Т ю р е м щ и к

Здесь, в тюрьме, отец мой,
От злой горячки умер нынче ночью
Один морской разбойник, из Рагузы.
Он Клавдио ровесник. Волоса
И бороды у них по цвету схожи;

Смертная казнь в Австрии XV-XVI века. С гравюры Ганса Буркмайера

Что если мы дадим убийце время
Раскаяться, наместнику ж пошлем
Мы голову пирата-рагузинца,
Который с Клавдио и больше схож?

Г е р ц о г

О, этот случай нам дарует небо.
Скорей пошлите! Наступает час
Назначенный! Исполните приказ.
А я пойду и приложу старанье
Несчастливого наставить в покаянье.

Т ю р е м щ и к

Исполню все, отец! Но Бернардин
Казнен быть должен нынче днем. Так что же
Мы будем делать с Клавдио? Ведь если
Дознаются, что он не умер, трудно
От гибели спастись мне будет.

Г е р ц о г

А вот что: поместите их обоих
Вы в потайные камеры. И раньше,
Чем солнце дважды озарит приветом
Тех, кто живет под ним, — найдете
Себя вы в безопасности, поверьте!

Т ю р е м щ и к

Я ваши указания все исполню.

Г е р ц о г

Так поспешите голову послать
Скорее графу.

Тюремщик уходит.

Я же напишу

Наместнику. Письмо снесет тюремщик;
Я извещу, что я уж близко к дому
И по причинам важным должен в город
Торжественно вступить; его ж прошу
Пожаловать навстречу мне к святому
Колодцу, за три мили от столицы.
Там, холодно, обдуманно все взвесив,
Решу я, как с ним надо поступить.

Входит тюремщик.

Т ю р е м щ и к

Вот голова. Я сам ее доставлю.

Г е р ц о г

Так, хорошо... Скорее возвращайтесь:
Я многое хотел бы вам открыть
Наедине.

Т ю р е м щ и к

Я поспешу как можно.

(Уходит.)

И з а б е л л а
(за сценой)

Мир вам. Откройте!

Г е р ц о г
Голос Изабеллы!

Пришла узнать, помилован ли брат.
Я истины пока ей не открою,
Чтоб радостью небесною утешить,
Когда она и ждать ее не будет.

Входит И з а б е л л а.

И з а б е л л а
Могу ль войти?

Г е р ц о г
Привет вам, дочь прекрасная моя.

И з а б е л л а
Привет из уст святых вдвойне мне дорог!
Ну что, освободил наместник брата?

Г е р ц о г
Освободил... навек от этой жизни.
Ваш брат казнен, и голову его
Снесли наместнику.

И з а б е л л а
Не может быть!

Г е р ц о г

Однако это так. О дочь моя!
Терпением вы мудрость докажите.

И з а б е л л а

К нему! К нему! Ему глаза я вырву!

Г е р ц о г

Но вас к нему не пустят на глаза.

И з а б е л л а

О, злополучный Клавдио! О, я
Несчастливая! О, лживый мир! Будь проклят,
Жестокий человек!

Г е р ц о г

От этих воплей

Ему вреда не будет, вам — нет пользы.
Снесите горе молча. Предоставьте
Все небесам. Запомните, что я
Скажу. Тут будет правда в каждом слове.
Вернется завтра герцог. Так не плачьте.
Один монах, его отец духовный,
Мне сообщил об этом. Он послал
Известие и графу и Эскалу.
Они его у врат столицы встретят
И сложат власть с себя. Сбритесь с духом,

Направьте ум по верному пути —
И отомстите вы тогда злодею
И герцога приобретете милость
И общую хвалу.

И з а б е л л а

Я повинуюсь.

Г е р ц о г

Вот вам письмо: отцу Петру отдайте.
Скажите, что прошу его прийти
К Марьяне в дом сегодня в ночь. Ему
Я поручу обеих вас с Марьяной.
Он к герцогу вас приведет: тогда
Наместника вы гласно обличите.
А я, смиренный раб, обетом связан —
Присутствовать при этом не смогу.
Ступайте же и слезы осушите.
Идите с легким сердцем и не верьте
Вы ордену святому моему,
Коль вам совет мой будет не на благо.
Но кто идет?

Входит Л у ц и о.

Л у ц и о

А, добрый вечер. Где же
Тюремщик? Эй, монах!

Г е р ц о г

Куда-то вышел.

Л у ц и о. О прелестная Изабелла! Сердце мое бледнеет при виде твоих покрасневших от слез очей. Ах, терпи! Меня самого посадили на сухоядение: овсянка и вода — мой обед и ужин. Ради своей головы я не смею набить себе брюха: одна сытая трапеза — и я пропал! Но я слышал — завтра возвращается герцог. Клянусь честью, Изабелла, я любил твоего брата. Если бы этот полоумный герцог не прятался по углам, а сидел бы дома, брат твой остался бы жив!

Изабелла уходит.

Г е р ц о г. Сударь, герцог не поблагодарил бы вас за ваши отзывы о нем. К счастью, в них нет ни слова правды.

Л у ц и о. Монах! Ты не знаешь герцога так, как я: он бабник почище, чем ты о нем полагаешь.

Г е р ц о г. Хорошо-хорошо, вы когда-нибудь за эти слова ответите. Прощайте.

Л у ц и о. Нет, подожди. Я пойду с тобой: я тебе еще много славных историй порасскажу про герцога.

Г е р ц о г. Вы и так уже мне слишком много их рассказали. Хорошо, если в них есть правда; а если ложь — так и одна будет лишней.

Л у ц и о. Раз он меня вызывал к себе за то, что я одной девочке ребенка сделал.

Г е р ц о г. Вы действительно провинились в этом?

Л у ц и о. И как еще! Но я клятвенно отрекся от всего, а то пришлось бы мне жениться на этой прогнившей яголке!

Г е р ц о г. Сударь, ваша беседа более занимательна, чем пристойна. Прощайте.

Л у ц и о. Клянусь честью, я провожу тебя до конца улицы. А если похабные разговоры тебе не по вкусу, мы их бросим. Я вроде репейника: раз пристал — не отцеплюсь, а?

Уходят.

Сцена 4

Зал во дворце Анджело.

Входят Анджело и Эскал.

Э с к а л. Все его письма так противоречивы...

А н д ж е л о. Он пишет очень странно и несвязно. Его поступки похожи на помешательство... Молю небо, чтоб ум его не был поврежден. И почему мы должны встретить его у ворот и там сложить с себя полномочия?

Э с к а л. Не могу догадаться.

А н д ж е л о. И к чему нам вменено в обязанность за час до его приезда всенародно объявить, что все имеющие какие-нибудь жалобы на нашу несправедливость должны тут же на улице подавать свои прошения?

Э с к а л. Он объясняет это желанием сразу разобрать все жалобы, чтобы на будущее время обезопасить нас от всяких обвинений, которые таким образом теряют силу!

А н д ж е л о

Допустим. Прикажете же, прошу вас,

Все это обнародовать. Я утром
Приду к вам. Дайте также знать вельможам
И свите, чтоб готовы были к встрече.

Э с к а л

Исполню все. Прощайте.

А н д ж е л о

Доброй ночи!

Эскал уходит.

Смущен я этим... Как отупел.
Что предпринять — не знаю.

Обесчестить

Девицу — и кому? Тому, кто сам
Назначил казнь за это преступленье!
Когда бы нежная ее стыдливость
Ей не мешала свой позор открыть,
Как обличить она меня могла бы!..
Но нет, ей не позволит здравый смысл.
Мой сан таким доверьем облечен,
Что если клевета меня коснется,
Хулителя она же и погубит!
Он мог бы жить! Когда б я не боялся,
Что пылкая горячность молодая
Его заставит после отомстить
За то, что жизнь бесчестную купил он
Ценой позора. Если б был он жив!..

О, если нас покинет благодать,
Не знаем мы, как жить, чего желать!

(Уходит.)

Сцена 5

Открытое место за городом.

Входят герцог в собственном одеянии и брат Петр.

Герцог
(протягивая ему письмо)

Все эти письма после мне доставишь.

(Отдает ему письма.)

Тюремщику известен весь наш план.
Мы дело начали. Все помни точно,
И к цели неуклонно ты иди.
Но можешь ты с пути и уклониться,
Коль будет нужно. Так спеши. Ступай
Ты к Флавию; скажи ему, где я.
Дай знать Роланду, Крассу, Валентину —
Пускай к воротам вышлют трубачей.
Но Флавия сперва пришли ко мне.

Брат Петр

Я поспешу.

(Уходит.)

Входит Варрий.

Г е р ц о г

Благодарю, мой Варрий!
Ты не промедлил, что ж, идем со мной.
Еще друзья придут к нам, добрый Варрий.

Уходят.

Сцена 6

Улица около городских ворот.

Входят Изабелла и Марианна.

И з а б е л л а

Мне тягостно неправду говорить:
Я правду бы охотнее сказала.
Ведь ваше дело — обвинять его.
Но так мне посоветовал наш друг:
Он говорит, что это нужно делу.

М а р и а н н а

Послушайте его.

И з а б е л л а

Еще сказал он,
Что если вдруг он станет говорить
Против меня, чтоб я не удивлялась,
Что это будет горькое лекарство,
Но приведет нас к сладкому концу.

М а р и а н н а

Ах, если бы брат Петр скорей пришел...

И з а б е л л а

Тсс, вот и он.

Входит б р а т П е т р.

Б р а т П е т р

Скорей, скорей идемте! .

Я вам нашел удобное местечко:

Не сможет герцог не заметить вас.

Уже два раза трубы протрубили,

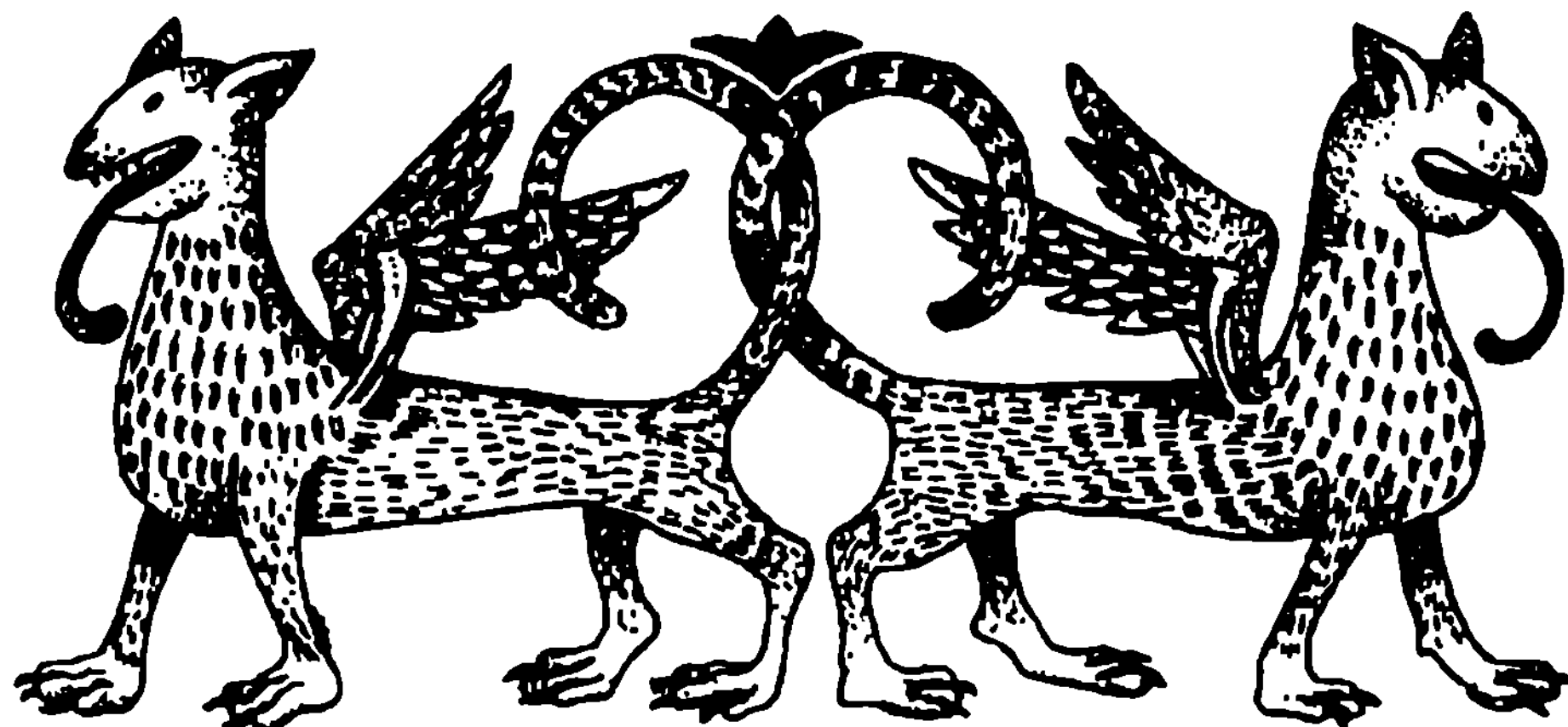
Вельможи все и власти городские

Ждут у ворот — с минуты на минуту

В них вступит герцог. Поспешим туда.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Площадь около городских ворот.

М а р и а н н а под покрывалом; И з а б е л л а и б р а т П е т р в отдалении.
Входят с одной стороны герцог, Варрий, придворные;
с другой — Анджело, Эскал, Луцио, тюремщик,
стража, горожане.

Г е р ц о г
(к Анджело)

Достойный брат! Привет мой — в добрый час!
(Эскалу.)
Мой старый друг! Как рад тебя я видеть!

А н д ж е л о и Э с к а л
С счастливым возвращеньем, ваша светлость!

Г е р ц о г
Обоим вам — от сердца благодарность.
Я сведенья имел о вас и слышал

Похвал так много вашему правленью,
Что всенародно вас благодарю,
Впоследствии ж вознагражу достойно.

А н д ж е л о

Тем более я чувствую свой долг.

Г е р ц о г

Заслуги ваши громко говорят.
Скрыв их в душе, несправедлив я был бы.
Они достойны в медных письменах
Найти приют надежный, чтоб его
Не тронули ни ржавчина времен,
Ни вымарки забвенья. Дайте руку:
Пусть видит наш народ, как внешней лаской
Я выражаю внутреннее чувство.
Эскал! Тебе даю другую руку:
Вы оба мне — надежная опора.

Брат Петр и Изабелла выходят вперед.

Б р а т П е т р

Пора! Смелее, говорите громче.
Да встаньте на колени!

И з а б е л л а

Правосудья,
Великий государь! Склоните взор

К поруганной — о, я сказала б — деве,
Когда бы смела! О великий герцог!
Не опозорьте взгляда своего,
Взирая на другой предмет, пока
Вы жалобы не примите моей.
Молю я правосудья! Правосудья!

Г е р ц о г

В чем ваша жалоба? Кто вас обидел?
Короче. Вот граф Анджело: ему
Все расскажите смело. Правосудье
В его руках.

И з а б е л л а

Великий государь!
Вы дьяволу мне каяться велите?
Нет, выслушайте сами, что скажу вам:
Меня сурово покарайте, если
Вы не поверите моим словам,
Иль за мою обиду отомстите.
О, выслушайте, выслушайте только.
Вот здесь же выслушайте...

А н д ж е л о

Государь!

Боюсь, она повреждена в уме.
Она меня за брата умоляла —

Его ж приговорил недавно к смерти
Правдивый суд.

И з а б е л л а
Правдивый суд! О боже!

А н д ж е л о
И вот слова ее горьки и странны...

И з а б е л л а
Да, очень странны, но зато правдивы.
Что Анджело клятвопреступник — это ль
Не странно? Анджело — прелюбодей,
Насильник девичий и лицемер —
Ведь это странно? Странно?

Г е р ц о г
Да, стократ.

И з а б е л л а
Но это так же верно, как и странно.
Да, так же верно, как и то, что он —
Граф Анджело. Стократ все это верно:
Ведь правда будет правдой до конца,
Как ни считай.

Г е р ц о г
Несчастную возьмите:
В ней говорит расстроенный рассудок.

**Женский костюм (базельский) XV-XVI веков. Художник
Ганс Гольбейн Младший**

И з а б е л л а

О государь! Молю: коль веришь ты,
Что есть блаженство кроме этой жизни,
Не отвергай меня под впечатленьем,
Что я безумна. Не считай, молю,
Невероятности за невозможность.
Возможно ведь, чтоб самый худший в мире
Злодей казался честным, скромным, строгим,
Как Анджело, и Анджело возможно
При всем величье, титулах и сане
Быть сверхзлодеем. Верь мне, государь!
Когда он не злодей, то он ничто.
Он больше чем злодей, когда б могла я
Найти еще слова, чтоб зло клеймить.

Г е р ц о г

Клянусь, когда помешана она,
Как кажется и мне, — ее безумье
В одежду разума облечено.
Такую связь в словах и мыслях редко
Находим у безумных.

И з а б е л л а

О, не надо!
Не повторяйте этих слов: не надо
Меня безумной звать из-за того,
Что показалось вам невероятным.

Но лучше разум свой заставьте вы
На свет из тайников всю правду вызвать
И ложь прогнать, что притворилась правдой.

Г е р ц о г

Я знаю многих и вполне здоровых,
В которых разума гораздо меньше.
Что ж хочешь ты сказать мне?

И з а б е л л а

Брат мой Клавдио

Приговорен был графом к смертной казни
По обвинению в прелюбодеянье.
В тот монастырь, где я была белицей,
Брат некоего Луцио прислал...

Л у ц и о

Я самый — Луцио, если ваша светлость
Мне разрешит... Я к ней пришел от Клавдио —
Просить пойти и вымолить у графа
Помилованье брату.

И з а б е л л а

Так и было.

Г е р ц о г
(к Луцио)

Вам говорить никто не поручал.

Л у ц и о

Да, ваша светлость, но ведь и молчать
Мне не велели.

Г е р ц о г

Но теперь велю,
Заметьте! А когда вам говорить
Придется за себя, молитесь богу
Послать вам нужные слова.

Л у ц и о

Ручаюсь!

Г е р ц о г

Вы за себя ручаетесь, смотрите.

И з а б е л л а

Он за меня кой-что уж рассказал.

Л у ц и о

Так, правильно.

Г е р ц о г

Да. Правильно, быть может.
Неправильно, что говорить беретесь,
Пока вас не просили!— Продолжайте.

И з а б е л л а

И я пошла к преступному злодею
Наместнику...

Г е р ц о г

Вот это бред безумной!

И з а б е л л а

Простите, но слова подходят к делу.

Г е р ц о г

Опять звучит разумно. Дальше. К делу.

И з а б е л л а

Короче, чтоб не тратить лишних слов,
Рассказывая, как я убеждала,
Как плакала, молила на коленях,
Как он отказывал, что отвечала, —
Все это слишком длинно, я начну
С позорного конца, о чем мне стыдно
И больно говорить: он предложил мне
Отдать на жертву похоти его
Мою невинность, девственное тело
И тем купить освобожденье брата.
Боролась долго я, но наконец
Любовь сестры взяла над честью верх!
Я отдалась ему. И в то же утро,

Достигнув цели, он послал приказ
Казнить его.

Г е р ц о г
Весьма правдоподобно!

И з а б е л л а
Не столь правдоподобно все, как верно.

Г е р ц о г
Клянусь я небом, жалкое создание,
Не знаешь ты сама, что говоришь.
Иль ты подкуплена, чтоб очернить
Честь графа злобным вымыслом. Во-первых,
Он выше подозрений, во-вторых,
Невероятно, чтобы он так строго
Карал порок, в котором сам виновен.
Будь грешен он — грех брата твоего
Он мерил бы своею мерой
И к смерти бы его не присудил.
Но ты подучена. Скажи всю правду,
Сознайся прямо, по чьему совету
Ты с жалобой пришла?

И з а б е л л а
И это все?
О силы неба! Дайте мне терпенья,

Но час придет, тогда разоблачите
Злодейство, что защиту здесь нашло.

(Герцогу.)

Избавь вас бог от горя, я ж уйду,
Оскорблена и предана стыду.

Г е р ц о г

Ты рада бы уйти, я знаю. Стража!
В тюрьму ее! Ужели мы позволим
Чернить того, кто близок нам и дорог,
Дыханьем ядовитой клеветы?
Здесь заговор! Сознайся же, кто знал,
Что ты идешь сюда?

И з а б е л л а

Знал человек,
Кого я здесь хотела б очень видеть.
Отец Людовик!

Г е р ц о г

А, отец духовный?
Кто знает этого монаха?

Л у ц и о

Я!

Я, ваша светлость! Вот монах-проныра!
Я не люблю его. Когда б не ряса,

Давно бы я его отколотил
За речи те, что против вас он вел.

Г е р ц о г

Как — против нас? Хорош монах, однако!
И эту злополучную настроил
Против наместника? Сыскать монаха!

Л у ц и о

Еще вчера я видел их в тюрьме —
Ее с монахом. Пребесстыжий малый,
Нахал монах!

Б р а т П е т р
(подходя)

Мир вам, мой государь!
Я слышал, как обманывали здесь
Ваш августейший слух. Все ложь! Во-первых,
Особа эта ложно обвиняет
Наместника: он так же неповинен
В сношеньях грешных с нею, как она
В связи с младенцем нерожденным.

Г е р ц о г

Верю.

А вам известен ли отец Людовик?

Б р а т П е т р

Как человек святой и чистой жизни,

Он вовсе не пронырлив, не нахален,
Как утверждает этот дворянин.
И честью вам ручаюсь: никогда
Не стал бы он позорить вашу светлость.

Л у ц и о

Позорил гнусным образом, поверьте.

Б р а т П е т р

Ну, хорошо!.. Со временем он сам
Сумеет оправдаться, но сейчас
В горячке он лежит, мой государь.
И по его-то просьбе, — так как он
Узнал, что будет жалоба на графа, —
Я и пришел, чтоб от его лица
Вам рассказать, что правда и что ложь.
Он все готов присягой подтвердить
И доказательства всему представить.

(Указывая на Марианну.)

Сперва об этой женщине. Чтоб снять
С достойного вельможи обвиненье
Позорное, мы обличим другую
Во лжи: во всем придется ей сознаться.

Изабеллу уводит стража. Марианна приближается.

Г е р ц о г

Граф Анджело, ну не смешно ль вам это?

Как велика глупцов несчастных дерзость!
Подайте нам сиденья. Добрый брат мой,
Я здесь хочу остаться беспристрастным,
Вы сами будете своим судьей.
Пускай она лицо сперва откроет,
Потом уж говорит.

М а р и а н н а

Мой государь!
Простите, но лица я не открою,
Пока мне не прикажет мой супруг.

Г е р ц о г

Вы замужем?

М а р и а н н а

Нет, государь.

Г е р ц о г

Девица?

М а р и а н н а

Нет, государь.

Г е р ц о г

Вдова?

М а р и а н н а

Нет, государь.

Г е р ц о г

Так что же вы такое, если вы
Не женщина, не дева, не вдова?

Л у ц и о. Ваша светлость, она, может быть, потаскушка —
ведь большая часть из них ни замужние, ни девушки, ни
вдовушки.

Г е р ц о г

Заставьте замолчать его! Придется
Довольно за себя ему болтать.

Л у ц и о

Я повинуюсь, государь!

М а р и а н н а

Я, признаюсь, не замужем, но также
Я признаюсь, что не девица я.
Познала мужа я, но муж не знает,
Что он меня познал.

Л у ц и о. Значит, он был пьян, государь: иного быть не
может.

Г е р ц о г. Жаль, ты не пьян, — быть может, ты молчал бы.

Л у ц и о

Я повинуюсь, государь!

Г е р ц о г

Но что ж здесь в пользу графа говорит?

М а р и а н н а

Сейчас я и до этого дойду.
Та, кто его в разврате обвиняла,
В том обвиняла моего супруга.
Притом она указывала время,
Когда его в объятьях я держала
Со всей любовью. В этом дам присягу.

А н д ж е л о

А, так она другого обвиняла,
А не меня!

М а р и а н н а

Нет, не другого граф.

Г е р ц о г

Но вы сказали — вашего супруга?

М а р и а н н а

Да, государь! И Анджело — супруг мой.
Он думает, что он меня не знал,
Но знает он, он знает
Изабеллу!

А н д ж е л о

Что тут за обман?
Открой лицо!

М а р и а н н а

Когда велит супруг,
Откроюсь я.

(Снимает покрывало.)

Вот, Анджело жестокий,
Вот то лицо, которое — ты клялся —
Достойно восхищенья твоего.
Вот та рука, которую сжимал ты,
Произнося обет. Вот я сама:
Я отняла тебя у Изабеллы.
Да! Я с тобой была в беседке ночью
Под видом той, кого воображал ты.

Г е р ц о г
(к Анджело)

Вы с ней знакомы?

Л у ц и о
Даже очень тесно,
Как говорит она!

Г е р ц о г
Довольно, сударь!

Л у ц и о
Я повинуюсь, государь!

А н д ж е л о

Мой государь! Я должен вам признаться,
Я с ней знаком. Лет пять тому назад
Шла даже речь о браке между нами.
Но дело это разошлось: отчасти
Из-за того, что не могли за ней
Приданого обещанного дать,
Но главное — пошла молва худая
О легкомыслии ее... С тех пор
Пять лет уже я с ней не говорил,
Ее не видел и о ней не слышал.
Клянусь вам честью.

М а р и а н н а
(на коленях)

Благородный герцог!
Как верно то, что свет с небес нисходит,
Что речь идет от слов, что в правде — разум,
А правда — в добродетели живет,
Так верно то, что я его жена,
Коль что-нибудь обет священный значит.
И, государь, в прошедший вторник ночью
Я с ним была в его садовом доме,
И как жену он там меня познал.
Раз это правда — невредимой встану
С колен. А если нет — навеки здесь,
Как памятник из мрамора, застыну.

А н д ж е л о

Я до сих пор ее с улыбкой слушал.
Но, государь, теперь прошу, позвольте
Начать мой суд. Терпенья больше нет.
Я вижу, что какой-то сильный враг

Немецкий солдат XV-XVI веков. Рисунок неизвестного художника

Избрал орудьем бедных, глупых женщин
И подослал их. Государь, позвольте
Мне заговор распутать?

Г е р ц о г

О, всем сердцем.

Карайте их, как вам угодно будет.
Ты, глупый ты монах. И ты, злодейка,
Сообщница той, прежней! Неужели
Вы думали, что ваших клятв довольно,
Хоть всех святых сюда с небес сведите,
Чтобы превысить славу и заслуги
Того, кто облечен моим доверьем?
Эскал! Прошу, будь вместе с ним судьей
И помоги разоблачить коварство,
Найдя его исток. Другой монах
Замешан тут. Послать за ним немедля.

Б р а т П е т р

Да, если бы он мог сюда прийти...
Он с жалобой направил этих женщин.
Тюрьмы начальник знает, где живет он:
Пускай пойдет за ним.

Г е р ц о г
(тюремщику)

Сыскать скорее.

Тюремщик уходит.

(К Анджело.)

А вы, мой верный, благородный брат,
Расследуйте все дело до конца.

За нанесенное вам оскорбление
Карайте как угодно. Я на время
Покину вас, но не сходите с места,
Пока не разберете клеветы.

Э с к а л

Со всем усердьем разберем мы дело.

Герцог уходит.

Э с к а л. Господин Луцио! Вы, кажется, говорили, что знаете этого отца Людовика как бесчестного человека?

Л у ц и о. “Cucullus non facit monachum”¹. Честного в нем только его ряса. Он вел самые непристойные речи про нашего герцога.

Э с к а л. Мы попросим вас остаться здесь до его прихода и подтвердить ваши обвинения в очной ставке с ним. Этот монах, верно, окажется опасной личностью.

Л у ц и о. Даю слово, что другого такого во всей Вене не найти.

Э с к а л (одному из слуг). Привести сюда эту Изабеллу. Мне надо еще с ней поговорить.

Слуга уходит.

Позвольте мне ее допросить, граф! Вы увидите, как я с ней управляюсь.

Л у ц и о. Не лучше, чем он, если верить ее словам.

1 “Клобук еще не делает человека монахом!” (Лат.)

Э с к а л. Что вы сказали?

Л у ц и о. Я думаю, если вы будете управляться с ней наедине, то она скорее покается: при всем народе ей стыдно будет.

Э с к а л. А вот я на нее напущу темноту.

Л у ц и о. Так и надо: женщины в темноте податливей.

Входит стража с Изабеллой.

Э с к а л (Изабелле). Пожалуйте-ка сюда, сударыня. Вот эта особа опровергает все, что вы сказали.

Л у ц и о. Ваша милость, вот этот самый проходимец, о котором я говорил, он идет с тюремщиком.

Э с к а л. Очень кстати. Не вступайте с ним в разговоры, пока вас не вызовут.

Л у ц и о. Молчу.

Входят герцог, переодетый монахом,
и тюремщик.

Э с к а л. Отвечайте, это вы подучили этих женщин оклеветать графа? Они сознались, что сделали это по вашему наущению.

Г е р ц о г. Это ложь!

Э с к а л. Что? Да знаете ли вы, где находитесь?

Г е р ц о г

Почтенье месту! Иногда и дьявол
За огненный престол свой тоже чтится.
Где герцог? С ним хочу я говорить.

Э с к а л

В н а с герцог ныне. Мы вас будем слушать.
Смотрите ж, говорите только правду.

Г е р ц о г

По крайней мере смелым буду я.
О бедные создания! Как же вы
Пришли искать ягненка у лисицы?
Прощай же, справедливость! Государя
Здесь нет, — тогда пропало ваше дело.
Несправедливо герцог поступил,
Отдавши вас во власть тому злодею,
Которого пришли вы обвинять.

Л у ц и о

Он, он — подлец. О нем и говорил я!

Э с к а л

Что, непочтительный монах, безбожник?
Довольно, что настроил этих женщин
Ты клеветать на честного вельможу,
А ты еще в глаза и всенародно
Его злодеем смеешь обзывать?
А герцога назвать несправедливым
Осмелился? Схватить его! На пытку!
Да из него мы вытянем все жилы,

Пока он не признается во всем.
Несправедлив наш герцог!..

Г е р ц о г

Не так пылко!

Меня не смеет тронуть пальцем герцог,
Как самого себя пытаться не стал бы.
Ведь я не подданный его, не здешний,
Но в Вене часто по делам бываю
И, наблюдая, вижу развращенье,
Что здесь кипит и хлещет через край.
Законы есть для каждого проступка,
Но все проступки властью так терпимы,
Что все законы строгие висят,
Как список штрафов в лавке брадобрея
На посмеянье людям!

Э с к а л

Позорит он правительство! В тюрьму!

А н д ж е л о

Что можете сказать о нем вы, Луцио?
Он тот и есть, о ком вы говорили?

Л у ц и о. Он самый и есть, ваша светлость!— Поди-ка сюда, приятель, бритая башка. Узнаешь ты меня?

Г е р ц о г. Узнаю по голосу, сударь! Я встречал вас в тюрьме в отсутствие герцога.

Л у ц и о. А, вот как! И помнишь ты все, что говорил про герцога?

Г е р ц о г. Очень хорошо помню.

Л у ц и о. А, так, значит, правда, что герцог бабник, дурак и трус, как ты его тогда аттестовал?

Г е р ц о г. Нам надо сперва поменяться с вами ролями: это вы тогда так отзывались о нем. И много худшего еще говорили.

Л у ц и о. Я? Ах ты, проклятый монах! Да разве я тогда не оттащал тебя за нос за твои предрезности?

Г е р ц о г

Нет. Я клянусь, что герцога люблю,
Как самого себя!

Л у ц и о. Слышите, как этот негодяй отрекается от своих изменнических ругательств?

Э с к а л. С таким человеком нечего долго разговаривать. В тюрьму его! Где ж тюремщик? В тюрьму его! Наложить на него кандалы! Нечего еще его слушать. Да и этих, негодниц, с их другим сообщником, туда же!

Тюремщик накладывает на герцога руку.

Г е р ц о г

Остановитесь, сударь, подождите!

А н ж д е л о. Как! Он сопротивляется! Луцио, помогите ему!

Л у ц и о. Пойдем-пойдем, приятель, нечего. Эх ты, бритый, лысый лгун! Как закутался! Стыдно показать свою богопротивную морду? Чума на тебя! Открой свою хищную обра-

зину да и ступай повиси часок-другой. Что, не желаешь? (*Срывает капюшон с герцога.*)

Г е р ц о г

Ты первый, негодяй, кому пришлось
Монаха сделать герцогом.

Тюремщик указывает на Петра, Марианну и Изабеллу.

Их всех троих беру я на поруки.

(*К Луцио.*)

Куда, куда? Оставайтесь. Вам с монахом
Сказать придется слово!— Взять его!

Л у ц и о

Ну, тут похуже виселицы будет...

Г е р ц о г
(*Эскалу*)

Тебе прощаю я твои слова.
Садись. Ну, а себе его попросим
Мы место уступить.

(*К Анджело.*)

Позвольте, сударь...

(*Садится.*)

Найдется ль у тебя довольно слов,
Достаточно ума или бесстыдства,
Которые могли б тебе помочь?
Коль есть — на них надейся лишь, пока

Всего я не открою, а тогда —
Покинь надежду.

А н д ж е л о

Грозный государь!
Виновнее моей вины я был бы,
Храня надежду быть не обличенным,
Когда узнал, что вы, как божий суд,
В дела мои проникли. Государь!
Не длите же позора моего.
Примите за допрос мое признание:
Судите и приговорите к смерти.
Вот милость, о которой я прошу.

Г е р ц о г

Марьяна! Подойдите.— Говори:
Ты был с ней обручен?

А н д ж е л о

Да, государь!

Г е р ц о г

Ступай и обвенчайся с ней немедленно.

(Петру.)

Святой отец! Свершите вы обряд
И возвратитесь с ними; вы, надсмотрщик,
Сопровождайте их.

Анджело, Марианна, брат Петр и тюремщик уходят.

Э с к а л

Мой государь!

Позором графа я смущен сильнее,
Чем странностью всего, что происходит.

Г е р ц о г

Приблизьтесь, Изабелла! Духовник ваш
Теперь ваш герцог. Но — как и тогда
Служил вам поученьем и советом —
С одеждою я сердца не сменил
И предан вам, как прежде.

И з а б е л л а

О, простите,

Мой государь, что утруждать я смела
Величие неузнанное ваше!

Г е р ц о г

Вы прощены. Но, милое дитя,
И вы меня простите. Знаю я,
Смерть брата вашего гнетет вам сердце.
Вы удивляетесь, зачем скрывался,
Когда бы мне лишь стоило открыться,
Чтобы его спасти? Зачем я медлил?
О, милая, виной поспешность казни:
Она свершилась раньше, чем я думал,
И замыслы разрушила мои.

**Женский костюм (базельский) XV-XVI веков. Художник
Ганс Гольбейн Младший**

Но мир ему. Он нынче в вечной жизни,
Где страха смерти нет. Она прекрасней,
Чем жизнь под страхом смерти на земле.
Утешьтесь же: он счастлив!

И з а б е л л а

Да, я знаю.

Входят Анджело, Марианна, брат Петри тюремщик.

Г е р ц о г

Вот новобрачный.

(Изабелле.)

Он вас оскорбил
Разнузданным своим воображеньем.
Его простите — ради Марианны.
Но так как брата вашего казнил он,
Виновным он является вдвойне.
Он честь невинной девы опозорил
И не исполнил данного ей слова —
Ценою этой брата пощадить!
И самый милосерднейший закон
Взывает громко к нам его ж словами:
“За Клавдио — наместник, смерть за смерть!”
Всегда ведь отвечает гневу — гнев,
Любви — любовь; так по его примеру
И воздадим мы мерою за меру.—
Открылась, Анджело, твоя вина;

Ты отрицать ее уже не можешь.
Тебя казнят на той же самой плахе,
Что Клавдио, и с той же быстротой.
Казнить его!

М а р и а н н а

О добрый герцог!
Ужель в насмешку вы мне дали мужа?

Г е р ц о г

Нет, он в насмешку вашим мужем стал!
Решил я вашу честь восстановить
И счел необходимым обвенчать вас,
Иначе то, что он вас опозорил,
Могло бы жизнь испортить вам в дальнейшем
И счастьем помешать в союзе новом.
Его богатства все хоть по закону
Отходят к нам, но мы их отдаем
Как вдовью долю вам. Они вам купят
И лучшего супруга.

М а р и а н н а

Добрый герцог!
Иного, лучшего я не прошу!

Г е р ц о г

И не просите: твердо я решил.

М а р и а н н а

Кротчайший государь...

(Становится на колени.)

Г е р ц о г

Мольбы напрасны!

Взять и казнить его.

(К Луцио.)

Теперь вы, сударь!

М а р и а н н а

О государь!— Друг нежный, Изабелла!
Со мною вместе преклони колена,
И буду я тебе служить всю жизнь.

Г е р ц о г

Вы просите рассудку вопреки:
Когда б она за Анджело молила,
Дух брата встал бы с каменного ложа
И ужасом убил ее.

М а р и а н н а

О друг мой!

О Изабелла! Только преклони
Со мной колена рядом, только руки
Воздень безмолвно — и не говори,
Я все скажу. Ведь праведником часто
Становится раскаявшийся грешник.

Кто не грешил — не каялся. Быть может,
Раскается и муж мой? Изабелла!
Ужель не склонишь за меня колен?

Г е р ц о г

За Клавдио смерть. Умрет он.

И з а б е л л а
(Опускается на колени.)

Государь!

Судите вы преступника, как будто
Мой брат был жив. Я думаю, — я верю, —
Что искренним в своих делах он был,
Пока меня не встретил. Если так,
Оставьте жизнь ему. Брат мой погиб
За ту вину, которую свершил,
Но Анджело...
Намеренья он злого не исполнил,
И так оно намереньем осталось.
Намеренье, погибшее в пути,
Пускай и похоронено там будет.
Намеренья — ведь это только мысли...

М а р и а н н а

О, только мысли.

Г е р ц о г

Просьбы бесполезны.

Довольно, встаньте.—Вспомнил я еще...
Надсмотрщик, почему казнен был Клавдио
В час неурочный?

Т ю р е м щ и к

Мне был дан приказ.

Г е р ц о г

Как? Письменный приказ вы получили?

Т ю р е м щ и к

Нет, частным образом — приказ изустный.

Г е р ц о г

Вы должности лишаетесь за это.
Отдать ключи!

Т ю р е м щ и к

Простите, сам я думал,
Что тут ошибка, но уверен не был.
Я пожалел об этом, поразмыслив,
И вот вам доказательство: в тюрьме
Есть заключенный. Должен был его
Казнить я по словесному приказу —
Я не казнил его.

Г е р ц о г

Кто он такой?

Т ю р е м щ и к

Преступник Бернардин.

Г е р ц о г

Хотел бы я,
Чтоб с Клавдио ты так же поступил.
Сходи за ним: его хочу я видеть.

Тюремщик уходит.

Э с к а л
(к Анджело)

Как я скорблю, что человек такой
Ученый, мудрый, Анджело, как вы,
Мог погрешить так грубо — вспышкой страсти,
А после недостатком разума.

А н д ж е л о

Как я скорблю, что скорбь вам причинил.
Скорбь так сильна в раскаявшемся сердце,
Что жажду я не милости, а смерти.
Я заслужил ее: о ней прошу.

Входят тюремщик, Бернардин, Клавдио, закутанный в плащ,
и Джульетта.

Г е р ц о г

Который Бернардин?

Т ю р е м щ и к

Вот, государь.

Г е р ц о г

Один монах мне говорил о нем.

(Бернардину.)

Я слышал, ты душой так огрубел,
Что дальше этой жизни ты не видишь,
И так и действуешь. Ты осужден,
Но на земле грехи твои прощаю.
Воспользуйся же милостью такой,
Чтоб лучшей жизни стал и ты достоин.

(Брату Петру.)

Отец! Его наставьте вы: вам в руки
Я отдаю его. А это кто же?

Т ю р е м щ и к

Еще один спасенный мною узник.
Он с Клавдио был должен умереть,
И на него похож, как на себя.

(Открывает лицо Клавдио.)

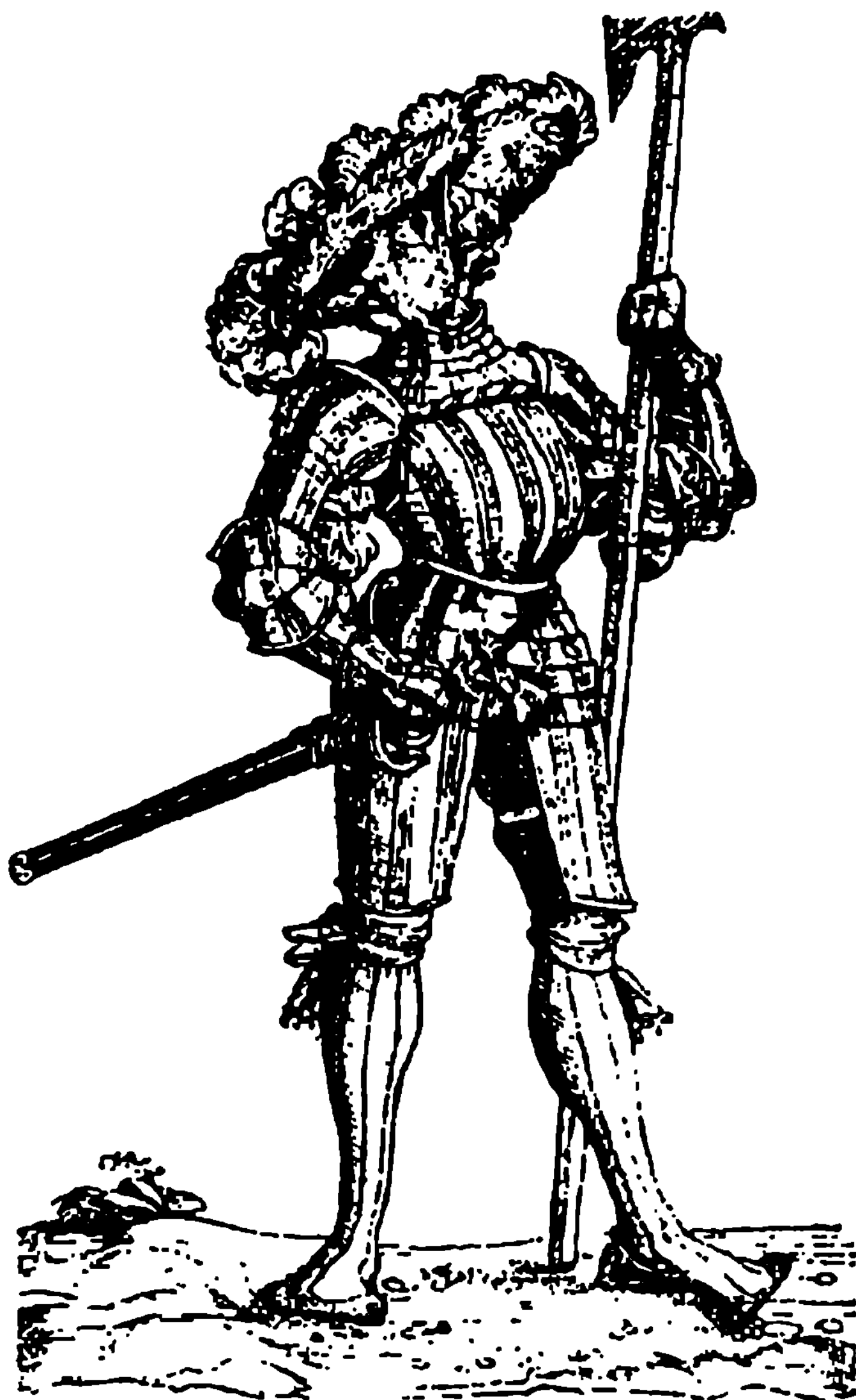
Г е р ц о г

(Изабелле)

Коль он на брата вашего похож,
Мы ради этого ему прощаем!
А вас прошу — свою мне дайте руку,

Скажите мне, что будете моей.
Он братом станет мне. Об этом после.
Но Анджело увидел луч надежды —

Немецкий солдат XV-XVI веков. Рисунок неизвестного художника

Сдается мне, глаза его блеснули...
Так, Анджело. Ваш грех вам отплатил
Добром. Любите же свою жену.
Ее цена пусть вам придаст цены.

Я чувствую потребность всем прощать.
Но есть один, кому простить нет силы.

(К Луцио.)

Так я, по-вашему, глупец и трус,
Распутник, и невежда, и безумец?
Скажите, что такого я вам сделал,
Чтоб вы могли меня так поносить?

Луцио. По правде говоря, государь, просто я болтал так, в шутку. Если вы желаете меня за это повесить, вы имеете полное право, но я бы предпочел, чтобы вам было благоугодно меня выпороть.

Герцог

Да, выпороть сперва, потом повесить.
Пускай везде глашатаи объявят,
Что, если только девушка найдется,
Которую сгубил распутник этот,
Пусть явится: он женится на ней.
(Он сам мне говорил, что есть одна,
Которую оставил он с ребенком.)
Как обвенчается — тогда его
Пусть выпорют, а уж потом повесят.

Луцио. Умоляю вашу светлость, не жените меня на потаскушке. Вы только что сказали, что я вас сделал герцогом, — неужели вы за это оплатите мне тем, что сделаете меня рогоносцем?

Г е р ц о г

Ты женишься, клянусь моею честью,—
Тогда тебе прощу я, так и быть,
И клевету и все грехи. В тюрьму
Пока, и все исполнить, как велел я.

Л у ц и о. Женильба на гулящей девке, государь! Да это
хуже смерти, порки, виселицы...

Г е р ц о г

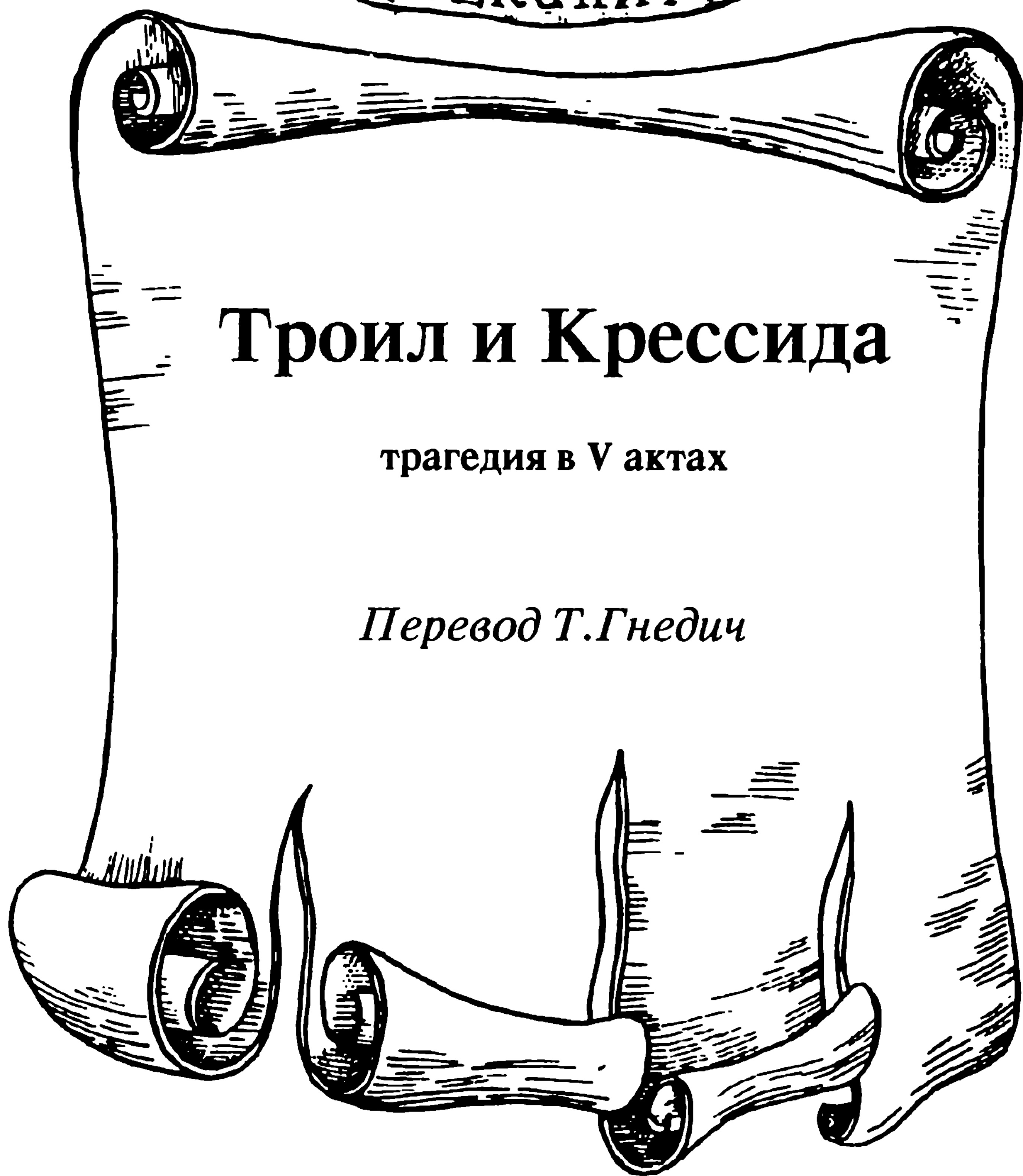
Хула на государя заслужила
Подобной кары.— Клавдио, ты честь
Своей невесте должен возвратить.—
Тебе, Марьяна, радости желаю.—
Да, Анджело, люби ее. Я был
Ее духовником и добродетель
В ней оценил.— Тебя, Эскал мой добрый,
Благодарю за доблесть доброты:
В дальнейшем жди награды по заслугам.—
А вас, надсмотрщик, за заботы ваши,
За верность тайне я благодарю:
На лучший пост я вскоре вас назначу.—
Ты, Анджело, прости ему обман,—
Тебе принес он голову пирата,
Такой обман прощает сам себя.—
Мою ты просьбу знаешь, Изабелла!
Она ко благу твоему клонится.

И если только я тобой любим,
Будь все мое — твоим, твое — моим.
Идем к дворцу. Там мне открыть уместно
Все, что досель вам было неизвестно.

Уходят.

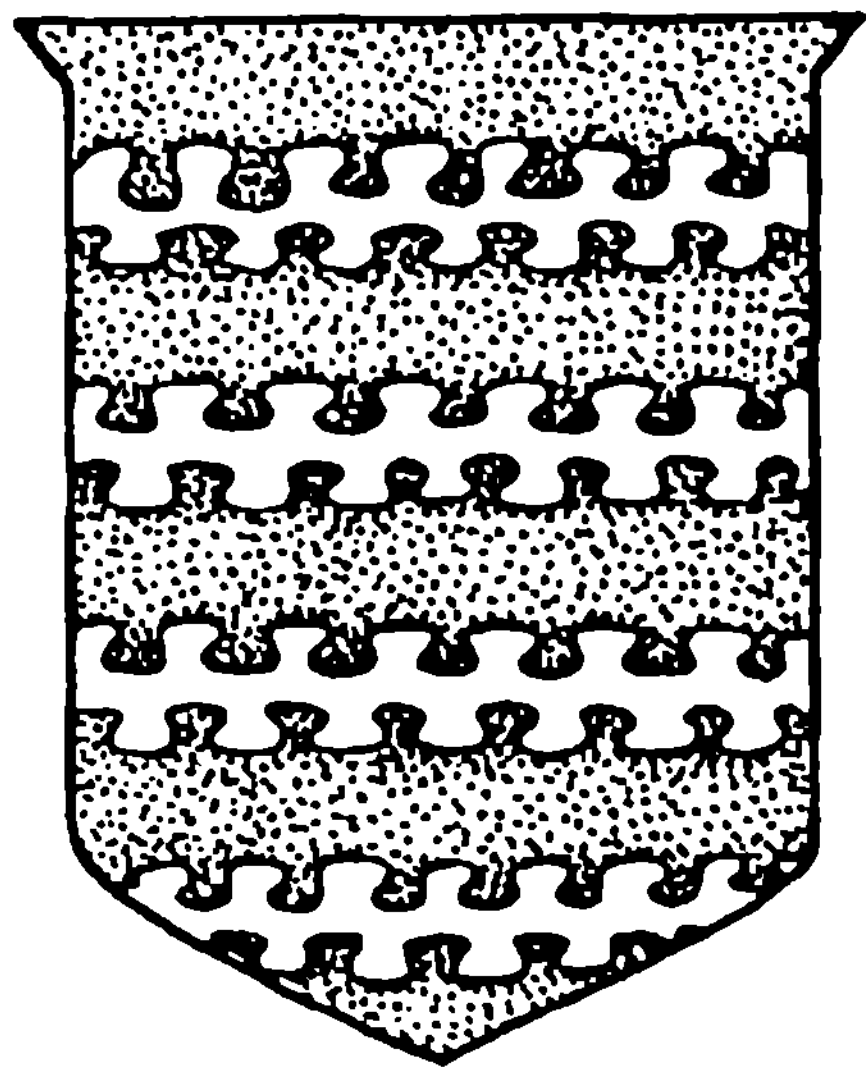

Троил и Крессида

трагедия в V актах

Перевод Т.Гнедич

Действующие лица

П р и а м, царь троянский.

Г е к т о р

Т р о и л

П а р и с

Д е и ф о б

Г е л е н

сыновья Приама.

М а р г а р е л о н, побочный сын Приама.

Э н е й

А н т е н о р

троянские

вожди.

К а л х а с, троянский жрец, сторонник греков.

П а н д а р, дядя Крессиды.

А г а м е м н о н, греческий полководец.

М е н е л а й, брат его.

А х и л л

А я к с

Н е с т о р

Д и о м е д

П а т р о к л

греческие вожди.

У л и с с, царь Итаки.

Т е р с и т, безобразный и непристойный грек.

А л е к с а н д р, слуга Крессиды.

М а л ь ч и к, слуга Троила.

С л у г а Париса.

С л у г а Диомеда.

Е л е н а, жена Менелая.

А н д р о м а х а, жена Гектора.

К а с с а н д р а, дочь Приама, пророчица.

К р е с с и д а, дочь Калхаса.

Троянские и греческие воины, слуги.

Место действия — Троя и греческий лагерь.

ПРОЛОГ

Пред вами Троя. Вот могучий флот
Властителей. Их непреклонный дух
Воспламенен обидою и гневом;
В Афинах приготовили они
Тьму кораблей, отлично оснащенных
Орудиями яростной войны.

Местность древней Трои

Во Фригию теперь они спешат:
Все греки поклялись разрушить Трою,
Затем что там, за крепкими стенами,
Прекрасная супруга Менелая
С красавчиком Парисом почивает.
И вот уже достигли Тенедоса.
Их глубоко сидящие суда

С военным грузом. Вот уже в долине
Дардании разбили лагерь греки,
Еще не побывавшие в боях.
Приама город высится пред ними,
И шесть его прославленных ворот
За крепкими запорами надежно
Хранят своих сынов.
И ожиданье битвы возбуждает
Драчливый пыл у греков и троянцев;
И я сюда явился перед вами
В доспехах ратных вовсе не затем,
Чтоб этим сочинителя-поэта
Или актера лучше ублажить,
Но чтобы в подобающем наряде
Вам, зрителям почтенным, объявить,
Что, пропустив начало этой распри,
Мы с середины дело поведем,
Но все покажем в пьесе — день за днем.
Нам ваши похвала и осужденье —
Как воинам успех иль поражение.

(Уходит.)

АКТ I

Сцена 1

Троя. Перед дворцом Приама.

Входят Т ро и л и П а н д а р.

Т р о и л

Где мой слуга? Снимаю я доспехи.
Как мне сражаться под стенами Трои,
Когда жестокий бой в груди моей?
Пускай любой сражается троянец,
Свободный сердцем. Я, Троил, пленен!

П а н д а р

Ужель исправить этого нельзя?

Т р о и л

Умны, искусны и отважны греки,
И хитростью, и храбростью сильны,
А я теперь слабее женских слез,

Восторженной невежд, смиренной спящих,
Трусливей девы, в темноте бредущей,
Неопытней, чем малое дитя.

П а н д а р. Ладно уж. Я довольно говорил с тобою об этом;
теперь я больше не вмешиваюсь. Помни только: хочешь до-
ждаться пирога, умей дожждаться размола!

Т р о и л. А разве я не ждал?

П а н д а р. Размола-то ты ждал, но нужно еще подождать,
пока муку просеют!

Т р о и л. А разве я не ждал?

П а н д а р. Ну, допустим, ждал; но надо же дать и тесту
взойти!

Т р о и л. Да я и этого ждал!

П а н д а р. Ну, допустим, ждал, но надо еще и пирог сде-
лать, и печь затопить, и пирог испечь, да еще и дать ему
остыть, а то можно и обжечься!

Т р о и л

Поверь мне! Даже бледное Смиренье
Страданьем не томится так, как я:
Сижу я за Приамовым столом,
А предо мной прекрасная Крессида
Является в мечтах — и я, изменник,
Изгнать ее из сердца не могу!

П а н д а р. Да, вчера вечером она была прекрасней, чем
когда-либо: прекрасней всех женщин на свете.

Т р о и л

Порою сердце у меня в груди
От скорби разрывается на части,
Но я боюсь, чтоб Гектор иль отец мой
Страданья моего не разгадали.
Как солнце в бурю освещает тучи,
Так я улыбкой прячу боль свою,
Но скорбь не скрыть веселостью притворной:
Она прорвется вновь печалью черной!

П а н д а р. Да что там говорить! Не будь ее волосы немного потемнее, чем у Елены, нельзя бы и решить, которая из них лучше. Мне, конечно, как родственнику не пристало хвалить ее, но вот если бы кто-нибудь послушал, как она говорит... Я, конечно, не отрицаю таланта сестры твоей, Кассандры, но...

Т р о и л

О, мой Пандар, Пандар! Скажу тебе,
Что я похоронил свои надежды.
Они зарыты очень глубоко.
Не трогай их, о друг мой! Я — безумец!
Когда ты говоришь: “Она прекрасна”,
Ее глаза, улыбка, нежный голос,
Ее уста и кудри возникают
В открытой ране сердца моего.
Не вспоминай ее прекрасных рук:
Все белое темнеет перед ними

И собственной стыдится черноты,
А по сравненью с их прикосновеньем
Лебяжий пух покажется грубее,
Чем пахаря корявая ладонь.
Ты прав! Ты прав: да, я ее люблю,
Но утверждение это не бальзам
Для страждущего сердца моего,
А острый нож!

П а н д а р

Я говорю лишь правду.

Т р о и л

И все же ты всей правды не сказал!

П а н д а р. Нет, клянусь, я больше не вмешиваюсь. Она такова, какова есть. Если она прекрасна, тем лучше для нее, если нет — средства похорошеть всегда у нее под рукой.

Т р о и л. Ах, добрый мой Пандар! Что же мне делать, Пандар?

П а н д а р. Я уже получил по заслугам за мое участие в этом деле: с моей стороны неприязнь, и с твоей — неприязнь. Посредничаю, посредничаю, а благодарности не вижу.

Т р о и л. Как! Ты сердишься, Пандар? На меня сердишься?

П а н д а р. Видишь ли, она мне родственница, и я не могу утверждать, что она так же хороша, как Елена, но не будь она мне родственницей, я сказал бы, что не знаю, которая лучше: Крессида и в будни хороша, а Елена — по праздникам. Впро-

чем, какое мне дело до всего этого? Да будь она черна, как мавританка, — мне все равно.

Т р о и л. Да я же и говорю, что она прекрасна!

П а н д а р. А какое мне дело до того, что ты говоришь? Дура она, что сидит в Трое: отправлялась бы лучше с отцом к грекам. Как только увижу ее, прямо об этом скажу. А впрочем — и вмешиваться не хочу и знать ничего не хочу!

Т р о и л. Пандар!

П а н д а р. Нет! И не уговаривай!

Т р о и л. Пандар, дорогой мой!

П а н д а р. Прошу тебя, не говори со мной больше об этом. Я хочу забыть об этом — и делу конец. (*Уходит.*)

Тревога.

Т р о и л

Умолкните, о мерзостные крики!
Глупцы мы все — и греки и троянцы.
Поистине Елена хороша,
Коль собственной кровью ежедневно
Ее мы подтверждаем красоту.
Но не могу сражаться я за это:
Сей довод слаб для моего меча.
Но Пандар мой!.. О боги! До чего же
Терзаете вы бедного меня!
Один лишь Пандар мне помочь способен,
Но так же он упрям и неподкупен,
Как гордая Крессида холодна.

Открой мне, Аполлон, во имя Дафны,
Которую любил ты, — что такое
Крессида, Пандар? Что мы все такое?
Как Индии жемчужина, сияет
Она в своем дому. Нас разделил
Стремительный поток — свирепый, дикий.
Я лишь купец, а храбрый мой Пандар
И лодка мне, и кормчий, и надежда!

Тревога.

Входит Эней.

Эней

Царевич, что ж ты не на поле боя?

Троил

А просто так. По-женски я ответил
И, сознаю, по-женски поступил.
Но расскажи, Эней, какие вести?

Эней

Не повезло Парису: ранен он.

Троил

Кем ранен он?

Эней

Да, слышно, Менелаем.

Троил

Парису поделом — терпи и знай:
Тебя проткнул рогами Менелай.

Тревога.

Эней

Пошла потеха! Есть где разгуляться!

Троил

А мне-то что ж? Томиться и скрываться?
Куда ты, друг? Спешешь вернуться в бой?

Эней

Спешу! Лечу!

Троил

Идем же: я с тобой!

Уходят.

Сцена 2

Там же. Входят Крессида и слуга ее Александр.

Крессида

Кто там прошел?

Александр

Гекуба и Елена.

К р е с с и д а

Куда они спешат?

А л е к с а н д р

К восточной башне.

Оттуда лучший вид на всю равнину:
Они желают битву наблюдать.
Ведь даже Гектор, терпеливый нравом,
Не выдержал сегодня, говорят:
Супругу разбранил, избил слугу
И, как усердный пахарь, до рассвета
Вскочил, надел доспехи и помчался
На поле боя. Там росой страха
Покрылись нынче все цветы и травы,
Пророчески оплакивая беды,
Которые несет с собою многим
Гнев Гектора.

К р е с с и д а

Но чем же он разгневан?

А л е к с а н д р

Да слух идет, что есть у греков воин
Троянской крови, Гектора племянник,
По имени Аякс...

К р е с с и д а .

Ну, дальше что?

Крессида. С картины Эдуарда Пойнтера

А л е к с а н д р

Он, говорят, силач непревзойденный;
Такого с ног не свалишь.

К р е с с и д а. Ну, таковы все мужчины, если они не пьяны, не больны и не безноги.

А л е к с а н д р. Но этот, госпожа, у многих животных позаимствовал присущие им свойства; он храбр как лев, груб как медведь, медлителен как слон; это человек, в котором природа все нагромодила; его доблесть доходит до глупости, а глупость приправлена рассудительностью. В нем есть и проблески всех добродетелей, и задатки всех пороков. Он и грустит и веселится беспричинно: все у него шиворот-навыворот, все ему дано и все не к месту. Он как бы Бриарей, заболевший подагрой: рук много, а толку мало, или как бы ослепший Аргус: глаз уйма, а ничего не видят.

К р е с с и д а. Но у меня такой человек вызывает только улыбку. Чем же он так рассердил Гектора?

А л е к с а н д р. Да говорят, что вчера он во время боя сбил Гектора с ног; а это уж такой позор, такой стыд, что Гектор с тех пор не спит и не ест.

Входит **П а н д а р.**

К р е с с и д а. Кто там?

А л е к с а н д р. Дядюшка ваш Пандар, госпожа.

К р е с с и д а. Гектор — храбрый человек.

А л е к с а н д р. Самый храбрый в мире, госпожа.

П а н д а р. О чем речь? О чем речь?

К р е с с и д а. С добрым утром, дядюшка Пандар!

П а н д а р. С добрым утром племянница! О чем вы тут толкуете?— Здравствуй, Александр.— Ну как ты живешь, племянница? Когда ты была в Илионе?

К р е с с и д а. Сегодня утром, дядюшка.

П а н д а р. Ну так о чем же вы толковали, когда я вошел? Что, Гектор уже был в бою, когда ты явилась в Илион? А как Елена? Еще не вставала?

К р е с с и д а. Гектора уже не было, а Елена еще не вставала.

П а н д а р. Еще бы: Гектор-то поднялся рано!

К р е с с и д а. Об этом мы и толковали, и еще о том, как он был разгневан.

П а н д а р. А разве он был разгневан?

К р е с с и д а. Да вот он говорит.

П а н д а р. А ведь правда был! Я даже и причину его гнева знаю. Ну уж скажу вам: будет он сегодня все вокруг себя крушить, да и Троил от него не отстанет, и Троила нужно побаиваться, уж будьте уверены!

К р е с с и д а. Как! Разве он тоже разгневан?

П а н д а р. Кто? Троил? Да Троил еще почище Гектора!

К р е с с и д а. Юпитер! Между ними и сравнения быть не может!

П а н д а р. Как! Не может быть сравнения между Троилом и Гектором? Да как ты можешь судить о человеке с первого взгляда?

К р е с с и д а. А если взгляд не первый? Если я его раньше знала?

П а н д а р. Ну, словом, Троил есть Троил.

К р е с с и д а. Так ведь ты повторяешь мои слова: и я уверена, что он не Гектор.

П а н д а р. Ну, да и Гектор не Троил.

К р е с с и д а. Справедливо: каждый из них сам по себе.

П а н д а р. По себе? Увы! Бедный Троил сам по себе, но не в себе!

К р е с с и д а. Нет — и по себе и в себе.

П а н д а р. Ах, если бы это было правдой, я бы готов босиком в Индию сходить!

К р е с с и д а. А впрочем, я знаю только, что он не Гектор.

П а н д а р. Но он не в себе, уверяю тебя, он не в себе. Боги тому свидетели. Время, конечно, лучший врач... Ах, Троил, Троил! Как бы я хотел, чтобы она смотрела на тебя моими глазами! Нет, Гектор не лучше Троила!

К р е с с и д а. Ну уж извините!

П а н д а р. Он старше.

К р е с с и д а. Ну уж простите!

П а н д а р. Троил еще молод. А вот что ты скажешь о нем, когда он будет в годах Гектора! У Гектора и теперь такой сообразительности нет.

К р е с с и д а. Да ему и не нужна чужая сообразительность: у него своей достаточно.

П а н д а р. Да и других достоинств нет.

К р е с с и д а. Это не важно.

П а н д а р. И красоты такой нет.

К р е с с и д а. А ему красота и не нужна: он такой, как есть, хорош.

П а н д а р. Ты ничего не понимаешь, племянница! Даже сама Елена третьего дня сказала, что хотя Троил и смугловат, этого и я не отрицаю, но у него такая кожа, что этого не замечаешь.

К р е с с и д а. Но все-таки он смуглый.

П а н д а р. Ну, это как посмотреть: конечно, смугловат, но можно сказать, что и не смугловат, по правде говоря.

К р е с с и д а. То есть, говоря по правде, — и правда и неправда.

П а н д а р. Но она сказала, что Троил по всем статьям лучше, чем Парис.

К р е с с и д а. Да и у Париса статей достаточно.

П а н д а р. Это так.

К р е с с и д а. Значит, Троил его превзошел. Уж если Елена сказала, что он лучше Париса, значит, было за что его похвалить. У Елены такой золотой язычок, что она Троила и за медный лоб похвалит!

П а н д а р. Могу поклясться, по-моему — он нравится Елене больше, чем Парис.

К р е с с и д а. Что ж, она легкомысленная гречанка.

П а н д а р. Да-да, он ей нравится! Она даже третьего дня подошла к нему, когда он стоял у окна. Хотя у него еще на подбородке разве что три-четыре волоска найдется!

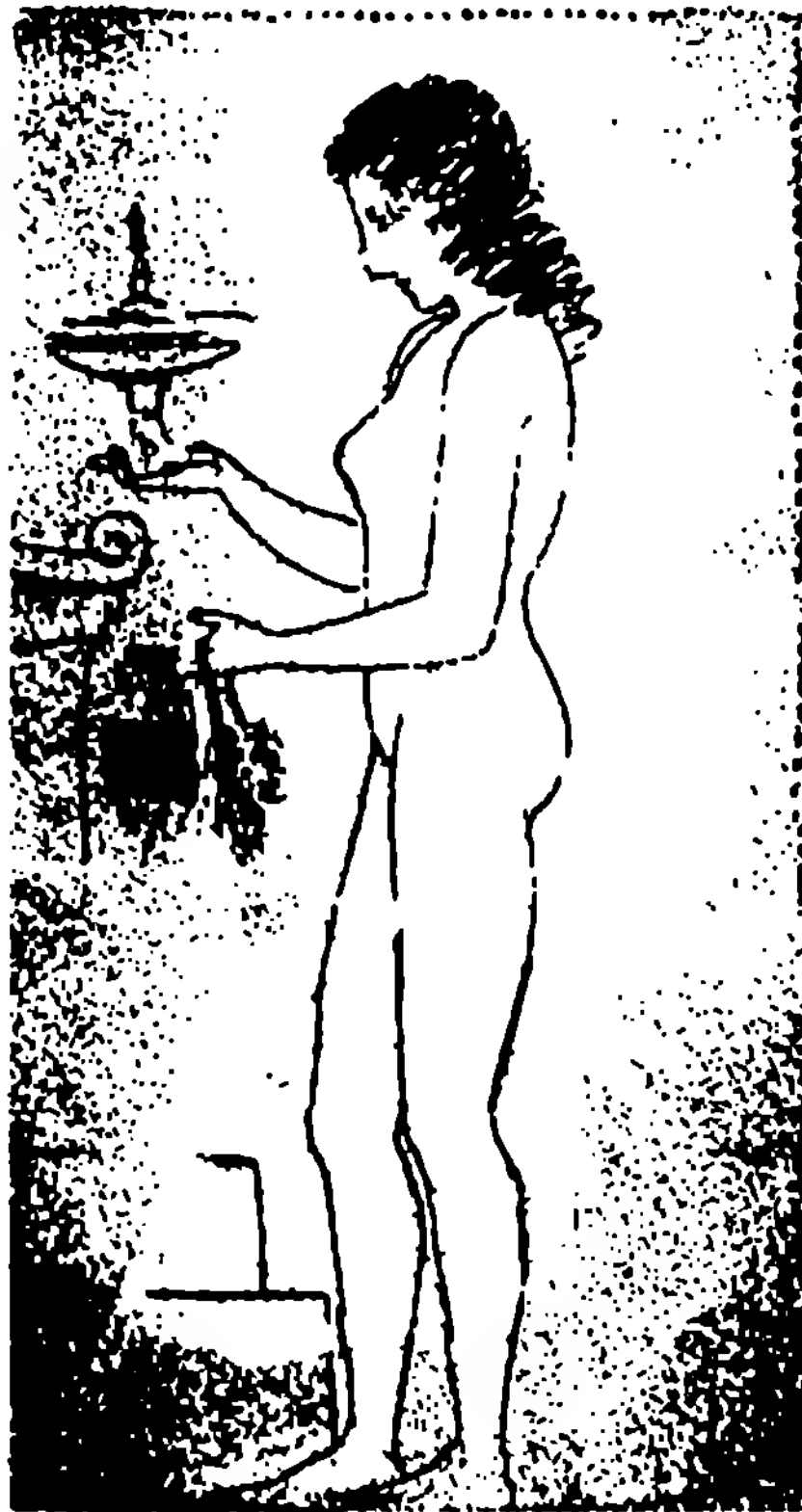
К р е с с и д а. Маловато, конечно. С такой арифметикой в любом трактире половой управится.

П а н д а р. Да, он очень молод, но уже теперь фунта на три больше Гектора стащит!

К р е с с и д а. Стащит? Неужели? Так молод и уже способен стащить?

П а н д а р. Вот доказательство того, что Елена неравнодушна к нему: она подошла и своей лилейной ручкой провела по его раздвоенному подбородку.

Девушка у гробницы. Роспись белого лекифа

К р е с с и д а. О Юнона, пощади нас! А кто же его раздвоил?

П а н д а р. Ну, видишь ли, у него на подбородке ямочка. Да у него и улыбка лучше, чем у всех фригийцев.

К р е с с и д а. О, улыбается он поистине замечательно!

П а н д а р. Не правда ли?

К р е с с и д а. Совсем как осенние облака!

П а н д а р. Ну уж оставь пожалуйста! А если ты хочешь убедиться, что Елена влюблена в Троила, то лучшая проба...

К р е с с и д а. Ну, пробу-то он выдержит, если она захочет попробовать.

П а н д а р. А для Троила она не стоит и выеденного яйца.

К р е с с и д а. Выеденное яйцо ничем не хуже пустой головы, а есть любители тухлых яиц, которые едят невылупившихся цыплят...

П а н д а р. Я без смеха вспомнить не могу, как она щекотала ему подбородок: у нее чудесной белизны руки, должен сознаться.

К р е с с и д а. Без пытки сознаешься?

П а н д а р. И знаешь, умудрилась найти на подбородке один седой волосок.

К р е с с и д а. Бедный подбородок! Любая бородавка богаче его!

П а н д а р. То-то было смеху: царица Гекуба смеялась так, что у нее слезы потекли ручьями.

К р е с с и д а. Можно сказать — смеялась в три ручья.

П а н д а р. И Кассандра смеялась.

К р е с с и д а. Ну, пожалуй, у этой смех похолоднее: вода в ее глазах, вероятно, не закипела и через край не полилась!

П а н д а р. И Гектор смеялся.

К р е с с и д а. Да почему же они все так смеялись?

П а н д а р. А как же: ведь Елена отыскала белый волосок на подбородке Троила.

К р е с с и д а. Если б она отыскала зеленый волосок, я бы тоже посмеялась.

П а н д а р. Они не столько смеялись волоску, сколько ловкому ответу Троила.

К р е с с и д а. А что же он такое ответил?

П а н д а р. Она сказала: “Вот, на твоём подбородке я насчитала пятьдесят два волоска и только один — седой”.

К р е с с и д а. Так это ее слова.

П а н д а р. Ну да. А он ответил: “Белый волосок — это отец, а все остальные — его сыновья”. — “Ах, Юпитер! — воскликнула она. — Который же из этих волосков супруг мой Парис?” — А Троил ответил: “Вот этот подлиннее — раздвоенный, рогатенький. Выдерни этот волосок и подари ему!” — Это вышло забавно: Елена так покраснела, а Парис так обозлился, что все покатались со смеху.

К р е с с и д а. Ну что ж: покатались, и пусть катятся.

П а н д а р. Словом, племянница, я тебе еще вчера кое-что сказал: подумай-ка об этом.

К р е с с и д а. Я думаю.

П а н д а р. Клянусь тебе, это правда: он плачет, как небо в апреле!

К р е с с и д а. А я от его слез вырасту, как крапива в мае!

Трубы.
Отбой.

П а н д а р. Слышишь: они возвращаются с поля битвы. Отойдем-ка в сторону и посмотрим, как они будут проходить мимо, к Илиону. Прошу тебя, дорогая моя племянница, прекрасная моя Крессида!

К р е с с и д а. Ну, отойдем, если тебе так хочется.

П а н д а р. Сюда! Вот сюда! Стань сюда! Это чудесное местечко. Отсюда мы все отлично увидим. Я тебе всех назову по

именам, когда они будут проходить мимо, но, прошу тебя, особенно заметь Троила!

К р е с с и д а. Не говори так громко.

Мимо проходит Эней.

П а н д а р. Вот Эней! Чем не храбрец? Он — украшение Трои, это верно. А все-таки особенно заметь Троила.

К р е с с и д а. А это кто?

Мимо проходит Антенор.

П а н д а р. Это Антенор. Он, скажу я тебе, человек язвительный, но неплохой человек. Это одна из самых умных голов Трои. И притом настоящий мужчина. Но где же Троил? Я сейчас покажу тебе Троила. Если он меня заметит, ты увидишь, как он мне подмигнет.

К р е с с и д а. Подмигнет? Разве он картежник?

П а н д а р. Ну, словом, увидишь.

К р е с с и д а. Ну что же! Если он тебе умело подмигнет, ты выиграешь.

Мимо проходит Гектор.

П а н д а р. А вот Гектор. Смотри! Смотри! Вот это человек! Да здоровствует Гектор! Это действительно храбрый человек, племянница! О, славный Гектор! Посмотри, как он выглядит! Вот это внешность! Ну разве не храбрец?

К р е с с и д а. О да! Настоящий храбрец!

П а н д а р. Не правда ли? Просто сердце радуется! Посмотри, сколько отметин на его шлеме! Ты посмотри только! Видишь? Посмотри лучше! Это не шутки. Вот это так отметины!

К р е с с и д а. А они действительно от мечей?

Мимо проходит Парис.

П а н д а р. От мечей? Возможно. Он ведь никого и ничего не боится. Даже самого дьявола не испугается. Клянусь богом, сердце радуется, на него глядя. А вот идет Парис! Вот идет Парис! Смотри-ка, племянница. Ну разве не прекрасный мужчина? А? Он даже похож на героя. Кто это сказал, будто он сегодня был ранен? Он не ранен. Ну, теперь Елена обрадуется. Ах, скорей бы мне увидеть Троила. Сейчас ты увидишь Троила!

К р е с с и д а. А это кто?

Проходит Гелен.

П а н д а р. Это Гелен. Нет, я хотел бы знать, где же Троил? Это Гелен. Он, пожалуй, не был в бою сегодня. Это Гелен.

К р е с с и д а. А Гелен способен сражаться?

П а н д а р. Гелен? О нет! А впрочем, он мог бы довольно хорошо сражаться. Но где же все-таки Троил? Чу! Слышишь? Народ кричит: "Троил! Троил!" Гелен ведь жрец...

К р е с с и д а. А это кто там пробирается?

П а н д а р. Где? Там? Это Деифоб. Нет, я ошибся. Это Троил!

Проходит Троил.

Вот это человек! Гм... Гм... Храбрый Троил, цвет нашего воинства!

К р е с с и д а. Тише, тише, постыдись.

П а н д а р. Обрати на него внимание. Запомни его. О, храбрый Троил! Внимательно приглядишься к нему, племянница. Посмотри: меч его в крови, а шлем иссечен еще больше, чем

шлем Гектора. А что за взгляд! А что за поступь! Замечательный юноша! Ведь ему еще и двадцати трех нету. Да здоровствует Троил! Да здоровствует Троил! Будь у меня сестра, по прелести равная Грациям, или дочь, по совершенству равная богине, я предоставил бы ему выбрать любую. Замечательный мужчина! Что Парис! Парис по сравнению с ним просто дрянь, ничтожество. Я ручаюсь, что Елена ничего не пожалела бы, чтобы променять Париса на него.

Проходят солдаты.

К р е с с и д а. Вот идут еще.

П а н д а р. Ну это уж ослы, дураки, олухи, оборванцы и всякое отребье. Каша после жаркого. Троилом я мог бы всю жизнь любоваться. Теперь уж смотреть не на кого. Орлы все улетели. Теперь пойдут вороны да галки, вороны да галки. Единственно кем бы я хотел быть, так это Троилом. Это даже лучше, чем быть Агамемноном.

К р е с с и д а. У греков есть Ахилл; он-то уж лучше твоего Троила.

П а н д а р. Ахилл? Ломовик! Носильщик! Верблюд!

К р е с с и д а. Полно, полно!

П а н д а р. Что полно-то? Да у тебя вкуса нет! Глаз нет! Знаешь ли ты, что такое настоящий мужчина? Разве благородство, красота, рост, красноречие, мужественность, знания, щедрость, доблесть, юность не украшают каждого мужчину, подобно тому как соль или пряности сдабривают пищу?

К р е с с и д а. Да, если рассматривать мужчину как начинку для пирога. Но тогда ты не все качества перечислил.

П а н д а р. Нет, я еще не видал таких женщин! Никогда не знаешь, куда ты повернешь.

К р е с с и д а. Я поворачиваюсь спиной, чтобы защитить живот, полагаюсь на свое остроумие, чтобы защитить себя, скрытностью защищаю честность, маской — красоту, а ты должен защищать все это вместе. У меня ведь сторожей много.

П а н д а р. Да я только один за тобой и присматриваю.

К р е с с и д а. Нет, уж тут я буду за тобой присматривать, дядюшка. Так будет лучше. Если я не смогу помешать тому, чтобы меня ушибли, я могу, во всяком случае, помешать болтать об этом; а если ушиб не вспухнет, никто о нем и не узнает.

П а н д а р. Ну, знаешь ли! Таких, как ты, я еще не встречал!

Входит слуга Троила.

С л у г а. Мой господин хочет немедленно поговорить с вами.

П а н д а р. Где он?

С л у г а. У вас в доме. Он сейчас снимает доспехи.

П а н д а р. Скажи ему, что я сию минуту приду.

Слуга уходит.

Боюсь, не ранен ли он! Прощай, племянница!

К р е с с и д а. Прощай, дядюшка!

П а н д а р. Я скоро вернусь, племянница.

К р е с с и д а. И принесешь...

П а н д а р. Весточку от Троила!

К р е с с и д а. Любая весточка докажет мне только, что ты сводник.

Пандар уходит.

Слова, дары, признанья, заклинанья!
К услугам друга все его старанья.
Ах, лучше знаю я, каков Троил:
Не в зеркале похвал Троил мне мил.
Но помню я, мы ангельски прекрасны,
Пока желают нас и жаждут страстно:
Всем любящим полезно это знать —
Мужчина хвалит то, что хочет взять.
Но чуть достигнут им предел желаний,
Бледнеет пыл молений и мечтаний.
Понятен мне любви закон один:
Просящий — раб, достигший — властелин.
Пускай же в сердце страсть моя таится:
В глазах моих она не отразится.

(Уходит.)

Сцена 3

Греческий лагерь. На первом плане — шатер Агамемнона.

Входят Агамемнон, Нестор, Улисс, Менелай и другие.

Агамемнон

Властители! Как бледны ваши лица!
Какое горе удручает вас?
Все планы, что рисует нам надежда,
Теряют постепенно очертанья
Величия: различные помехи
Внезапно возникают на путях;

Так соков столкновение в древесине
Сосны здоровой создает узлы,
Задерживая рост и отклоняя.
Но вам уже, властители, не ново,

Древнегреческий воин. Античная статуя

Что обманулись мы в надеждах наших:
Семь лет осады не сломили Трою.
Ведь и в былые дни деянья предков
От замыслов и целей отклонялись,
Поставленных крылатой, смелой мыслью.

Властители! Зачем же так уныло
Встречаете превратности судьбы,
Позором полагая то, что вам
Юпитер в назиданье посылает,
Испытывая ваше постоянство.
Любой металл блестит, когда любовно
Судьба на нас глядит: храбрец и трус,
Мудрец и олух, гений и невежда —
Все родственно похожи друг на друга,
Когда Фортуна озаряет их;
Но если злится буря и сурово
Бьет ураган могучими крылами,
Все мелкое отсеивая прочь, —
Лишь то цены и веса не теряет,
Что драгоценно собственной ценой.

Н е с т о р

Богopodobный сан твой уважая,
Великий Агамемнон, Нестор ныне
Продолжит речь твою и пояснит.
Я так скажу: превратности судьбы —
Проверка наших сил. В спокойном море
И жалкие, ничтожные суда
Дерзают безбоязненно скользить
Бок о бок с кораблем.
Но стоит только грубому Борею
Прекрасную Фетиду рассердить, —

Корабль взрезает водяные горы
Могучим килем, споря со стихией,
Как конь Персея, а толпа лодчонок,
Недавно состязавшаяся с ним,
Стремится в бухты, чтобы не достаться
Нептуну. Так и с доблестью людей:
Лишь в бурях жизни познается доблесть.
Так в летний день порой несносный овод
Для стада мирного страшнее тигра,
Но если вихри бури налетят,
Столетние дубы валя на землю, —
Забьются в щели оводы и мухи.
Тогда лишь те с бушующей стихией
Соперничают яростью и силой,
Кто может отвечать на лютый вой
Таким же грозным криком.

У л и с с

Агамемнон!

Ты славный вождь, ты Греции глава!
Ты наше сердце, разум, дух и воля!
В тебе желанья, мысли, силы наши
Воплощены! О, выслушай Улисса.
Высокой похвалы достойны речи
Твои, великий славой и венцом,
А равно и твои, высокочтимый,
Годами древний Нестор: такова

Речь Агамемнона, что подобает
Ее на бронзе высечь. Такова
Была и речь почтеннейшего старца
С главой посеребренной, ибо он,
Как древо, подпирающее небо,
Все мысли греков мощным языком
Объединил, как цепью. Но прошу я
Тебя, великий, и тебя, премудрый,
Прислушаться к тому, что я скажу.

А г а м е м н о н

Да, царь Итаки. Говори. Мы знаем,
Что столь же часто речь твоя разумна,
Сколь редкo слово мудрости прекрасной
Звучит из глотки грязного Терсита.

У л и с с

Уже давным-давно бы пала Троя,
Меч Гектора хозяина лишился б,
Не будь одной беды.
Единства действий грекам не хватает.
Смотрите, как стоят палатки наши:
Раскиданно, открыто, в беспорядке —
Таков же беспорядок и в умах.
Но если войско не подобно улью,
Покорному приказу одного, —
Какого ждете меда? Мы не ценим

Заслуг и поощряем недостойных.
На небесах планеты и Земля
Законы подчиненья соблюдают,
Имеют центр, и ранг, и старшинство,
Обычай и порядок постоянный.
И потому торжественное солнце
На небесах сияет, как на троне,
И буйный бег планет разумным оком
Умеет направлять, как повелитель,
Распределяя мудро и бесстрастно
Добро и зло. Ведь если вдруг планеты
Задумают вращаться самовольно,
Какой возникнет в небесах раздор!
Какие потрясенья их постигнут!
Как вздыбятся моря и содрогнутся
Материки! И вихри друг на друга
Набросятся, круша и ужасая,
Ломая и раскидывая злобно
Все то, что безмятежно процветало
В разумном единенье естества.
О, стоит лишь нарушить сей порядок,
Основу и опору бытия, —
Смятение, как страшная болезнь,
Охватит все, и все пойдет вразброд,
Утратив смысл и меру. Как могли бы,
Закон соподчиненья презирая,
Существовать науки и ремесла

И мирная торговля дальних стран,
И честный труд, и право первородства,
И скипетры, и лавры, и короны.
Забыв почтение, мы ослабим струны —
И сразу дисгармония возникнет.
Давно бы тяжело дышащие волны
Пожрали сушу, если б только сила
Давала право власти; грубый сын
Отца убил бы, не стыдясь нимало;
Понятия вины и правоты —
Извечная забота правосудья —
Исчезли бы и потеряли имя,
И все свелось бы только к грубой силе,
А сила — к прихоти, а прихоть — к волчьей
Звериной алчности, что пожирает
В союзе с силой все, что есть вокруг,
И пожирает самое себя.
Великий, мудрый царь наш Агамемнон!
Когда закона мы нарушим меру,
Возникнет хаос.
Пренебрежение к этому закону
Ведет назад и ослабляет нас.
Вождю не подчиняется сначала
Его помощник первый, а тому —
Ближайший; постепенно, шаг за шагом,
Примеру высших следуют другие,
Горячка зависти обуревают

Всех, сверху донизу; нас обескровил
Соперничества яростный недуг.
Вот это все и помогает Трое:
Раздоры наши — вот ее оплот,
Лишь наша слабость силу ей дает!

Н е с т о р

Премудро здесь Улисс нам разъяснил
Болезнь, что истощает наши силы.

А г а м е м н о н

Недуга суть, Улисс, уразумел ты;
Скажи нам: как лечить его?

У л и с с

Смотрите:

Вот наш Ахилл, краса и слава греков,
Наслушавшись восторженных похвал,
Тщеславен стал, самодоволен, дерзок,
Над нами он смеется. С ним Патрокл;
Лениво дни проводит он в постели
И шутит зло.
Насмешник дерзкий, он забавы ради
Изображает нас в смешном обличье,
Он это представлением зовет.
Порою он, великий Агамемнон,
Изображает даже и тебя

И, как актер, гуляющий по сцене,
Увеселяя зрителей, считает,
Что, чем смешней его диалог грубый,
Тем лучше он. Так дерзостный Патрокл
Тебя, о мудрый царь, изображает
Крикливым, скудоумным болтуном,
Произнося гиперболы смешные,
И что же? Грубой этой чепухе
Ахилл смеется, развалясь на ложе,
И буйно выражает одобренье,
Крича: “Чудесно! Это Агамемнон!
Теперь сыграй мне Нестора! Смотри,
Сперва погладь себя по бороде,
Как он, приговарывая к выступлению!”
И вот Патрокл кривляется опять,
И вновь Ахилл кричит: “Чудесно! Точно!
Передо мною Нестор как живой!
Теперь, Патрокл, изобрази его,
Когда спешит он в час ночной тревоги”.
И что ж! Тогда болезни лет преклонных
Осмеивают оба силача:
Одышку, кашель, ломоту в суставах
И дрожь в ногах, и, глядя на Патрокла,
Со смеху помирает наш герой,
Крича: “Довольно! Полно! Задыхаюсь!”
И так они проводят дни свои.
Все им смешно — и доблесть, и таланты,

И внешний вид прославленных вождей,
Приказы, речи их, призывы к битве,
И пораженья наши, и победы,
Успехи и потери: все у них —
Лишь повод для нелепого глумленья.

Н е с т о р

И вот, из подражання этим двум,
Которых, как Улисс уже сказал,
Общественное мнение прославляет,
Другие тоже портятся: Аякс
Заносчив стал, как норовистый конь:
Он походить стремится на Ахилла,
Шатер свой разукрасил, как Ахилл,
Пирует и глумится над вождями
И подстрекает подлого Терсита,
Раба, чья желчь чеканит злые сплетни,
Нас грязными словами осквернять,
К нам ослабляя веру и почтенье
В опасную годину злой войны.

У л и с с

Они, поступки наши осуждая,
Считают разум трусостью и даже
Осмеивают нашу дальновидность
И прославляют только силу рук,
А силу мысли, что судить способна

О степени уменья, силе рук,
Не признают и даже презирают.
Для них работа мысли — бабье дело,
Игра пустая, детская забава,
Для них таран, что разрушает стены,
Скорее уважения достоин,
Чем мудрость тех, чей тонкий, хитрый ум
Движеньями тарана управляет.

Н е с т о р

Да, можно бы сказать, что конь Ахилла
Достойней, чем Фетиды сыновья.

Звук трубы.

Чу! Звук трубы! Кто это, Менелай?

Входит Э н е й.

М е н е л а й

Из Трои.

А г а м е м н о н

Говори, зачем ты здесь?

Э н е й

Где Агамемнона шатер?

А г а м е м н о н

Вот этот!

Э н е й

Могу ли я как царственный посол
Рассчитывать на царское внимание?

А г а м е м н о н

В том поручусь тебе мечом Ахилла
И головами греков, признающих
Согласно Агамемнона царем.

Э н е й

Спокойствие и мир да будут с вами!
Скажите, как узнать мне, чужеземцу,
Царя среди других достойных?

А г а м е м н о н

Как?

Э н е й

Ну да. Хочу я выразить почтение
И трепетным румянцем перед ним
Зардеться, как застенчивое утро
Пред светлым Фебом.
Где этот бог, ведущий человеков?
Где мудрый и великий Агамемнон?

А г а м е м н о н

Троянец этот презирает нас.
Иль все троянцы так затейно льстивы?

Эней

Когда оружие мы свое слагаем,
Приветливы мы, ласковы и кротки,
Как ангелы, но желчь вскипает
наша,
Когда нам должно воинами быть,
Свое оружие мы держать умеем
Во славу Зевса.— Но молчи, Эней!
Спокойнее, троянец! Будь разумен
И палец приложи к своим устам.
Цена похвал невысока бывает,
Когда хвалимый тем же отвечает,
Но если враг нас вынужден хвалить,
Такой хвалою можно дорожить!

Агамемнон

Троянец царственный, так ты — Эней?

Эней

Да, грек, ты прав.

Агамемнон

С чем ты пришел, поведай!

Эней

Лишь Агамемнону могу ответить.

А г а м е м н о н

С троянцами он говорить не любит
Наедине.

Э н е й

А я пришел из Трои
Не для того, чтобы шептаться с ним:
Я разбужу его, как трубным гласом,
Когда заговорю.

А г а м е м н о н

Так говори:

Царя будить не нужно — он не дремлет.
Он бодрствует, троянец, сам он это
Сказал тебе сейчас!

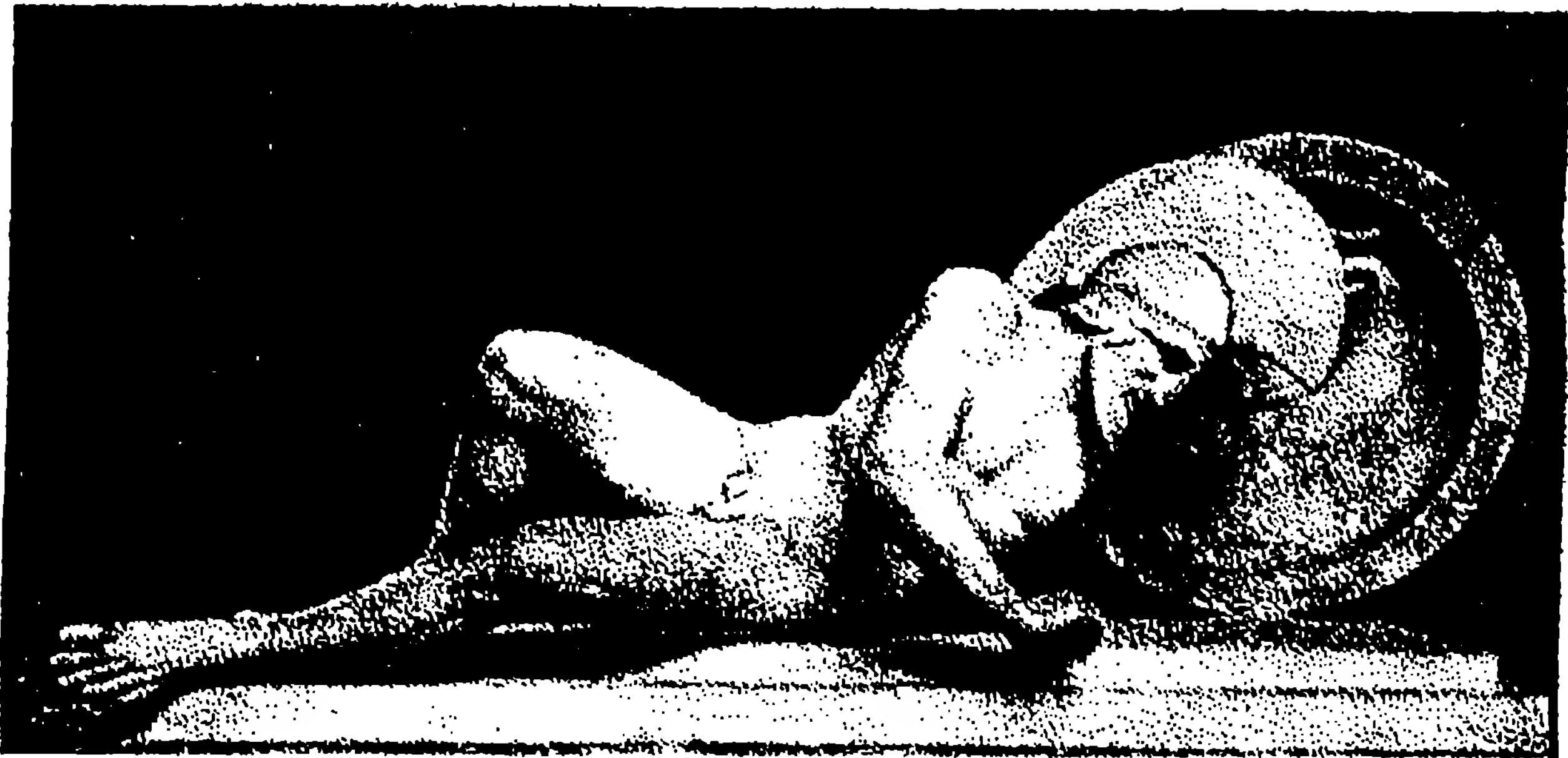
Э н е й

О, громче, трубы!

Пусть медный голос ваш разбудит сонных,
И пусть узнает ныне каждый грек,
Что хочет Троя заявить открыто.
Великий Агамемнон! Есть у нас
Царевич Гектор, смелый сын Приама,
Давно уж он томится перемирьем
И вот сегодня, мне вручив трубу,
Велел сказать вам всем: “Цари! Вожди!
Коли еще найдется грек отважный,
Который честью крепко дорожит,

В ком жажда славы больше страха смерти,
Кто доблестью украшен и отвагой,
Кто верен милой, и ее любя
(На деле, а не только на словах),
Во славу красоты ее способен
Сразиться с ним — того отважный Гектор
На поединок гордо вызывает:

Раненый воин. Статуя с фронтона храма на острове Эгине

И грекам и троянцам громогласно
Заявит он, что та, кого он любит,
Верней, прекрасней и разумней жен,
Которых любят и ласкают греки.
Он вызывает пред стенами Трои
Любого грека, верного любимой,
А ежели такого не найдется,
Он разгласит, что греческие жены

Уродливы, глупы и темнокожи
И ни любви, ни подвигов не стоят”.
Вот все, что Гектор мне велел сказать.

А г а м е м н о н

Любовникам сказал ты эти речи,
Эней отважный; те, кто сердцем нежен,
Остались по домам, а мы — солдаты,
Но жалок воин тот, в чьем сердце нет
Любви. Дадим мы Гектору ответ.
Смелчак найдется; если ж не найдется,
Со мной сражаться Гектору придется!

Н е с т о р

Скажи ему от Нестора, который
Был мужем в дни, когда еще младенцем
Дед Гектора грудь матери сосал,
Скажи ему, что, если не найдется
Меж греков мужа с пламенной душой,
Я спрячу серебро моих седин,
На руки слабые надену латы
И встречусь с ним, чтоб гордо заявить,
Что дева, мной любимая когда-то,
Была прекрасней бабушки его
И целомудренней всех дев на свете!
И вызов юности его кичливой
Я смою кровью старческой своей!

Эней

Да не допустит небо этой битвы!

Улисс

Аминь!

Агамемнон

Позволь, Эней высокородный,
Тебя в шатер наш отвести, а там
Пускай Ахилл твои услышит речи,
И уж затем узнает каждый грек.
Меж тем ты попируешь с нами вместе:
Знай, как встречает благородный враг!

Все, кроме Улисса и Нестора, уходят.

Улисс

О Нестор!

Нестор

Что, Улисс?

Улисс

Во мне зерно чудесной мысли зреет,
А ты мне помоги ее родить.

Нестор

Какая ж это мысль?

У л и с с

А вот какая:

Тупые клинья узловатый пенъ
Раскалывают; гордость и надменность
Ахилла всем становятся несносны;
Их следует немедля истребить,
Не то они нам могут нанести
Непоправимый вред.

Н е с т о р

Но что же дальше?

У л и с с

Надменный вызов Гектора, который,
Казалось бы, к любому обращен,
Касается лишь одного Ахилла.

Н е с т о р

Ты прав. Его намеренья ясны.
О них совсем не трудно догадаться
И даже не такому, как Ахилл,
Будь мозг его, как Ливия, бесплоден.
Хотя — тому порукой Аполлон —
Поистине он сух, но дар сужденья
Ему отнюдь не чужд, и сможет он
Понять, что Гектор вызовом желает
Его задеть.

У л и с с

И раздражить его?

Н е с т о р

Ах, если б так случилось! Кто из греков
У Гектора отнять способен честь,
Как не Ахилл! Хоть будет эта битва
Лишь состязаньем, в ней глубокий смысл.
Троянцы здесь отведают, пожалуй,
Одно из наших лучших блюд. Поверь,
Улисс, могло бы многое зависеть
От этого жестокого сраженья.
Его успех решит судьбу и славу,
Успех иль неудачу всей войны.
О, в этих смутных контурах провижу
Я очертанья грозные событий,
Нам предстоящих. Каждому понятно,
Что тот, кто будет с Гектором сражаться,
Избранник общий наш, и выбор сей
Сам по себе является наградой.
Все лучшее, что есть в любом народе,
Процеженное в колбах естества,
Является в герое, но зато,
Когда его постигнет неудача,
Ликует враг, как будто весь народ
В нем собственное терпит поражение.
Так руки, направляя острый меч

И посылая стрелы, отвечают
За действие меча и стрел.

У л и с с

Прости!

Вот потому-то и нельзя Ахиллу
Сражаться с Гектором. Покажем, Нестор,
Как мудрые купцы, плохой товар,
Чтоб сбыть его скорее; а с хорошим
Не следует спешить. Не соглашайся,
Чтобы сражался с Гектором Ахилл:
Их встреча может быть и нашей славой
И нашим величайшим посрамленьем!

Н е с т о р

Я зреньем слаб: не вижу в этом смысла...

У л и с с

Та слава, что досталась бы Ахиллу,
Не будь он горд, была бы нашей славой.
Но он теперь заносчив стал не в меру,
А лучше уж от солнечного зноя
В пустыне африканской изнывать,
Чем изнывать от дерзкого презренья
Ахилла-победителя. Однако,
Будь он троянцем смелым сокрушен,
Сокрушена была б и наша слава

В лице его. Нет! Лучше так подстроим,
Чтоб увалень Аякс пошел сражаться
С надменным Гектором. Ведь и Аякс
Силен и смел не менее Ахилла.
Его мы как героя вознесем,
Полезно это будет мирмидонцу:
Уж очень возгордился он, и шлемом
Касается чуть-чуть не до небес.
Когда б Аякс — тяжелый, туповатый —
Сумел героя Гектора сразить,
Его мы расхвалили бы согласно;
А если он окажется сраженным, —
Спокойно примет каждый эту весть,
Уверенный, что есть у нас герои
Получше. Так успех иль поражение
Аякса нам на пользу потому,
Что спесь собьет Ахиллу самому.

Н е с т о р

Теперь, Улисс, я начал понимать
Совета твоего глубокий смысл.
Но поглядим, что скажет Агамемнон:
Два пса смирят друг друга, ибо злость
Их гордости для них обоих — кость.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Другая часть греческого лагеря.

Входят Аякс и Терсит.

Аякс. Терсит!

Терсит. А что как вдруг Агамемнон покроется чирьями?

Аякс. Терсит!

Терсит. А что как эти чирьи вдруг лопнут? Может, тогда и сам он лопнет, и все лопнет? То-то было бы здорово!

Аякс. Ах ты, пес!

Терсит. Только в таком случае из него могло бы что-нибудь выйти; а пока что-то ничего не выходит.

Аякс. Ах ты, сукин сын! Ты что, не слышишь, когда тебя зовут? Ну так почувствуешь! (*Бьет его.*)

Терсит. Задави тебя наша греческая чума! Тоже мне повелитель! Ублюдок с телячьими мозгами!

Аякс. А ну-ка, поговори, поговори, тухлая говядина! Я тебя еще и не так разукрашу!

Терсит. Э, да тебя стоит и подразнить: чего доброго, помнееешь! Впрочем, скорее уж твоя лошадь станет читать про-

поведи, чем ты выучишь наизусть хоть одну молитву. А вот драться ты умеешь, кляча! Парша тебя забери!

А я к с. Ах ты, гриб поганый! Ну, рассказывай, что там объявляли?

Т е р с и т. Да что же ты меня лупишь? Думаешь, я не чувствую?

А я к с. Что объявляли, я спрашиваю?

Т е р с и т. Ну, объявляли, что ты болван.

А я к с. Уймись, дикобраз, уймись. У меня опять руки чешутся!

Т е р с и т. Что руки! Надо, чтоб ты весь чесался с ног до головы. Уж я бы тебя почесал! Ты бы у меня стал самым мерзким шелудивым в Греции! В бою-то ты, поди, не лучше других!

А я к с. Я спрашиваю тебя: что объявляли?

Т е р с и т. Ты вот ежечасно рычишь на Ахилла и насмехаешься над ним, а сам ты полон зависти к нему, как Цербер к прелестям Прозерпины. Потому-то ты и лаешь на него.

А я к с. Ну и врешь же ты, как баба!

Т е р с и т. Ты вот его поколоти!

А я к с. Да я его в лепешку!

Т е р с и т. Да он бы тебя одним кулаком раскрошил, как матрос — сухарь.

А я к с. Ах ты, паскуда! (*Бьет его.*)

Т е р с и т. Ну-ка, ну-ка, еще!

А я к с. Ах ты, ведьмин кол!

Т е р с и т. Ну, крепче, крепче, дурья башка! Эх, нет у тебя

Аякс и Ахилл, играющие в кости. Роспись амфоры IV век до н.э.

находчивости! У тебя и мозгу-то в голове не больше, чем у меня в пятках! Каждый погонщик мулов мог бы многому тебя научить. Ты как взбесившийся осел: только и делаешь, что дубасишь троянцев. Все, кто только что-нибудь соображает, могут продать и купить тебя, как берберийского раба. Если ты не перестанешь избивать меня, я расскажу всем, что ты собой представляешь, бессмысленная ты тварь!

Аякс. Ах ты, пес!

Терсит. Ах ты, шелудивый баран!

Аякс. Шавка ты! (*Бьет его.*)

Терсит. Ах ты, Марсов олух! Бей, разбойник! Ну, еще, еще, верблюды!

Входят Ахилл и Патрокл.

Ахилл. Полно, Аякс! За что это ты его так lupишь?— В чем дело, Терсит? Что случилось?

Терсит. Видишь ты его?

Ахилл. Ну так что же?

Терсит. Нет, ты посмотри на него!

Ахилл. Я смотрю. В чем же дело?

Терсит. Нет, ты разгляди его хорошенько!

Ахилл. И хорошенько разглядел.

Терсит. Нет, ты еще не разглядел его: за кого бы ты его ни принимал, он Аякс!

Ахилл. Знаю, дурак!

Терсит. Да, ты-то знаешь, а сам-то он не знает, что он дурак.

Аякс. Ох изобью же я тебя!

Т е р с и т. Уй-уй-уй-уй! Какие мудрые вещи изрекает! А пожалуй, его голове досталось от меня больше, чем от него — моим костям! За грош можно купить девять воробьев, а у него ума не больше, чем в девятой части одного воробья! Ахилл, поверь мне! У господина моего Аякса разум в брюхе, а кишки — в голове. Я сейчас расскажу тебе, что я о нем говорил.

А х и л л. Ну, что?

Т е р с и т. Я говорил, что Аякс...

Аякс собирается ударить Терсита.

А х и л л (*становится между ними*). Полно, Аякс, полно, милейший!

Т е р с и т. ...имеет разума ровно настолько...

А х и л л. Ну, не трогай его!

Т е р с и т. ...чтобы заткнуть ушко иглы Елены, за которую он явился сражаться.

А х и л л. Перестань, дурак!

Т е р с и т. Я-то мог бы перестать, да вот дурак не хочет! Вот он! Посмотрите на него!

А я к с. Ах ты, шавка окаянная! Да я...

А х и л л. Ну стоит ли связываться с дураком?

Т е р с и т. Не стоит, потому что дурак посрамит тебя!

П а т р о к л. Хорошо сказано, Терсит!

А х и л л. Да почему вы ссоритесь?

А я к с. Я приказал этой подлой свинье рассказать, о чем объявляли, а он надо мной издевается.

Т е р с и т. Я тебе не слуга!

А я к с. Тогда пошел вон! Пошел вон!

Т е р с и т. Что ты командуешь? Я здесь по доброй воле!

А х и л л. Но тебя, насколько я понимаю, все-таки потрепали! Никто не подставляет спину по доброй воле. Вот Аякс действовал по своей воле, а ты — поневоле.

Т е р с и т. Ах так! Да у тебя-то, я вижу, тоже весь ум в кулаках! Не велика будет заслуга Гектора, если он вышибет из тебя мозги! Расшибить твою башку — все равно что расколоть пустой орех: ядра-то ведь нет!

А х и л л. Как! Ты и ко мне цепляешься, Терсит?

Т е р с и т. Вот кто умен, так это Улисс и Нестор, ум которого начал покрываться плесенью прежде, чем у твоего дедушки выросли ногти. Они управляют вами, как парой быков, заставляя распахивать поля войны.

А х и л л. Что? Что ты сказал?

Т е р с и т. То, что сказал! Ну, ударь, Ахилл!— Ударь, Аякс!

А я к с. Ох, я тебе язык отрежу!

Т е р с и т. Это не беда: тогда я буду говорить так же, как ты!

П а т р о к л. Хватит болтать, Терсит! Хватит! Помолчи!

Т е р с и т. Ну, молчу, коли уж Ахиллова красотка велит!

А х и л л. Что, получил и ты, Патрокл?

Т е р с и т. Хватит! Нечего мне тут делать с вами, дураками! Пойду к тем, кто поумнее. Я вернусь к вам теперь, только когда вас вешать будут! (*Уходит.*)

П а т р о к л. Наконец-то избавились!

А х и л л

Да, кстати, войску нынче объявили,

Что Гектор завтра, только встанет солнце,
Разбудит гласом трубным и троянцев
И греков, вызывая тех из нас,
Кто и силен и смел, — сразиться с ним,
Чтоб доказать... не помню только — что,
Какой-то вздор, я думаю!

А я к с

А кто же

Ему ответить должен?

А х и л л

Не знаю! Там еще бросают жребий,
Иначе было б ясно, кто...

А я к с

Ты сам?

Пойду-ка разузнаю поточнее!

Уходят.

Сцена 2

Троя. Дворец Приама.

Входят Приам, Гектор, Троил, Парис и Гелен.

П р и а м

Вот после многих дней, речей и дел
Опять от греков Нестор возглашает:

“Верните нам Елену” — и тогда
Обиды, жертвы, времени потеря,
Потеря сил, богатства и друзей,
Утраченных в пылу войны кровавой,
Все будет позабыто. Что ты скажешь?

Гектор

Едва ли кто боится греков меньше,
Чем я, когда опасность только мне
Грозит. Но всем я заявляю вам:
Приам сейчас неправ!
Едва ли дева с нежною душою,
Исполненная трепетного страха,
Так часто и тревожно восклицает:
“Ах, мы не знаем, что еще случится!” —
Как я. Увы! Подтачивает мир
Заносчивость, но скромное Сомненье
Есть мудрости маяк и зонд надежный,
Умеющий до дна прощупать зло.
Пускай домой Елена возвратится:
С тех пор как первый меч мы обнажили,
Десятки смелых пали в этой распре,
Они дороже много, чем Елена;
Мы потеряли столько своего,
Что не свое удерживать не надо:
Оно не стоит и десятой доли
Всего, уже потерянного нами.

Какая же причина нам мешает
Вернуть ее теперь?

Т р о и л

Стыдись, о брат мой!
Тебе ль судить о чести и величье
Царя такого, как отец наш грозный!
Какою мерой ты определишь
Безмерное могущество его?
Как ты такую силу ограничишь
И укротишь уздою опасений
И доводов ненужных? Постыдись!

Г е л е н

Не диво, что, ища во всем рассудка,
Ты сам его лишен. Подумать можно,
Что твой отец без твоего участия
Рассудком управлять бы не сумел!

Т р о и л

Все это, брат мой жрец, слова пустые:
Одним рассудком вы, жрецы, живете.
Мы знаем: враг замыслил нашу гибель;
Мы знаем, грозен меч, подъятый им.
Рассудок в страхе от него бежит!
Не диво, что мерещится повсюду
Тебе могучий грек: рассудок твой

К ногам твоим привязывает крылья,
И ты, как от Юпитера Меркурий
Иль как звезда, сошедшая с орбиты,
Несешься прочь! Нет! Вреден нам рассудок
В опасный час! И мужество и честь
Имели б сердце заячье, когда бы
Рассудку доверялись постоянно:
От размышленья печень усыхает;
С отвагою рассудок не в ладу.

Гектор

Брат, право же, она того не стоит,
Во что нам обошлась!

Троил

Ее цена

Зависит лишь от ценности для нас.

Гектор

Но не должна зависеть от каприза.
Достоинство и ценность всякой вещи —
Внутри ее, равно как и в уме
Людей, ее ценящих. Неразумно
Служенье богу ставить выше бога!
Нередко люди наделять стремятся
Причудливыми свойствами предмет,
Которому те свойства не присущи.

Т р о и л

Допустим, я избрал себе супругу,
И выбором руководила воля,
А волею — глаза мои и уши,
Которые любовь мою зажгли.
Глаза и уши — два надежных кормчих,
Которые мне помогают плыть
Меж волей и рассудком. Как мне быть,
Когда рассудок осуждает выбор?
Могу ль я отказаться от жены?
Мне этого и честь не позволяет:
Шелка не возвращают продавцу,
Испортив их; остатки нашей пищи
Мы в сточные канавы не бросаем,
Насытившись. Считалось до сих пор,
Что подобает с греками сразиться
Парису. Наше дружное решение
Наполнило, раздуло паруса,
И волны с ветром прекратили спор,
Чтоб дружными усилиями к цели
Доставить корабли его; тогда
Взамен сестры Приама престарелой,
Которую в плену держали греки,
Привез Парис красавицу царицу,
Гречанку, чья пленительная свежесть
И Аполлона делает поблекшим
И сумрачною делает зарю.

Зачем она у нас? Ну, а зачем
В плену держали греки Гесиону,
Приама престарелую сестру?
Но разве же не стоило сражаться
За дивную жемчужину — Елену?
Недаром венценосные цари

Храмы греко-римского времени на острове Филе. Реконструкция

Купцами стали, оценив добычу
Дороже многих сотен кораблей.
Париса все расхваливали дружно,
Все подстрекали кликами: “Дерзни”.
Привез он драгоценную добычу.
Не правда ль — все ведь вы рукоплескали,
Провозгласив, что ей подобной нет!

Зачем же вы теперь свое решение
Оспаривать хотите? Ведь сама
Фортуна не всегда непостоянна!
А вы! Теперь готовы объявить
Ничтожным то, что сами же ценили
Превыше всех прекрасных благ земных!
Как низок вор, который сам боится
Похищенным владеть! Робеем мы,
Похищенной мы недостойны сами.
И, совершив проступок, мы дрожим,
Что дорого за это мы заплатим.

К а с с а н д р а
(внутри дворца)

Плачь, Троя, плачь!

П р и а м
Кто это голосит?

Т р о и л
О, это вопль сестры моей безумной.

К а с с а н д р а
(внутри дворца)

Плачь, Троя, плачь!

Г е к т о р
Кассандра это!

Входит К а с с а н д р а с растрепанными волосами, в исступлении.

К а с с а н д р а

Плачь, Троя, плачь! Десятки тысяч глаз
Наполню я пророчества слезами!

Г е к т о р

Не сетуй так, сестра моя! Не сетуй!

К а с с а н д р а

О девы, юноши, мужи и старцы,
Младенцы, все встречающие криком
Беспомощным, рыдайте все со мною!
Мы выплачем и выплатим судьбе
Хотя бы долю стонов предстоящих.
Плачь, Троя, плачь! Пускай глаза твои
Слезами изойдут! Погибнет Троя!
Как головня, сожжет ее Парис!
Я вижу: пламя пожирает стены!
Плачь, Троя, плачь! Иль пусть уйдет Елена!

(Уходит.)

Г е к т о р

Ужели эти страшные рыданья
И прорицания сестры твоей
Тебя, Троил, не трогают? Ужели
Так кровь твоя безумьем зажжена,

Что ни простые доводы рассудка,
Ни мысль о злом исходе злого дела
Тебя не охлаждают?

Т р о и л

Брат мой Гектор!

Не должно нам судить о правоте
Любого начинанья по исходу.
Не должно храбрости лишаться нам,
Страшась безумных выкриков Кассандры.
Неистовство души ее больной
Не может нам внушить сомненье в смысле
Войны, в которой наша честь была
Залогом правоты. Я сам, признаться,
Не более затронут этой распрей,
Чем прочие Приама сыновья;
Но я скажу: Юпитер, сохрани
Нас от того, чего бы стало стыдно
И жалким трусам.

П а р и с

Целый свет тогда бы
Мои поступки и советы ваши
Презренным легкомыслием признал.
Но боги все свидетели тому,
Что вы мою затею вдохновляли;
Советами вы отгоняли страх,

Моим опасным замыслом рожденный.
Ведь что я мог бы совершить один?
Способна ль доблесть одного героя
Противиться напору той вражды,
Которую война воспламенила?
Но если б мне случилось одному
Все трудности принять, — скажу вам прямо:
Будь мощь моя, как воля, велика,
Парис не отступился б от того,
Что он задумал!

П р и а м

Ты, Парис, болтаешь,
Как те, кто наслажденьем ослеплен.
Нас умудряет желчь, вас — мед дурманит.
За храбрость вас хвалить никто не станет!

П а р и с

Отец! Не для себя я дорожу
Ее неизреченной красотой!
Прекрасную вину свою хочу
Я искупить, чтоб доблестью своею
Свои права навек завоевать.
Но посрамленьем славы нашей будет
Измена обещанной царице —
Согласие отдать ее назад
По требованью грубого насилия!

Могла ли мысль презренная такая
Возникнуть в столь возвышенных умах?
Я думаю, что самый малодушный
Отважным станет и поднимет меч,
Чтоб защитить Елену. Самый смелый
Не постыдится жизнью заплатить
За жизнь Елены. Честь повелевает
Сражаться за нее: ведь знают все,
Что в мире равной нет ее красе!

Г е к т о р

Ты прав, Парис; ты тоже прав, Троил;
Красно вы говорите, но коснулись
Поверхностно глубокого вопроса,
Как те юнцы, которых Аристотель
Считает неспособными постичь
Моральной философии значение.
Все ваши доводы порождены
Кипеньем страсти или пылкой крови,
А не желаньем точно разобраться,
В чем правота. И месть и наслаждение
Всегда к разумному суждению глухи.
Меж тем природа требует от нас,
Чтоб соблюдались право и законы
Извечные. А чье же право крепче,
Чем право брачных уз? Когда нарушит
Природный сей закон слепая страсть,

И ей притом окажут снисхожденье
Высокие умы, — сама природа
Упрямо воспротивится сему!
Есть у народа каждого законы,

Статуя с фронтона Эгейского храма

Смиряющие бурные порывы
Мятежных, необузданных страстей.
Когда известно всем нам, что Елена
Жена царю спартанскому, закон
Природы и народов побуждает

Ее вернуть. Упорствуя напрасно,
Мы только увеличиваем зло,
Его усугубляя. Так считаю
Я, брат ваш Гектор. Но не стану я
Препятствовать решеньям вашим пылким
Прекрасную Елену удержать.
Мы все уже немало сил своих
И доблести на это положили.

Т р о и л

Да-да, мой брат, вот в этом-то и суть.
Когда бы дело не касалось чести,
А только нашей прихоти пустой,
Не проливал бы я троянской крови,
Елену защищая. Славный Гектор!
Пойми, что в ней — и честь и слава наша,
Она и поощрение славных дел
И всех врагов упорных посрамленье,
Она и наша будущая гордость.
Ведь сам ты, храбрый Гектор, никому
Грядущей громкой славы не уступишь,
Которая нас всех улыбкой манит,
Зовя вперед, к победам.

Г е к т о р

Я с тобой,
Бесстрашный отпрыск славного Приама!

Я сам уже послал надменный вызов
Кичливым грекам, сонным и тупым:
Уж он-то их разбудит непременно.
Их вождь, мне говорили, мирно дремлет,
Не замечая, что раздор прокрался
В его войска.
Теперь проснется он!

Уходят.

Сцена 3

Греческий лагерь. Перед шатром Ахилла.

Входит Т е р с и т.

Т е р с и т. Ну что, Терсит? Как! Заблудился в лабиринте собственной ярости? Неужто ж этот слон Аякс довел тебя до такого состояния? Когда он бьет меня, я смеюсь, и это меня утешает. Конечно, лучше бы, чтобы я его бил, а он надо мной смеялся. Ах, черт возьми! Да я научусь ворожить и вызывать чертей, чтобы только найти выход из такого омерзительного унижения! А тут еще Ахилл навязался! Тоже мне штучка! Если падение Трои зависит от этой парочки, то стены ее простоят до того дня, пока сами собой не разрушатся. О ты, великий громовержец Олимпа! Забудь, пожалуйста, что ты Юпитер, царь богов! И ты, Меркурий, да потеряет твой кадуцей свою змеиную силу, если только вы не отнимете у этих молодчиков той самой капелюсенькой капли разума, какая у них есть. Их близорукое невежество настолько скудоумно, что не

способно освободить муху из лап паука, не размахнувшись мечом для того, чтобы разрезать паутину. Да падет месть богов на весь этот лагерь, или, еще лучше, да заберет всех их та самая болезнь, которая именуется из скромности неаполитанской... Ну, я все сказал! Взываю к бесу зависти, чтобы он произнес: “аминь”. О Ахилл, мой повелитель!

Входит П а т р о к л.

П а т р о к л. Кто здесь? Терсит? Заходи-ка, милейший Терсит, и позубоскаль!

Т е р с и т. Кабы я льстился на всякую фальшивую монету, ты бы не ускользнул от моего внимания. Но не в этом дело. Ты сам себя покараешь. Да постигнет тебя проклятье всего человечества за безумство и невежество. Да сохранят тебя небеса от умного наставника, и да не коснется тебя ни один добрый совет. Пусть нрав твой до самой смерти управляет тобою. Но если та, которой достанется удел убирать твой труп, скажет, что ты — красивый труп, я поклянусь, что она, кроме прокаженных, ничего не видела. Аминь. А где же Ахилл?

П а т р о к л. Ишь ты! Да ты, оказывается, еще и ханжа! Это ты так молишься?

Т е р с и т. Молюсь, и да услышит меня небо!

Входит А х и л л.

А х и л л. Кто здесь?

Т е р с и т. Терсит, господин!

А х и л л. Ах, ты пришел! Что ж тебя не было за столом, когда я ел? Ты мало беспокоишься о моем пищеварении: ты

ведь отличная приправа! Ну-ка, скажи мне, кто такой Агамемнон?

Т е р с и т. Твой повелитель, Ахилл. Ну, а ты скажи-ка мне, кто такой Ахилл?

А х и л л. Твой повелитель, Терсит. Ну, а скажи-ка мне, прошу тебя, сам-то ты кто такой?

Т е р с и т. Тот, кто лучше всех знает Патрокла. Ну, скажи мне, кто ты такой, Патрокл?

П а т р о к л. Говори ты, ведь ты же меня знаешь!

А х и л л. О говори, говори!

Т е р с и т. Над этим вопросом надо еще подумать! Агамемнон повелевает Ахиллом, Ахилл — мой господин, я — знаток Патрокла, а Патрокл — дурак.

П а т р о к л. Ах ты, негодяй!

Т е р с и т. Тише, дурень! Я еще не все сказал!

А х и л л. Валяй, Терсит, валяй! Тебе все простительно!

Т е р с и т. Агамемнон дурак, Ахилл дурак, Терсит дурак, и, как сказано выше, Патрокл дурак.

А х и л л. Дальше! Дальше! Выводы!

Т е р с и т. Агамемнон дурак потому, что думает, будто командует Ахиллом; Ахилл дурак, если им командует Агамемнон; Терсит дурак потому, что служит такому дураку, ну, а Патрокл — дурак сам по себе!

П а т р о к л. Но почему это я дурак?

Т е р с и т. Ну уж с этим вопросом обращай к своему творцу. С меня довольно того, что ты дурак. — Смотри-ка, кто там идет?

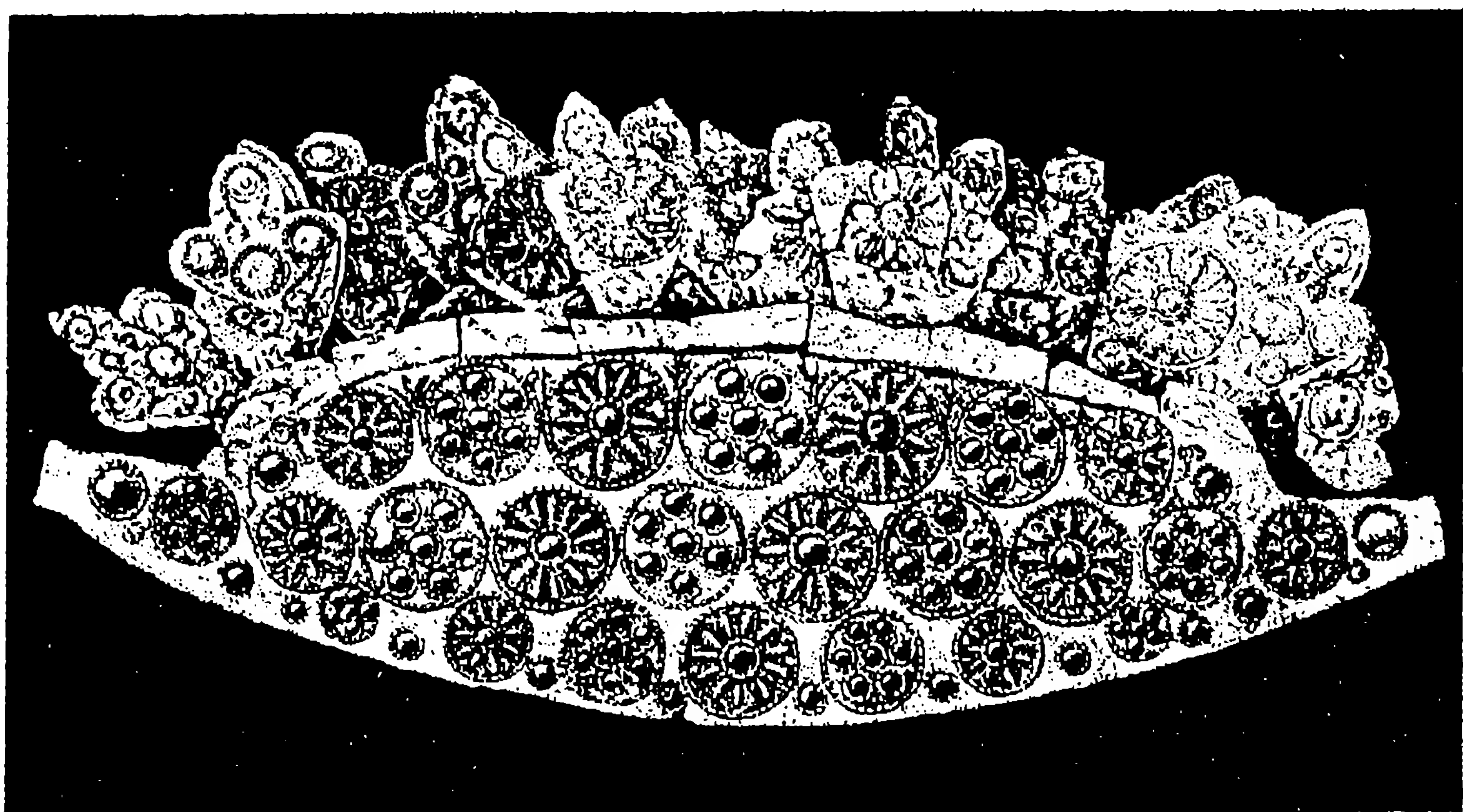

А х и л л. Патрокл! Я ни с кем не хочу разговаривать!—
Идем со мною, Терсит! (*Уходит.*)

Т е р с и т. Батюшки! Сколько дрызг! Сколько безобразия!
Сколько мерзостей! И всему причина — рогоносец и разврат-
ница! Нечего сказать, славный повод для того, чтобы затевать
раздоры и проливать кровь. Да проказа их заberi! Да задави
их собственное распутство и раздор! (*Уходит.*)

Входят Агамемнон, Улисс, Нестор,
Диомеди Аякс.

А г а м е м н о н. А где Ахилл?

Греческая золотая корона.
Из микенских раскопок Г.Шлимана

П а т р о к л

Ахилл в шатре: он болен, государь!

А г а м е м н о н

Скажи ему, что мы сюда явились.
Посланцев наших он прогнал, но мы
Решили пренебречь своим величием,
Чтоб посетить его. Скажи ему —
Пусть он не думает, что мы забыли
Свой сан, такой поступок совершив.

П а т р о к л

Я так и передам ему.

(Уходит.)

А г а м е м н о н

Однако

Мы видели, что он сидит в шатре.
Совсем не болен он.

А я к с. Болен-то он, положим, болен, но болезнь-то львиная: от гордости сердца. Если вы хотите польстить ему, можете называть эту болезнь меланхолией; но, клянусь вам, это просто гордость. А почему? Чем это он так гордится? Пусть он объяснит нам причину своей гордости.— Позволь мне сказать тебе одно слово, государь! *(Отводит Агамемнона в сторону.)*

Н е с т о р. Что это Аякс на Ахилла так нападает?

У л и с с. Да Ахилл переманил у него шута.

Н е с т о р. Кого? Терсита?

У л и с с. Именно Терсита!

Н е с т о р. Ну, теперь, без Терсита, у Аякса не будет повода для разглагольствований.

У л и с с. Ничего: теперь поводом будет то, что Терсит на поводе у Ахилла.

Н е с т о р. Тем лучше: для нас их свара приятней, чем их сговор.

У л и с с. Коли мудрость не скрепляет дружбу, глупость легко расстраивает ее. А вот и Патрокл.

Н е с т о р. А с ним нет Ахилла?

Входит П а т р о к л.

У л и с с. Да, суставы слона, конечно, не приспособлены для реверансов. Ноги ему служат, но сгибаться не могут!

П а т р о к л

Ахилл велел сказать, что сожалеет,
Когда не просто склонность к развлеченью
Царя со всею свитой привела
Сюда, к его шатру. Но он в надежде,
Что просто после плотного обеда,
Для улучшения пищеваренья,
Изволили прогуляться вы.

А г а м е м н о н

Патрокл: Привыкли мы к таким ответам.
Он избегает нас. Его строптивый

И дерзкий нрав давно известен всем.
Он многие имеет основанья
Достоинствами многими гордиться,
Но так переоценивает их,
Что умаляет тех достоинств цену.
Они противны нам, как плод прекрасный
На грязном блюде. Но скажи ему,
Что мы пришли, чтоб с ним поговорить.
Прибавь — греха особого не будет —
Что гордецом надутым мы считаем
Его и что себя напрасно мнит он
Великим: он один такого мненья,
А мы спокойно наблюдать решили
Его причуд приливы и отливы,
Как будто бы и вправду наша слава
Зависит от него. Скажи ему,
Что, ежели он выше занесется,
Он нам такой не нужен: пусть лежит,
Оставленный в пыли, как те машины,
Которые настолько неуклюжи,
Что непригодны воинам в бою.
Проворный карлик на войне ценнее,
Чем великан, от сна осоловелый.
Скажи ему все это в назиданье!

П а т р о к л

Скажу и сразу принесу ответ.

(Уходит.)

А г а м е м н о н

Через посредников договориться
Нам не удастся. Мы хотим с Ахиллом
Беседовать.— Иди к нему, Улисс!

Улисс уходит.

А я к с. И верно: почему это он больше других?

А г а м е м н о н. Да только потому, что сам он так полагает!

А я к с. Да неужто он и в самом деле так велик? Может, он воображает, что он лучше меня?

А г а м е м н о н. Конечно, воображает!

А я к с. Ну, а вы — тоже так думаете?

А г а м е м н о н. Нет-нет, благородный Аякс! Ты ему равен по силе, по доблести, по уму, да и по благородству, но ты мягче, скромнее и обходительнее...

А я к с. И с чего это иной раз люди бывают гордецами? Откуда у них эта гордость берется? Вот я просто не знаю даже, что такое гордость!

А г а м е м н о н. У тебя душа чище, Аякс, и достоинства твои выше. Гордый человек сам себя пожирает. Гордость — его зеркало, его труба, его собственная летопись. А уж коли человек старается прославить себя не делами, а словами, то такое самопрославление пожирает его дела.

А я к с. Я ненавижу гордецов! Жабье отродье!

Н е с т о р (*в сторону*). А самого себя любит! Ну не забавно ли?

Входит Улисс.

У л и с с

Ахилл не хочет завтра выходить.

А г а м е м н о н

А почему?

У л и с с

Он никаких причин
Не называл. Он просто заявил,
Что таково его расположение,
Что не намерен он ни с кем считаться.

А г а м е м н о н

Так, значит, он не хочет выйти к нам,
Уважив нашу вежливую просьбу?

У л и с с

Он выдумал какой-то вздорный повод
Для недовольства. Он уж так спесив,
Что, даже сам беседуя с собою,
Способен обижаться на себя.
От чванства, себялюбия и спеси
Уж сам не знает он, как поступать.
Он, царственный Ахилл, теряет силы,
В самом себе потворствуя раздору.
Спесь, как чума, им овладела. Гибель
Ему грозит.

А г а м е м н о н

Пускай к нему пойдет

Аякс.

(Аяксу.)

Иди, мой друг, слова привета
Скажи ему: к тебе он благосклонен;
Ты, может быть, его уговоришь!

У л и с с

О Агамемнон, царь! Да не свершится
Такое! Божества да отведут
Аякса от Ахилла! Пусть гордец
В соку своей же спеси, как жаркое
Прожарившись, ничего иного
Не признающий, кроме вечной жвачки
Тщеславия, — не встретит никогда
Почтения от того, кого считаем
Мы все ничуть не меньшим, чем Ахилл!
Нет! Этот трижды славный, трижды смелый
Своей высокой славы не уступит,
Не склонит головы перед Ахиллом,
К Ахиллу не пойдет!
Зачем потворствовать надутой спеси
И угли подбавлять в созвездье Рака,
И без того горящего усердьем
К Гипериону славному! О нет!
Тогда Юпитер сам громами грянет:

“Пускай гордец к достойному придет:
Ахилл к Аяксу, не Аякс к Ахиллу!”

Н е с т о р
(в сторону)

Отлично! Эта лесть ему по сердцу!

Д и о м е д
(в сторону)

Молчит он, наслаждаясь похвалою!

А я к с

Уж если я пойду, так лишь затем,
Чтоб смазать гордеца по дерзкой роже!

А г а м е м н о н

Нет! Нет! Не надо!

А я к с

Если предо мной
Захочет он почваниться — ему
Я спесь собою! Пустите же! Пойду я!

У л и с с

Нет! Нет! Не надо! Ни за что на свете!

А я к с. Нахал паршивый!

Н е с т о р (в сторону). Словно о самом себе говорит!

Аякс. Ишь ты! Даже вежливым быть не желает!

Улисс (*в сторону*). Да! Ворон ворону глаз клюет! Это против пословицы!

Аякс. Да я из него все кишки выпущу!

Агамемнон (*в сторону*). Врачу, исцелися сам!

Аякс. Эх! Кабы все думали так же, как я!

Улисс (*в сторону*). Тогда перевелись бы разумные люди!

Аякс. Да разве можно такое терпеть? Ему еще собьют спесь! Он еще получит по заслугам!

Нестор (*в сторону*). Ну, положим, половину получишь ты!

Улисс (*в сторону*). Нет! В десять раз больше!

Аякс. Я его в порошок сотру! Лепешку из него сделаю!

Нестор (*в сторону*). Ну-ка, хвалите еще! Подливайте, подливайте масла в огонь, чтобы его спесь разгорелась!

Улисс (*Агамемнону*). Не нужно огорчаться, повелитель!

Нестор. Не нужно, благородный вождь, не нужно!

Диомед. Мы можем обойтись и без Ахилла!

Улисс

Ведь есть у нас герой, Ахиллу равный.

Он пред тобою. Только не хочу

В лицо его хвалить.

Нестор

А почему же?

Ведь он не так заносчив, как Ахилл!

У л и с с

Хоть он, как всем известно, столь же храбр!

А я к с. Да чтобы позволить этому сукину сыну так над всеми нами издеваться! Да будь он троянцем...

Н е с т о р. Скажите, какой порок вы найдете у Аякса?

У л и с с. Разве он чванлив?

Д и о м е д. Или падок на похвалы?

Древнегреческий юноша. Афинский Акрополь, IV-V вв. до н.э.

У л и с с. Или угрюм?

Д и о м е д. Или капризен и себялюбив?

У л и с с

Да, ты, Аякс, отличнейшего нрава!
Хвала богам! Благодаренье небу!
Хвала отцу, зачавшему тебя,
Хвала и матери, тебя вскормившей,
И тем хвала, кто воспитал тебя,
И трижды самому тебе хвала.
Но тот, кто научил тебя сражаться,
Способен только с Марсом разделить
Бессмертие. Милон, быка таскавший,
Один подобен мощному Аяксу
По силе мышц. Но о твоём уме
Не говорю: он каменной оградой
Размах твоих талантов окружает!
Наш Нестор мудр от старости своей;
Он должен мудрым быть в такие годы!—
Прости, отец наш Нестор! Будь ты юн,
Как наш Аякс, ты мудростью едва ли
Аякса разум мог бы превзойти,
Но был бы, как Аякс!

А я к с

Посмею ль я

Назвать тебя отцом?

Н е с т о р

Да, сын мой милый!

Д и о м е д

Во всем, Аякс, ему ты повинуйся.

У л и с с

Не время медлить: наш олень Ахилл
В лесу укрылся. Соблаговоли,
Великий вождь, созвать совет военный.
Троянцы получили подкрепление.
Завтра — бой. Должны мы победить!
Вот наш герой, героев лучших цвет:
Ему по силе в мире равных нет!

А г а м е м н о н

Пусть на мели Ахилл великий спит:
Другой корабль теперь вперед летит!

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Троя. Дворец Приама.

Входят П а н д а р и слуга.

П а н д а р. Эй, друг! Одно словечко! Скажи, пожалуйста, не ты ли ходишь за молодым царевичем Парисом?

С л у г а. Хожу, сударь, когда он идет впереди.

П а н д а р. Я хотел спросить — ему ли ты служишь?

С л у г а. Да, сударь, я служу своему господину.

П а н д а р. И ты служишь благородному господину! Не могу не признать, что он достоин хвалы!

С л у г а. Достоин хвалы!

П а н д а р. А меня-то ты знаешь ли?

С л у г а. Знаю, сударь, но, по правде говоря, не совсем.

П а н д а р. Ну, так узнай меня лучше: я — высокородный Пандар!

С л у г а. Надеюсь узнать вас поближе, ваша честь!

П а н д а р. Да, таково и мое желание!

С л у г а. Я надеюсь, что ваша милость будет...

П а н д а р. Меня следует называть “ваша честь”, а не “ваша милость”, друг!

Из глубины дворца доносится музыка.

Что это за музыка?

С л у г а. Ну, о музыке я знаю не много, сударь; знаю только, что музыкантов много.

П а н д а р. А музыкантов ты знаешь?

С л у г а. Вполне, сударь.

П а н д а р. А для кого они играют?

С л у г а. Для тех, кто слушает их, сударь.

П а н д а р. Я разумел: чей слух они услаждают, любезный?

С л у г а. И мой, сударь, и любого, кто любит музыку.

П а н д а р. Нет, я спрашиваю относительно распоряжения...

С л у г а. Разве я вправе распоряжаться, сударь?

П а н д а р. Мы с тобой, приятель, друг друга не понимаем: я, кажется, слишком вежлив, а ты слишком хитер. Я спрашиваю, по чьему приказу играют эти люди?

С л у г а. А! Ну это другое дело, сударь. Теперь мне ясно. По приказу господина моего Париса, сударь! Он там лично присутствует, а с ним смертная Венера, венец красоты, воплощение любви...

П а н д а р. Моя племянница Крессида?

С л у г а. Нет, сударь, Елена! Разве вы не догадались по тому, как я ее описываю?

П а н д а р. Да ты, голубчик, вероятно, не видел прекрасной Крессиды. Я пришел к Парису от царевича Троила; мне

нужно немедленно видеть Париса, у меня дело, не терпящее отлагательств! Дело не терпит — понимаешь?

С л у г а. Да, как будто понимаю: вам не терпится...

Входят Парис, Елена и свита.

П а н д а р. Приветствую тебя, царевич, и всех твоих прекрасных спутников! Наилучшего исполнения наилучших желаний в наилучшие сроки!— Особенно тебе, наилучшая из цариц! Наилучшие мечты да послужат тебе наилучшим изголовьем!

Зеркало с изображением Париса и Елены. Бронза, IV в. до н.э.

Е л е н а. Высокочтимый Пандар! У тебя всегда запас наилучших слов!

П а н д а р. Для твоего удовольствия, сладчайшая царица!— А почему же прервалась эта прекрасная музыка, прекрасный Парис?

П а р и с. Да ты же сам прервал ее, родственничек! Но, клянись жизнью, ты сумеешь все это поправить, да еще и сам присочинить кое-что!— Знаешь, Нелли, он умеет петь на все лады и ловок все улаживать.

П а н д а р. Не верь, владычица, не верь! Это не так!

Е л е н а. Да неужели?

П а н д а р. Не одарен, царица! Не одарен! Сущая правда: не одарен!

П а р и с. Отлично сказано: какая гамма скромности! Сама гармония!

П а н д а р. У меня есть дело к царевичу, милая царица!— Позволь мне сказать тебе несколько слов, царевич!

Е л е н а. Нет! Ты от нас не уйдешь! Ты должен непременно спеть!

П а н д а р. Ты шутишь, сладчайшая царица!— Но, право же, царевич, дорогой мой и глубокочтимый друг, брат твой Троил...

Е л е н а. Ах, Пандар! Медоточивый Пандар!

П а н д а р. Полно, полно, сладчайшая царица.— Я убедительно прошу тебя, настоятельно и почтительно прошу...

Е л е н а. Нет! Нет! Не лишай нас удовольствия тебя послушать! Не огорчай нас!

П а н д а р. Сладчайшая царица! Вот уж поистине сладчайшая царица...

Е л е н а. А огорчить сладчайшую — это ведь тяжкая вина!

П а н д а р. Нет! Этим ты ничего не достигнешь! Нет! Нет! Ей-богу, нет! Меня словами не возьмешь! Царевич Троил

просил, чтобы, если царь спросит о нем за ужином, ты бы нашел способ разумно объяснить его отсутствие.

Е л е н а. Любезный Пандар...

П а н д а р. Что изволит изречь моя сладчайшая царица, моя наисладчайшая царица?

П а р и с. Что он затеял? Где это он сегодня ужинает?

Е л е н а. Но, любезный Пандар...

П а н д а р. Что изволит изречь моя сладчайшая царица? — Ну зачем вам знать, где он будет ужинать?

П а р и с. Жизнью ручаюсь, что он будет с этой совратительницей Крессидой!

П а н д а р. Нет! Нет! Ничего подобного! Вы оба заблуждаетесь! Совратительница эта больна!

П а р и с. Ладно, я придумаю, как объяснить его отсутствие.

П а н д а р. Уж пожалуйста, царевич! И чего тебе пришла в голову Крессида? При чем тут Крессида? Нет! Ваша бедная совратительница больна.

П а р и с. Я, кажется, догадываюсь...

П а н д а р. Ты догадываешься? Но о чем ты догадываешься? Дайте-ка мне лучше инструмент, и я вам сыграю. — Приказывай, сладчайшая царица!

Е л е н а. Вот это мило!

П а н д а р. Племянница моя без ума от одного предмета, который принадлежит тебе, сладчайшая царица!

Е л е н а. Она получит этот предмет, любезный Пандар, если только это не супруг мой Парис.

П а н д а р. Он? Нет! Тот, кто ей мил, разлучен с нею, но они мечтают соединиться!

Е л е н а. Соединиться? Из таких соединений трое получаются!

П а н д а р. Нет-нет, я такого и слышать не хочу. Лучше я спою вам песенку.

Е л е н а. Ах! Пожалуйста, любезный Пандар! Какой ты милый! И какой у тебя лобик прекрасный!

П а н д а р. Да что ты! Что ты!

Е л е н а. Только пусть это будет песня о любви, о любви, которая покоряет всех нас! О Купидон! Купидон! Купидон!

П а н д а р. О любви? Хорошо, так тому и быть!

П а р и с. Да-да! Любовь, любовь! Одна любовь!

П а н д а р
(поет)

Любовь, любовь всем миром управляет!

Разит ее стрела

Орлицу и орла.

Не тем любовь сильна,

Что ранит нас она,

А тем, что щекотаньем растравляет.

Любовники вопят: “Конец! Последний вздох!”

Но то, что рану как бы углубляет,

В “ха-ха-ха” все “ох-ох-ох”

Страданий превращает.

Сперва “ох-ох”, а после “ха-ха-ха”,

“ох-ох”, а после “ха-ха-ха”—ха-ха!

Е л е н а. Да он сам влюблен! Влюблен! Честное слово, влюблен! По уши влюблен!

П а р и с. Он питается одними голубями, радость моя, а это распаляет кровь, а пылкая кровь порождает пылкие мысли, а пылкие мысли порождают пылкие действия, а пылкие действия — это и есть любовь.

П а н д а р. Это что ж такое — родословная любви, что ли? Пылкая кровь, пылкие мысли, пылкие действия...И ведь все это ехидны; значит, и любовь не что иное, как порождение ехидны! Боги всемогущие! А кто же у нас сегодня на поле боя?

П а р и с. Гектор, Деифоб, Гелен, Антенор и весь цвет троянского воинства. Я и сам бы пошел, да вот моя Нелли не пустила. Но как это случилось, что и брат мой Троил не пошел?

Е л е н а. Где-то он тоже застрял. Но ты-то ведь знаешь, любезный Пандар.

П а н д а р. Да откуда мне знать, сладчайшая царица? Я сам жажду от кого-нибудь услышать, что с ним сегодня случится.— Так не забудь же объяснить отсутствие брата, царевич!

П а р и с. Можешь на меня положиться!

П а н д а р. Прощай, сладчайшая царица!

Е л е н а. Передай от меня привет твоей племяннице.

П а н д а р. Передам, сладчайшая царица! (*Уходит.*)

Трубят отбой.

П а р и с

Трубят отбой! Идем же во дворец
Приама, чтоб приветствовать героев.

Площадь античного города. Художник Жан Лемар

Любимая Елена! Ты должна
Снять с Гектора доспехи боевые:
Упрямые застёжки лат его
Твоим прекрасным пальцам подчинятся
Охотнее, чем грубому мечу
И силе мышц неукротимых греков.
Ты, ты должна его обезоружить.

Е л е н а

Ему, Парис, я рада услужить.
Ведь если примет он мою услугу,
Вручит он этим самым и венец
Моей красе...

П а р и с

О как тебя люблю я!

Уходят.

Сцена 2

Плодовый сад за домом Пандара.

Входят с разных сторон П а н д а р и мальчик, слуга Троила.

П а н д а р. Ну как? Где твой господин? Уж верно, у моей племянницы Крессиды?

С л у г а. Нет, сударь, он ждёт, чтобы вы его туда провели!

Входит Т р о и л.

П а н д а р. А вот и он! Ну как дела? Как дела?

Троил (слуге). Уходи-ка отсюда.

Слуга уходит.

Пандар. Ну что же? Видел ты мою племянницу?

Троил

Нет, Пандар. Я слонялся у дверей,
Как тень, которая у берега Стикса
Ждет переправы. Будь Хароном мне
Ты сам: перевези меня скорее
На светлые поля, где буду я
На ложе белых лилий наслаждаться!
О Пандар! Оторви у Купидона
Сверкающие крылья — и летим
Со мной к моей Крессиде!

Пандар

Ты жди в саду, а я схожу за нею.

(Уходит.)

Троил

Кружится голова. Воображенье
Желанную мне обещает встречу,
И я уж очарован и пленен.
Что ж станется со мной, когда вкушу я
Любви чудесный нектар! Я умру!
Лишусь сознания или обрету
Способность высшее познать блаженство,

Чья сила сладкая непостижима
Для грубых чувств и недоступна им.
Но я боюсь, что вовсе не сумею
Блаженства светлый облик распознать:
Так в битве, ничего не ощущая,
Крошит герой бегущего врага
В неистовстве.

Входит П а н д а р.

П а н д а р. Сейчас она будет готова и придет сюда. Ну, теперь не упусти случай. Она очень взволнована: вся горит и даже задыхается, как будто ее напугало привидение. Ну, я пошел за ней. И хороша же, чертовка! А сердечко-то у нее бьется как!словно у пойманного воробушка! (*Уходит*).

Т р о и л

Волненье и меня обуревает.
Как сильно бьется сердце! Мысли, чувства
В смятенье, словно робкие вассалы
Перед лицом монарха своего.

Входят П а н д а р и К р е с с и д а.

П а н д а р. Ладно, ладно! Нечего смущаться и краснеть. Стыдливость — это ребячество.— Вот она! Скажи теперь ей самой все те красивые слова, которые говорил мне.— Да куда же ты, племянница? За тобой, оказывается, нужен глаз да глаз, пока тебя не приручишь. Иди-иди, не брыкайся, а то мы тебя взнуздаем.— А ты-то почему молчишь?— Да ну же, пле-

мянница, сними покрывало и покажись нам во всей красе. Жаль вот только, что сейчас ясный день: вы оба боитесь дневного света; будь потемней, вы бы скорее сговорились. Ну-ка, нацелься получше и не промахнись! Теперь — долгий поцелуй. Такой долгий, чтоб хороший плотник успел дом заложить. Что ж вы медлите? И место подходящее и воздух чистый! Начинайте же, пока я не разъединил вас. На то и соколы, чтобы утки не дремали. Приступайте же!

Т р о и л. Повелительница! Увидев тебя, я забыл все слова, какие знал.

П а н д а р. Что слова? Словами долги не платят. Ты покажи ей дела. Но боюсь, что она лишила тебя и способности действовать, и когда дойдет дело до действий... Ну что? Еще не поладили? Не знаете, с чего начать? Так я подскажу вам, как пишут векселя: “в подтверждение того, что обе стороны взаимно...” и так далее. Войдите-ка в дом, а я принесу огонька! (Уходит.)

К р е с с и д а. Желает ли ты войти, царевич?

Т р о и л. О Крессида! Как долго я мечтал об этом!

К р е с с и д а. Ты мечтал? Да ниспошлют тебе боги...

Т р о и л. Что они должны ниспослать мне? Что? Почему ты так обольстительно умолкла? Ужели моя прекрасная повелительница заметила мутный осадок в источнике нашей любви?

К р е с с и д а. Мутного осадка больше, чем воды, если страх мой не слеп.

Т р о и л. Страх! Да ведь ему и херувимы чудятся дьяволами! Страх всегда слеп!

К р е с с и д а. Слепой страх, ведомый зрячим рассудком, скорее найдет верный путь, чем слепой рассудок, идущий наугад без всякого страха. Недаром говорят: побережешься, так и спасешься!

Т р о и л. О повелительница! Не думай о страхе. В свите Купидона нет и не бывает чудовищ!

К р е с с и д а. А что-нибудь чудовищное бывает?

Т р о и л. Ничего чудовищного, но дикого много: например, наши слова, когда мы клянемся пролить моря слез, броситься в огонь, искрошить скалы, укротить тигров силой нашей страсти. Нам ведь кажется, что нашей повелительнице трудней выдумать для нас достаточно тяжелое испытание, чем нам это испытание выдержать. В любви, дорогая, чудовищна только безграничность воли, безграничность желаний, несмотря на то, что силы наши ограничены, а осуществление мечты — в тисках возможности.

К р е с с и д а. Говорят, что все влюбленные клянутся совершить больше, чем они способны, что они хвастают за десятерых, а не делают и десятой доли того, что может сделать один; говорят голосом льва, а поступают как зайцы. Разве они не чудовища?

Т р о и л. Да нет же, они не такие! Цените нас по заслугам, хвалите только за содеянное. Мы будем ходить с непокрытой головой, пока не заслужим венка. Не хвалите нас за предстоящие подвиги, не называйте заслугой то, что еще не совершено, а если оно и совершено, до поры до времени давайте ему скромное название. Я скажу мало, но искренне: Троил будет для Крессиды таким, что сама зависть сможет издеваться только над его верностью, но уж о верности Троила я говорю верно!

К р е с с и д а. Желает ли ты войти, царевич?

Возвращается П а н д а р.

П а н д а р. Как! Все еще робеете и краснеете? И все еще не договорились до дела?

К р е с с и д а. Отныне, дядюшка, все глупости, которые я совершу, я свалю на тебя.

П а н д а р. И на том спасибо. Если у вас получится мальчик, то хлопоты о нем можешь свалить на меня. Только смотри, будь верна царевичу. А если он начнет фальшивить — опять же вали все на меня!

Т р о и л. Вот залог моей любви: слово твоего дяди и моя верность!

П а н д а р. Положим, я и за ее верность поручусь. Женщины нашей породы долго упорствуют, пока за ними ухаживают, но уж раз сдадутся, то бывают верны. Между нами говоря, они как репейник: уж к кому пристанут — не оторвешь!

К р е с с и д а

Я становлюсь смелей. Ну что ж, царевич:
Я много, много дней тебя люблю!

Т р о и л

Зачем же так горда была Крессида?

К р е с с и д а

Горда на вид, но я уже была
Покорена при самом первом взгляде.

Т р о и л
(целует ее)

П а н д а р. Славно, ей-богу, славно!

Крессида. Художник Кини Мидоус

К р е с с и д а

Прошу тебя, прости меня, царевич!
Совсем я не просила поцелуя.
Мне стыдно! Боже! Как же так случилось?
Позволь же мне, царевич, удалиться!

Т р о и л

Прекрасная, ты хочешь удалиться?

П а н д а р

Не ранее чем завтра на рассвете.

К р е с с и д а

Прошу тебя!

Т р о и л

Но что тебя волнует?

К р е с с и д а

Я, я сама!

Т р о и л

От самое себя
Не убежать.

К р е с с и д а

Но я хоть попытаюсь.
С тобой ведь остается все равно

Та часть меня, чья участь — быть рабою
Твоей навек. Ах, где же разум мой?
Что говорю, уж я сама не знаю!

Т р о и л

Кто говорит разумно, тот не может
Не знать, что говорит.

К р е с с и д а

Но, может быть,
С тобой сейчас, царевич, я хитрила,
Чтоб выведать все помыслы твои,
Узнать — разумен ты или безумен:
Ведь быть разумным и влюбленным трудно;
Ведь даже боги любят безрассудно!

Т р о и л

О, если б женщина была способна
Своей любви и верности светильник
От юности цветущей пронести
До старости! Чтоб красоту и свежесть
Любовь своим дыханьем возрождала.
О, если б я, любимая, поверил,
Что верность и доверчивость моя
Найдет в тебе ответ и ту же меру
Чистейшей, верной, преданной любви, —
Я чувствовал бы крылья. Но, увы!

Я верю, как ребенок, я наивен,
И верно ль верю я — не знаю сам!..

К р е с с и д а

Я ощущаю то же, что и ты!

Тарелка с изображением женской головы IV в. до н.э.

Т р о и л

О, спор прекрасный двух сердец влюбленных!
Пускай клянутся именем Троила
Любовники грядущих поколений,
Твердя любимым, что они верны,
Как солнцу — травы, как луне — приливы,

Магнит — железу, голубю — голубка,
Иль как земля закону тяготенья.
Когда ж запас метафор истощат,
В суть верности проникнуть не умея,
Пусть вымолвят: “Верны мы, как Троил!” —
И этими словами увенчают
Все клятвы нежности.

К р е с с и д а

Пусть будет так!

И если я нарушу эту верность,
Пусть через много долгих, долгих лет,
Когда дожди источат стены Трои,
Когда поглотит хмурое Забвенье
Все наши города и даже царства
Могучие истлеют, превратясь
В безликий прах, — пускай живет одно
Воспоминанье о моей измене.
Клеймя измены всех неверных дев,
Пусть скажут, что была непостоянна
Я, как вода, как ветер и песок,
Коварна, как лисица или волк,
Хватающий невинного ягненка,
Как леопард, который ловит лань,
Бесчувственна, как мачеха! Пускай,
Клеймя измену, говорят с презреньем:
“Коварна, как Крессида!”

П а н д а р. Ну вот и хорошо! Сговорились, кажется! Теперь только приложить печать, печать обязательно. А я буду свидетелем. Протяни руку, царевич.— Дай твою руку, племянница. Если только вы когда-нибудь друг другу измените, после того как я положил столько сил, чтобы свести вас,— пусть до самого конца мира всех злосчастных, незадачливых сводников зовут Пандарами, всех неверных мужчин — Троидами, а всех коварных женщин — Крессидами. Аминь.

Т р о и л. Аминь!

К р е с с и д а. Аминь!

П а н д а р. Аминь! А теперь я проведу вас в комнатку; там есть ложе. А чтобы оно не болтало о ваших встречах — давите его изо всех сил! Идем!

Пусть Купидон пошлет всем скромным девам то же:
Посредника, и комнатку, и ложе!

Уходят.

Сцена 3

Греческий лагерь.

Трубы. Входят Агамемнон, Улисс, Диомед, Нестор, Аякс,
Менелай и Калхас.

К а л х а с

Великие мужи! Приспело время
Просить у вас за все, что я свершил,
Достойную награду. Прозревая

Грядущее, покинул Трою я,
Оставил дом и все свое богатство,
Изменника название заслужил
И этим навсегда себя обрек
Сомнительной судьбе, всего лишившись —
Друзей, родных, и почестей, и сана,
Всего того, к чему давно привык.
Отныне делу вашему служу я,
И, словно только что на свет родился,
Всему и всем я чужд и незнаком.
Но вас теперь я слезно умоляю
Мне дать хотя бы часть награды той,
Которую вы щедро обещали.

А г а м е м н о н

Чего ж ты хочешь? Говори, троянец!

К а л х а с

Вчера захвачен пленник — Антенор.
Сей Антенор троянцам очень дорог.
Уже не раз вы делали попытки,
За что вам приношу благодаренье,
Мою Крессида получить взамен
Какого-нибудь пленника; но Троя
Все эти предложенья отклоняла.
Однако же потеря Антенора
Троянцам нанесла такой урон,

Что ничего они не пожалеют,
Чтоб получить его. Уверен я:
Взамен его они отдать могли бы
Любого из Приамовых сынов.
Верните же троянцам Антенора,
Чтоб дочь мою Крессиду получить,
И это я приму как награждение
За все мои услуги.

А г а м е м н о н

Диомед!

Тебя я отправляю за Крессидой.
Просимое Калхасу отдадим.
Устрой же сей обмен, как подобает,
И сообщи, что если поединка
Желает Гектор, то Аякс готов!

Д и о м е д

Все выполню. Горжусь, что доверяют
Мне это бремя!

Диомед и Калхас уходят. Из шатра выходят А х и л л и П а т р о к л.

У л и с с

Ахилл стоит у своего шатра!
Вот если б нам пройти спокойно мимо,
Не бросив даже взгляда на него,
Как будто мы о нем не помышляем!

Я сзади всех пойду. Меня, наверно,
Он спросит, почему небрежны с ним.
Тогда я поднесу ему лекарство
Насмешки над чужим высокомерьем
И собственной спесивостью его.
Охотно выпьет он питье такое
И, может быть, в чужом высокомерье,
Как в зеркале, увидит облик свой.
Коленопреклоненьем — все мы знаем —
Мы чванству только цену набавляем.

А г а м е м н о н

Совет неплох: последуем ему.
Пусть каждый, на Ахилла не взглянув,
Пройдет надменно или еле-еле
Ему кивнет, — а это для него
Еще обидней! Следуйте ж за мною!

А х и л л

Как! Вы опять пришли? Ведь я сказал,
Что против Трои больше не сражаюсь.

А г а м е м н о н

Что говорит он? Он о чем-то просит?

Н е с т о р
(Ахиллу)

С царем желаешь ты поговорить?

А х и л л

Нет!

Н е с т о р

Государь, он ни о чем не просит!

А г а м е м н о н

Не просит? Что ж! Тем лучше для него.

Агамемнон и Нестор уходят.

А х и л л

Эй, добрый день!

М е н е л а й

Да, добрый...Да, да, да...

(Уходит.)

А х и л л

Э! Рогоносец, кажется, смеется?

А я к с

Ну как, Патрокл?

А х и л л

Аяксу добрый день!

А я к с

Э?

А х и л л

Добрый день, я говорю, Аяксу.

А я к с

И завтра тоже будет добрый день.

(Уходит.)

А х и л л

Да что они — Ахилла не узнали?

П а т р о к л

Прошли-то как надменно! А бывало,
Улыбками, поклонами встречали,
Едва не становились на колени,
Как в храме!

А х и л л

Полно! Как же это так?
Да разве стал я жалок или беден?
Мы знаем, что покинутых Фортуной
И люди покидают. О своем
Паденье мы в глазах друзей читаем
Скорей, чем сами чувствуем его.
Все люди — мотыльки и только летом
Легко порхают. Не умеем чтить
Мы в человеке просто человека:
Мы почитаем лишь его почет,

Его богатство, славу, положение,
Не думая, как это все случайно!
Чуть поскользнешься — и любовь людская
Теряет равновесие мгновенно
И умирает падая. Но я
С Фортуной дружен. Всем я обладаю,
Чем до сих пор по праву владел.
Так что ж могли они во мне заметить,
Дающее им право перестать
Ко мне с почтеньем прежним относиться?
Но вот идет Улисс, читая что-то.
Его спрошу я. — Как дела, Улисс?

У л и с с

Дела идут, великий сын Фетиды!

А х и л л

А что читал ты?

У л и с с

Да один чудака
Мне пишет, будто внутренне и внешне
Богато одаренный человек
Тогда лишь качества свои познает,
Когда они других людей согреют
И возвратятся с отраженной силой
К источнику.

А х и л л

Да это так и есть!

Ведь даже красоту свою познать
Мы можем, лишь увидев отраженной
В глазах других. И даже самый глаз
Не может, несмотря на совершенство
Строенья, видеть самого себя.
Но если глаз глаза других встречает,
В глазах других читает он привет.
Ведь и познание не в себе самом,
А в том, что познает, черпает силу.

У л и с с

Я с этой мыслью спорить не хочу,
Но автор доказать еще стремится,
Что будто человек не управляет
Своими совершенствами, пока
Их не применит на других, что будто
Не знает вовсе он себе цены,
Пока его другие не оценят
Достойной похвалой, подобно своду,
Что отвечает на любые звуки,
Или подобно стали, что приемлет
Тепло и свет, но отражает сразу
И облик солнца и его тепло.
Я поразился этим рассуждением,
Задумался — и мне на ум пришел

Непризнанный Аякс.
О небо, небо! Что за человек!
Подумать только! Вот иной на вид
Смешон и туп — а сколько в нем сокрыто!
Меж тем иной, согласно чтимый всеми,
На деле-то не стоит ни гроша.
Но завтра случай все решит: быть может,
Прославленным Аякса назовут.
Иные действуют, иные дремлют;
Иной Фортуне лишь потехой служит,
Иной, глядишь, пробрался к ней в чертог!
У гордеца урвать кусочек счастья
Не трудно, ежели гордец беспечен.
Уж и теперь угрюмого Аякса
Стремится каждый по плечу похлопать,
Как будто он уж придавил ногой
Грудь доблестного Гектора и Трою
Разрушил.

А х и л л

На меня уж и не смотрят.
Прошли, как мимо нищего. Пожалуй,
Забыли все, содеянное мной!

У л и с с

Есть срашное чудовище, Ахилл,—
Жестокое Забвенье. Собирает

Все подвиги в суму седое Время,
Чтоб их бросать в прожорливую пасть:
Забвенье все мгновенно пожирает.
Разумный муж хранит и чистит Славу,
Как панцирь, а не то она ржавеет,

Кратер с изображением силена 350-330 гг. до н.э.

Но ржавый панцирь только для потехи
Пригоден. Будь же бдителен, Ахилл!
Узка тропинка Славы: рядом с нею
Один лишь может об руку идти.
Не уступай дороги, ибо Зависть
Имеет сотни сотен сыновей,

И все за Славой гонятся; а если
Уступишь место или отойдешь —
Все ринутся, как волны в час прилива,
Тебя оставив позади.
Так, ежели убит скакавший первым
Горячий конь, то задние ряды
Его затопчут. Новые деянья
Былые постоянно заслоняют.
Ведь Время, как хозяин дальновидный,
Прощаясь, только руку жмет поспешно,
Встречая ж — в распростертые объятья
Пришедших заключает. Слово “здравствуй”
Улыбчиво, а тихое “прощай”
Уныло. Забываются легко
Былая доблесть, красота, отвага,
Высокое происхожденье, сила,
Любовь и дружба, доброта и нежность.
Все очернит завистливое Время
И оклеветает. Люди разных стран
Равны в одном: им дорого и любо
Все новое, хоть новое и лепят
Из старого. Ценнее и дороже
Нам позлащенной глины черепок,
Чем золото, измазанное глиной.
Мы ценим только то, что глаз прельщает.
Не удивляйся ж ты, великий муж,
Что греки начинают чтить Аякса.

Маячит он у всех перед глазами
И тем заметен. Ведь и тебе
Кричали много и кричали б снова,
Когда б ты заживо не схоронил
Себя, да и свою былую славу.
О, не твои ль деяния недавно
Богов подвигли на соревнованье,
Заставив Марса в бой вступить?

А х и л л

Но я

Не без причины удалился.

У л и с с

Верно.

Однако много доводов за то,
Чтоб ты не удалялся. Уж известно,
Что в дочь Приама ты влюблен.

А х и л л

Да ну?

Кому ж известно?

У л и с с

Зоркому вниманью
Тех, кто умеет каждую крупицу
Сокровищ всех Плутоновых учсть,
Измерить все глубины океанов,

Проникнуть в суть и зарождение мыслей.
Божественную сущность государства
Не описать ни словом, ни пером.
Ее законами никто не вправе
Пренебрегать. Твои сношенья с Троей
Затрагивают и тебя и нас.
Ведь, сам ты понимаешь, подобает
Ахиллу победить не Поликсену,
А Гектора. Ведь даже юный Пирр
Смутится духом, коль пойдет молва
И станут петь все греческие девы:
“Ахилл сestroю Гектора пленен,
Зато Аяксом Гектор побежден!”
Прощай! Я говорю, тебя жалея:
Уж лед трещит под тяжестью твоею!

(Уходит.)

П а т р о к л

И я, Ахилл, о том же говорю:
Как женщинам нахальным, так мужчинам
Изнеженным — невелика цена.
Я знаю, мне приписывают часто,
Не склонному к воинственным забавам,
Что будто я стараюсь удержать
Тебя своей любовью! Разомкни же
Игривые объятья Купидона,
Как лев росинки стряхивает с гривы.

А х и л л

Так с Гектором Аякс пойдет сражаться?

П а т р о к л

Да, и стяжает славу, может быть!

А х и л л

Так, значит, честь моя уязвлена?

П а т р о к л

Когда самих себя мы уязвляем,
Лечение трудно. Всякая беспечность
К опасности дает все полномочья
Опасности, разящей в ясный день
Того, кто праздно греется на солнце.

А х и л л

Иди зови Терсита, милый друг!
К Аяксу я шута отправлю с просьбой
Сюда троянцев знатных пригласить
Без боевых доспехов после битвы.
Как женщина, сгораю я желаньем
В одежде мирной Гектора узреть,
Наговориться с ним и наглядеться
На лик его.— Да вот и сам Терсит!
Отлично! И ходить за ним не нужно!

Входит Терсит.

Терсит. Ну и чудеса же творятся!

Ахилл. В чем дело?

Терсит. Да вот Аякс шляется по полю и сам с собой разговаривает!

Ахилл. Это еще что?

Терсит. А то, что завтра он должен выйти на поединок с Гектором, и он уже заранее так возгордился, предвкушая эту героическую потасовку, что пришел в неистовство и болтает чепуху.

Ахилл. Как же это так?

Терсит. А вот так! Выступает как павлин: то постоит, то опять пройдетя. Бормочет что-то про себя, как трактирщица, когда та в уме что-нибудь подсчитывает, не прибегая к счетам. Кусает губы с глубокомысленным видом, словно и в самом деле полагает, будто у него в голове что-то есть. Оно-то, впрочем, конечно, так: кое-что есть. Но ум в его голове все равно как огонь в кремне: пока не стукнешь как следует — не увидишь! Да, пропал парень! Совсем пропал! Если он не свихнет себе шею в этом поединке с Гектором, так он сам свихнется от дурацкой спеси. Меня он теперь и узнавать не желает. Я ему говорю: “Здорово, Аякс!” — а он мне в ответ: “Спасибо, Агамемнон!” Ну что можно сказать о человеке, который меня принял за нашего вождя? Чудище какое-то: ни рыба ни мясо. Даже речи складной нет. Черт бы побрал это самое общественное мнение: его и так и сяк можно приспособить, и наизнанку можно носить, как кожаную одежду!

А х и л л. Ты должен отправиться к нему послом от меня, Терсит!

Т е р с и т. Кто? Я? Да он никому не отвечает. Он так прямо и заявил, что разговоры — это удел попрошайек, а он умеет разговаривать только кулаками. Сейчас я вам его изображу: пускай Патрокл обратится ко мне с каким-ниубдь вопросом — и вы увидите Аякса как живого.

“Последняя пирушка”. Роспись килика IV в. до н.э.

А х и л л. Ну, что ж, Патрокл, подойди и скажи ему: я покорнейше прошу доблестного Аякса пригласить достойнейшего Гектора прийти в мой шатер без оружия, а также прошу достать для особы Гектора охранную грамоту от шестижды-семижды прославленного правителя и вождя греков, Агамемнона. И далее в том же духе. Начинай!

П а т р о к л. Благословение Юпитера великому Аяксу!

Т е р с и т. Угу!

П а т р о к л. Я пришел к тебе от славного Ахилла.

Т е р с и т. Эге!

П а т р о к л. Он покорнейше просит тебя пригласить Гектора в его шатер...

Т е р с и т. Угу!

П а т р о к л. И добыть ему охранную грамоту от Агамемнона...

Т е р с и т. Агамемнона?

П а т р о к л. Да, мой повелитель!

Т е р с и т. Эге!

П а т р о к л. Каков будет твой ответ?

Т е р с и т. Да спасут тебя боги! От всего сердца...

П а т р о к л. Мне нужен ответ, сударь.

Т е р с и т. Если завтра выдастся славный денек, то к одиннадцати часам все уже будет известно. Так или иначе, он мне дорого заплатит.

П а т р о к л. Мне нужен ответ, сударь.

Т е р с и т. Желаю успеха! От всего сердца!

А х и л л. Да неужто он в таком состоянии?

Т е р с и т. Нет, он не в состоянии, а именно н е в состоянии что-либо соображать. Это полнейшее расстройство. Тут уж и настраивать нечего: все вразброд. То-то будет музыка, если Гектор крепко стукнет его по башке! А может, и никакой музыки не будет? Вот разве что скрипач Аполлон наделает из его жил струн для своей скрипки.

А х и л л. Ладно! Ты просто отнесешь ему письмо.

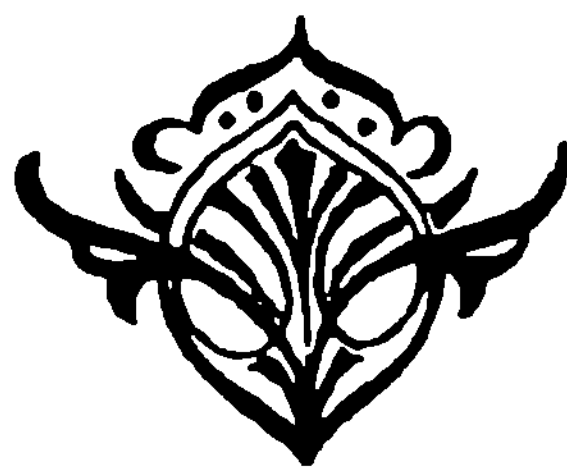
Т е р с и т. Дай-ка, я отнесу другое к его лошади: она сообразительнее.

А х и л л

Мой разум помутился, как поток
Бурлящий. Дно я разглядеть не в силах!

Ахилл и Патрокл уходят.

Т е р с и т. Эх, кабы поток твоего разума стал снова чистым: я мог бы хоть осла в нем выкупать! Нет, уж лучше быть овечьей вошью, чем таким доблестным невеждой! (*Уходит.*)

АКТ IV

Сцена 1

Троя. Улица.

Входят с одной стороны Эней и его слуга с факелом,
с другой стороны — Парис, Деифоб, Антенор, Диомед
и другие греки с факелами.

П а р и с

Кто там идет?

Д е и ф о б

Эней высокородный.

Э н е й

Ужели сам Парис передо мной?
Будь у меня такая же причина
Залеживаться долго — сами боги
Меня бы с ложа не могли похитить.

Д и о м е д

Вот это верно! Добрый день, Эней!

П а р и с

Эней! Приветствуй доблестного грека
И расскажи о том, как Диомед
Преследовал тебя на поле боя
Немало дней.

Э н е й

Привет! Цвети, герой,
И здравствуй в час беспечный перемирья.
Но в битве, если встретишься со мной,
Скажу: погибни смертью самой черной!

Д и о м е д

Прими ж и от меня привет ответный.
Пока течет спокойно наша кровь,
Желаем мы друг другу процветанья;
Но в бйтве буду я, как злой охотник,
Безжалостно преследовать тебя.

Э н е й

И будь уверен: льва ты повстречаешь
И пасть его увидишь! Но теперь
Приветствую тебя как гостя в Трое.
Клянусь Анхизом и рукой Венеры,
Что вряд ли кто врага любил так сильно
И так давно мечтал его сразить!

Д и о м е д

Как это верно! Боги! Если меч мой
Эней своею смертью не прославит,
Пусть он живет десятки сотен лет;
Но, если суждено ему погибнуть
От моего меча, пусть смертью храбрых
Погибнет завтра ж от несчетных ран!

Э н е й

О, как мы славно сходимся во мненьях!

Д и о м е д

Но и в сражение мы сойдемся славно!

П а р и с

Вот самый неприветливый привет
И самая враждебная любовь!
Зачем, Эней, ты поднялся так рано?

Э н е й

Царь звал меня. Зачем — еще не знаю.

П а р и с

Ты должен в дом Калхаса с этим греком
Пойти и там прекрасную Крессиду
Ему отдать в обмен за Антенора.
Идем же вместе. Или, может быть,
Вперед идти ты хочешь? Мне сдается,

Улица Трои. Раскопки Г.Шлимана в 1870 г.

Что брат Троил ночует там сегодня, —
Так разбуди его и Расскажи
Ему о цели нашего прихода.
Боюсь, он будет нам не рад!

Э н е й

Конечно.

Охотней Трою он бы отдал грекам,
Чем дочь Калхаса — Трое.

П а р и с

Изменить

Ничто не в силах горькое стечение
Событий. Так идем же поскорей!

Э н е й

Прощайте все. Иду, иду, царевич!

(Уходит вместе со слугой.)

П а р и с

Скажи мне, благородный Диомед,
Правдиво, честно, как сказал бы другу;
Кто все-таки достойнее Елены —
Я или Менелай?

Д и о м е д

Достойны оба.

Он тем, что ищет вновь ее вернуть,

Изменою ее пренебрегая,
Ты — тем, что удержать ее стремишься,
Не замечая, что она бесчестна,
Ценой страданий и затрат несметных,
Ценой потери доблестных друзей.
Он рад, рогатый, выпить все подонки,
Которые останутся в сосуде;
Ты, сладострастник, на развратном ложе
Готов зачать наследников своих!
Вы, со своей распутницею вместе,
Друг друга стоите, сказать по чести!

П а р и с

Ты дочь своей отчизны не щадишь!

Д и о м е д

Она ведь не щадит своей отчизны!
За каплю каждую порочной крови
В ее развратном теле отдал жизнь
Троянец или грек. Поверь, царевич:
За жизнь свою произнесла едва ли
Блудница эта больше добрых слов,
Чем пало добрых за нее голов!

П а р и с

Прекрасный Диомед! Ты, как торговец,
Порочишь то, что покупать задумал.
Но мы благоразумно помолчим:

Расхваливать товар мы не хотим.
Идем же, друг!

Уходят.

Сцена 2

Там же. Двор перед домом Пандара.

Входят Т ро и л и К р е с с и д а.

Т р о и л

Рассвет холодный, милая: уйди!

К р е с с и д а

Любимый, только дядю позову я,
Чтоб отпер он калитку.

Т р о и л

Не тревожь
Его напрасно. Ляг! Пусть сон смежит
Прекрасные глаза и принесет
Забвенье, как беспечному ребенку.

К р е с с и д а

Но утро так прекрасно.

Т р о и л

Ляг, усни!

К р е с с и д а

Уж ты со мной скучаешь?

Т р о и л

О Крессида!

Когда бы петухи крикливым пеньем
И жаворонки день не разбудили,
Прогнав нас укрывающую ночь,
Я не ушел бы.

К р е с с и д а

Ночь была короткой.

Т р о и л

Она, колдунья, мнится бесконечной
Больным и страждущим, а из объятий
Любви летит скорей крылатой мысли.
Но уходи: ты можешь простудиться!

К р е с с и д а

Ах, не спеши! Всегда спешат мужчины!
Когда б тебя я дольше отвергала,
Сегодня не спешил бы ты.— Но кто там?

П а н д а р
(из дома)

Зачем все двери настежь?

Т р о и л

Дядя твой!

К р е с с и д а

Ах, что за наказание! Он отравит
Мне жизнь теперь насмешками своими.

Входит П а н д а р.

П а н д а р. Ну как дела? Почем нынче девственность? Скажи-ка, милая, где тут моя племянница Крессида?

К р е с с и д а

Отстань! Несносна мне твоя шутливость.
Ты сам меня до этого довел!

П а н д а р. До этого? До чего же?— До чего? Ну-ка, скажи, до чего я тебя довел?

К р е с с и д а

Ты сам негодник и других смущаешь,
И все вокруг стремишься загрязнить.

П а н д а р. Хи-хи! Ах ты, бедняжка! Несчастливая моя курочка! Ты сегодня не выпалась! Видно, он, негодяй, не давал тебе спать. Ах, медведь его задави!

Стук в ворота.

К р е с с и д а

Вот так тебя по голове бы стукнуть!

Кто там явился, дядя, посмотри-ка.—
А ты пока войди ко мне, любимый!
Чего же ты смеешься, словно я
Тебе сказала что-нибудь плохое.

Т р о и л

Ха-ха!

К р е с с и д а

Нет, понял ты меня превратно!

Снова стук.

Ах, как они стучат. Прошу тебя,
Войди, чтоб здесь тебя не увидали!

Троил и Крессида уходят.

П а н д а р (*идет к двери*). Кто там? Что случилось? Чего
вы ломитесь? В чем дело, я спрашиваю, что случилось?

Входит Э н е й.

Э н е й

Привет тебе, о благородный Пандар!

П а н д а р

Как! Это ты, Эней? Клянусь богами,
Что не узнал тебя! Какие вести?

Э н е й

Троил царевич здесь?

П а н д а р

Как! Здесь Троил? А что ему здесь делать?

Э н е й

Друг, не скрывай: он здесь, я это знаю.
Ему на пользу будет наша встреча.

П а н д а р. Да неужто он здесь? Ей-богу, я не подозревал этого. Я ведь вернулся поздно и ничего не знаю. Но зачем бы ему здесь быть?

Э н е й. Напрасно ты отпираешься. Ты только вредишь ему этим. Знаешь, иная преданность бывает хуже предательства. Ты, конечно, можешь и не подозревать, что он тут, но все-таки советую тебе пойти за ним!

Входит Т р о и л.

Т р о и л

В чем дело? Что случилось?

Э н е й

О царевич!

Я так спешу, что не могу достойно
Приветствовать тебя. За мною следом
Парис, и Деифоб, и Антенор,
Из плена возвращенный; с ними грек,
Прекрасный Диомед. За Антенора
Ему должны мы возратить сегодня
Крессиду.

Т р о и л

Кто решение это вынес?

Э н е й

Приам и все великие мужи.
Они сейчас придут сюда, царевич.

Т р о и л

Как горько я за счастье поплатился!
Я встречу их! Но ты, Эней, меня
Не видел здесь. Мы встретились случайно.

Э н е й

Не беспокойся! Тайны я умею
Хранить надежней, чем сама природа.

Троил и Эней уходят.

П а н д а р. Да возможно ли это? Только что схватил и уже
упустил! Черт бы побрал этого Антенора! Царевич теперь с
ума сойдет. Чума задави этого Антенора! Хоть бы он себе шею
свернул.

Входит Крессида.

К р е с с и д а

Что, что случилось? Кто тут был сейчас?

П а н д а р. Ах! Ах!

К р е с с и д а

Чего ты так вздыхаешь? Где царевич?
Скажи мне, милый дядя, что случилось?

П а н д а р. Ах, провалиться бы мне сквозь землю!

К р е с с и д а. О боги! Да что же случилось?

П а н д а р. Прошу тебя, уходи! Ах, зачем ты только на свет родилась! Я как будто знал, что ты будешь причиной его смерти. Ах, несчастный юноша! Ах, задави чума этого Антенора!

К р е с с и д а

О дядя, на коленях умоляю,
Скажи мне, что случилось?

П а н д а р. Тебя возьмут от нас, голубушка! Тебя возьмут от нас! Тебя уже обменяли на Антенора. Ты отправишься к своему отцу и оставишь Троила, а для него это — гибель, смерть. Он этого не вынесет.

К р е с с и д а

Клянусь богами — не уйду отсюда!

П а н д а р

Но ты должна!

К р е с с и д а

Нет, нет! Я не хочу!
Отца забыла я. Родство по крови

Мне не родство. Троил дороже мне
Всех близких и родных. О боги, боги!
Пусть именем Крессиды называют
Измену, если я его покину!
Ни время, ни насилие, ни смерть,
Мое терзая тело, не сумеют
Любовь сломить и уничтожить в нем.
Как центр земли, она всего основа!
О, горе мне! Пойду страдать и плакать!

П а н д а р

Да, да! Иди!

К р е с с и д а

Я буду щеки нежные царапать,
Рвать волосы и голос надрывать!
Пусть сердце разорвется, призывая
Троила. Нет! Я не покину Трои!

(Уходит.)

Сцена 3

Перед домом Пандара.

Входят Парис, Троил, Эней, Деифоб, Антенор и Диомед.

П а р и с

Уж близится назначенное время,
Когда должны мы доблестному греку

Ее вручить. Мой милый брат Троил,
Пойди скажи Крессиде благородной
Об этом и ее поторопи.

Т р о и л

Войдите в дом. Я приведу ее
И греку передам. Но ты запомни:
Троил, твой брат, как жрец, в минуту эту
Приносит в жертву собственное сердце.

П а р и с

Я знаю, что испытываешь ты.
Мне жаль тебя, но я помочь не в силах.—
Войдемте в дом, друзья, прошу вас всех!

Уходят.

Сцена 4

Комната в доме Пандара.

Входят П а н д а р и К р е с с и д а.

П а н д а р

Умерь свою печаль, умерь стенанья!

К р е с с и д а

К чему слова? Что я могу умерить?
Моя печаль могуча и безмерна,

Остра, сильна, как самая причина,
Родившая ее. Могу ль умерить
Такую боль? Когда бы силу чувства
Могла я сделать, как питье, прохладней,
Тогда б и боль была не так остра.
Но нет! Ничем я страсти не умерю:
Огромна боль, огромна и потеря!

Входит Т р о и л.

П а н д а р. Ах, вот он! Голубки вы мои бедненькие!

К р е с с и д а. О Троил, Троил! (*Обнимает его.*)

П а н д а р. Вот это любовь! Залюбуешься, право! Дайте-ка, я тоже обниму кого-нибудь из вас. Как это в песне-то хорошо сказано:

Ах, бедное сердце, зачем вздыхать?
Тебе разорваться впору!

А оно отвечает:

Ничто мою боль не сможет унять:
Ни жалость, ни уговоры!

Чудесный стишок! Вот уж что верно, то верно — всякий пустяк может пригодиться, даже такой стишок. Ну, как, ягнятки мои?

Т р о и л

Крессида, я люблю тебя одну!
Я прогневил богов: хвалу бессмертным
Твердили холодно мои уста,

Когда тобою сердце пламенело,—
За это боги разлучают нас!

К р е с с и д а

Ужели боги завистью страдают?

П а н д а р

Да-да, конечно! Это очевидно!

К р е с с и д а

Так, значит, я должна покинуть Трою?

П а н д а р

Увы и ах!

К р е с с и д а

Как! И Троила тоже?

П а н д а р

И Трою и Троила.

К р е с с и д а

Невозможно!

Т р о и л

Да, мы должны немедленно расстаться.
Судьба нам даже не дает отсрочки

П а н д а р. Да где же мои слезы? Лейтесь, слезы, лейтесь, пожалуйста, чтобы унять эту бурю, а не то ведь и мое сердце можно вырвать с корнем! (*Уходит.*)

К р е с с и д а

Так ухожу я к грекам?

Т р о и л

Да, к несчастью!

К р е с с и д а

Крессиде горестной — к веселым грекам?
Когда же вновь мы свидимся, любимый?

Т р о и л

Будь только ты верна мне! Будь верна!

К р е с с и д а

Ужель во мне ты можешь сомневаться?

Т р о и л

Нет, это не тревога подозрения.
Я говорю: “Будь только ты верна” —
Не потому, что я боюсь измены.
Я брошу вызов смерти, утверждая,
Что сердцем ты прекрасна и чиста.
Я говорю: “Будь только ты верна” —

Чтоб этим укрепить упорство веры,
Что свидимся мы вновь.

К р е с с и д а

О мой любимый!
Опасностям себя не подвергай
И твердо верь, что я тебе верна.

Т р о и л

С опасностями я уже сроднился.
Возьми рукав — залог моей любви!

К р е с с и д а

А ты — перчатку. Так когда же встреча?

Т р о и л

Я подкуплю всю греческую стражу,
Чтоб ночью, друг мой, посетить тебя!
Но будь верна!

К р е с с и д а

Опять — “верна”! Зачем
Ты это повторяешь?

Т р о и л

Дорогая!
Стройны, красивы молодые греки,

Природою одарены богато,
Притом умеют развивать искусно
Природные дары. Всегда влечет

Греческие монеты с изображением Афины и нимфы Аретузы IV в. до н.э.

Нас новое. Увы! Я знаю — ревность
Внушает мне тревогу; но пойми,
Что это грех простительный.

К р е с с и д а

О боги!

Не любишь ты меня!

Т р о и л

Да будь я проклят,
Коль это так! Не в верности твоей
Я выразил сомненье, а в своих
Достоинствах: я не умею петь,
Отплясывать ла-вольт, сладкоречиво
Беседовать, затейных игр не знаю, —
А греки все в таких делах искусны.

Но в этих совершенствах несомненно
Таится дьявол, искушая нас.
О, не поддайся этим искушеньям!

К р е с с и д а

Ужель ты сомневаешься во мне?

Т р о и л

Нет, но порою против нашей воли
Мы демонами для себя самих
Являемся и обуздать не в силах
Ни слабостей, ни склонностей своих.

Э н е й
(из дома)

Царевич!

Т р о и л

Поцелуемся, простимся!

П а р и с
(из дома)

Троил, мой брат!

Т р о и л

Иди сюда, Парис!
Пускай Эней и грек войдут с тобою.

К р е с с и д а

А ты, любимый, будешь ли мне верен?

Т р о и л

Я буду ль верен? Верность ведь порок,
Мне свойственный. Не хитростью лукавой,
А верностью своей и простотой
Известен я. Пусть медные короны
Себе другие пышно золотят,
А мой венец лишь верностью украшен.
Не бойся, друг мой! Я таков уж есть:
Мне свойственны лишь простота и честь.

Входят Эней, Парис, Антенор, Деифоб и Диомед.

Т р о и л

Привет мой Диомеду! Вот Крессида,
За Антенора отданная грекам.
Ее тебе вручу у врат троянских.
Храни ее, о достославный грек,
И помни: если встретимся мы в битве,
Крессиды имя сделает священным
Тебя и жизнь твою, как самого
Приама в Илионе.

Д и о м е д

Не спеши
Благодарить, прекрасная Крессида,

Царевича. Краса твоих очей
Тебе охраной служит. Диомеду
Как госпожа приказывай отныне!

Т р о и л

Ты, грек, со мною обошелся грубо,
Пренебрегая просьбою моей
И вознося Крессиды красоту.
Но знай — она превыше всех похвал,
Ты не достоин быть ее слугою.
Нет, это я тебе повелеваю:
Храни ее, не то, клянусь Плутоном,
Будь даже сам Ахилл тебе охраной,
Тебе я горло перережу.

Д и о м е д

Полно,
Троил, не горячись! Ведь я посол:
Моя особа неприкосновенна.
Поговорим мы позже, но запомни,
Что никого я слушать не привык
И сам я по достоинству сумею
Крессиду оценить. Тебе ж мой нрав
Велит сказать открыто: ты неправ!

Т р о и л

Что ж, подождем. Но в битве, Диомед,

За эти речи ты мне дашь ответ.—
Дай руку мне, Крессида. Близок час.
Поговорим с тобой в последний раз.

Троил, Крессида и Диомед уходят.

Слышен звук трубы.

П а р и с

Чу! Это Гектора труба!

Э н е й

Я слышу.

Он будет упрекать меня, наверно:
Я обещал его опередить.

П а р и с

Троил тому виной. Идем скорее.

Д е и ф о б

Да, нужно приготовиться и нам.

Э н е й

Как молодой жених, с веселым пылом
За Гектором вослед мы поспешим.
Сей день решит судьбу и славу Трои:
Коль он герой, то все мы с ним герои.

Уходят.

Сцена 5

Греческий лагерь. Поле поединка.

Входят Аякс, вооруженный; Агамемнон, Ахилл, Патрокл, Менелай, Улисс, Нестор и другие.

Агамемнон

Ты свеж и бодр, и ты сюда явился,
Опережая время. Разбуди же,
Аякс бесстрашный, Трою звуком трубным.
Пусть самый воздух, страхом потрясенный,
Противника великого зовет
На место боя.

Аякс
(трубачу)

Вот мой кошелек!
Труби, каналья, чтобы медь трубы
Надулась, чтобы легкие трещали!
Труби, упруго щеки раздувая,
Как ярый Аквилон! Пусть лопнет грудь,
Пусть брызнет крови ток из глаз твоих —
Труби, труби! Ты Гектора зовешь!

Звук трубы.

Улисс

Никто не отвечает.

А х и л л

Слишком рано.

А г а м е м н о н

Что это? Диомед и дочь Калхаса?

У л и с с

**Да, это он; я узнаю походку:
Он на носки ступает, ибо духом
Всегда стремится к небу вознестись.**

Входят Диомед и Крессиды.

А г а м е м н о н

Ответствуй мне, Крессиды ль это?

Д и о м е д

Да!

А г а м е м н о н

Приветствую прекрасную Крессиду!

Н е с т о р

Тебя наш царь поцеловать желает.

У л и с с

**Но он пока один тебя целует,
А мы бы рады все поцеловать.**

Н е с т о р

Разумно и учтиво. Так начну я:
Сей поцелуй от Нестора прими.

(Целует ее.)

А х и л л

Позволь Ахиллу с уст твоих прелестных
Стереть холодный старца поцелуй!

М е н е л а й

И я когда-то целовался тоже!

П а т р о к л

(становится между Менелаем и Крессидой и целует ее)

Но кончилась теперь твоя пора:
Парис дерзкий отнял, торжествуя,
Твои права — и право поцелуя.

У л и с с

Его рога мы шуткой золотим,
Но из-за них мы жизни не щадим!

П а т р о к л

Был первый поцелуй за Менелая,
Второй же — за меня.

(Вторично целует ее.)

М е н е л а й

Ну, ты того...

П а т р о к л

Парис и я — целуем за него.

М е н е л а й

Ну нет, свой поцелуй и сам возьму я.

К р е с с и д а

Возьмешь иль дашь? Чего-то не пойму я.

П а т р о к л

Возьму и дам.

К р е с с и д а

Нет, вовсе не хочу я:
Неравноценны ваши поцелуи.

М е н е л а й

Три за один тебе я обещаю.

К р е с с и д а

Я равноценное предпочитаю.

М е н е л а й

Да что ж? Ужель я не чета другим?

Крессида

Ты не чета Парису, ясно мне:
Ты стал нечетным по его вине.

Менелай

Царапнула!

Крессида

Случайно, может быть.

Улисс

Нет, ноготком рога не повредить.
Прекрасная! Прошу о поцелуе!

Крессида

Проси.

Улисс

Его я жажду.

Крессида

Так проси же.

Улисс

Клянусь Венерой. Поцелую сам,
Когда Елена возвратится к нам.

Английская актриса XVIII века Килер в роли Крессиды

К р е с с и д а

Так я должница. Поцелуй за мной.

У л и с с

Далек и день и поцелуй такой.

Д и о м е д

Прекрасная Крессида, нам пора.

(Уходит вместе с Крессидой.)

Н е с т о р

Ну и развязна ж!

У л и с с

Не терплю таких.

Что говорят ее глаза и губы
И даже ноги? Ветреность во всех
Ее движениях нежных и лукавых,
Противна мне и резвость языка,
Любому открывающая сразу
Путь к самым тайникам ее души.
Как стол, накрытый для гостей случайных,
Она добыча каждого пришельца.

Звук трубы.

В с е

Труба троянца!

А г а м е м н о н

Вот они идут.

**Входят Гектор, Эней, Троил и другие знатные троянцы
со свитой.**

Э н е й

**Привет вам, гордость Греции! Обсудим,
Как наградить того, кто победит,
И что считать победою. Должны ли
Противники сражаться до конца,
Иль поединок прекратим сигналом
Каким-либо условным? Это Гектор
Велел спросить.**

А г а м е м н о н

А сам он как желает?

Э н е й

Он примет все условия охотно.

А х и л л

**Я Гектора повадку узнаю:
Заносчив он и слишком презирает
Противника.**

Э н е й

**Ты, кажется, Ахилл
По имени?**

А х и л л

Ну да, Ахилл, конечно.

Э н е й

Так вот, Ахилл, отныне твердо помни:
С великим он велик, а с малым — мал.
Он доблестен и горд неизмеримо.
Взвесь истинную цену слов моих:
Не гордость это, а скорей учтивость.
Аякс — наполовину нашей крови,
И Гектор наш, сразиться собираясь
С полутроянцем, искренне решил
Употребить лишь половину сил.

А я к с

Хитро! Так поединок будет плевый!

Входит Д и о м е д.

А г а м е м н о н

А вот и Диомед, наш славный воин.
Ты за Аякса обсуди с Энеем
Условия: до смерти ли сражаться
Героям или до потери сил?
Противники не зря единой крови,
Их мир уже пред боем наготове!

Аякс и Гектор занимают место для боя.

У л и с с

Они готовы! Можно начинать.

А г а м е м н о н

Кто сей троянец, столь печальный с виду?

У л и с с

Приама младший сын, отличный воин,
Годами юн, но смел и верен слову;
Он не речист, зато делами славен,
Не дерзок он, но дерзких не прощает;
Он прямодушен, щедр и сердцем чист;
Все, чем богат, отдаст, что мыслит — скажет;
Он низости не терпит никакой,

Святилище Афины в Пергаме. Реконструкция

Но разумом страстей не умеряет;
Как Гектор, смел, но Гектора опасней:
В пылу сражения нередко Гектор
Щадит бессильных, — этот же в сраженье
Ужасен, как любовник оскорбленный.
Его зовут Троилом и вторым
Героем после Гектора считают, —
Так в Илионе мне сказал Эней,
Который знает юношу отлично.

Трубы.

Гектор и Аякс сражаются.

А г а м е м н о н

Сражаются!

Н е с т о р

Теперь держись, Аякс!

Т р о и л

Будь бдительнее, Гектор!

А г а м е м н о н

Он метко бьет! Так-так, Аякс, отлично!

Д и о м е д

Достаточно.

Трубы умолкают.

Э н е й

Дадим сигнал отбоя!

А я к с

Нет, рано! Я еще не распалился!

Д и о м е д

Как пожелает Гектор.

Г е к т о р

Что ж! Довольно!

Ты мне родня, ты сын сестры Приама,
И нам родство по крови запрещает
В соревнованье нашем допустить
Исход кровавый. Если б мы могли
Сказать о каждой части тела: вот
Та целиком троянская рука,
Та — греческая; кровь отца течет
В одной щеке, зато в другой струится
Кровь матери-троянки! Видят боги —
Все греческие мышцы и суставы
Отвели бы моего меча.
Но праведные боги запрещают,
Чтоб пролил я хотя бы каплю крови,
Меня роднящей с матерью твоей!
Нет! Не хочу я осквернить свой меч!
Дай, обниму тебя, Аякс любезный!

Клянусь Юпитером: твоя рука
Сильна. Так потряси ж рукою этой
Мне руку, брат!

Аякс

Спасибо, славный Гектор.
Я вижу — ты и доблестен и добр!
Ведь я пришел сюда с одною мыслью —
Тебя убить и этим похвалиться!

Гектор

Ну нет! Ведь даже сам Неоптолем
Едва ли Гектора сразить мечтает,
Хотя над ним давно сияет слава,
Провозглашая: “Вот он! Вот герой!”

Эней

И греки и троянцы ожидают
Вестей о поединке.

Гектор

Мы ответим:
Мы обнялись, и все. Прощай, Аякс!

Аякс

Когда б мои желанья уважались,
Я пожелал бы, чтобы Гектор славный
Как гость в шатрах у греков побывал.

Д и о м е д

И Агамемнон и Ахилл желают
Тебя увидеть, Гектор, без доспехов.

Г е к т о р

Эней! Проси прийти сюда Троила,
А между тем пошли троянцам весть
О радостном исходе поединка.—
Дай руку мне, Аякс! Идем на пир!
Я рад увидеть греческих героев.

А я к с

Сам Агамемнон вышел к нам навстречу.

Г е к т о р

Ты всех мне поименно назови.
Ахилла по замашкам и по росту
Отменному узнать довольно просто.

А г а м е м н о н

Приветствую тебя, о враг могучий,
От коего избавиться мечтал я!
Но не пойми слова мои превратно:
Пусть все, что предстоит, и все, что было,
Поглотит в этот день река забвенья.
Пускай одна лишь дружба торжествует.

Передаем тебе, великий Гектор,
От сердца к сердцу искренний привет.

Гектор

Благодарю, великий Агамемнон!

Агамемнон
(Троилу)

Привет тебе, достойный сын Приама!

Менелай

Позвольте мне, воинственные братья,
Привет царя и брата повторить.

Гектор

С кем говорю я?

Эней

С Менелаем славным.

Гектор

А, это ты? Спасибо. Я клянусь
Железной дланью Марса, как
клянется

Венерой бывшая твоя супруга,
Что хорошо живется ей. Тебе же
Нет от нее привета.

М е н е л а й

Замолчи!

Не поминай при мне ты это имя
Проклятое!

Г е к т о р

Прости, я виноват.

Н е с т о р

Тебя, троянец смелый, видел часто
Я в битве. Ты прокладывал свой путь,
Как пламенный Персей, коня пришпорив
Фригийского, но, равнодушный к славе,
Не опускал ты своего меча
На головы поверженных тобою.
И часто я с восторгом восклицал:
“Вот это — сам Юпитер, жизнь дающий!”
Видал я также, как во время битвы,
Когда тебя кольцом теснили греки,
Ты, как борец на олимпийских играх,
Спокойно отдыхал. Лицо твое
Всегда закрыто было сталью шлема —
Теперь тебя без шлема лицезрю.
Твой дед со мной сражался. Был он смел,
Но, поклянусь владыкой нашим Марсом,
Его с тобой равнять я не могу.
Позволь же заключить тебя в объятия!

Добро пожаловать, достойный воин!
Привет от старца!

Э н е й

Это древний Нестор!

Г е к т о р

Я рад тебя обнять, о летописец!
Ты об руку со временем идешь
Уже давно, о достославный Нестор!

Н е с т о р

С тобой я рад бы силой состязаться,
Как состязаюсь тонкостью ума.

Г е к т о р

Ну что же, я не прочь!

Н е с т о р

Ха-ха! Клянусь
Моей седою бородой, что завтра ж
Померялись бы мы, когда б я мог.

У л и с с

Как странно мне, что могут стены Трои
Стоять, когда у нас ее основа.

Гектор

Известно мне, Улисс, твое витийство!
Ах, сколько пало греков и троянцев,
С тех пор как я увидел в Илионе
Послами Диомеда и тебя!

Улисс

Я предсказал тогда, что ожидает
Нас всех. Мои пророчества сбылись
Еще наполовину. Стены Трои
И башни, возносящиеся гордо
До неба, в прах повергнутся.

Гектор

Не верю!

Они пока стоят надежно. Кровью
За каждый наш фригийский камень грекам
Придется заплатить. Я знаю: время
Рассудит всех. Конец венчает дело,
И он придет.

Улисс

Оставим же ему
Решенье, храбрый, достославный Гектор!
Пока проследуй к нашему вождю,
А после загляни и в мой шатер.

А х и л л

Нет, дорогой Улисс, ко мне он прежде
Придет.— О Гектор! Я тобой люблюсь!
Я жадно весь твой облик изучаю,
Чтоб наизусть тебя запомнить, Гектор!

Г е к т о р

Кто это говорит? Ахилл?

А х и л л

Ахилл!

Г е к т о р

Так подойди! Дай разглядеть тебя!

А х и л л

Смотри же всласть!

Г е к т о р

Уже я насмотрелся.

А х и л л

Не слишком ль скоро? Я вот, как барышник,
Тебя еще разглядывать готов.

Г е к т о р

Разглядывай, читай меня, как книгу

О доблестях. Но многого, пожалуй,
Ты не поймешь. Ну что ж ты так упорно
Уставился?

А х и л л

О, укажите, боги
Какое место в этом сильном теле
Мне поразить, чтоб Гектора убить?
Хочу я знать, где будет эта рана?
Где эта брешь, отверстие, откуда
Дух Гектора великого уйдет?

Г е к т о р

Бессмертные, на твой вопрос ответив,
Унизили б себя. Молчи, гордец!
Не думаешь ли ты, что так уж просто
Обдумать и найти надежный способ
Меня сразить?

А х и л л

Да, думаю. И что же?

Г е к т о р

Будь ты оракулом, вещая это,
И то б я не поверил. Берегись!
Уж я тебя убью, не обсуждая,
Куда ударить! Дивным шлемом Марса

Клянусь тебя всего изранить в битве!—
Простите, греки мудрые, что словом
Заносчивым сорвал он с уст моих
Ответ надменный; но слова делами
Я подтверждаю.

А я к с

Мой брат, не горячись!—
Свои угрозы вы оставьте оба.
Случайно иль намеренно, в бою
Сойдетесь вы, имей лишь ты желанье.—
Но я боюсь, тебя уж не допустят
Сражаться с Гектором.

Г е к т о р

Так что ж, Ахилл?
Коль ты не прочь — давай сойдемся в поле!
С тех пор как ты покинул дело греков,
Сражаться не с кем мне.

А х и л л

Ты просишь, Гектор,—
Так завтра насмерть мы с тобою бьемся;
А нынче мы друзья.

Г е к т о р

Что ж, по рукам!

А г а м е м н о н

Вас, Греции великие мужи,
Прошу в шатер: все вместе попируем;
А там, коль это Гектору и вам
Приятно, — попирует он и с каждым
Из вас отдельно. — Бей же, барабан!
Играйте, трубы, громче! Славный

В О И Н

Высокой встречи воинской достоин!

Все, кроме Троила и Улисса, уходят.

Т р о и л

Улисс высокородный, умоляю,
Скажи мне — где находится Калхас?

У л и с с

В шатре, где Менелай живет, царевич.
Сегодня с ним пирует Диомед;
Он нынче не на землю, не на небо
Восторга полный устремляет взор,
А только на красавицу Крессиду.

Т р о и л

А ежели тебя я попрошу,
Когда мы с Агамемноном простимся,
Туда пойти со мной?

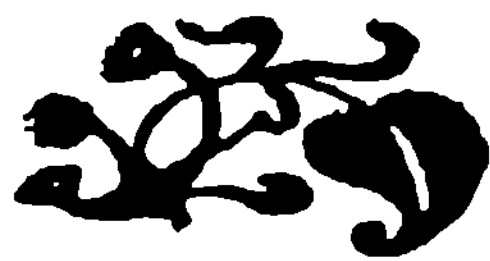
У л и с с

**Готов, царевич!
А ты мне Расскажи, кого Крессида
Оставила в стенах великой Трои,
Какой любовник там о ней томится?**

Т р о и л

**Смешон нам тот, кто хвастается раной
Глубокою. Веди меня, Улисс!
Она любима, любит и страдает,
Но жадный рок злосчастную терзает!**

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Греческий лагерь; перед шатром Ахилла.

Входят Ахилл и Патрокл.

Ахилл

Я ночью греческим вином согрею
Ту кровь, что меч мой завтра охладит.
Патрокл! Мы угостим его на славу!

Патрокл

А вот Терсит.

Входит Терсит.

Ахилл

Ну что, нарыв злоречья?
Что, пень трухлявый, новости какие?

Терсит. Да вот тебе письмо, идол идиотопоклонников,
тебе, блестящая пустышка, письмо!

Ахилл. Откуда, жалкое подобие образа человеческого?

Т е р с и т. Из Трои, воплощение глупости, из Трои.

П а т р о к л. Ну как там Гектор у Агамемнона? Небось ты в шатер и не прорвался?

Т е р с и т. Именно так: тер, тер, а не прорвался. Так всегда бывает, когда чирей нарывает.

П а т р о к л. Ловко сказано, Невзгода. Но к чему все эти выкрутасы?

Т е р с и т. Да замолчи ты, мальчишка. Нечего мне с тобой толковать. Разве ты мужчина? Так, прислужница Ахиллова ложа...

П а т р о к л. Что? Я — прислужница Ахиллова ложа? Это еще что такое?

Т е р с и т. Ну — наложница мужеского пола, если это тебе понятнее. Этакая противоестественная мразь! Да нападут на вас все распроклятые немочи, да поразят вас все катары, под-агры, боли в пояснице, грыжи, ломота в суставах, обмороки, столбняки, параличи! Да вытекут ваши глаза, да загноятся у вас и печень и легкие, да сведет вам и руки и ноги!

П а т р о к л. Чего ты ругаешься, чертова перечница?

Т е р с и т. А разве я ругаю тебя?

П а т р о к л. Нет, куцый огрызок, нет, непотребный сукин сын!

Т е р с и т. Нет, так что ж ты так растревожился, вонючий шматок шерсти, гнойная глазная повязка, рукава от жилетки! Эх, ты! И почему это мир переполнен такой мошкаррой, такой мелюзгой, умаляющей величие природы!

П а т р о к л. Вон отсюда, желчный пузырь!

Т е р с и т. Ах ты, тухлое яйцо!

А х и л л

Патрокл, любезный друг мой, не хочу я
Принять участие в завтрашнем бою.
Вот у меня посланье от Гекубы
И дочери ее — моей любимой,
И обе со слезами умоляют,
Чтоб клятву я сдержал. Я не могу
Ее нарушить. Пусть погибнут греки!
Я славою своей не дорожу,
Но эту клятву честно я сдержу.
Идем, Терсит, шатер украсим мой:
Сегодня ночью будет пир горой!—
Идем, Патрокл!

Ахилл и Патрокл уходят.

Т е р с и т. Да! Крови много, а мозгу мало; не диво, что эти молодчики спят! Вот кабы они спятили от избытка мозга и нехватки крови, так я, пожалуй, сам сумел бы их вылечить! Возьмем Агамемнона... Что ж! Он человек порядочный, только бабочек любит... Мозгу-то у него, впрочем, тоже не больше чем серы в ушах. А вот его братец — забавная разновидность Юпитера: подлинный бык на цепочке. Рогоносец из рогоносцев! Ну что могло получиться из ума, нашпигованного злостью, и злости, приправленной умишком? Только осел. Но это было бы еще ничего, да ведь он еще и вол! И это бы еще ничего! Но он вдобавок полуосел и полувол. Нет, я охотней соглашусь быть

мулом, собакой, кошкой, хорьком, жабой, ящерицей, совой, коршуном, вяленой селедкой — чем угодно, только не Менелаем. Нет! Кабы судьба сделала меня Менелаем, я бы взбунтовался. Ну чем бы я хотел быть, не будь я Терситом? Во всяком случае, лучше уж быть вошью в тряпье прокаженного, чем Менелаем! Ого! Сюда приближаются какие-то блуждающие огни!

Входят Гектор, Троил, Аякс, Агамемнон, Улисс,
Нестор, Менелай и Диомед с факелами.

А г а м е м н о н

С пути мы сбились.

А я к с

Нет, вдали огни.

Г е к т о р

Я причинил вам хлопоты.

А я к с

Пустое!

У л и с с

Да вот Ахилл дорогу нам укажет!

Входит А х и л л.

А г а м е м н о н

Теперь прощай, прекрасный сын Приама!
Аякс тебя потом проводит сам.

Гектор

Спокойной ночи, повелитель греков!
Спасибо!

Менелай

Доброй ночи, славный воин!

Гектор

Прощай и ты, сладчайший Менелай!

Терсит. Ну уж и сладчайший! Нашел к чему применить словечко. Сладчайшая помойка! Сладчайший сток для нечистот!

Ахилл

Желаю доброй ночи уходящим!
Приветствую пришедших!

Агамемнон

Так прощай!

Агамемнон и Менелай уходят.

Ахилл

Ты, древний Нестор, с юным Диомедом
Побудьте с Гектором часок-другой.

Диомед

О нет! Я занят делом неотложным

И не могу опаздывать никак.—
Прощай, великий Гектор.

Г е к т о р

Дай мне руку.

У л и с с
(*тихо, Троилу*)

Пойдем за факелом его, и он
Нас прямо приведет к шатру Калхаса.

Т р о и л

От всей души спасибо.

Г е к т о р

Доброй ночи!

Диомед уходит; Улисс и Троил следуют за ним.

А х и л л

Идемте же, идемте в мой шатер!

Ахилл, Гектор, Аякс и Нестор уходят.

Т е р с и т. Этот Диомед лицемер и проныра. Самый бесчестный плут из всех, кого я знаю. Я верю его льстивости не больше чем шипенью змеи. На обещания он не скупится, как брехливая собака, но коли он хоть одно исполнит, так это уж такое чудо — вроде знаменья, — что впору астрологам предсказывать! Нет,

уж скорее Луна станет светить, как Солнце, чем Диомед сдержит хоть одно свое обещание. Я, пожалуй, откажусь от удовольствия посмотреть на Гектора, но этого плута выслежу. Говорят, у него завелась какая-то троянская тварь, и шатер изменника Калхаса прикрывает их делишки. Пойду-ка следом. Ведь подумать только: везде разврат! Везде распутники! (*Уходит.*)

Сцена 2

Там же. Перед шатром Калхаса.

Входит Диомед.

Диомед. Эй, кто тут есть? Отвечайте!

Калхас (*из шатра*). Кто там?

Диомед. Я — Диомед, а ты как будто Калхас? Но где же твоя дочка?

Калхас (*из шатра*). Она сейчас к тебе выйдет.

Входят Трои и Улисс; останавливаются в отдалении;
за ними Терсит.

Улисс

Стань так, чтоб факел нас не осветил.

Входит Крессида.

Троил

Она! К нему?

Диомед

Питомице — привет!

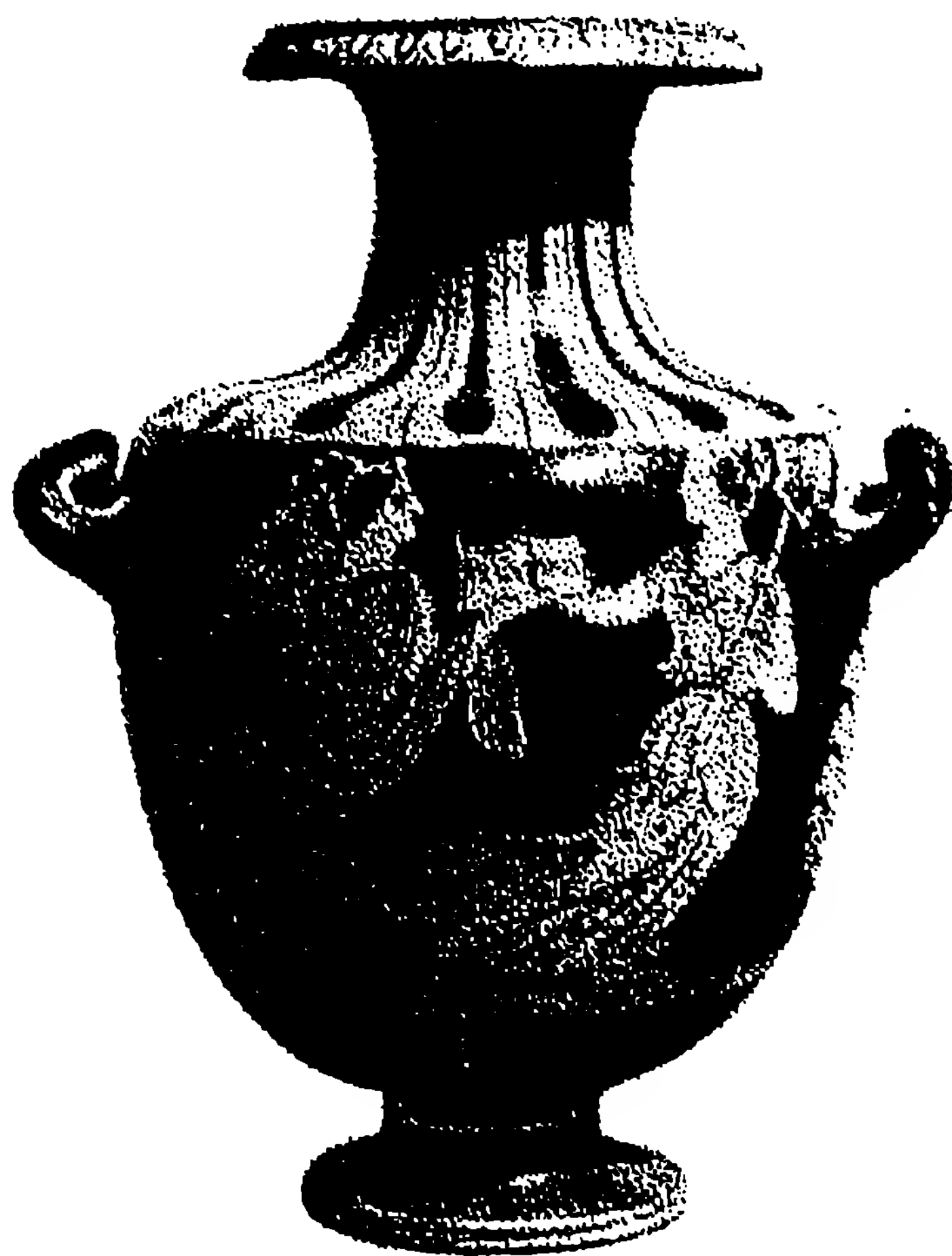
Крессида

Мой милый опекун, одно словечко!

(Шепчет ему на ухо.)

Троил. Так сблизились!

Улисс. Она играет глазками с первым встречным!

Гидрия с изображением двух женщин IV в. до н.э.

Терсит. Она играет, и на ней любой может играть: лишь бы ключ был!

Диомед

Так помни!

К р е с с и д а

Помню, помню, будь спокоен!

Д и о м е д

**Смотри же, чтоб дела не расходились
С твоими мыслями.**

**Т р о и л. Что ж это она должна запомнить?
У л и с с. Тише! Слушай!**

К р е с с и д а

Ах, милый грек, не соблазняй меня!

Т р о и л

О, подлость!

Д и о м е д

Ну, а все же?

К р е с с и д а

Нет, не надо.

Д и о м е д

Ну хоть словечко. Что ты так боишься!

К р е с с и д а

Нет... Не могу... Чего же хочешь ты?

Т е р с и т

Совсем безделицы: уединиться!

Д и о м е д

Но ты ведь поклялась, что ты исполнишь!

К р е с с и д а

Ах, не лови меня на этой клятве,
Прекрасный грек! Чего-нибудь другого
Проси.

Д и о м е д

Прощай.

Т р о и л

О, я молчать не в силах!

У л и с с

Ну, что, троянец, скажешь?

К р е с с и д а

Диомед!

Д и о м е д

Нет-нет, прощай: меня не одурачишь.

Т р о и л

Она дурачит лучшего, чем ты!

К р е с с и д а

Одно словечко на ухо.

Т р о и л

Проклятье!

У л и с с

Царевич, ты расстроен. Удалимся,
Прошу тебя. Твой гнев растет и может
Ужасными словами разразиться.
Опасно здесь. Уйдем же, умоляю!

Т р о и л

Нет, подождем, прошу тебя.

У л и с с

Довольно!

Уйдем. Ты вне себя. Уйдем, царевич!

Т р о и л

Нет, подожди.

У л и с с

Но ты себя не сдержишь.

Т р о и л

Нет, подожди. Клянусь мученьем ада,
Ни слова не скажу!

Диомед

Так доброй ночи!

Крессида

Ты сердишься как будто?

Троил

А тебя

Печалит это, жалкое создание?

Улисс

Сдержи себя, царевич!

Троил

О Юпитер!

Да, я сдержу себя.

Крессида

Ах, опекун мой!

Диомед

Нет-нет, прощай: уж больно ты хитришь.

Крессида

Да нет же, не хитрю я. Подойди же!

Улисс

Ты весь дрожишь, царевич. Уходи!

Ты вне себя.

Т р о и л

Вот по щеке его
Погладила.

У л и с с

Идем, идем со мною.

Т р о и л

Нет, подожди. Юпитером клянусь:
Ни слова не скажу я. Как плотина,
Терпенье встало пред моей обидой.
Еще немного подождем.

Т е р с и т. Ведь как этот бес сладострастия щекочет их своим жирным хвостом и распутными пальцами!— Смелей, паскудники, смелей!

Д и о м е д

Согласна ты?

К р е с с и д а

Да, можешь мне поверить!

Д и о м е д

Так подари мне верности залог.

К р е с с и д а

Сейчас.

(Уходит.)

У л и с с .

Смотри, ты клялся все стерпеть.

Т р о и л

Не бойся; я не чувствую себя:
Уж я не я, а лишь одно терпенье.

Входит Крессида.

Т е р с и т. Ну-ка! Где залог? Ну-ка! Ну-ка!

К р е с с и д а

Вот, Диомед, дарю тебе рукав.

Т р о и л

А где же клятва верности?

У л и с с

Царевич!

Т р о и л

Я все стерплю. Я не подам и виду.

К р е с с и д а

Его залог! Ах, как меня любил он!
Изменница!.. О нет! Верни его!

Д и о м е д

Да чей он?

К р е с с и д а

Чей бы ни был — он опять
В моих руках. Нет, не хочу я встречи
С тобою, Диомед. Оставь меня.

Т е р с и т. Тонкая игра! Браво! Это не женщина, а бритва!

Д и о м е д

Я отниму.

К р е с с и д а

Его?

Д и о м е д

Да-да, его!

К р е с с и д а

О боги! О залог любви бесценный!
Хозяин твой не спит и размышляет
И о тебе и обо мне, вздыхая,
Мою перчатку поднося к губам,
Как я тебя целую.— Только с сердцем
Моим ты у меня возьмешь залог!

Д и о м е д

Я сердце раньше взял, теперь — залог.

Т р о и л

Поклялся я, что все стерплю спокойно.

К р е с с и д а

Нет, Диомед, ты не возьмешь залога.
Я дам тебе другое что-нибудь.

Д и о м е д

Но чей он? Чей?

К р е с с и д а

Не все ль тебе равно?

Д и о м е д

Нет, полно, ты признаешься мне, чей он.

К р е с с и д а

Любившего меня сильнее, чем ты.
Ты взял его. Бери же.

Д и о м е д

Чей же он?

К р е с с и д а

Клянусь тебе Дианы светлой свитой,
И ей самой его не назову я.

Д и о м е д

Так завтра сей залог на шлем надену,
Чтоб сразу подарившего найти.

Т р о и л

Будь ты хоть дьявол сам и на рогах
Носи залог мой — вызову тебя!

К р е с с и д а

Пусть говорят: что было, то прошло;
Я слово данное беру обратно.

Д и о м е д

Прощай же! С Диомедом шутки плохи!

К р е с с и д а

Нет, погоди. Зачем же так легко
Ты сердишься?

Д и о м е д

Я не люблю глумленья!

Т е р с и т

И я, клянусь Плутоном, но, вернее,
Я не люблю глумленья над собою,
А вообще — люблю.

Д и о м е д

Так что ж, мне приходить?

К р е с с и д а

Приди, о боги!

Приди, хотя меня замучит совесть.

Диомед

Итак, прощай, до встречи.

(Уходит.)

Крессида

Приходи же!

Троилу вслед один мой глаз глядит,
Другим же глазом страсть руководит.
О слабый пол! Все наши заблужденья
Зависят от игры воображенья.
Наш ум глазам подвластен, потому
Никто не верит женскому уму.

(Уходит.)

Терсит

Еще разумнее она б сказала,
Признавшись, что распутницею стала!

Улисс

Все кончено.

Троил

Да, все.

Улисс

Так что ж стоишь ты?

Т р о и л

Хочу я закрепить в душе моей
Все слышанное мною, слог за слогом.
Я вспоминаю разговор их нежный,
И думается мне, что это сон.
Еще осталась в сердце искра веры,
Еще надежда силится упрямо
Оспаривать свидетельство ушей
И глаз моих. Ведь и они нередко
Клевещут и обманывают нас.
Крессида ль здесь была?

У л и с с

Я не умею,
Царевич, привиденья вызывать!

Т р о и л

Нет, это не она.

У л и с с

Увы, она!

Т р о и л

Нет, не она. Ведь я в своем уме?

У л и с с

И я в уме. Но здесь была Крессида.

Т р о и л

Нет, именем всех женщин я клянусь
И честью наших матерей — не верю!
Я не хочу поддаться клевете
Постыдной: ведь, Крессиду опозорив,
Всех женщин опозорю я! Не верю!

У л и с с

Но разве наших матерей она
Позорит?

Т р о и л

Нет, ведь это не она!

Т е р с и т

Он собственным глазам уже не верит.

Т р о и л

Нет, я не верю. То была другая,
То Диомедова была Крессида!
О, если красота имеет сердце,
А сердце клятвы свято соблюдает,
А клятвы соблюдать нас учат боги,
И если есть во всем закон и смысл, —
Так это не она. О, я безумен!
С самим собою спорить я готов.
Все двойственно, и восстает мой разум
На самого себя, неутомимо

Твердя одно: нет, это не Крессида!
В душе моей великая борьба:
Как странно неделимое двоится,
Становится и небом и землей;
Но так неуловимо их различье,
Что даже тонкой нитью Арахнеи
Нельзя его в пространстве обозначить.
О, верю, верю! Как врата Плутона,
Сознание непреложно, что с Крессидой
Я связан как бы узами небес.
О, знаю, знаю: ныне эти узы
Разорваны, растоптаны, разбиты;
Теперь она сама из их обрывков
Искуснейшими пальцами своими
Связала новый тоненький шнурочек,
Чтоб к Диомеду привязать себя.

У л и с с

Троил достойный! Даже вполовину
Страдать, как ты страдаешь, тяжело.

Т р о и л

Да, грек! И боль свою запечатлеть
Кровавыми хочу я письменами,
Пылающими, словно сердце Марса,
Зажженное Венерой! Никогда
Никто, нигде так не любил, как я!

Крессиду так же страстно я люблю,
Как страстно Диомеда ненавижу.
Он мой рукав на шлем себе нацепит.
Но, будь тот шлем самым Вулканом сделан,
Его разрубит меч мой. Дикий ветер,
Который называют ураганом,
Столб воздуха, сгущенный ярым солнцем,
Несется, поражая слух Нептуна,
Не столь стремительно, как ярый меч мой,
Который Диомеда поразит!

Т е р с и т

Уж взгреет он его за похотливость!

Т р о и л

Моя Крессида лжива! Лжива! Лжива!
Любое вероломство чище этой
Измены злой!

У л и с с

Сдержи себя, царевич.
Твой страстный гнев вниманье привлечет.

Входит Э н е й.

Э н е й

Я целый час ищу тебя, царевич.
В доспехах Гектор. Он собрался в Трою.
Аякс готов вас проводить обоих.

Т р о и л

Иду, иду!— А ты, мой друг, прощай!
Прощай, змея-изменница! А тот
Грек пусть башку свою побережет!

У л и с с

Я провожу тебя.

Т р о и л

Прощай. Спасибо.

Уходят.

Т е р с и т (*выступает вперед*). Эх, вот бы мне повстречать этого пройдоху Диомеда! Я бы покаркал над ним, что твой ворон, напороочил бы ему беду! А, пожалуй, Патрокл мне что-нибудь даст, если я расскажу ему об этой шлюхе: он таких любит, как попугай — миндальные косточки. Распутство и разбой, разбой и распутство — это всегда в моде! Ах, припеки их дьявол в самое уязвимое место. (*Уходит.*)

Сцена 3

Троя. Перед дворцом Приама.

Входят Гектор и Андромаха.

А н д р о м а х а

Ужели мой супруг настолько гневен,
Чтобы моим молениям не внимать?
Сними доспехи! В битву не ходи!

Гектор

Молчи, не то могу тебя обидеть!
Уйди! Клянусь богами: я решил.

Андромаха

Недобрый сон я видела сегодня.

Гектор

Молчи, я говорю.

Входит Кассандра.

Кассандра

Где брат мой Гектор?

Андромаха

Он здесь, сестра моя! Он рвется в бой.
О, станем на колени перед ним,
Чтоб внял он просьбам нашим и молениям:
Тревожный сон всю ночь меня томил
Скоплением смутным призраков кровавых.

Кассандра

О, то был вещий сон!

Гектор

Трубите, трубы!

К а с с а н д р а

Не надо, брат мой, заклиная небом!

Г е к т о р

Уйди, сестра! Богами я поклялся!

К а с с а н д р а

Но боги глухи к неразумным клятвам
Разгневанных: так порченная печень
Лишь оскверняет жертвоприношение.

А н д р о м а х а

О мой супруг! Нельзя считать священным
Деянье, причиняющее вред!
Ведь если мы добытое разбоем
На дело милосердия отдаем,
Мы злого дела тем не искупаем.

К а с с а н д р а

Обетов сила в их разумном смысле;
Бессмысленность их крепости лишает.
Сними доспехи, Гектор!

Г е к т о р

Замолчи!

Наперекор судьбе, во имя чести

Пойду я. Жизнь всем людям дорога,
Но лучшим людям — честь дороже жизни.

Входит Т р о и л.

Что, юноша? И ты решил сражаться?

А н д р о м а х а

Кассандра, пусть его отец попросит!

Кассандра уходит.

Г е к т о р

Нет, юный брат мой, тыними доспехи:
Сегодня я сражаться буду сам.
Пока твои не укрепятся мышцы,
Превратностей войны не искушай.
Ты храбр, мой брат, и можешь быть героем,
Но нынче я один сражусь за Трою.

Т р о и л

Брат, за тобой один порок я знаю,
Присущий больше льву, чем человеку.

Г е к т о р

Что ж, назови его, мой милый брат.

Т р о и л

Когда твой славный меч на павших греков,

Как ураган, обрушиться готов,
Ты говоришь: “Вставай! Живи!”

Гектор

Но это ж честно!

Троил

Это глупо, Гектор!

Гектор

Что, что сказал ты?

Троил

Да, клянусь богами!

Пусть жалостливы матери седые;
Но мы, когда в доспехах мы, должны
Лишь месть нести на поднятых мечях,
Безжалостно искореняя жалость.

Гектор

Но это дикость!

Троил

Это суть войны!

Гектор

Троил, не должен ты сражаться нынче.

Т р о и л

А кто меня посмеет удержать?
Ни рок, ни Марса длань и жезл горящий,
Ни матери Гекубы, ни отца
Коленопреклоненного рыданья,
Ни ты, мой славный брат, своим мечом —
Никто остановить меня не в силах,
Одна лишь смерть.

Входят К а с с а н д р а и П р и а м.

К а с с а н д р а

О, удержи его, Приам, отец мой!
Он посох твой! Опору ты теряешь,
А ты — опора Трои, и с тобою
Все рушится!

П р и а м

Подумай, сын мой Гектор!
Жене и матери твоей приснилось
Недоброе. Сестра твоя вещает
Недоброе, и сам я здесь, томимый
Предчувствием, к тебе сейчас взываю:
Не уходи!

Г е к т о р

Эней давно уж в поле.
Послал я вызов грекам. Честь моя

Велит сегодня утром мне явиться
Пред ними!

П р и а м
О мой сын, не уходи!

Г е к т о р
Нет, не могу нарушить слово я,
Отец любимый! О, не принуждай
Меня презреть сыновнее почтение!
Ты сам меня пошли и отпусти,
О царственный Приам!

К а с с а н д р а
Не отпускай!

А н д р о м а х а
Не отпускай его, отец любимый!

Г е к т о р
Меня ты рассердила, Андромаха!
Коль дорог я тебе, так уходи!

Андромаха уходит.

Т р о и л
А эта суеверная девчонка
Своими снами всполошила всех,
Безумная!

К а с с а н д р а

Прощай, любимый Гектор!
О, ты уж мертв! Твой взор уже затмился,
И кровь течет из страшных ран твоих!
Как Троя плачет! Как вопит Гекуба,
Как страшно Андромаха голосит!
Повсюду плач и дикое смятение;
Все, как безумные, себя не помня,
Кричат: “Он умер! Гектор, Гектор умер!”

Т р о и л

Довольно! Прочь отсюда!

К а с с а н д р а

Я уйду!

Прощай же, Гектор. Меч уж занесен:
Падешь и ты и славный Илион!

Г е к т о р

Отец, не слушай слов ее безумных,
Ободри всех, скажи, что бранной славой
Нас озарит сегодня бой кровавый.

П р и а м

Прощайте, дети. Да хранят вас боги!

Приам и Гектор уходят в разные стороны.

Тревога.

Т р о и л

Вот, началось! Ну, Диомед, гордец,
Теперь-то мы сочтемся наконец!

Входит П а н д а р.

П а н д а р

Постой, постой, царевич!

Т р о и л

Что такое?

П а н д а р. Да вот письмецо пришло тебе от одной бедной девочки.

Т р о и л. Дай, я прочту.

П а н д а р. Ох, проклятушая чахотка! Подлая сучья чахотка вконец меня замучила. Да еще огорчает меня несчастная судьба этой девочки. Ох-ох-ох! Не то, так другое будет-таки причиной моей смерти. Видишь: у меня и глаза стали слезиться, а в костях такая дьявольская ломота — просто не знаю, что и подумать. Ну, так что ж она там пишет?

Т р о и л

Слова, слова, слова — а сердца нет!

(Разрывает письмо.)

А дело обстоит совсем иначе.

Слова на ветер, и письмо —

на ветер.

Надгробие Гегесо. Барельеф IV в. до н. э.

Меня словами в заблуждение вводит,
А для другого нежный час находит!

Троил и Пандар уходят в разные стороны.

Сцена 4

Поле между Троей и греческим лагерем.

Тревога. Стычки. Входит Т е р с и т.

Т е р с и т. Вот это так сцепились! Пойду-ка посмотрю поближе. Этот наглый пройдоха Диомед привязал-таки себе на шлем рукав влюбленного троянского молокососа. Вот бы посмотреть, как они встретятся! Вот кабы молодой троянский осел, влюбленный в шлюху, отколошматил этого сластолюбивого греческого паскудника так, чтобы тот вернулся к своей распутнице ни с чем в полном смысле слова! Да! Впрочем, и хитрости всех остальных мудрых пройдох тоже гроша медного не стоят. Нестор весь прогнил, как изъеденный мышами сыр, а Улисс — помесь пса с лисицей. Натравил ублюдка Аякса на такого же кобеля — Ахилла; а теперь один кобель важничает перед другим. Аякс не желает сегодня сражаться, и греки по этому случаю решили отбросить всякие тонкости и вести себя, как варвары! Здорово!

Входят Д и о м е д и преследующий его Т р о и л.

Т р о и л

Стой! Не беги! Ведь даже в волны Стикса
Я брошусь за тобою!

Диомед

Не бегу я!

Я только отступил, чтобы сражаться
В удобном месте, от толпы подальше.
Ну что ж, троянец, нападай! Держись!

Т е р с и т. Держись, держись за свою потаскушку, грек; и ты за свою, троянец! Эй, рукав, рукав!

Троил и Диомед уходят сражаясь.

Входит Гектор.

Гектор

Эй, кто ты, грек? Ты с Гектором сразиться
Достоин ли по крови и по званью?

Т е р с и т. Нет-нет, куда там. Я бедный прохвост, паршивый зубоскал, грязный проходимец.

Гектор

Я верю этому. Тогда — живи!

(Уходит.)

Т е р с и т. Да благословят тебя боги за то, что ты мне пове-
рил, но за то, что напугал меня, желаю тебе сломать шею.
Однако надо бы разузнать, что случилось с теми двумя разврат-
никами. Они ведь, пожалуй, проглотят один другого. То-то бы
я посмеялся такому чуду! Хотя это и не чудо вовсе. Похоть
всегда сама себя пожирает. Пойду-ка поищу их! (Уходит.)

Сцена 5

Другая часть поля сражения.

Входит Диомед и слуга.

Диомед

Скорей возьми Троилова коня
И отведи его к моей Крессиде.
Скажи, что я красе ее служу.
Влюбленного троянца уничтожив,
Я буду рыцарем ее теперь.
Иди скорей!

Слуга

Иду, мой господин!

Входит Агамемнон.

Агамемнон

Вперед! Смелей! Жестокий Полидам
Поверг Менона, а Маргарелон
Ублюдок в плен Дорея захватил;
С копьем стоит он каменным колоссом
Над трупами поруганных царей
И Кедия и Эпистропа; ранен
Наш Поликсен; Фоад и Амфимах
Смертельно ранены; Патрокл, наверно,
Убит или пленен, а Паламед
Истерзан страшно; яростный Стрелец

Внушает ужас грекам.— Диомед!
Спешим на помощь, или все погибнут!

Входит Н е с т о р.

Н е с т о р

Патрокла труп Ахиллу отнесите
И пристыдите увальня Аякса.
Смотрите, Гектор носится как вихрь:
То смело скачет на коне Галафе,
То, спешившись, сражается в строю —
И греки разбегаются, как стаи
Пугливых рыб от мощного кита;
То он, как жнец, в другом конце сраженья
Срезает греков — и они ложатся,
Как спелые колосья под серпом.
Везде и всюду Гектор возникает,
Губя и милуя. Он увлечен
Настолько, что способен все что хочет
И даже невозможное свершить.

Входит У л и с с.

У л и с с

Смелей, смелей, воители! Ахилл
Вооружился. Он отмстить клянется
За смерть Патрокла. Он рычит и плачет.
Он увидал, как Гектор изувечил
Злосчастных мирмидонцев: без носов,

Без рук они вернулись с поля боя.
Аякс, лишившись друга, обезумел;
Как бешеный, оружием потрясая,
Троила ищет он. Троил сегодня
Неслыханные подвиги свершил.
Он жизнью рисковал неустрашимо,
И счастье, вопреки его безумству,
Ему давалось в руки.

Входит Аякс.

Аякс

Трус, трус Троил! Эй, где ты?

Диомед

Вот он! Вот он!

Нестор

Идемте все туда.

Входит Ахилл.

Ахилл

Где Гектор, где?
Убийца слабых! Где ты? Покажись!
Узнаешь ты, каков Ахилл во гневе!
Где Гектор? Гектор! Гектора ищу я!

Уходят.

Сцена 6

Другая часть поля сражения.

Входит Аякс.

Аякс

Троил! Где трус Троил? Да выходи же!

Входит Диомед.

Диомед

Где, где Троил?

Аякс

А что тебе?

Диомед

Его

Хочу я проучить.

Аякс

Ну нет, не выйдет!

Я уступил бы, будь я полководцем,
Всю власть тебе, но только не Троила.
Эй, где Троил?

Входит Троил.

Троил

Остановись, предатель,
И за коня мне жизнью заплати.

Диомед

Ах, ты нашелся!

Аякс

Диомед, ни с места!

Я, я один хочу сразиться с ним.

Диомед

Нет, я не уступлю: он мой по праву.

Троил

Так нападайте ж оба, хвастунишки!

Уходят сражаясь.

Входит Гектор.

Гектор

Ага, Троил! Отлично, молодец!

Входит Ахилл.

Ахилл

Ах вот ты где! Так нападай же, Гектор!

Гектор

Передохни сперва.

Ахилл

Противна мне

Заботливость твоя, троянец дерзкий!

Я понимаю — на руку тебе
То, что в бездействии я долго пробыл
И притупил оружие свое.
Но скоро ты меня узнаешь; ныне ж
Иди, куда идешь.

Ахилл уходит.

Гектор

Сейчас простимся,
Но я не прочь бы кости поразмять,
С тобой сразившись.

Входит Троил.

Брат мой, что случилось?

Троил

Эней пленен Аяксом! Невозможно!
Клянусь великим пламенем небесным —
Не дам Энея! Отобью Энея,
Иль буду сам пленен! Я докажу,
Что жизнью я не дорожу.

(Уходит.)

Входит воин в блестящих доспехах.

Гектор

Стой, гордый грек! Ты — знатная добыча.
Не хочешь! Стой! Попорчу, изломаю
Я драгоценные твои доспехи,

Но овладею ими все равно.
Беги же, зверь, охотиться сумею
Я за отличной шкурою твоею!

Уходят.

Сцена 7

Другая часть поля сражения.

Входят Ахилл и мирмидонцы.

Ахилл

Запомните приказ мой, мирмидонцы:
Везде и всюду следуйте за мною,
Не нанося ударов, наготове.
Я Гектора кровавого найду, —
Тогда набросьтесь на него мгновенно
Со всех сторон, рубите, не щадя.
За мною: Гектора удел решен:
Я вас веду — погибнуть должен он!

Уходят.

Входят Менелай и Парис сражаясь; за ними Терсит.

Терсит. Здорово! Рогоносец сцепился с рогодельцем. — А ну-ка, бык! — А ну-ка, пёс! Кусь-кусь, Парис, кусь-кусь, воробушек! Эй, бык тебя одолеет, берегись его рогов! Эй, берегись!

Парис и Менелай уходят.

Входит Маргарелон.

М а р г а р е л о н

Остановись, презренный, и сражайся!

Т е р с и т

А ты-то кто?

М а р г а р е л о н

Побочный сын Приама.

Т е р с и т. Я и сам побочный сын и люблю побочных. Я и зачат побочно, и воспитан побочно, и умен побочно, и храбр побочно: все, что во мне есть, незаконно. Свой своему поневоле брат, так что мы с тобою братья. Чего же нам кусать друг друга? Остерегись. Нам обоим от ссоры один только вред: коли сыновья распутниц сражаются из-за распутницы, то они привлекают на свои головы небесное правосудие. Так что прощай, ублюдочек! (*Уходит.*)

М а р г а р е л о н. Черт бы тебя забрал, трус ты этакий! (*Уходит.*)

Сцена 8

Другая часть поля сражения.

Входит Г е к т о р.

Г е к т о р

Как плод внутри гнилой, он был хорош
Лишь с виду и за это поплатился.

Закончен день. Сниму доспехи с плеч.
От крови отдохни, мой славный меч.
(Снимает шлем и кладет меч и щит рядом с собой.)
Входят Ахилл и мирмидонцы.

А х и л л

Взгляни-ка, Гектор, как заходит солнце,
Как ночь ползет уродливо за ним.
День кончится сейчас, и, знаю я,
С ним, Гектор, жизнь окончится твоя.

Г е к т о р

Я безоружен. Драться не хочу я.

А х и л л

Все на него! Вот тот, кого ищу я!
Теперь пади, Пергам, погибни Троя:
Повержен тот, кто был твоей
душою!

Ликуйте, мирмидонцы, все крича:
Пал Гектор от Ахиллова меча!

Трубят отбой.

Что слышу я? Отбой трубят у греков?

М и р м и д о н ц ы

И у троянцев тоже, храбрый воин!

Смерть Гектора. Рис. Дж. Джильберта

А х и л л

Ночь, как дракон, крылом покрыла землю
И разделила армии врагов.
Мой меч почти насытился, но все же
Наутро вновь полакомиться сможет!
Убитого я привязать велю
К хвосту коня: врага я посрамлю!

Уходят.

Сцена 9

Другая часть поля сражения.

Барабанный бой. Входят Агамемнон, Аякс, Менелай,
Нестор, Диомед и другие. За сценой крики.

А г а м е м н о н

Что там за шум?

Н е с т о р

Я слышу барабаны.

Крики за сценой: Ахилл! Ахилл! Ахилл! Повержен Гектор!

Д и о м е д

Кричат, что Гектор побежден Ахиллом!

А я к с

Ну что ж! Хвалиться нечем: Гектор был
Не хуже и не лучше, чем Ахилл.

А г а м е м н о н

Пошлем гонца Ахилла попросить
Шатер мой царский нынче посетить,
Коль боги нам послали смерть героя,
Конец раздорам, ибо пала Троя!

Уходят под барабанный бой.

Сцена 10

Другая часть поля сражения.

Входят Эней, Парис, Антенор, Деифоб
и троянские воины.

Эней

Здесь простоять должны мы до рассвета.
Не двигаться отсюда ни на шаг!

Входит Троил.

Троил

Убит великий Гектор!

Все

Гектор! Боги!

Троил

Он мертв, и труп его, к хвосту коня
Привязанный убийцей, поруганью
Позорно предан. О, нахмурься, небо!

О боги, боги, пощадите Трою,
Послав ей гибель скорую как милость,
Чтоб нам позора своего не видеть.

Э н е й

Царевич! Речь твоя умы смущает.

Т р о и л

Меня превратно понимаешь ты:
Не чувствую я страха перед смертью;
Уверен я, что небеса и люди
Нас утратить ничем уже не могут.
Нет Гектора! О, кто из нас решится
Приаму и Гекубе принести
Такую весть? Кто, страшною совой
Явившись в Трою, крикнет: “Гектор умер!”
Кто превратит Приама в хладный камень
И в Ниобей, слезами исходящих,
Всех наших дев и жен? О, это слово
Всю Трою умертвит! Идем, идем!
Наш Гектор пал — зачем же мы живем?
Смотрите: вот шатры врагов надменных,
Пришедших на фригийские поля!
Как только встанет Гелиос, бесстрашно
Я нападу на них! Тогда тебе,
О жалкий трус, нигде, нигде не скрыться.
Не знает ненависть моя преград.

Я буду гнаться за тобой повсюду,
Как злая совесть, что рождает бреды
И демонов уродливых плодит.
Идите в Трою смело и спокойно:
За Гектора мы отомстим достойно.

Эней и троянские воины уходят.

С другой стороны входит П а н д а р.

П а н д а р

Постой!

Т р о и л

Прочь, мерзкий сводник! Срам и стыд
Пускай тебя навеки заклеят.

(Уходит.)

П а н д а р. Вот это называется доброе лекарство от ломоты в костях! Ах, люди, люди, люди! Как презирают они своих посредников! Плохо нам живется, предателям и сводникам! Как охотно принимают наши услуги, когда они нужны, и каково нам потом приходится! Почему это так ценят нашу работу, а ремесло наше так презирают? Эх, надо бы об этом стишок сложить. С чем бы это сравнить? Ну-ка, попробую:

Резвится пчелка — весело ей жить,
Пока способна мед она носить.
Без меда и без жала — что в ней толку?
Все обижают бедненькую пчелку.

Всем торгашам, промышляющим человеческим телом,
надо бы написать такое на стенах своих комнат.

Средь вас немало сводников, друзья.

Поплачьте, видя, как обижен я!

А если нету слез — так постоните,

Мои больные кости помяните.

Друзья по ремеслу, прошу всех вас:

Я завещанье вам прочту сейчас.

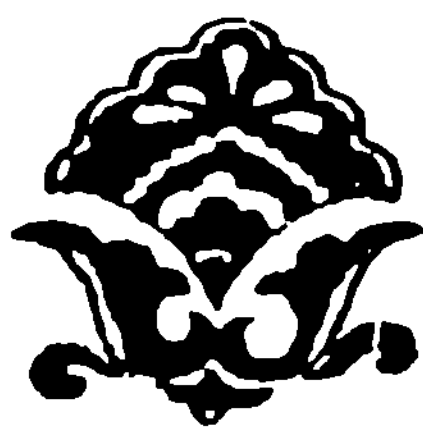
Но говорить я все-таки не смею:

Есть дамы здесь, пред ними я робею.

Пойду опять трудиться, ну а вам

Болезни по наследству передам!

(Уходит.)

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

“Конец — делу венец”

Текст пьесы, впервые напечатанный в фолио 1623 года, издавна поражал критиков значительным количеством явных опечаток, трудных для расшифровки фраз, но более всего разностильностью.

Основной текст в стилевом отношении близок к пьесе “Мера за меру”. Это является главным основанием для датировки окончательного варианта 1603—1604 годами. Такая датировка, предложенная Э.К. Чемберсом, принята большинством современных шекспироведов.

“Конец — делу венец” не принадлежит к числу перво-разрядных драматических шедевров Шекспира. В критике было высказано много нареканий по поводу пьесы. Помимо неорганичности стиля осуждение вызывали некоторые детали сюжета, казавшиеся строгим моралистам недостойными Шекспира. Особенно упрекали Елену за обман, посредством которого она залучает Бертрама в постель. Чистые ризы гения будто бы пятнает и неприличный обмен остротами между Еленой и Паролем по поводу девственности (конец 1-й сцены I акта).

Все это смущало критиков морализаторского толка в XIX веке. Теперь, когда достигнуто правильное историческое понимание условий деятельности Шекспира, стало ясно, что для публики театра его времени ничего аморального в пьесе не было. Обман с постелью применен и в “Мере за меру”, а что касается неприличных острот о женском целомудрии, то они есть и в “Ромео и Джульетте” и в “Гамлете”.

Критику долго смущало и то, что пьеса лишена жанровой определенности. Редакторы первого фолио включили ее в

раздел комедий, однако комические мотивы не играют в ней большой роли. Как и “Мера за меру”, “Конец — делу венец” относится к группе пьес, лишенных трагического финала, но достаточно серьезных и даже несколько мрачных по общей тональности, чтобы не быть отнесенными в число комедий. В критике эта группа драматических произведений Шекспира получила несколько обозначений: “мрачные комедии”, “реалистические драмы” и “проблемные пьесы”. Каждое из этих определений отмечает одну из черт, действительно присущих данным произведениям: их близость к трагедиям, созданным Шекспиром в те же годы; насыщенность реальными мотивами (в отличие от романтики комедий первого десятилетия творчества Шекспира) и подчеркнуто острую постановку проблем общественной и личной морали.

Как обычно, Шекспир не сам придумал фабулу, а заимствовал ее. Сюжет он нашел у великого итальянского гуманиста Джованни Боккаччо (1313—1375). Изложенная им в “Декамероне” история Джилеты Нарбонской (день третий, новелла девятая) была пересказана на английском языке Пейнтером в его “Дворце удовольствий” (1566), и отсюда взял ее Шекспир для пьесы, развив и дополнив рядом деталей, а также введя новые персонажи (Лафё, Пароль, шут).

Уже у Боккаччо новелла была проникнута гуманистической критикой сословных предрассудков: у него героиня также была незнатной горожанкой, а ее любимый — благородным графом. Шекспир усилил социальный контраст: Джилета была богата, Елена — бедная сирота без всяких средств.

Мотив социального неравенства выразительно подчеркнут Шекспиром. Сама Елена сознает и постоянно говорит об этом. Бертрам для нее то недостижимая звезда, то само солнце;

она — скромная лань, а он — царственный лев (I, 1), но ее любовь сильнее всех созданных веками перегородок между людьми. Конфликт между естественным человеческим чувством и искусственными общественными различиями составляет основу этой пьесы Шекспира. Поставленную в ней проблему Шекспир решает с народно-гуманистических позиций в пользу природного равенства. Он отвергает сословное деление на “черную” и “белую” кость, на “красную” и “голубую” кровь. Истинное благородство, утверждали гуманисты, борясь против феодальной морали, — не в званиях, наследственных титулах и привилегиях, а в человеческих качествах: уме, доброте, честности, в благородных поступках.

Когда Бертрам, полный аристократического чванства, отказывается взять женой Елену, потому что она девушка низшего сословия, король разъясняет ему, что благородство ума и добродетели выше благородства титула (II, 3). Его речь, утверждающая естественное равенство людей, осуждающая расовые и сословные предрассудки, является одной из наиболее прямых деклараций гуманизма и народности у Шекспира. Острая постановка проблемы социального неравенства и смелая критика его характерны для драматургии английского Возрождения, особенно в первое десятилетие XVII века. В ряде пьес начала века, созданных драматургами демократического направления (Т.Декстер, Т.Хейвуд, Д.Вебстер), настойчиво проводится идея нравственного превосходства людей низшего звания над испорченной дворянской знатью.

Елена завоевывает любовь Бертрама не обманом (она вынуждена его применить, чтобы выполнить невероятное условие, поставленное им, — родить ребенка от него, несмотря на то, что он отказывается разделить с ней супружеское ложе, и получить кольцо, которое он не снимает с пальца), а своей

верностью, готовностью отдать все ради любви и любимого человека.

Она отнюдь не терпеливая Гризельда феодальной легенды, покорно принимающая любую волю мужа-владыки, а героиня нового, ренессансного типа. Чувство любви делает ее активной. В ней есть авантюристическая жилка, свойственная другим героиням Шекспира: Юлии (“Два веронца”), Виоле (“Двенадцатая ночь”), Порции (“Венецианский купец”), Розалинде (“Как вам это понравится”). Отбросив робость, скромная провинциалка является ко двору короля и вызывается сделать то, на что оказались неспособны лучшие врачи страны; в награду за излечение короля она просит в мужья Бертрама. Покинутая им сразу после венчания, она отправляется в одеянии паломника следом за ним в Италию, куда он уехал воевать. Она действует, борется и в полном смысле слова завоевывает право на любовь.

Уже было сказано, что не в меру строгих моралистов смущала неженская настойчивость, с какой Елена добивается близости с любимым человеком. Хотя она и воспитывалась в замке, опекаемая утонченной светской дамой, графиней Русильонской, Елена — девушка из народа, лишенная малейшей светской чопорности, привыкшая к откровенности в речах, и можно только удивляться слепоте критиков, которые не заметили, насколько в характере Елены отпугивающая своей остротой ее беседа с Паролем о девственности. Этот штрих принадлежит не “чужой руке”, как полагают текстологи, а внесен почерком реалиста Шекспира. Именно такая Елена и пойдет на рискованный трюк с обманом в постели. Трюк этот был традиционным “бродячим” сюжетом, Шекспир придал ему правдивую мотивировку своей обрисовкой характера героини.

Образ Бертрама также смущал критиков: он не тот “голубой” герой, с которым мы обычно сталкиваемся в комедиях. Ему сродни не Валентин (“Два веронца”), не Орlando (“Как вам это понравится”), а Протей (“Два веронца”) и Клавдио (“Много шума из ничего”). Как и два последних, он жесток по отношению к любящей его девушке, и кажется странным то чувство, которое он вызывает к себе у отвергнутой им возлюбленной. Но по сравнению с более ранними комедиями Шекспир сумел создать образ гораздо более психологически убедительный. Добавим: и более ясно очерченный.

То, о чем мы в других комедиях должны догадываться, здесь выявлено в сюжете. Бертрам мужествен и красив, но его снедает аристократическая гордость, и его благородство не распространяется на людей низшего звания, к каким принадлежит и Елена. Кроме того, он считает насилем над своей свободной волей то, что его принуждают жениться на Елене. Аристократическая гордость сочетается в нем с ренессансным представлением о свободе личности, и ему кажется, что насильственный брак лишает его естественного права выбора спутницы жизни. Отвергая Елену, он думает, что отстаивает себя как личность. На самом же деле в его поведении больше юношеского упрямства, чем действительного понимания ситуации, в какой он оказался. К тому же, как старательно подчеркнуто Шекспиром, Бертрам находится под дурным влиянием Пароля. Наконец, в нем есть также и то презрительное отношение к любви, которое мы видим у некоторых других юных героев Шекспира (Валентин в начале “Двух веронцев”), Меркуцио и Бенволио в “Ромео и Джульетте”). Но приходит время, и два препятствия для его любви к Елене устраняются. В сердце воинственного юноши начинает пробуждаться интерес к женщинам. Сначала это физическое

влечение к Диане, затем более высокое чувство к дочери Лафё, на которой он готов жениться. Итак, с одной стороны, он душой созревает для любви. С другой стороны, разоблачение Пароля высвобождает его из-под дурного влияния этого циника. Тогда-то Бертрам начинает понимать, какого сокровища он лишился, отвергнув Елену. Поверив ложному известию о ее смерти, выслушав все справедливые упреки матери, он признает несправедливым и жестоким свое поведение по отношению к Елене. Правда, один из французских дворян не без горечи иронически замечает по поводу поведения Бертрама после известия о ее мнимой смерти: “Подумать, как порою нас веселят наши утраты!” (IV, 3). Но чем дальше, тем более искренним становится сожаление Бертрама. Когда же в финале снова появляется Елена, мы понимаем, что теперь между ними действительно возможно не только примирение, возможен и брачный союз, основанный на взаимной любви.

Финал пьесы многим критикам казался искусственным. Он даже подал повод для острот: “Не всякий конец венчает дело”, “Не все хорошо, что хорошо кончается”. Сущность сомнений в том, может ли быть счастливой любовь, подвергшаяся таким испытаниям? Бертрам ведь оказался не столь чистым с точки зрения строгой морали, если не фактически, то психологически он изменил Елене с Дианой.

Это, конечно, так. Но критики, упрекающие Шекспира, рассуждают, исходя из наивно романтических представлений о жизни. Правда, так, по видимости, рассуждал и сам Шекспир в большинстве своих прежних комедий. Но не всегда. Он уже и тогда обращал внимание на причудливые зигзаги в сердечных влечениях молодых людей. Вспомним Протея, любившего Юлию, затем увлекшегося Сильвией и, наконец, вернувшегося к первой возлюбленной, которая его простила,

ибо любила безмерно. Вспомним и перемену предмета сердечных влечений у молодых героев “Сна в летнюю ночь”; между прочим, здесь тоже была Елена, сначала отвергаемая своим возлюбленным, затем вдруг страстно полюбившим ее. Иначе говоря, мотив, встречаемый в “Конец — делу венец”, не нов для Шекспира.

Если понимать слова в их точном значении и признавать “Конец — делу венец” произведением поры наивысшей зрелости Шекспира, то вправе ли мы требовать от него розово-романтического изображения испытаний любви, как это имело место в прежних комедиях? Не вернее ли, что именно в таком изображении проявляется более зрелое и реальное понимание жизни? Во всяком случае, оно естественно для автора “Сонетов”, где также дано изображение любви, прошедшей через горнило неверности любимого существа. А в дальнейшем Шекспир покажет еще более сложную диалектику страсти в “Антонии и Клеопатре”. Да, это не похоже на ту чистоту чувств, которая предстает в идеальной любви Ромео и Джульетты, но жизненной правды здесь не меньше, хотя горечи, конечно, больше.

Неприязнь критики к Бертраму объясняется отсутствием в нем идеальности. Его считают недостойным любви Елены. Но разве чистые женщины любят только достойных? И не приходится ли им, этим идеальным женщинам, опускаться до уровня тех, кого они любят, чтобы затем поднять их до себя? Все это показывает отличие данной пьесы от более ранних, накладывая на нее колорит менее радужно чистый. И все же мрачность ее несколько преувеличена критикой. Добрых, хороших людей здесь куда больше, чем дурных. Пропорция их примерно та же, что и в “Отелло”. В конце концов, зло воплощено в одном лишь Пароле, персонаже жалком и ничтожном,

не в пример Яго. Откуда же возникает ощущение большой силы зла в этой пьесе? А ощущение это несомненно. Суть в том, что зло проникло в душу благородного человека, каким, в сущности, является Бертрам. В этом более всего причина мрачного ощущения, оставляемого пьесой, и ее благополучный финал не дает полного удовлетворения потому, что герой не прошел того очищения страданием, которое делает убедительной моральную победу добра в трагедиях. И это тем более так, что многие мотивы пьесы перекликаются с тематикой трагических произведений, созданных Шекспиром в те же годы.

Другие части сюжета вызывали меньше нареканий и недоумений, но и они подавали повод для них. Может показаться, например, что Шекспир непоследователен, когда, с одной стороны, осуждает дворянскую спесь Бертрама, а с другой — вкладывает глубокие мысли о равенстве в уста короля. Но Шекспир не писал революционной антифеодальной пьесы. Пусть в этом была незрелость его социально-политической идеологии, но он, по-видимому, предполагал возможность нормальных и человеческих отношений в пределах существовавших тогда форм государственности. Нам надо судить Шекспира не по тому, что он не дошел до мысли о революционном ниспровержении тогдашнего политического строя, а по той глубоко прогрессивной для его времени мысли, что достоинство человека не определяется ни титулами, ни должностями, ни богатством. Это ведь та же самая мысль, которую Шекспир с еще большей художественной силой выразит в трагедиях “Король Лир” и “Тимон Афинский”.

Другое замечание, совсем уж частного характера, относится к образу Пароля. Он схож кое в чем с Фальстафом: тоже почти деклассированный, опустившийся рыцарь, тоже

циник, тоже совратитель молодых людей, тоже трус, но тоже остроумен. Но лишен он фальстафовского обаяния. Его считают ухудшенным вариантом сэра Джона, а раз он хуже, значит, Шекспир здесь не проявил в полной мере своего мастерства. Но Шекспир явно и не думал создавать нового Фальстафа. Роль данного персонажа в композиции пьесы и ее идейном замысле очевидна: только такой молодой человек, как Бертрам, не умеющий разбираться в людях, мог отвергнуть Елену и водить дружбу с Паролем. Для умного и проницательного принца Генриха нужен был такой титан веселья, как сэр Джон, с Бертрама хватит и Пароля.

Неровности в пьесе есть, есть и следы небрежности, впрочем, обычной для Шекспира, но критика XIX века часто была несправедлива к этой пьесе. В последние десятилетия наметилась тенденция более вдумчивого отношения к этому произведению в критике, открывающей в нем все больше достоинств. Но еще не сказал решающего слова театр. Пьеса “Конец — делу венец” достойна имени своего великого творца. Долг театров — подтвердить это.

А.Аникст

Примечания к тексту “Конец — делу венец”

К с. 9. ...*он теперь и опекун мой*... — Король номинально считался опекуном всякого знатного дворянина, потерявшего отца.

К с. 27. ...*даже у молодого пуританина Чарбона и у старого паписта Пойзама*... — Смысловые имена, свидетельствующие о скептическом отношении Шекспира как к католицизму, так и к пуританству: “charbon” значит “уголь”

или “головня” (намек на религиозный пыл, рвение пуритан; секты); “poysam” — слегка измененная форма слова “poison” — яд.

К с. 29. ...не дрянъ — одна в десятке — по-видимому, искажение старой английской песенки, в которой говорится о десяти сыновьях Приама.

...придется ей натянуть белый стихарь смирения на черную рясу строптивости. — В то время как католическое духовенство носило белое облачение, пуританское предпочитало носить черные сюртуки.

К с. 45. ...чтобы король Пипин восстал из гроба, чтобы Карл Великий вновь взял перо... — Пипин Короткий, король франков, и его сын Карл Великий жили в VIII веке.

К с. 55. ...как тростниковое колечко Тибби — указательному пальцу Томми. — В английской деревне того времени легкие связи, не ведущие к браку, зачастую отмечались кольцами, свитыми из жилок тростника, что не стоило ни одного пенни.

Танец моррис — старинный английский народный танец.

К с. 56. Ах боже мой, сударь! — Среди пуритан в то время было в ходу восклицание “O Lord, sir!”

К с. 58. Гален — знаменитый греческий врач II века н.э.

Парацельс — швейцарский врач (XVI в.), пользовался в эпоху Возрождения славой философа, алхимика и выдающегося медика.

К с. 73. Чего это ты на рукава нацепил ленты? Решил их сделать штанами? — В то время входили в моду буффированные рукава с перехватами.

К с. 81. ...как тот молодец, который прыгает в праздничный пирог. — Сохранился рассказ о том, что однажды для

городского праздничного обеда был изготовлен гигантский пирог, внутри которого был спрятан шут лорд-мэра.

К с. 98. ...*паломницей к Иакову Святому*... — Имеется в виду монастырь св. Иакова Компостельского (Сант-Яго де Компостела), на самом деле находящийся в северной Испании, — одна из нередких географических вольностей Шекспира.

...*подобная безжалостной Юноне*... — Намек на двенадцать подвигов Геркулеса, которые тот должен был совершить по требованию Юноны, стремившейся погубить его.

К с. 110. ...*чтобы вернуть утраченный символ воинской славы*... — В те времена тамбур мажор, которому поручался полковой барабан, почти приравнивался к знаменосцу. Потерять в бою барабан считалось позором.

К с. 119. *Трока мовезус!.. и т.д.* — Набор искаженных слов, частью французских.

К с. 138. *Несс* (миф.) — кентавр, известный своим коварством и посягнувший на честь жены Геркулеса Деяниры.

К с. 140. *Майл-Энд* — луг, на котором во времена Шекспира производились военные учения отрядов городского ополчения, нередко вызывавшие насмешки.

К с. 145. *Того количества шафрана, которое он употребляет на окраску своих воротничков и манжет*... — Щеголи времен Шекспира, крахмала свои воротнички и манжеты, подкрашивали их в желтый цвет.

К с. 146. ...*этого краснохвостого трутня*... — по-видимому, намек на яркий костюм Пароля.

Не считайте... что я какой-нибудь Навуходносор. — В библии рассказывается, что вавилонский царь Навуходносор в наказание за свои грехи был превращен в быка и, следовательно, вынужден был питаться травой (сделавшись тем самым “знатоком трав”).

К с. 155. ...меня зовут Пароль.— Игра слов: “parole” по-французски значит “слово”.

“Мера за меру”

Пьеса эта наряду с “Конец — делу венец” и “Троилом и Крессидой”, близкими к ней по времени, принадлежит к числу “мрачных”, “жестоких” и даже “циничных”, как ее любят называть английские критики, комедий Шекспира. При жизни его она не издавалась и была впервые опубликована лишь в фолио 1623 года, притом в столь малоудовлетворительном виде, что возникло предположение, будто издатели фолио не располагали полным списком пьесы, а составили текст ее из актерских списков отдельных ролей, более или менее удачно ими скомбинированных. При такой операции пьеса, вероятно, помимо прямой порчи текста подверглась некоторому сокращению. С другой стороны, в сохранившемся тексте есть пассажи, возможно, не принадлежащие Шекспиру, например песенка в самом начале IV акта, очень непохожая по стилю на шекспировские песни.

Пьеса была впервые поставлена в придворном театре 26 декабря 1604 года, и можно думать, что была написана незадолго до этого. Некоторые критики хотят видеть в двух местах ее (I, 1, 68-73 и II, 4, 23-30) намек на нелюбовь к шумной — хотя бы и “верноподданной” толпе со стороны Иакова I Стюарта, вступившего на престол в 1603 году. Гораздо более доказательны, чем эти догадки, стиль и метрика пьесы, заставляющие датировать ее как можно позднее. Весьма вероятно поэтому, что комедия была написана в 1604 году. О других ранних постановках ее сведений до нас не дошло, из чего

можно заключить, что особенным успехом у публики она не пользовалась.

Сюжет пьесы восходит к популярному в средние века и в эпоху Возрождения рассказу, весьма распространенному не только в виде устного предания, но и в новеллистической и драматической обработке. В основном он сводится к следующему: возлюбленная или сестра приговоренного к смертной казни просит у судьи о его помиловании; судья обещает исполнить ее просьбу при условии, что она за это пожертвует ему своей невинностью. Получив желанный дар, судья тем не менее велит привести приговор в исполнение; по жалобе пострадавшей правитель велит обидчику жениться на своей жертве, а после свадебного обряда казнит его.

В XVI веке популярностью пользовалась обработка этого сюжета в одной из новелл Джиральдо Чинтио (1504—1573), который, по некоторым догадкам, положил в основу своей повести действительный факт. Пользовался ли Шекспир рассказом Чинтио, сборник которого был издан на английском языке лишь в XVIII веке, трудно сказать, но, по существу, это нам безразлично, ибо непосредственным источником для шекспировской пьесы послужила готовая английская обработка новеллы Чинтио, принадлежащая старшему современнику Шекспира Уэтстону (точные годы жизни неизвестны; предположительно 1544—1587). Последний сперва (в 1587 г.) издал драматическую обработку в виде комедии, состоящей из двух пятиактных частей, под заглавием “Подлинно превосходная и славная история Промоса и Кассандры, разделенная на две комические части: в первой показано нестерпимое злоупотребление развратного судьи, добродетельное поведение целомудренной девушки, безмерная порочность привлекательной куртизанки и незаслуженное возвышение вредного

паразита. Во второй излагается беспримерное великодушие благородного короля в посрамлении порока и поддержке добродетели, причем показано сокрушение и ниспровержение бесчестных уловок вместе с торжеством прямого образа действий". Эта длинная и утомительная пьеса, с виду морализирующая, но скорее стремящаяся к развлекательности, несмотря на некоторые удачные мысли, привнесенные в ход действия итальянской новеллы, отличается обилием комических сцен, присочиненных самим Уэтстоном, перегружающих и тормозящих развитие действия, а также плохим и нескладным языком (преимущественно рифмованными стихами), и на сцене, по-видимому, никогда не ставилась. Позже (в 1582 г.) в собственном прозаическом сборнике рассказов Уэтстон еще раз вольно пересказал новеллу Чинтио. Шекспир, таким образом, мог пользоваться обеими редакциями, хотя по всем признакам он более следовал пьесе Уэтстона, нежели его новелле.

Меняя вновь имена и место действия, Шекспир вместе с тем резко изменил характер персонажей пьесы — вернее, он их создал, сделал жизненными, полнокровными. Анджело — живой представитель определенной породы людей Возрождения, человек неодолимой страсти, невзирая на большое самообладание и строгую принципиальность; в его поведении, в мотивах его действий нет ничего общего с бескровным резонансом Промосом. Предположение (Брандеса и др.), будто Анджело — воплощение лицемерной пуританской морали, произвольно. Шекспир, вообще говоря, не делает аллегорий из своих действующих лиц. А если "пуританство" понимать, как обозначение отвлеченной ригористической морали, то Анджело как тип в такой же мере представляет католическую мораль, как и пуританскую. Во всяком случае, обстановка пьесы: монастырь, монашенки, поданные отнюдь не обличи-

тельно и даже ни в малой мере не полемически наводит на мысль, что у Шекспира был еще какой-то источник, так как ни Уэтстон, ни Чинтио не дают материала для этого.

Равным образом герцог, заменивший у Шекспира короля, несмотря на то, что как характер он остается бледным и не привлекает к себе острого внимания, оказывается живым действующим лицом в пьесе; это не сухой резонер, как король у Уэтстона, а персонаж, впутанный в самую интригу пьесы, активно на глазах зрителей подготовляющий и мотивирующий ее развязку. Поэтому не кажется неожиданным, что почтенный герцог, замешанный в какой-то смутной интрижке с “нищенкой”, приводя комедию к злополучному исходу, сам выступает претендентом на руку Изабеллы. Этот исход надо признать тем более “благополучным”, что он избавляет пьесу от нелепой развязки итальянской новеллы и комедии Уэтстона, где оскорбленная героиня выходит замуж за оскорбителя, а в новелле — и за убийцу брата.

Шекспир нашел способ облегчить роль Изабеллы и провести ее более последовательно и драматургически цельно, заставив герцога найти ей “заместительницу” в лице Марианны. В интересах той же последовательности раскрытия характера Изабеллы Шекспир вносит в один из эпизодов комедии Уэтстона изменение, на первый взгляд незначительное, но тем не менее подготавливающее зрителя к той снисходительности, которая обнаруживается у Изабеллы в самый острый момент развязки. До конца некоторая неувязка в ее поведении, как будет показано дальше, все же не устранена, но зритель знает больше, и для его восприятия переход Изабеллы от чувства нанесенного ей оскорбления и желания отомстить Анджело к мягкосердечию смягчен и подготовлен. Достигается это в пьесе устранением причины, которая могла

бы только ожесточить сердце Изабеллы: у Уэтстона голова казненного преступника, которую Кассандра принимает за голову брата, доставлена по распоряжению Промоса к ней в дом, и этим для нее открывается обман Промоса; все это происходит на сцене. У Шекспира голова фигурирует в сцене всего несколько секунд, когда тюремщик появляется перед герцогом с головою внезапно умершего в тюрьме преступника и получает от герцога приказание отнести ее к Анджело (IV, 3). Повод к дополнительному ожесточению Изабеллы в глазах зрителей, таким образом, устранен. Кстати, в связи с этим еще одна деталь: герцог думает, что это голова казненного Бернардина, и неожиданное поведение последнего при развязке дает возможность Шекспиру внести лишний штрих в комедийно благополучный конец пьесы, — герцог его милует!

Изабелла замещает Кассандру. Последняя — грубоватая, провинциальная, хотя и не лишенная известного красноречия девушка, примитивный героизм которой сводится к тому, что для спасения жизни брата она жертвует честью. Но Кассандра — только грубый и отдаленный прототип Изабеллы. Изабелла — образ, сильно идеализированный, более уместный, пожалуй, в трагедии или мелодраме, чем в комедии. Этот образ приобретает трагическую окраску, когда в поведении Изабеллы обнаруживается положительная принципиальность, и соответствующие сцены, лучшие в пьесе и одни из лучших у Шекспира, — оба ее диалога с Анджело (II, 2 и II, 4) и в особенности ее диалог с братом (III, 1) — отличаются большой трагической напряженностью. Сохранение “чести” для нее такой же принцип, как охрана закона для Анджело; она становится для него прямым контрапартнером. Но в то время как Анджело у Шекспира по сравнению с Промосом Уэтстона облекается в плоть и приобретает кровь и жизнь,

когда его принципы взрываются бурлящей в нем страстью, Изабелла перестает быть схемой и приобретает жизненность в согласовании принципа и движения сердца: “У меня хватит решимости сделать все, что не нарушает правды моего духа”, — говорит Изабелла герцогу (III, 1). Поэтому, когда в последней сцене появляется Клавдио и Изабелла узнает, что он благополучно избежал казни, но никак на это не реагирует (V, 1), — мы здесь, вероятно, имеем ту урезку текста, о которой упоминалось выше, если только не предположить, что Шекспир намеренно хотел подчеркнуть принципиальную последовательность Изабеллы. В этом случае для ее характеристики приобретают особенное значение слова, обращенные ею к брату: “Умри, погибни!.. Шлю тысячу молитв за смерть твою, о жизни ни одной!” (III, 1), и сентенция, обращенная к герцогу незадолго до появления на сцене мнимо казненного Клавдио: “Ведь брат мой по закону был осужден за то, что совершил” (V, 1). Заметим, однако, что в пользу утери текста говорит некоторая несогласованность в поведении Изабеллы: соблюдая по отношению к брату такую строгую принципиальность, Изабелла находит оправдание для Анджело в том, что у него “Деянье ведь намереньем осталось” (V, 1), причем эта сентенция относится не к предотвращенной герцогом казни Клавдио, а к покушению Анджело на ее честь. О спасении брата она еще не знает, но забывает, что грозила за его смерть “вырвать глаза” у “проклятого Анджело” (IV, 3), и все прощает Анджело. Точно так же забывает она и то, что ее подруга и названная сестра Джульетта — невеста Клавдио и что формальное заключение брака Клавдио и Джульетты было только отложено на время (см. I, 2), — обстоятельство, смягчающее вину Клавдио, ибо вступление в фактический брак до заключения церковного брака не слишком противоречило

нравам времени Шекспира (см. аналогичный момент в жизни самого Шекспира).

Истолкованием характеров главных действующих лиц Шекспир резко меняет развитие сюжета и мотивировку этого развития по сравнению с новеллой Чинтио и комедией Уэтстона, сохраняя только внешнюю рамку. Самостоятельность обработки Шекспира становится еще яснее, если учесть роли второстепенных персонажей. Кассандра как бы расщепляется: давая возможность Изабелле до конца остаться принципиальной в охране своей “чести” и доводя этим зрителя и читателя до высшей степени напряжения в ожидании развязки, Шекспир вводит совсем новый персонаж в лице Марианны. “Чистота” Изабеллы торжествует, и пьеса обогащается новым действующим лицом и, следовательно, содержанием. Довольно распространенным, вообще говоря, в новеллистике мотивом женщины, приобретающей благосклонность мужа после того, как она отдается ему, тайно заменив собой другую, с которой у него было назначено свидание, Шекспир уже воспользовался в комедии “Конец — делу венец”, но теперь Шекспир несколько модифицирует этот мотив и вплетает его в основной сюжет “Меры за меру”. Марианна, таким образом, — модифицированная и обезличенная (поскольку в новой пьесе она занимает место второстепенного персонажа) Елена. Вероятно, в интересах заострения характеристики Анджело Шекспир делает Марианну не женой, а отвергнутой им — хотя и по корыстным, а не аскетическим мотивам — невестой.

Марианна вводится в развитие сюжета через посредство герцога, подобно тому как и спасение жизни Клавдио также происходит через него. Этими простыми приемами Шекспир достигает связности и драматического “сквозного действия”, которые отсутствуют в комедии Уэтстона.

В меньшей мере той же цели Шекспир достигает в переработке шутовской части комедии. У Уэтстона эта часть, как уже было отмечено, перегружает комедию, заставляя автора растянуть ее на десять актов. Шекспир ее ужимает и уплотняет. У нас нет уверенности, что сохранившиеся фарсовые сцены целиком принадлежат Шекспиру, — именно к ним относится высказанное выше предположение о возможном “расширении” текста, которое могло быть сделано чужой рукой или привнесено в текст импровизацией актеров, в особенности исполнителей шутовских ролей (в данном случае — Помпея). Во всяком случае, в том виде, в каком эти сцены дошли до нас, они совсем или почти совсем не связаны с основной интригой и лицами, участвующими в ней, — что мало соответствует практике Шекспира. В основном такие сцены являются “переходными” или своего рода интермедиями. Их назначение, по-видимому, в том, чтобы смягчить несколько угнетающее впечатление от развития сюжетного действия. Без этого до конца оставался бы неясным комедийный замысел этой в общем тяжелой (“мучительной”, по выражению Колриджа) комедии или, как ее нередко именуют, трагикомедии. Не способствуя связи действия и протекая как бы рядом с ним, названные шутовские интермедии составляют красочный, хотя и грязный бытовой фон, на котором ярче выделяются персонажи благородного происхождения и положения. А это, в свою очередь, содействует впечатлению полноты и конкретности общей картины, без чего пьеса могла бы превратиться в холодное и абстрактное моралите.

Единственная комическая фигура среди активно действующих лиц пьесы — Луцио, партнер Клавдио, франт, как его определяет список действующих лиц, — по выразительной, лучшей и исчерпывающей характеристике “гуляка

беззаботный, повеса, вздорный враль, но малый доброхотный” (Пушкин). Этот Луцио как тип возвращает нас к прежней “веселой” комедии Шекспира, как бытовой намек приближает чуждое по обстановке действие пьесы (Вена, католичество) к современной для шекспировского зрителя действительности и как роль в пьесе сценически необыкновенно обогащает эту “тяжелую” комедию. В сценическом отношении особенно интересно его участие в беседе Изабеллы с Анджело (II, 2), его собственные беседы с герцогом (IV, 4 и 5), забавность которых для зрителя подчеркивается тем, что зритель узнает в монахе переодетого герцога, и, наконец, ситуация, в которую Луцио попадает в заключительной сцене, после того как сорвал капюшон с мнимого монаха. Луцио — не шутовской, а подлинно комический персонаж и по характеру, и по ситуациям, в которые он попадает (например, решение герцога женить этого франта на потаскушке). Это положение очень забавно применительно к франту, но оно способно вызвать также недоумение: почему Шекспир не пощадил его одного и он один выходит из пьесы осмеянным и “пострадавшим”? Шекспир сердит на “веселого” дворянина и ему за что-то мстит, или герцог так мелочен, что наказывает Луцио за неуважительные отзывы о государе? Как бы то ни было, в создании этого образа Шекспир опять-таки самостоятелен и не зависит от своего источника. Он также самостоятелен в создании образа Эскала. Бесцветный партнер герцога не оживляет хода действия, и его драматургическое назначение можно считать невыполненным; нельзя сказать точно, в чем оно состояло.

В целом из сказанного можно видеть, что сюжет новеллы и комедия Уэтстона были для Шекспира только сырым материалом, из которого он лепил художественное произве-

дение по собственному замыслу и желанию. Держась в общем в рамках сюжета, он передвигает, меняет и переделывает отдельные его мотивы; многим сценам и даже ситуациям у него можно найти параллели и аналогии у Уэтстона, но способ их изображения и содержание от начала до конца новые. Его собственное воображение оживляет созданные им фигуры, его мастерство располагает свет и тени и его язык сообщает целому яркость, красочность и экспрессию, которые ставят некоторые места “Меры за меру” в один ряд с лучшими образцами творчества Шекспира. Изменение и перестройка в развитии сюжета вызваны главным образом представлением Шекспира о сценически эффектной комедии; психологическое и поэтическое содержание, которым он дополняет формы драматического действия и запас которого у него кажется неистощимым, связано единством замысла в интриге и конечной целью комедийной развязки.

Окидывая пьесу одним взглядом в целом, мы видим в ней двух протагонистов, являющихся крупными и полноценными творениями: это Анджело и Изабелла. Первый и у Чинтио и у Уэтстона просто негодяй. Другое дело — у Шекспира. Еще А.С.Пушкин отмечал большую сложность и глубину характера Анджело.

Анджело претерпевает немалую эволюцию. Чувствуя свою добродетель в опасности, он страшится — не есть ли Изабелла дьявольский соблазн под личиной добродетели. Его душа раздваивается между честной верой в строгий аскетический идеал и чувством, что он уклоняется с пути истины. Он уже не может добросовестно исполнять свою должность, он (как и король Клавдий в “Гамлете”) не может молиться. Тогда он капитулирует и делает Изабелле свое мерзкое предложение (II, 4). Но хотя он и примирился со своим падением, он осознает весь его ужас. Он приходит в отчаяние и растерян-

ность, приводящие к полному краху его сознания, и восклицает: “Я заслужил смерть!” Изабелла справедливо говорит, что “он был верен долгу, пока не увидел меня”.

Столь же или даже еще более интересное развитие получил под пером Шекспира облик Изабеллы. Она той же породы, что и Порция из “Венецианского купца”: ей так же свойственны чувство жизненной гармонии и верность сверхличному идеалу отвлеченной чести, понимаемой как честность. Изабелла — воплощение совести, как Елена из “Конец — делу венец” — воплощение воли.

Однако, несмотря на свет, исходящий от лица главной героини комедии, и на проходящий через всю пьесу призыв к милости (вспоминается и здесь “Венецианский купец”), от этой, по выражению Даудена, “комедии разочарований” веет глубокой печалью, а местами даже мрачностью. Центральный монолог герцога (III, 1, вначале) по своей скорби выходит за пределы маскировочной риторики и производит на слушателя, независимо от общего действия пьесы, угнетающее впечатление. Католические элементы (монастырь, монахи, монашенки) в пьесе своим суровым лаконизмом подчеркивают не декоративно-эстетические, жизнерадостные, а наоборот — аскетические тона его. Не случайно также (вещь небывалая в ранних, жизнерадостных комедиях Шекспира) носителями фарсового комизма являются исключительно сводни, сутенеры и тому подобные персонажи. Но от печали до отчаяния еще далеко, и разделяющей их черты Шекспир ни разу не переступил. Эта комедия учит, что жизнь требует борьбы и подвига, которые при всех условиях возможны и необходимы, которые должны быть.

А. Смирнов

Примечания к тексту “Мера за меру”

К с. 185. ...их применить.— В этом месте в дошедшем до нас тексте выпала по меньшей мере одна строка.

К с. 194. ...чем французским бархатом с таким облезлым ворсом, как ты.— Намек на “французскую болезнь” (сифилис), от которой человек теряет волосы.

К с. 195. Доллары были первоначально крупной английской серебряной монетой.

...а если без носа...— Намек на все ту же “французскую болезнь”, распространенную в кругу веселящегося дворянства.

К с. 196. Да чем же он попользовался?— Но только что перед этим Переспела сама рассказывала, в чем заключается проступок Клавдио. Причиной непоследовательности является плохое состояние текста или просто небрежность Шекспира. Но возможно, что Переспела не видит в поступке Клавдио ничего предосудительного.

К с. 203. ...но вот уже почти пятнадцать лет...— Выше (I, 2) Луцио заявил, что закон этот не применяется уже девятнадцать лет. Новый пример мелкой непоследовательности Шекспира. Но возможно, что Луцио считает время со дня издания закона (еще при предшественнике правящего герцога), а герцог — со дня своего вступления на престол. Возможно, наконец, и здесь небольшая порча текста.

К с. 218. Если порядочные люди...— Подобно другим шутовским персонажам Шекспира (как, например, оба других констебля из “Много шума из ничего”), Локоть нередко искажает слова или просто говорит противоположное тому, что хочет сказать.

К с. 219. Но жена плюнула ему прямо в лицо...— Как видно из дальнейшего, “он” — это Пена.

К с. 221. ...*в комнате, что называется “Виноградная кисть”*... — Разные комнаты в тавернах и на постоялых дворах имели свои названия.

К с. 224. *Правда и Кривда* — традиционные аллегорические фигуры средневекового театра.

...*нечестивый Ганнибал*. — Локоть хочет сказать: “каннибал”.

К с. 227. *Прошу вас, отобедайте со мной*. — Люди высшего общества обедали обычно в одиннадцать часов утра, а ужинали в пять часов дня.

К с. 279. *Будет с его шеей, что и с вашим животом, ваше преподобие: стянут ее веревкой!* — Монахи-францисканцы подпоясывались пеньковой веревкой.

Пигмалион — легендарный греческий скульптор, искусный в создании фигур, необычайно похожих на живых людей. В созданную им статую нимфы Галатеи он влюбился и силой своего чувства оживил ее.

...*сама в чан и попала*. — В те времена больные сифилисом лечились паровыми ваннами, которые они принимали, залезая в бочки.

К с. 298. ...*доброму вору всякая петля впору*. — Платье казненного переходило в собственность палача, который переделывал его потом по своей фигуре.

...*приходится каждый раз просить прощения и каяться*. — Согласно обычаю, палач, перед тем как лишить осужденного жизни, всякий раз просил у него прощения.

К с. 307. ...*столько здесь ее старых знакомцев*. — Следующее за этим перечисление вымышленных имен (Шустряга, Попрыгун и т.д.), весьма вероятно, содержит ряд намеков на современников Шекспира, сейчас оно не поддается раскрытию.

...навязанный ему ростовщиком...— Ввиду множества законов, ограничивающих доходы ростовщиков, последние прибегали к всевозможным уловкам; так, они включали в ссужаемую сумму разные вовсе не нужные должнику и невыгодные ему товары, как, например, оберточная бумага, притом еще по фиктивной и крайне преувеличенной оценке.

...все старухи, которые его так любили, пёремерли.— Любимым напитком старух считалось горячее подсахаренное молоко с имбирем.

К с.308. *...и теперь Христа ради просят!*— Заключенные вывешивали в окно тюрьмы корзину, в которую прохожие опускали им подавание.

К с. 323. *Достойный брат!*— Брат или кузен — обращение, принятое между владетельными особами.

“Троил и Крессида”

Жанр, датировка, скрытый смысл, обстоятельства возникновения — всё представляет в этом шекспировском произведении ряд загадок, доныне не нашедших своего окончательного разрешения.

Пьеса была издана при жизни Шекспира лишь один раз — в 1609 году, большим кварто, под заглавием “История о Троиле и Крессиде, как она исполнялась его величества слугами, в театре “Глобус”. Сочинение Уильяма Шекспира”. Издание это вышло в свет в двух вариантах, разница между которыми, при полном тождестве текста, сводится лишь к следующему. Во втором варианте заглавие на титульном листе имеет более распространенную форму, а именно: “Славная история о Троиле и Крессиде, превосходно изображающая зарождение их любви, с занимательным посредничеством

Пандара, принца Ликийского”, но притом без указания на то, что пьеса когда-либо ставилась. Кроме того, этот второй вариант снабжен анонимным предисловием (по-видимому, принадлежащим издателю), в котором сообщается, что пьеса эта никогда не исполнялась на сцене, и расхваливается ее тонкое остроумие, недоступное непросвещенным зрителям.

Существует несколько гипотез, пытающихся объяснить это противоречие. Простейшая из них заключается в том, что пьеса была поставлена как раз в то время, когда она печаталась, а издатель после первого представления распорядился внести в еще не отпечатанные экземпляры упоминание о ее постановке и снять противоречащую этому фразу предисловия.

Кварто дает вполне удовлетворительный текст пьесы, к которому, видимо, и восходит текст фолио 1623 года. Но издатели последнего, без сомнения, пользовались помимо кварто еще каким-то более полным списком пьесы, потому что фолио содержит ряд мест, отсутствующих в кварто, иногда объемом 4-5 строк. Так как одни места переданы лучше в кварто, а другие — в фолио, в критических изданиях оба эти источника комбинируются.

Датировка пьесы устанавливается на основании следующих данных. В нескольких произведениях 1603 и 1604 годов содержится несколько намеков на пьесу. С другой стороны, в ней самой можно усмотреть намек на пьесу Бена Джонсона “Стихоплет” (“Poetaster”), поставленную в 1601 году. Всего вероятнее поэтому, что шекспировская пьеса была написана в 1602 году.

Кроме указания в части тиража кварто, никаких других сведений о том, что пьеса когда-либо исполнялась, до нас не дошло. Возможно, что она была задумана как произведе-

ние чисто “литературное”, не предназначенное для сцены (с этим вполне согласуется предисловие второго варианта кварто), что в 1609 году была все же сделана запоздалая попытка показать ее на сцене, но что затем ввиду отсутствия всякого успеха у публики она никогда больше не возобновлялась.

Как показывают типографские признаки, издатели долго колебались, к какому разделу шекспировских пьес следует отнести “Троила и Крессида” — к разделу комедий, трагедий или даже хроник (с последними пьесу сближает трактовка батальных сцен, особенно в V акте, а также типичное слово “история” в ее заглавии). Действительно, она содержит элементы всех этих трех основных жанров елизаветинской драматургии. Но самое замечательное в ней — наличие нигде больше у Шекспира не встречающейся черты пародийного (или в особом смысле сатирического) характера при весьма неожиданной, чисто трагической развязке (двойное крушение — верности, честности, красоты любви Троила и доблести и благородства в лице Гектора).

Обстоятельство это, как думают, находит свое объяснение в том, что пьеса “Троил и Крессида” явилась отчасти откликом на знаменитую “войну театров”, разыгравшуюся в Лондоне в 1600—1602 годах.

В 1602 году по неизвестным нам причинам произошло некоторое охлаждение между Шекспиром и Беном Джонсоном, пьесы которого, раньше ставившиеся шекспировской труппой, больше ею не принимались. Одновременно с этим разгорелась полемика между Беном Джонсоном и его бывшими сотрудниками по сочинению пьес, придерживавшимися более свободного направления, — Деккером и Марстоном. Обе стороны обменялись рядом сатирических, взаимно обличительных пьес. Последние и наиболее резкие из них были: “Стихоплет” Бена Джонсона и “Бич сатирика” (“*Satiromastix*”) Деккера.

Шекспир, как думают, не остался в стороне от этой перепалки. В анонимной сатирической пьесе того времени “Возвращение с Парнаса” после насмешек над “всеми этими учеными господами” говорится (устаами комика шекспировской труппы Кемпа), что “Шекспир закатил Бену Джонсону слабительное, совсем его подкосившее”. Этим “слабительным”, полагают, и была пьеса “Троил и Крессида”. Здесь Шекспир не только своей крайне свободной трактовкой античного материала бросил вызов “ученому педанту” Бену Джонсону, но и изобразил его самого под видом грузного (намек на телосложение Бена Джонсона) и чванящегося своим умом Аякса. А в то же время, чтобы отмежеваться от своего полусоюзника, грубоватого и безвкусного в своем творчестве Марстона, Шекспир изобразил его в лице Терсита, говорящего много горькой правды, но облакающего ее в отталкивающую по своей грубости форму. Возможно, наконец, что Ахилл — это драматург Чепмен (так же как и Бен Джонсон — один из “ученых господ”), незадолго перед этим (1598) опубликовавший свой перевод нескольких песен “Илиады”, где, в противоположность средневековым трактовкам этого сюжета (о чем см. ниже), именно Ахилл, а не Гектор представлен высшим образцом доблести.

Надо, однако, заметить, что есть и другое объяснение слов Кемпа. Многие исследователи считают, что они вовсе не намекают на “Троила и Крессида”, а относятся к незадолго перед тем написанному “Юлию Цезарю”, которым Шекспир хотел будто показать Бену Джонсону, любителю римских трагедий, — вот как надо писать трагедии на античные темы. Существует, наконец, и такое мнение, что значение “войны театров” было сильно преувеличено, что это была чисто “домашняя” стычка актеров между собой, лишенная всякой ост-

роты и принципиальности. Во всем этом вопросе нам определенно недостает точных данных, и мы вынуждены читать между строк, строя догадки. Однако, если принять вышеуказанную гипотезу (Бен Джонсон — Аякс), в вопрос вносится ясность и дело можно представить себе так.

Задумав первоначально изобразить историю Троила и Крескиды, Шекспир, во время своей работы захваченный упомянутой литературной полемикой, решил попутно откликнуться на нее, используя для этой цели второстепенные для его замысла фигуры греческих героев, которые по характеру сюжета все равно должны были появиться в его пьесе. Но эта двойственность задачи неизбежно привела к растрепанности сюжета (во второй половине пьесы сатирическая тема совсем оттесняет лирическую) и к стилистической ее пестроте. В самом деле, можно различить в пьесе три части, написанные совершенно различными стилями: часть лирическую (любовь Троила и Крескиды), очень близкую по стилю к “Ромео и Джульетте”, часть гротескно-сатирическую (Терсит и Аякс) и часть военно-героическую (оба поединка Гектора). Но такая стилистическая сложность не выходит за пределы того, что мы наблюдаем и в некоторых других произведениях Шекспира, например в “Генрихе IV”, где также соединены три стилистически очень разнородные части: основная, “политическая” фабула, показ Хотспера в его семейной обстановке и фальстафовские сцены. Именно если подойти к “Троилу и Крессиде” как к пьесе типа “хроник”, в этом смешении нет ничего противоречащего шекспировской поэтике.

Совершенно излишни поэтому различные гипотезы, стремящиеся объяснить эту многопланность пьесы моментами внешнего порядка, например тем, что Шекспир, сначала написав пьесу, исключительно посвященную Троилу и Крес-

сиде, затем (ок. 1609 г.) сильно ее переработал, добавив другие части, но не согласовав их в достаточной степени с сохранными им частями первой редакции, или же что пьеса эта — плод работы нескольких авторов, почти механически объединивших написанные ими части.

Впрочем, независимо от подобных соображений и основываясь исключительно на моментах конкретного стилистического анализа, можно допустить, что некоторые места написаны не самим Шекспиром (хотя и в соответствии с его планом пьесы), например очень небрежно сделанные в художественном отношении Пролог и Эпилог (каковым, по существу, является заключительная речь Пандара).

Первоисточником всех средневековых обработок сказания о Троянской войне явилась не гомеровская поэма, а две подложные хроники — так называемая “Хроника” Диктиса, будто бы сочиненная греком, участвовавшим в этой войне, а на самом деле возникшая в позднегреческий период и переведенная в IV веке н.э. на латинский язык, и — в еще большей степени — “Хроника” Дарета, будто бы написанная другим свидетелем Троянской войны, фригийцем Даретом, на деле же сочиненная на латинском языке в VI веке н.э. В этой второй хронике события излагаются с точки зрения троянцев, и этим отчасти объясняется тенденция всех средневековых версий всячески превозносить Гектора и других троянцев, умаляя славу греческих героев. Обе названные хроники были во второй половине XII века использованы французским поэтом Бенуа де Сент-Мор, который в своем “Романе о Трое” присочинил любовную тему: он превратил Брисеиду (в “Илиаде” так именуется дочь Бриса, возлюбленная Ахилла) в дочь Калханта (у которого в “Илиаде” есть дочь Хрисеида, играющая совсем другую роль), сделав ее неверной возлюбленной Троила.

К роману Бенуа восходит целый ряд дальнейших обработок любовной истории Троила, и в том числе роман Боккаччо (ок.1338 г.) “Филострато” (где героиня называется Гризеида), подражанием которому является поэма Чосера (ок.1372 г.) “Троил и Кризида”. В свою очередь, поэма Чосера была использована Лиджетом (“Осада Трои”, ок.1420 г.) и Кекстоном (“Собрание историй о Трое”, 1475).

Помимо Чосера, Лидгета и, вероятно, Кекстона Шекспир использовал также для некоторых деталей поэму “Завещание Крезиды” Р.Хенрисона, напечатанную в виде приложения к изданию Чосера 1532 года. Но кроме всего этого он знал также и гомеровскую версию, скорее всего по переводу Чепмена: “Семь книг Илиады” (I—II и VII—XI) 1598 года, откуда он и заимствовал образ Терсита.

Сюжет этот несколько раз обрабатывался в драматической форме еще до Шекспира. В 1516 году детская труппа королевской капеллы исполняла пьесу “Троил и Пандар”. Около 1545 года ставилась “Комедия о Троиле” (по Чосеру) Никлса Гримолла. В 1572 году детской труппой Виндзорской капеллы была разыграна при дворе пьеса “Аякс и Улисс”. Наконец, к 1599 году относится пьеса Четтля и Деккера “Троил и Крессида”. Все эти произведения, текст которых до нас, к сожалению, не дошел, были, вероятно, неизвестны Шекспиру и, во всяком случае, почти наверное не оказали на него никакого влияния.

Разнообразие источников явилось одной из причин того, что Шекспир очень свободно скомпоновал фабулу своей пьесы. Но гораздо важнее мелких сюжетных отступлений вполне оригинальная окраска Шекспиром изображаемых им событий и разработка главных характеров. Сюда относятся, с одной стороны, глубокий лирический тон любовных сцен между Троилом и Крессидой, а с другой стороны, пародийно-сатири-

ческое изображение греческих героев. Следуя даретовской традиции, Шекспир чрезвычайно ее усиливает. Ни в одной из предшествующих ему версий не встречается такого яркого изображения благородства Гектора (и отчасти Троила) и такого гротескного очернения греков. Его Агамемнон, гомеровский “пастырь народов”, необыкновенно беспомощен; Аякс — воплощение самодовольной тупости; Менелай — неуклюж и смешон; Ахилл — эгоистичен, нагл и вероломен; Диомед (которого Крессида называет “сладкоречивым”) — до крайности груб и прямолинеен. Исключение сделано только для Улисса, представленного в очень достойном виде. Но наиболее оригинально, конечно, разработаны роли Терсита, а также Пандара, образ которого очень интересовал Шекспира уже раньше (см. “Двенадцатая ночь”, III, 1; “Виндзорские насмешницы”, I, 3; из позднейших пьес — “Конец — делу венец”, II, 1). Слово “pandar” в значении “сводник” встречается много раз в пьесах Шекспира, который более чем кто-либо способствовал превращению собственного имени Пандара в имя нарицательное. При такой пестроте и многопланности действия вполне естественно, что ряд других образов (Елена, Патрокл, Приам и т.д.) оказался очерченным очень бледно.

Однако все до сих пор сказанное относится лишь к истории сюжета и развития пьесы, не затрагивая основной ее мысли, образующей ее внутреннее единство, несмотря на всю пестроту и кажущуюся растрепанность содержания. Единство это заключается в пессимистическом и трагическом жизненном ощущении Шекспира, возникающем в эту пору и окрашивающем в черный цвет все его восприятия и оценки человеческих отношений.

Фон пьесы — война, взятая с самой мрачной своей стороны, лишенная пленительных героических иллюзий и по-

ставленная на службу лишь темной, стихийной страсти — кружащей голову чувственной любви. Пятнадцать веков человеческое воображение окружало лучезарным ореолом миф о деяниях несравненной доблести, совершенных в древности ради любви прекраснейшей из жен. И вдруг Шекспир говорит: смотрите, вот она, тупая, бессмысленная бойня, лишенная правды, красоты, благородства. Ибо это борьба не за какие-либо положительные ценности, а единственно лишь за престиж, за фетиш чести, за мираж своего достоинства.

Троянский царевич Парис похитил у царя Менелая его жену Елену Спартанскую, и вся Греция поднялась с оружием в руках, чтобы потребовать ее возвращения. Но сам Менелай равнодушен к судьбе супруги, и народам Греции участь ее безразлична. Они объединились под верховным началом царя Агамемнона, но на самом деле полны непокорности и личных раздоров. Тщетно Улисс в своей знаменитой речи о “порядке” (I, 3) призывает греков к единству, согласованности действий, дисциплине, ссылаясь на стройность и соразмерность всего сущего, на гармонию в деятельности природных сил, — среди греческих вождей господствуют личные интересы, бушуют раздоры и распри.

Несколько иную картину видим мы в Трое. Здесь больше дисциплины и единства. Но все же у троянцев нет полного убеждения в правоте своего дела, за которое они борются. Стоит им выдать грекам Елену — и кровопролитной, губительной войне конец. Но нет! Однажды Троя приняла в свои стены беглянку, как бы одоблив поступок Париса. Какое же основание имеет она ныне отказывать ей в приюте? Нет нужды, что для Гектора Елена — лишь “греческая блудница”. Ведь достоинства вещей, аргументирует тот же Гектор (II, 2), определяются не ими самими, а нашим мнением о них. И все троянские вожди с ним согласны. И вот, по горькой иронии

судьбы, честнейший и прямодушнейший из троянских героев, Гектор, оказывается оплотом сопротивления требованию греков вернуть Елену... “Честь” решает.

На фоне этой борьбы за распутную гречанку разворачивается история трагической любви юного, благородного троянского царевича Троила к другой гречанке, оказавшейся заложницей в Трое, — Крессиде. Можно не до конца верить словам Пандара, что “не будь волосы ее потемнее, чем у Елены, нельзя бы и решить, которая из них лучше” (I, 1), но несомненно, что в судьбе обеих есть некое соответствие и перекличка. Нельзя не признать однобоким и грубым отзыв о Крессиде Улисса, видящего в ней просто блудницу (IV, 5). Крессида пленительна тем, что воплощает в себе чистую женственность со всеми ее положительными и отрицательными проявлениями. Она нежна, ласкова, почтительна. Нельзя ей отказать ни в непосредственности, ни в бескорыстии, единственно, в чем ее можно обвинить, — это в чрезмерной податливости и впечатлительности. Ей недостает контроля над своими чувствами.

Партнер Крескиды — юный, благородный и мечтательный царевич Троил — многими чертами напоминает Ромео. Он был бы, вероятно, еще более Ромео, если бы Крессида была Джульеттой. Есть даже известные соответствия в обстановке, в которой протекает начало их любви. Ритуал, совершаемый Пандаром (III, 2), — пародия на обряд любви Ромео и Джульетты, как и их “альба” — пародия на разлуку веронских любовников.

Но вскоре линии судьбы Троила и Ромео расходятся. Троил начинает ревновать, и в характере его чувства сказывается материальная природа его страсти. Когда он ревнует, в нем восстает не оскорбленное нравственное чувство (как у Отелло), а бесится обыкновенная мужская ревность. Но так

же, как у Ромео, страдание возвышает его мысли, и отсюда — его прекрасное надгробное слово Гектору (V, 10).

Из других персонажей нет надобности останавливаться на характеристике тупого и чванного Аякса, окаменелого в своей важности Агамемнона, болтливового и смешноватого Нестора, грубовато-рыцарственного Диомеда, наглого драчуна Ахилла или совсем бесцветных “псевдоантагонистов” — Менелая и Париса.

Наиболее значителен Улисс — воплощение мудрости, но лишь мудрости обыденной жизни, здравого смысла, неспособного возвыситься над своим ограниченным уровнем. О последнем говорит не только его плоское суждение о Крессиде, но и совершенная неспособность к поэтическому полету мысли. Этой последней чертой он противостоит в пьесе Троилу, носителю крылатой человеческой мысли.

Женских образов в пьесе, помимо Елены и Крескиды, почти нет. Есть два более или менее положительных образа среди троянок — Кассандра и Андромаха. Но, увы, одна из них без ума, а другая безнадежно ограничена в своей семейной стихии.

Оба лагеря имеют своих сатириков и разоблачителей: греки — Терсита, троянцы — Пандара. Это очень значительные, едва ли не ведущие фигуры в пьесе. Терсит изображен уже в “Илиаде”. Но здесь он значительно шире по размаху действия. В “Илиаде” он издевается лишь над греческими вождями, осыпая их грязной бранью; у Шекспира он высмеивает решительно все на свете, не зная предела и удержу своему сквернословию. Но замечательная вещь — многие из его издевательств находят у нас понимание и сочувствие. Есть доля истины в его насмешках над отношениями между Патроклом и Ахиллом, над дутой важностью Агамемнона, над

твердокаменной тупостью Аякса. Мерзко в нем лишь то, что он обобщает свои оскорбления, поливая все грязью. Отбросы и нечистоты — вот стихия, в которой он живет и черпает свой жизненный тонус. Иного рода циник, более тонкий и опасный, — Пандар. Если Терсит универсален и принадлежит всем временам, то в Пандаре — своднике и посреднике в темных любовных делишках — мы находим фигуру достаточно типичную для эпохи Возрождения, представителя больных и извращенных сторон ее. Тут вспоминается Панург Рабле и герои плутовских испанских романов; да и в самой Англии и ее литературе можно найти немало ярких образов угодливых посредников, перепродавцов порока. Это придает образу Пандара огромную ударную силу, а его горький, мерзкий эпилог — мерка желчности пьесы.

Как истинный троянец, рыцарь и аристократ, он не лишен своеобразного изящества и остроумия, и это делает его образ особенно одиозным и поистине угрожающим.

Одной из характерных особенностей пьесы являются мысли, лишь отчасти облаченные в характеры и нередко оторванные от действия и выраженные монологически. Самым выдающимся примером этого может служить речь Улисса о “ступенях” и повиновении (I, 3). Если она еще может быть связана как-то с характером Улисса, то совершенно отделена от него и целиком абстрактна другая его речь — о Времени, Забвении, Зависти и т.д. (III, 3).

Очень характерен также монолог Гектора о “предмете” и “мнении” (II, 2), имеющий мало отношения к характеру Гектора.

Пьеса содержит несколько мест, полных высокой поэзии: таково хотя бы появление Кассандры (II, 2) или упомянутое надгробное слово Троила над трупом Гектора (V, 10).

Их уже достаточно для того, чтобы снять с пьесы обвинение в пародировании античности, которое Шлегель считал “свято-татственным”. Но несомненен антиромантический уклон пьесы, направленный целиком против двух былых кумиров человечества: войны и эроса.

Шекспир опрокидывает в этой пьесе одновременно и наивный оптимизм Чосера и средневеково-рыцарское осмысление легенды о Трое. Война — бойня, эрос — все растлевающая похоть — таков аспект, который Шекспир придает этим двум силам мира.

“Троил и Крессида”, по существу, очень близка к двум пьесам Шекспира: “Конец — делу венец” и “Мера за меру”, которые вместе с данной комедией некоторые английские критики любят причислять к “циническим” комедиям Шекспира. В сближении их между собой они безусловно правы. Но они неправы в заглавии, которое дают этому жанру. Как “цинизм” Пароля и Луцио (в “Мере за меру”) можно счесть точкой зрения самого Шекспира, столь же мало он отвечает и за цинизм Терсита и Пандара, изображая их полемически. Но он показывает всю меру опасности, заключенную в них, для подлинной человечности, так же как в одновременно написанных своих великих трагедиях он показывает, но уже в чисто трагедийном плане, всю меру опасности, таящейся в бытии.

А. Смирнов

Примечания к тексту “Троила и Крессиды”

К с. 368. *Дардания* — страна дарданцев, то есть троянцев.

К с. 378. *Бриарей* (греч. миф.) — сторукий великан.

Аргус (греч. миф.) — стоглазый великан.

К с. 383. ...любители тухлых яиц, которые едят невылупившихся цыплят. — Намек на молодость Троила.

К с. 384. ...раздвоенный, рогатенький... — У Приама было пятьдесят сыновей. Троил говорит, что у него на подбородке пятьдесят один волосок, а если Елена насчитала их пятьдесят два, то потому, что один из них двойной, — намек на то, что Парис “рогат” ввиду двоемужия Елены.

К с. 409. ...полезно это будет мирмидонцу... — Ахилл был царем фессалийского племени мирмидонцев.

К с. 410. Задави тебя наша греческая чума! — Согласно Гомеру, в греческом лагере в это время свирепствовала чума.

К с. 411. Цербер — пес, стерегущий вход в него.

Прозерпина (греч. миф.) — супруга Плутона, царя подземного мира.

К с. 413. ...как берберийского раба. — Берберия — северо-западная Африка.

К с. 420. ...взамен сестры Приама престарелой, которую в плену держали греки... — Согласно сказанию, Парис поехал в Грецию требовать возвращения своей тетки, сестры Приама, которую отец ее отдал в жены Теламону, отцу Аякса. Греки отказались выдать ее. После этого Парис похитил Елену.

К с. 423. Как головня, сожжет ее Парис! — по преданию, царица Гекуба перед рождением Париса видела во сне, будто родила пылающую головню.

К с. 426. ...как те юнцы, которых Аристотель считает неспособными постичь моральной философии значение. — Согласно преданию, Гектор жил за несколько веков до Аристотеля. У Аристотеля говорится только то, что юноши неспособны к политике. По-видимому, выраженная здесь мысль заимствована у Бэкона.

К с. 429. *Кадуцей* — жезл Меркурия, изогнутый наподобие змеи.

К с. 430. ...*болезнь, которая именуется из скромности неаполитанской*, — сифилис.

К с. 434. *Ноги ему служат, но сгибаться не могут!*— Существовало ошибочное мнение, что у слона не сгибаются ноги.

К с. 438. ...*и угли подбавлять в созвездье Рака...*— Созвездье Рака, через которое солнце проходит летом, считалось очень жарким.

Гиперион — у греков другое имя для обозначения бога Феба — Аполлона; в переносном смысле — солнце.

К с. 442. *Милон, быка таскавший...*— Имеется в виду Милон Критский (VI в. до н.э.), знаменитый греческий атлет, который однажды поднял на плечи четырехгодовалого быка, четыре раза обошел с ним все ристалище и затем съел всего этого быка в течение одного дня.

К с. 447. *Нелли* (англ.) — уменьшительное от имени Елена.

...*он умеет петь на все лады и ловок все улаживать.*— Насмешка над сводническими наклонностями Пандара.

К с. 448. ...*с этой совратительницей Крессидой.*— Некоторые текстологи читают в этом месте “dispouser” (разлучница), полагая, что Крессида разлучает Троила с его семьей, собирающейся вместе за ужином. Добавим, что во всем этом диалоге распределение речей между действующими лицами и некоторые намеки в их репликах являются предметом споров между комментаторами.

К с. 453. *Стикс* (греч. миф.) — река, обтекающая подземное царство.

Харон, согласно греческой мифологии, — лодочник, пе-

ревозящий через реку Ахерон души умерших в подземное царство.

К с. 456. *В свите Купидона нет и не бывает чудовищ!*— Речь идет о торжественных представлениях и шествиях в честь божеств любви с аллегорическими фигурами и сценами.

К с. 470. *...великий сын Фетиды!*— Ахилл был сыном Фетиды, богини моря (греч. миф.).

К с. 475. *...богов подвигли на соревнованье...*— Согласно Гомеру, во время походов греков на Трою боги разделились на два лагеря: одни приняли сторону греков, другие, в том числе бог войны Арес (Марс), — троянцев.

...что в дочь Приама ты влюблен.— Ахилл был влюблен в дочь Приама Поликсену, которая на сцене не выводится.

К с. 476. *Пирр* — сын Ахилла, более известный под именем Неоптолема.

К с. 480. *...разве что скрипач Аполлон...*— Аполлон был большим мастером игры на кифаре (старинный струнный инструмент).

К с. 483. *Клянусь Анхизом и рукой Венеры...*— Эней клянется своими родителями: Венера — его мать, Анхиз, знатный троянец, — его отец.

К с. 501. *Возьми рукав...*— В рыцарском быту, черты которого Шекспир в этой пьесе переносит в античность, наряду с перчатками и лентами залогом любви нередко служили отстегивающиеся рукава.

К с. 502. *Ла-вольт* — французский танец, модный во времена Шекспира.

К с. 507. *Аквилон* (греч.) — северный ветер.

К с. 519. *Ведь даже сам Неоптолем...*— Так Гектор называет Ахилла. Это неточность Шекспира: Неоптолем —

имя сына Ахилла (иначе называемого Пирром), но драматург принял его за фамильное имя, принадлежащее также и Ахиллу.

К с. 522. ...как пламенный Персей, коня пришпорив фригийского... — Мифический герой Персей летал на крылатом коне Пегасе.

Твой дед со мной сражался. — Дед Гектора — троянский царь Лаомедон, против которого Нестор некогда воевал вместе с Гераклом.

К с. 531. Невзгода — одна из аллегорических фигур средневекового театра.

К с. 532. А вот его братец — забавная разновидность Юпитера: подлинный бык на цепочке. — Юпитер превратился в быка, чтобы похитить дочь финикийского царя Европу, в которую он влюбился. Менелай — бык в двойном смысле слова: по грубости своей натуры и как носитель рогов (обманутый муж).

К с. 545. Клянусь тебе Дианы светлой свитой... — Светлая свита богини луны Дианы — звезды.

К с. 550. Арахнея, или Арахна, (греч. миф.) — искусная пряжа, которая вызвала на состязание богиню Афину и за дерзость была ею превращена в паука.

К с. 555. ...за тобой один порок я знаю, присущий больше льву, чем человеку. — У Плиния рассказывается, что лев не трогает животных, которые смиренно склоняются перед ним.

К с. 564. Стрелец — чудовище, подобное кентавру, сражавшееся будто бы на стороне троянцев.

К с. 572. Все на него! Вот тот, кого ищу я! — Ни в одном из источников не рассказывается о том, что Гектор был столь вероломно убит по приказу Ахилла. У Лидгета сходным образом описывается смерть Троила.

К с. 576. *Ниобея* — жена фиванского царя Амфиона, мать четырнадцати детей, гордившаяся ими перед Латоной, возлюбленной Зевса (Юпитера), имевшей от него только двух детей — Аполлона и Артемиду (Диану). За это Аполлон и Артемида наказали ее, перебив всех ее детей стрелами, после чего сама Ниобея от слез превратилась в соляной столб.

СОДЕРЖАНИЕ

Конец — делу венец.

Перевод Мих. Донского 5

Мера за меру.

Перевод Т.Щепкиной-Куперник 181

Троил и Крессида.

Перевод Т.Гнедич 363

Примечания и комментарии 579

Вильям Шекспир

Полное собрание сочинений
в 14 томах

Т о м 9

Редактор *А.Любимов*
Технический редактор *А.Дудецкий*
Художественный редактор *И.Сайко*
Корректоры *И.Левтонова, Е.Шишкова*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.

Подписано в печать 05.08.94. Формат 70x108 1/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 27,3. Уч.-изд. л. 20,1. Тираж 20 000 экз.
Заказ 596

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате Комитета Российской Федерации по печати. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

